

Виктор Острецов

МАСОНСТВО,
КУЛЬТУРА
И
РУССКАЯ ИСТОРИЯ
(историко-критические очерки)

МОСКВА
1998

Острецов В. М.

Масонство, культура и русская история. Историко-критические очерки. — М.: Издательское общество ООО «Штрихтон», 1998. — 696 с., ил.

ISBN 5-7872-0079-9

Книга посвящена теме влияния масонства (ордена вольных каменщиков) на формирование современной культуры и историческую судьбу русского народа. В ряде очерков автор рассматривает эту тему в самых различных аспектах: затрагивается вопрос воздействия идеологии масонства, его доктрины на те или иные научные и философские теории, на формирование различных литературных школ XVIII — XIX веков.

Масонство представлено автором в первую очередь как организация, имеющая свою идеологию культурного и политического строительства человеческого общества. Книга показывает тесную взаимосвязь оккультно-теософских доктрин и социальных процессов. Масонство и его проявления в общественной и культурной жизни русского общества на протяжении двух с половиной веков рассматриваются автором с духовно-религиозной точки зрения, с позиций признания как высшей ценности — Православия. Все эти темы представлены на широком историческом фоне, с использованием обширного круга литературных, исторических, мемуарных источников с привлечением архивных материалов, многие из которых публикуются впервые.

В книге много иллюстраций, способствующих раскрытию рассматриваемых автором вопросов.

ISBN 5-7872-0079-9

© В. Острецов, 1998 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора. ПАМЯТЬ МОЕГО СЕРДЦА	3
ПРЕДИСЛОВИЕ	10
ВСТУПЛЕНИЕ «МОНИЗМ» И ДЕМОКРАТИЯ	12
Часть первая	
РОССИЯ НА ПЕРЕПУТЬЕ	16
Глава первая. НАЦИОНАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ И МАРТИНИЗМ	16
Глава вторая. ОБРАЗОВАНИЕ И МОРАЛЬ	26
Глава третья. ОБРАЗЫ СВЯТОЙ РУСИ И ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ	34
Глава четвертая. СРЕДОТОЧИЕ ВСЯКОГО ЕДИНСТВА	44
Глава пятая. ЦАРСТВО СПРАВЕДЛИВОСТИ НА ЗЕМЛЕ	59
ДВЕ ЦЕРКВИ И КРИЗИС ВЛАСТИ	70
РУССКАЯ ПРАВДА И ЕРЕСЬ УТОПИЗМА	79

От автора

ПАМЯТЬ МОЕГО СЕРДЦА

Одни любят собирать марки, другие — исторические факты, кто-то любит искать грибы, а кто-то страстно ищет новые идеи, способные объяснить эти факты и связать их в одно целое. У каждого свой интерес. И сам по себе этот интерес совершенно бескорыстен. Смущенная каким-то вопросом мысль просто не может молчать и хочет знать зачастую то, над чем она не властна, пытается найти то, чего она не теряла, стремится прочесть то, чего не изучила и проникнуть туда, где не была. Это внутреннее состояние мысли, властно требующей ответа на бередящий вопрос, знакомо многим. В этих поисках новых идей, которые возникают зачастую после нахождения каких-то новых фактов, есть что-то детективное. По существу, это один и тот же процесс отыскивания, обнаружения причин, которые привели к каким-то известным событиям.

Что касается истории, нет ничего более увлекательного. В ней соединилось все: и множество фактов, и множество загадок, и удивительные судьбы людей. Да, история — вещь замечательная. Но в нашей истории, то есть в истории нашей страны, написанной советскими историками, постоянно ощущалась мною, который любил ее с детства, какая-то недоговоренность, какая-то жуткая ложь. Сквозь шаблонные фразы о «мелкобуржуазном» и «феодално-сословном» угадывалось страстное желание что-то скрыть, о чем-то умолчать. И меня, еще подростка, уже это ощущение раздражало: раз скрывают, значит, есть, что скрывать. К тому же семейные предания и воспоминания старших совершенно не вязались с тем, что сообщали историки, когда речь шла о дореволюционной жизни, то есть жизни, живые свидетели которой еще были живы.

В истории все было для меня интересно, и все раздражало, потому что из этой истории понять, отчего и что случилось, что с нами произошло, было просто невозможно. Историки словно задались желанием нас, простых и сирых, дурачить. И надо признать, это чувство не покидало меня долгие годы. Не покидает и сейчас. Каким образом, думалось мне, можно забыть о том, что десятки поколений людей, создававших это государство, верили во Христа, и эта вера заставляла их воздвигать монастыри и возводить соборы, украшать их,

отрывая от своих материальных потребностей последнюю копейку. И все это, созданное тяжким трудом, затем назвать «поповщиной» и целые тома посвящать «борьбе русского народа с церковью»... И при этом жить в доме, построенном благодаря существованию не марксизма и ленинизма, а именно этой «поповщине».

Мои молодые годы пришлось на время бесконечных разоблачений: то разоблачали «культ личности», то какую-нибудь «антипартийную группу», то разоблачали вчерашних разоблачителей. Страна бурлила. Сыпались в печати какие-то факты, и много, которые при логическом образе мысли должны были бы опрокинуть режим. Но режим стоял крепко, и казалось, не столько сам себя дискредитировал, сколько издевался над нами и дискредитировал нас самих. Когда в наши дни слышишь от какого-нибудь коммуниста или просто «советского» сакраментальное: «мы тогда верили», — то только улыбаешься. Смею сказать, никто и ни во что не верил, но психологически приспособлялся. Важно было одно: казаться «своим».

Режим ведь не скрывал свою ложь. И оттого все население страны проходило обряд самоосквернения. Отсюда и такое море разлитое всевозможных анекдотов в те времена, от этой великой «веры». Второе, что было видно всем: «там» живут лучше, «там» чище и сытнее. И это ощущение на фоне пустых прилавков, и необходимость публично демонстрировать свою лояльность режиму, повторяя заведомо идиотские лозунги и цитаты из партийных постановлений, — особенно развращало людей той поры. А где-то рядом чувствовалось наличие другой России. Но дойти до нее было сложно, чисто технически сложно. Были рядом крупные библиотеки, которыми я как студент (с 1959 г.) мог пользоваться, но где и что искать, в какие картотеки смотреть?.. Признаюсь: и безо всяких теорий, чисто эмоционально, советская действительность мне не нравилась. Не нравились нищие крестьянские избы, непролазная грязь, возмущали заброшенные и загаженные церкви.

Поскольку я был активным антисоветчиком и далеко не всегда выдержан на язык, то дома с отцом, убежденным коммунистом, как это вообще в истории «отцов и детей» водится, происходили регулярные «объяснения». И именно эти самые «объяснения» заставили меня пойти не на исторический факультет, а в медицинский институт. Та мысль, что при моих убеждениях мне не удастся закончить даже первый курс, была для меня совершенно очевидной. И потом, эта гнусность — повторять идиотские цитаты из «классиков» и необходимость лгать на собственную историю, следуя указаниям «партии и правительства», — эта перспектива казалась мне хуже любой каторги. И я пошел «на медицину», о чем насколько не жалею. Тем более, что перед глазами у меня был пример более своеобразной внутренней жизни, в отличие от отца, Митрофана Федоровича, уроженца воронежских земель, старого партийца, вынужденного читать передовицы газет, чтобы не впасть в «уклон». Это моя собственная мать,

Ольга Александровна, уроженка Севастополя. Она была детским врачом, и ее жизнерадостность, доброта, уважение к ней соседей и даже совсем незнакомых мне людей, — все это как-то выгодно отличало и ее специальность. По крайней мере, говорил отец, врачом ты всегда заработаешь на кусок хлеба, а твоими взглядами, если о них не будешь громко кричать, никто не станет интересоваться. Скорее всего, впрочем, эти слова говорил не отец, а я сам себе.

Среди всех разговоров, которые велись у нас в семье и, вероятно, как-то отражались и на моих взглядах, вспоминается один эпизод. Тогда я еще учился в старших классах средней школы. Вероятно, это был 1958 год. Надо ли говорить, что вся историческая и публицистическая литература, что была у нас дома, не миновала моего интереса. И надо ли говорить, что литература эта была в духе своего времени. Это были сочинения Сталина. История КПСС, была, правда, и «История» Соловьева. Но самое пристальное мое внимание привлек двухтомник Ф. Энгельса «Военные произведения». Какие только мысли не пробуждали строки «классика». Первое, что обнаруживалось, так это отсутствие у «классика» классового подхода. В большинстве случаев Энгельс говорил совершенно «ненаучным» языком. Как простой обыватель, на глазок оценивающий события. И это меня как-то по-хорошему взбодрило. В СССР за такие сочинения, изгоняли из партии. Во-вторых, главными категориями в этих его произведениях были категории национальности. Я выяснил для себя, что Энгельс, например, был самого невысокого мнения о русских, но о царизме отзывался одобрительно, сравнивая его с австро-венгерским Двором не в пользу последнего. Не имея под рукой этот двухтомник, передаю свои впечатления тех лет. Энгельс превозносил гений Наполеона. Кто только не носился с этим гением! В пик, что называется, окружающей обстановке, и я приобрел портрет этого романтического героя «пушкинской эпохи», а в классе стал громко цитировать Энгельса. Между тем, как раз в коммунистической идеологии тех лет места Наполеону не было. Отец морщился и говорил, что, во-первых, Наполеон был завоевателем и потому его портрету не место у нас в доме. Во-вторых же, что я неправильно понял Энгельса.

Но если справляться с культом Наполеона было относительно несложно, то справляться с другими уклонами товарища Энгельса было сложнее. Например, с его оценкой царизма. Энгельс писал, что русские еще слишком варвары, и мало интересуются образованием. И поэтому, если кто-нибудь из простонародья проявит к этому какие-то способности, то русский царизм вытаскивает такую персону из толпы, одевает-обушает, учит, дает чины и потом вертит перед всей Европой, чтобы доказать, что и в России образование прививается народу. И как пример следовал Ломоносов.

Однажды, когда у нас гостил мой дядя, как и отец, военный, живший на Украине, я стал им задавать, как обычно, каверзные вопросы, а затем с наивным видом просил объяснить мне то-то и то-то. И я стал читать из Энгельса: мнение

его о русских, поляках и славянах в целом. Причем, меня самого поразило одно место у Энгельса, где он пишет о том, что не пройдет и сорока лет, как немцы вторгнутся в Россию и отомстят за унижения, претерпеваемые ими от русской политики. Далее шло о необходимости растоптать немецким сапогом «нежные цветы славянской независимости». Энгельс чеканным слогом немецкого милитариста в одной из своих поздних статей отвергал все глупые басни о «дружбе народов» и утверждал, что будущее Германии и Европы должно решиться не на страницах журналов и газет, а на полях кровавых сражений немцев со славянами.

И чем больше я читал, тем задумчивее становились мои слушатели. Когда я кончил, они долго молчали. Оба. А ведь надо понять, какая гамма чувств могла их одолевать. Энгельс!.. Сам, можно сказать, верховный бог! Если бы у нас в госучреждениях не висели портреты всех «классиков», то многие в нашей стране вообще считали бы, что Маркс и Энгельс — одно лицо; вроде как одно — имя, а другое — фамилия. Замечу, шли 50-е годы. И тогда оба военных, дядя и отец, как-то в один голос тихо спросили меня: «А не кажется ли тебе, Виктор, что в данном случае Энгельс — просто шовинист? — Русофоб?». «Да, немецкий шовинист». Надо признать, что это был один из тех случаев, когда я вполне оценил смелость и откровенность собеседников.

В 60-е годы учащаяся молодежь кипела и бурлила. Все делилось на группы и группки. Наш курс в институте не был исключением. С одной стороны — молодые карьеристы, скалозубы, бегающие с доносами в деканат и в партком. С другой — мы, неоперившаяся молодежь, смотревшая на запад, как на земной рай. Надо ли говорить, что тон всему в этой среде задавали евреи, которых у нас на «потоке» было большинство абсолютное. По крайней мере, в нашей группе, совершенно типичной в этом отношении, евреев было из 12 человек семь, а из русских две девушки были замужем за евреями. В то время мы бегали смотреть импрессионистов, слушали «голоса» и рассказывали анекдоты о тупости советских чиновников. Надо признать, что и скалозубы не давали повод восторгаться своими моральными и идейными качествами. Здесь царил цинизм и карьеризм нескрываемый. Никто ни во что не верил.

Впрочем, и в нашей среде, диссидентско-студенческой, принципами не пахло. Мой однокашник С., еврей, с которым я затем работал и на Севере, после анекдотов и возмущений по поводу советской тупости, мог тут же переключиться на рассуждения о том, как бы ему попасть в комитет комсомола, чтобы получить теплое местечко по окончании института. Еврейская среда достаточно своеобразна в этом отношении. Уживаются вещи, «в одном флаконе» не совместимые, и безо всякого внутреннего конфликта. Вещи, которые в русском ужиться рядом никак не могли бы, не вызвав душевной драмы.

Одновременно я ходил в Историческую библиотеку и «ленинку». Однажды, уже на пятом курсе, я познакомился в «историчке» со странным «черным» человеком. Он был похож на цыгана, с черной, как смоль, бородой. Живой как ртуть, постоянно возбужденный, он сыпал какими-то фактами, как горохом. Его собеседники в курилке библиотеки, будущие историки, делали слабые попытки возражать. Он же нес самую откровенную антисоветчину и говорил о жидах и масонах. Осмыслить, что он говорил, я не мог. Я просто ничего не знал из того, о чем он говорил. Мой ум плавал в каких-то расплывчатых идеях, не опираясь ни на какие точно подобранные и систематизированные факты. В то время я не мог бы, вероятно, сказать, кто такие были кадеты или октябристы. И у меня не было никакого представления о февральской революции или о масонах. Я знал, что где-то и что-то «такое» было. Вот и все. В лице же моего нового знакомого, Александра Филипповича, я увидел просто представителя другой цивилизации, внеземной. И от этого инопланетянина я впервые услышал слово «монархист», сказанное им о самом себе. Меня это не шокировало, потому что я просто не знал, что это такое — в наше время быть монархистом. Мои однокашники, по преимуществу евреи, просто мечтали о сытой и богатой жизни. О возможности посидеть в кафе, вырулить на «бродвей» на своей машине и иметь возможность открыть свое дело. Вот, пожалуй, и все их идеалы. Те из них, кто мог осуществить их при «советах», с радостью это делали. Все их недовольство сводилось к разговору о деньгах, барахле и антисемитизме. Доказательства наличия последнего они видели в том, что кого-то из близких или знакомых не взяли в какой-то институт, обычно мифический, или не дали визу, и «он теперь страдает от этой ихней тупости». Но поскольку не брали на работу как раз русских, если начальство было сплошь еврейским, то поверить в этот антисемитизм было трудно. Это была, впрочем, единственная тема, которая разделяла меня и моих однокашников-евреев. Что касается эмоционального неприятия советского режима, то здесь моя душа открывалась в разговоре с ними. Тем более, что и народ этот был живой, подвижный, сообразительный, и в житейской отношении с ними в то время было легко. Они «все понимали».

На этом фоне совершенной беспринципности и, в сущности, невежества, Александр Филиппович выглядел действительно пришельцем из других эпох. У него и манера держаться была какая-то старорежимная. Но самое удивительное, что и тогда дойти до интереса к монархизму я так и не смог. Надо заметить, что постепенно у нас в «историчке» сложился некий кружок молодежи. Нас интересовала именно русская история и русская судьба. Мы хотели понять, отчего все сложилось так, а не иначе. Откуда взялись большевики, что было бы, если б в 17-м году не произошло революции. Тут же и еврейский вопрос, и роль этого «вопроса» в событиях тех лет. Шел 1965 год. Не раз и не два Александр Филиппович, «борода», объяснял нам и втолковывал, кто такие были кадеты и кто такие масоны, и называл большевиков бесами и жидохвостами. В первое

время мы вежливо улыбались: слишком резко и не научно. О Ленине он мог рассказывать часами. О plombированных вагонах, о связях с германским генштабом и проч., и проч.

Однажды осенью я пришел в библиотеку и взял журнал «Русская мысль» за какой-то предреволюционный год. В то время этот кадетский орган печати мне казался «самым-самым». По крайней мере, в нем не было цитат из Ленина и Маркса. И был хороший русский язык, на котором в наше время уже никто не пишет научных сочинений, даже исторических. И вдруг мой взор попал на название очерка в двух номерах: «Ошибки и преступления большевиков в революции 1905 года». Это был один из тех моментов, которые не забываются никогда. В то время я еще не знал, что совсем скоро мне воочию придется увидеть и ошибки эти и преступления. Увидеть и тех, кто их совершал, и тех, кто от них пострадал. Очерк этот содержал исключительно одни факты, одни признания участников тех событий, почти современных для очерка. И эти факты и имена, и высказывания Ленина и его соратников, и отзывы зарубежной прессы, и самих революционеров, — все это слилось в моем сознании в один поток. Я не мог оторваться. Голова у меня в конце концов стала какой-то ватной. Я сидел в царстве большевизма и читал то, за что полагался бы тюремный срок. Но не это меня волновало. Было жуткое, осязаемое чувство лжи; вроде как перед декорацией с ненастоящими горами, лесами и дворцами вас уверяют, что все это — «всамделишное». Именно с таким ощущением я вышел на улицу. И мне показалось, что и улица-то какая-то нарисованная, ненастоящая. И стены домов картонные, а прохожие — просто тени умерших. Это ощущение всеобщей лжи трудно передать словами. Но оно было всеохватывающим: все вокруг — дома, улицы, люди, слова — не настоящие.

Правда о 1905 годе, о сотрудничестве большевиков с охранкой, уже в то время не бывшее никаким секретом для их революционных соратников, близкие отношения с Германией, провокации и умышленное стравливание народа с войсками, чтобы вызвать кровопролитие, циничные заявления лидеров большевизма и сотни других фактов, обрушились на мою голову, совершенно не готовую все это воспринять. Важно было, что весь этот материал был горячим, в сущности — репортажем с места событий.

Шли 60-е годы, голодные и тревожные. Но в целом это было прекрасное время. Потому прекрасное, что была молодость и были надежды. И, главное, были такие же молодые люди, сверстники, тоже возбужденные общими политическими вопросами, неизбежно соприкасающимися с интересом к истории. Разговоры, споры, свидания с девушками, находки в библиотеке, вроде названной... Александр Филиппович жил в Измайлове, напротив леса, а я жил на другой стороне того же леса, на шоссе Энтузиастов. Мы часто шли через лес от Семеновского метро. В лесу же, на Пасеке, жил мой хороший товарищ, потом крестник, Ю.В. 0-ко. В конце концов, общим местом встречи и стала эта

Пасека, дом гостеприимного моего товарища. Ю.В. был рабочим завода, книгоцеем и книголюбом. На этом интересе мы и сошлись в свое время. Кроме того, когда-то мы ухаживали за одной девушкой, жившей в то время тоже на Пасеке.

Другая сюжетная линия, разворачивавшаяся одновременно с этой, касалась моего однокурсника татарина Ш-ва. Это была очень колоритная фигура. Человек прямолинейный, цельный, он был, увы, членом партии. «Увы» для него самого. Мы близко познакомились с ним уже на пятом курсе, на военных сборах. Он знал массу фактов из истории большевизма, прогрыз до дыр «классиков», сравнил все это со своей тяжелой жизнью в подвале на гроши, в голоде и холоде, и... возмутился.

В отличии от моих еврейских друзей, ругавших большевиков и их «антисемитизм», но при этом соблюдавших благоразумие, Ш. решил довести дело до конца. Как только мы вернулись с военных сборов, он написал заявление о выходе из партии. И отнес это заявление в партком.

Сначала с ним тихо беседовали. Тихо, чтобы замять дело, и не сделать его предметом огласки. Его уговаривали подождать по крайней мере до окончания института. Ш. заявил, что не желает пребывать в этой карьеристской организации, затравившей народ и погрузившей страну в море лжи, ни на одну секунду. Весь наш курс наблюдал за событиями, затаив дыхание. Последний эпизод этой истории был самым драматичным. Когда в парткоме поняли, что замять дела не удастся, то решили поставить на заседании парткома вопрос об исключении Ш. из института. А ведь дело происходило за несколько месяцев до его окончания. До получения диплома оставались считанные недели. На парткоме нашего, 1-го Медицинского, первым выступал громогласный Владимир Исакович М., заведующий кафедрой Истории КПСС. Двухметрового роста, он гремел, как иерихонская труба. Он требовал исключения недостойного и из партии, и из института. Когда он говорил, камни рыдали от его красноречия.

После всех прочих речей в том же духе слово дали Ш-ву. Его речь не отличалась, конечно, риторическими красотами. И она была короткой. Для того, чтобы понять ее смысл, надо знать, что десятки преподавателей в нашем институте шли по «делу врачей» (1953 г.). Многие стали инвалидами в застенках Лубянки. У академика В.Х. Василенко был перебит нос, у проф. Виноградова отбили селезенку... И многие из них теперь находились в этом зале. И Ш. сказал примерно так: вот только что вы прослушали выступление Владимира Исаковича М. Вы слышали его требования расправиться со мной. А теперь вспомните, как этот же человек совсем недавно, в сущности, выступал здесь же, и требовал расправы над вами, «врагами народа». Это ведь он писал на вас донос, и громко кричал о необходимости очищения рядов от «сорняка».

Это ведь все те же слова и тот же человек.

Наступила гробовая тишина. И, как рассказывали очевидцы, все молча поднялись и молча вышли. Больше не было сказано ни одного слова.

Что касается дальнейшей судьбы Ш., то она сложилась, насколько мне известно, благополучно. Он выбыл из рядов КПСС, окончил институт и стал психиатром.

Что касается Александра Филипповича и нашей «исторической» группы, то здесь события шли к трагическому для многих концу. Весной 1966 года я заканчивал институт, впереди «светило» госраспределение, и куда зашлют, в какие веси — было решительно неизвестно. Всем, понятно, хотелось остаться в Москве или попасть на Север, что давало право на бронь и гарантировало возвращение в Москву. Поэтому я как-то отошел от кружка в это время. Надо сказать, что при всех собраниях в курилках библиотек, исторички ли, или «ленинки», обязательно присутствовали сексоты. Обычно это были студенты юрфака МГУ. Их знали, и в разговоре между собой этот факт учитывался. По правде сказать, распознать такого стукача не было никаких проблем. Пока все шло на уровне разговоров, не было проблем с Лубянкой. Разговоры учитывались, но за них не преследовали. Но вот весной того же 1966 года Александр Филиппович предложил создать организацию. Собрались на Пасеке у Ю.В. всего где-то около 30 человек. Не было всего-навсего четырех-пяти. За отсутствием телефонов предупреждать друг друга было сложно. Я же к тому времени был, как сказал, занят выпускными экзаменами и находился в крайне расстроенных чувствах. Меня распределили на работу в Тюменскую область. На этом роковом собрании не был, так как долго не бывал и в «историчке». И это меня спасло.

В конце мая — начале июня узнаю, что все, кто был на собрании, арестованы. Я встретил Александра Филипповича года через два после своего возвращения с Севера, где пробыл три года безвыездно, как молодой специалист, врач, отрабатывая свой трехгодичный срок. Он же как раз вышел из психбольницы и шел устраиваться на работу. Дворником. Забыл сказать, что до этих событий он работал переводчиком с итальянского на телевидении.

Надо признать, что он был все такой же неунывающий и неугомонный, как и прежде. Его арестовали в ту весну 1966 года на 5-й Парковой, когда его знакомый, оказавшийся стукачом, возвращал ему взятые книги, в том числе и работу В. Чернова «Марксизм и славянский вопрос». Его отправили в психбольницу в Ленинград, где он и провел большую часть срока, пока «не понял, что евреи не виноваты в преступлениях большевизма» и то, что «евреи вовсе не монополизировали все области культуры в нашей стране». В конце пятого года заключения он все это «понял» и был отпущен на свободу, имея на руках какую-то серую карточку с фотографией, удостоверяющей, что он где-то

все это время «лечился».

С мая же месяца до самого отъезда в Тюмень за мной болтался «хвост». Иногда он ждал меня у подъезда, в крошечной тьме делая вид, что читает газету.

Я же осенью 1966 года прибыл на берег Оби. Здесь советскую историю я увидел, минуя все книжки и комментарии. Таежный поселок Октябрьский (б. Кондинский) среди своих пяти тысяч жителей имел в себе: русских крестьян из Тамбовской области, Воронежской, Архангельской и, конечно, с южных районов Тюменской области и из-под Тобольска. Это были остатки оставшихся в живых «раскулаченных» русских мужиков, кого под конвоем сгоняли на пустынные берега северной Оби. Одна часть поселка называлась «половинкой» и там жили сектанты, согнанные из Тамбовской губернии. Надо признать, это были самые хозяйственные мужики, сохранившие свой патриархальный уклад. Они не вели со мной религиозных разговоров, но общаться с ними было легко и приятно. Грамотные и подтянутые, совершенно не скрывающие своей неприязни к бесовской власти. Их привезли сюда уже после войны. Погибло их тьма. Всех умерших зарывали в ров. И этих ровов по всей средней Оби от Ханты-Мансийска до Салехарда, вероятно, тысячи. Это все могильники русского крестьянства. Здесь был зарыт цвет русской нации. Ее главная надежда и источник всех ее сил и свершений на историческом поприще. С историями о том, как все это происходило, я сталкивался каждый день, заполняя «историю болезни», и в том числе такой раздел ее, как «анамнез виге» — историю жизни.

Основная масса попала сюда в 30-е. Их гнали до Оби или везли в теплушках до Тюмени. Затем загоняли на пароход, окруженный конвоем с натасканными на людей собаками. Среди этого лая, плача детей, криков несчастных женщин, мата-перемата конвоиров, их грузили на пароход. Затем везли и высаживали на совершенно пустом берегу Оби. Без пищи, без теплой одежды, обдуваемые всеми ветрами, они поголовно умирали, но успевали поставить первые избы. Затем, на следующий год, шла новая партия с русскими крестьянами, с детьми и женщинами. И эта партия погибала поголовно, но успевала подвести избы под крышу. И только на третий или четвертый год уже следующая партия могла обосновываться в избах. Но оставались конвоиры, голод и расстрелы. Напротив нашего поселка, вдалеке в хорошую погоду можно было видеть избы заброшенной деревни. Там были арестованы и расстреляны все жители. Кажется, только последняя оставшаяся женщина бежала оттуда в поселок и потому осталась жива.

Кроме этих «раскулаченных», основной массы населения поселка, были и две улицы, заселенные то ли немцами, то ли австрийцами. Говорили, что это те, у кого дети служили в «СС». С немцами ладить было легко. Во-первых, они вполне обрусели, хотя и не забывали немецкий. Местное радио два часа в день

вело на немецком передачи и транслировало какие-то немецкие бодрые марши.

Третья группа населения — бывшие бендеровцы. Их было много. И народ это был мрачный и неприветливый.

Ну и, конечно, местные жители — ханты и манси. Эти почти поголовно пили, почти поголовно болели туберкулезом, самой распространенной в этих местах болезнью, не щадившей и русских. Ханты и манси просто бедствовали. Они не могли приспособиться к новым условиям жизни. И вымирали.

Жить было тяжело. Во-первых, как сказали бы сейчас, из-за разницы менталитета москвича и провинциала. Во-вторых, здесь и сами отношения между людьми были далеки от сияния добра и милосердия. Раскулаченный в глазах райкома партии оставался потенциальным врагом. Рядом жили те, кто в 30-40-е был здесь же надзирателем. Тут же и бывшие бендеровцы. И сектанты. И над всем этим висел советский террор, моральный: «не наш». «антисоветчик», «контра». Вскоре приехал, впрочем, мой однокашник — еврей С. Приехал по расчету: заработать. Мы не ссорились, были близки и по настроению, и по воспитанию, и как однокашники. Но настоящей близости не было. С. был всецело погружен в житейские расчеты. Но однажды приехал новый врач, Щербаков Александр Александрович, и жизнь моя сразу стала веселее и краше. Щербаков, наш новый детский врач, с бородой Бармалея и наспуленными бровями, так пугал детей, что не только лечить их ему почти не удавалось, но их, этих детей, надо было вытаскивать из-под койки, куда они забивались от страха перед страшным дядей. Человек он был хоть и своеобразный, молчаливый, но по-настоящему русским, провинциалом, по-своему человеком замечательным. Мы просто поняли друг друга, что называется, с полуслова. Около двух лет мы прожили с ним на хуторе, одни, и эти годы были, вероятно, лучшими из всех.

Отсюда, с этого хутора, принадлежавшего больнице, мы ходили через кладбище на работу, отсюда отправлялись на вертолете или на катере в командировку по району и сюда возвращались, рассказывали друг другу долгими вечерами, что видели и слышали. Здесь обсуждали долгими полярными ночами и «дней минувших договоры», и как жить дальше, и надо ли торопиться с женитьбой, и проч., и проч. За бутылкой вина, при свечах, когда трещат дрова в печке, а вокруг тайга и темень черная... Да, это было прекрасное время. И неповторимое. Вспоминаешь и щемит сердце...

Но на этом пасторальном фоне происходили и события вполне драматические. Я не буду их описывать — это заняло бы много места. Но надо сказать, что по иронии судьбы не я, грамотный диссидент со стажем, а совершенно аполитичный Сан Саныч попал в глаза райкома партии во враги советской власти. В анкете у него уже значилось исключение из комсомола со старших курсов за игнорирование воли партии. А, может, и саботаж. Это было

странно. Сан Саныч до нашей встречи ничем, кроме спорта, в институте не интересовался. Это его и подвело. Плюс, понятно, разгильдяйство. Вместо того, чтобы поехать на Целину вместе со всеми, он поехал на какие-то спортивные сборы. В результате — исключение из института с пятого курса и год работы лаборантом и «запачканная» анкета.

Кроме такой анкеты, он отличался еще, по несчастью, и очень независимым характером. А в этом райкому виделся «протест», почти бунт. Там затаили злобу и стали выжидать. Случай представился с неожиданной стороны. К делу подключили прокуратуру, поручив ей найти и юридически оформить компромат. По близости отношений в поселке и по положению доверенного врача районного начальства, я все это видел и слышал, убеждал и разубеждал. С большим трудом, не без помощи нашего же товарища, адвоката М.¹, удалось дорогому моему другу остаться на свободе. А это «дело» тянулось едва ли не год.

И все это находилось в резком контрасте с отношением того же райкома к Павлу Феликсовичу С. Он работал в качестве женского врача. Приехал, как я говорил, чтобы заработать денег. Он быстро наладил поток денежных средств к себе в карман через производство абортот. Здесь возможности были немалые. Но ведь в поселке ничего нельзя скрыть. Все было бы хорошо, но едва ли не с первого дня он вступил в конфликт с главным врачом по вопросам оплаты ночных дежурств. Да, платить за ночную работу «забывали» всему персоналу. В этом деле мы с С. выступили вместе и добились своего. Сумма, на которую нас обкрадывали, была немалая — больше месячной зарплаты в средней полосе России. В результате я получал регулярные выговоры, раз-два в неделю, за то или сё. Но за С. началась слежка, и он попался с поличным. Надо сказать, на него был обозлен изрядно и прокурор. Невзлюбил, увидев в нем не врача, а дельца.

Тут же было заведено уголовное дело. Бледный и трясущийся С. бросился в райком. Объяснил все начистоту и услышал в ответ слова, слаще меда: «А кто не берет, если деньги сами идут в руки!» В результате дело было приказано закрыть, прокурору за игнорирование мнения райкома — выговор. И С. стал брать еще больше и веселее. В этой истории не было бы ничего особенного, если б не одно обстоятельство. Дело в том, что и я, и С. бывали гостями на застольях с членами райкома. И С., не стесняясь в выражениях, что называется, нес марксизм, Ленина и весь коммунизм, рассказывал самые что ни на есть антисоветские анекдоты. В ответ раздавался дружный смех членов райкома партии. Правда, за столом никого постороннего, кроме нас и хозяина дома, тоже

¹ Ю. Малетинский. Райком не простил ему ни этого дела, ни многих других, т.к. везде он выступал, выигрывал один процесс за другим и не советовался с райкомом. Он был арестован, судим, и получил 2 года условно с исключением из адвокатуры.

врача, не было². Но смех и одобрителные восклицания партийного начальства были в изобилии, как и закуски с выпивкой. Примерно через гол после нашего приезда С. начал вести войну с исполкомом по «квартирному вопросу». И здесь райком стал на его сторону. С. был своим. Важны были не его взгляды, а признание власти партийного начальства. И поскольку его антисоветчина совершенно не трогала райкомовцев, а даже их веселила, можно было сделать вывод, что сам по себе марксизм-ленинизм не был предметом нежного обожания в среде партийной номенклатуры. Не был в таковом качестве и сам Ленин с его «бессмертным» учением. Уж над ним-то, «бессмертным», С. изгалялся с особенной язвительностью. То, что вокруг — грязь и разруха, низкое качество советских изделий и еще более низкая производительность труда, членам райкома партии было видно и самим. Следовательно, внутри партийной номенклатуры действовали другие убеждения, другие верования, и они знали что-то такое, чего мы, простые обыватели, не ведали. Это было видно и по другим признакам. Отсюда можно было сделать вывод, что этот марксизм-ленинизм существовал для низов, для дисциплины народных масс, для разрушения национального сознания, как в давнее время вольтерьянство разрушало сознание религиозное, после чего на эти руины салился у кого мистицизм масонства, у кого — примитивный идеал социализма, а у кого — и то, и другое сразу.

Как видно по теперешнему дню, обстоятельства дела именно таковы. В то время такое безразличное отношение райкомовцев к своему учению заставило меня сильно задуматься.

Что же касается моего Сан Саныча, то именно потому, что он никогда не обращался в райком партии, он и воспринимался как бунтовщик. К тому же он был человеком молчаливым и замкнутым — в этом тоже виделся вызов власти райкома... Для людей, которые хотят осмыслить советское прошлое, описанные здесь наблюдения, как кажется, могут дать пищу для раздумья.

В 1969 году я вернулся в Москву. Опять разговоры, опять кухонные конференции. И уже в 80-е годы я вышел, что называется, с великим трудом, на новую тему. Я нашел ее, потому что искал недостающее звено в Русской истории. В ней был монарх, были всякого рода враги монархии, но почему-то вообще не было монархистов. Это было как-то нелогично. Но прорваться к этому материалу оказалось крайне сложным делом. В каталогах вы не найдете ничего вообще. Если вы заранее не знаете исходных данных того, что вам нужно, то эта тема останется для вас пустым звуком. Но как можно узнать исходные данные, если у вас нет в руках никакого ключа к теме? Вы можете веками ходить по коридорам библиотек, заглядывать в каталоги, и ничего не найти. Самое поразительное, что газеты и журналы правого направления никогда не были

² В первое время я жил на квартире рядом с райкомом.

закрыты от читателя. О них просто никто не знал и никто ими не интересовался. И когда я стал их читать, то обнаружил, что многие из них даже не разрезаны! Думаю, главным побуждением заняться темой черносотенцев и стало желание иметь хоть какую-то логически завершенную картину русской истории до сих пор населенной исключительно бунтарями, разбойниками всех мастей, аферистами, шулерами от политики, демагогами, циниками и живоглотами. Все эти «преобразователи», «революционеры», «прогрессивные деятели», разные либералы и «демократы» только и делали, что ломали, крушили, грабили и что-то обещали при этом. Но ведь, думалось мне, нельзя ломать то, чего нет. Ведь кто-то должен был и строить, причем так, чтобы потом можно было целому поколению все это ломать, грабить, да еще и потомкам оставить что-то для дальнейшего грабежа.

И вопрос — так кто же строил? Кто все это охранял? Кто защищал? — как-то повисал в воздухе. Даже если вы возьмете, к примеру, ныне прославленных эмигрантов, вроде Солоневича или Ильина, то и у них вы не найдете ответа на этот простейший вопрос. Вы обнаружите, что И. Ильин ненавидел монархистов-черносотенцев и написал о них целую серию пасквилей. Но он и вообще избегал ответа на вопрос об охранителях и созидателях Самодержавного государства. Кто читал Солоневича, тот помнит, что в работе «Великая ложь февраля» самым правым у него оказывается почему-то Гучков, что совсем нелепо.

Короче говоря, увидев, что к 1990 году библиография этого вопроса в исторической науке практически отсутствует, я почувствовал себя оскорбленным просто как русский человек. Что же, все эти академики, профессора, доктора наук только тем и занимаются, думалось мне, что льют помой на историческую Россию, плодами трудов которой, плодами духовными, они и сами живут? Неужели так и не найдется ни денег, ни издательства, ни людей, чтобы заняться серьезно и доброжелательно этим вопросом? И когда стало ясно, что нет, не найдется, тогда только, осознавая свою неподготовленность, но думая, что лучше что-нибудь, чем ничего, я и занялся всерьез этой темой. К тому же, в этом вопросе нужно иметь созвучие и мыслей, и чувств с теми, кто был назван черносотенцами и кто мученически погиб за Русскую землю, за нас, ныне живущих, кто именно потому стал черносотенцем, будучи рабочим, врачом, инженером, крестьянином, министром или губернатором, что прекрасно предвидел наш сегодняшний день, в котором мы прозябаем. Эти люди знали, что дело их проиграно, что «демократ» торжествует, но жить под властью этого торжествующего хама тем людям было невмоготу. Это — одно соображение. Другое: эти люди отличались умом, талантом, и их творчество — это наше наследие. Не то, которое издается в Англии, а что лежит, как святыня, под спудом.

Эти мысли и заставили меня заняться историей черносотенцев. Что такое память сердца? Это и личные воспоминания, но это и память истории своего

народа. Так психологически соединились личные переживания с нашей скорбной и величественной историей. Возможно, материал о черносотенцах войдет в следующий том.

Что касается темы масонства и его влияния на нашу жизнь, чему посвящается эта книга, то она находится в исторической связи с темой черносотенства, то есть последовательного проведения в жизнь людей начал православия и утверждения исторических и самобытных основ общественной и государственной жизни.

Враг этих начал — масонство с его пантеизмом, оккультизмом, каббалой. Два полюса. Что касается эмоциональной стороны, всегда важной в осмыслении истории своей страны, то о ней я поведал выше.

Прекрасно осознавая имеющиеся недостатки в компоновке материала и его оформлении, я, тем не менее надеюсь, что достоинства этого издания в своей содержательной части превышают его недостатки. Поскольку очерки выходили в разных изданиях и затрагивают зачастую сходные темы, то встречающиеся иногда повторения сюжетов неизбежны. Более того, эти повторения помогают осветить ту или иную тему с разных сторон. Сочувственное отношение к моим работам читателей и знакомых послужило непосредственным поводом к публикации этой книги. Конечно, без материальной и моральной поддержки близких лиц она не могла бы увидеть свет, и я выражаю им свою благодарность.

23 февраля 1998

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как ни покажется странным, но в нашей литературе вовсе не существует работ, посвященных рассмотрению вопроса о влиянии такого огромного в политическом, религиозном и культурном смысле явления как масонство на формирование всей современной культуры, или хотя бы на какие-то отдельные ее стороны. В сущности, нет даже постановки и самой проблематики. Это загадочная фигура умолчания, касающаяся быть может самого главного и существенного для нашего сознания вопроса, сама по себе очень показательна и красноречива. В современной идеологии, или, лучше сказать, в идеологии современности, идеологии нового времени, слово «культура» занимает главенствующее положение. В это понятие включают все — и науку, и литературу, и традиции, и все религии и прочее и прочее. Выше культуры нет ничего в современном мире. Таким образом, культура стала всеобщей, высшей и единой религией, о которой некогда мечтали поколения утопистов, талмудистов, «просветителей» всех мастей и оттенков.

Отсутствие работ по теме «масонство и культура» в общем-то свидетельствует о желании скрыть корни нашей нынешней, мирской культуры и желании выдать ее за нечто «объективное», то есть как бы упавшее к нам с неба, как результат «объективного» хода истории. Надо заметить, что в собственно масонской литературе, то есть литературе, которая издается в больших количествах масонскими объединениями в Западной Европе для своих членов, эти вопросы влияния масонства на самые различные стороны культуры постоянно разрабатываются и являются ее постоянной темой. Но на страницы общей, немасонской литературы те же самые вопросы почему-то не выносятся, или выносятся крайне редко. То где-то на Западе появится работа, посвященная влиянию розенкрейцерской каббалистики на научные открытия, то работа, посвященная влиянию масонства с его оккультизмом на романтизм, то влиянию масонской идеологии на парковую архитектуру, или на творчество Моцарта или Вагнера. Но все это, опять же, не на русском языке. И все это делается не нашими отечественными исследователями.

Нельзя сказать, чтобы факт влияния масонства на отдельные стороны культурного процесса не был бы вовсе отмечен нашими отечественными исследователями. Если мы, обладая хоть какими бы то ни было логическими способностями, захотим сделать в поставленной проблеме общий вывод, то он будет нами сделан безошибочно, исходя как раз из отдельных исследований по истории нашей литературы и всего нашего «просветительства». Если мы,

например, встречаем авторитетные утверждения, что «доктрина масонства оказала самое существенное влияние на всю просветительскую деятельность Новикова и его соратников», а, с другой стороны, мы видим, что эта «просветительская» деятельность легла в основу всей нашей нынешней идеологии культуры, то нам уже не надо ломать себе сильно голову, чтобы понять общие связи культуры, в которой мы живем и масонства как такового с его идеологией, с его доктриной, о которой мы пока еще, «почему-то», в сущности, ничего не знаем.

Когда-то Екатерина II определила книгу Радищева, как выражение масонства, мартинизма. Между тем, книгу Радищева проходят уже не одно поколение юношей в наших школах, понятно, не случайно. Действительно, если развернуть идеи этой книги, выразить их в ясных формулах мысли, то не трудно увидеть, что и вся наша нынешняя культура, ее идеология, есть выражение тех же идей. Понятно, не случайно и то, что и Новикову и Радищеву до сей поры посвящается такое огромное количество работ. В них видят родоначальников «просветительства», легшего в основу идеологии нашей современной культуры. И, конечно, в этом вопросе исследователи не ошибаются. Но в свою очередь мы знаем, что оба деятеля нашей культуры выражали идеи масонства. Оба не были оригинальными мыслителями, а скорее медиумами западноевропейских идей «просветительства», вышедших из недр масонских лож.

Таким образом, логически, несложно любому из нас, чисто логическим путем вывести для себя заключение о решающем влиянии масонства на идеологию нашей нынешней культуры. Конечно, затруднение встречается в попытках увидеть суть доктрины и масонства и нашей культуры во всей исторической конкретности. Логическая догадка поэтому остается лишь логической догадкой. Но тогда кажется странным факт того, что исследователи, историки и литературоведы, имя коим легион, тратя столько сил на разработку частных вопросов, оставляют в стороне главный вопрос о сути нашей культуры, об историческом пути ее создания определенными силами и с определенной целью, во имя осуществления определенной идеологией.

Когда мы говорим слово «культура», то мы чаще всего упускаем из виду, что в основе этого понятия лежит представление о выражении некоего культа, поклонения чему-то или кому-то внешнему. Говоря о культуре сегодня, нет необходимости добавлять определение ее, как культуры светской, мирской, поскольку только эта культура и царствует сегодня в мире. Между тем, понятно, что существует и христианская культура, некогда во многих странах всеобъемлющая, в которой все силы, мысли и желания отданы учению Христову и высшим выражением которой является Церковь в ее внешних формах бытия.

Что касается нынешней культуры, мирской, «просветительской», то и она

есть выражение некоего культа. И вопрос лишь о том, какой именно культ выражает она своими высшими ценностями. Нетрудно догадаться, что в ее основе лежит языческий пантеизм. Наша нынешняя культура, «просветительская», есть как было сказано выше, выражение некоего культа. Его называли «гуманизмом». Несомненно, что у нашей, мирской культуры, есть все признаки определенной религии. И у этой религии есть свои храмы, свои ритуалы и обряды, спрятанные от улицы, как святилища древнеегипетских жрецов, и своя метафизика, названная Екатериной II мартинистской метафизикой. Религиозное начало нашей культуры скрыто в глубине масонских лож с их каббалистикой, ритуалами, иерархией, с их алтарями и культом «чисто человеческого». Нельзя не обратить самого пристального внимания на то, что десятки тысяч ученых, писателей, музыкантов, политиков, художников, всевозможных мыслителей и в прошлые времена и в наше время состоят в масонских ложах. Было бы странным предположить, чтобы идеология ордена вольных каменщиков не оказывала бы на их мировоззрение самого серьезного влияния. Было бы странно думать, что именно идеология масонства никак не стимулирует их творчество. И если иметь возможность внимательно присмотреться к этой теме, то легко увидеть, что именно в недрах масонских лож и вызрела современная литература и современная наука, не говоря о философии, само понятие о которой, как науке о поисках мудрости, поисках истины есть синоним определения масона, как человека, ищущего мудрости, истины, как «жениха Софии». Строго говоря, именно теософия определила само появление современной науки и это очевидный факт.

Вопрос, в конечном счете, идет об определении ценности самой нынешней культуры, как выражении некоей сверхрелигии, некоей мировой религии, способной поглотить все остальные. В психологии людей, поклоняющихся этой «культуре» и сама наша святая Православная Церковь есть лишь один из моментов ее, а все святые, мученики и исповедники христовой веры есть лишь феномен все той же «культуры». Деятели культуры становятся, таким образом, и преп. Сергей Радонежский, и Лев Толстой, и Шопегауэр, и преп. Серафим Саровский и сонм писателей, ученых и философов. Все в один ряд. Всеядная «культура» готова поглотить все живое, яркое и своеобразное. Но при этом она в своей сути отрицает начисто христианство и Церковь Христову. И этот момент носители «культурных ценностей» в наше время пытаются всячески затушевать. Им обидно думать, что преп. Серафим своим служением Христу отрицал эту гуманистическую культуру.

Автору этой книги не раз приходилось слышать упрек в том, что он «все» отрицает и нигде у него не найдешь положительного образа. Такая реакция «культурника» понятна, ибо вся его религия есть человекобожеская кумирня. И если бы мне пришлось отвечать на эти упреки вновь и вновь, то я бы сказал, что примеры для подражания, примеры святости подлинной надо искать не среди

«житий» писателей или ученых, или полководцев, а в житиях святых. И помня при том, что святые наши есть вечно живые и предстоятели у престола Всевышнего, наши деятельные заступники, а не просто литературные или исторические кумиры, «великие» и «значительные», и чей вклад во «всемирную культуру неоспорим».

В нашей исторической литературе масонство обычно преподносится как секта темных заговорщиков, каких-то «рыцарей плаща и кинжала». Громко декларируется при этом приверженность авторов отеческим традициям ... «культуры и этики», то есть как раз тем самым началом, что составляют краеугольный камень самого масонства. Громко объявляется о том, что масонство «враг русского народа», но при этом удивительным образом проводятся идеи «гуманизма» и мирской культуры. Легкий декоративный флер из фраз о ценности православия призван только затушевать скрытый в самой концепции этих работ совершенно мирской их пафос. Масонство становится в таких работах просто выражением политических устремлений каких-то гнусных и морально неустойчивых элементов. Действительное понимание масонства лежит, однако, гораздо глубже и в совершенно иной плоскости. Не случайно, большинство работ по масонству наполнены несовместимыми идеологемами, которые при попытке их понять, расщепляют весь текст на совершенно несовместимые по смыслу понятия.

В тексте книги слово «культура» будет иметь значение именно мирской, «просветительской» культуры, поскольку христианская культура в настоящее время ограничена представлением о собственно церковном, имеющем отношение непосредственно к самой Церкви.

Другим вопросом, рассматриваемым в книге, является воздействие идеологии масонства на весь ход русской истории. Это вопрос о национальной традиции и мартинизме, как было принято называть некогда масонство в нашей стране. Просветительская идеология своей внешней стороной нашла отражение в исторических концепциях нового времени, а внутренней стороной обращена непосредственно в сторону герметической философии, то есть в сторону оккультную и теософскую. Недаром, наши первые историки нового времени, то есть с XVIII века, были членами масонских лож. По крайней мере, имена некоторых из них значатся в масонских ложах. В конце девятнадцатого века мы видим в ложе и Ключевского и Пыпина и некоторых других. Но дело не в самом членстве в ложе, а в идеологии исторических школ. Конечно, при большом желании можно видеть в истории выражение роковой закономерности, как это и делается обычно, но надо отдавать себе отчет, что такой взгляд есть уже предвзятость, когда факты подбираются задним числом под определенную концепцию. Недавно властвовавший в нашей стране «исторический материализм» с наглядностью показал, что все «закономерности» создаются политиками под решение определенных задач. В свою очередь вполне

очевидно, что если миром владеют люди, охваченные желанием воплотить определенную доктрину в историческую жизнь народов, то мы увидим не закономерность, а реальные усилия этой группы людей, которые, вполне возможно, сами видят в себе апостолов «объективной закономерности».

Когда такая идеология захватывает власть имущий класс и последний и сам формируется на основе преданности таким идеям, то надо ли говорить, что и судьба страны будет предreshена. Не трудности житейские, не какой-то «деспотизм» в таком случае порождает все революционное движение, а желание построить жизнь согласно новой доктрине, хотя бы в ней не было бы места большинству населения страны и оно было бы обречено на уничтожение. Демагогические лозунги относительно всяких «свобод» не должны никого обманывать.

Нет смысла далее развивать здесь все эти темы, поскольку они развиваются на страницах этой книги.

Что касается собственно самого содержания книги, то она создавалась долгие годы. Примерно половина ее объема была написана уже в последние год-два. Между тем, хронологический принцип выдержан, как в хрестоматии над данной темой, так и в самой книге. Она начинается с первых шагов российского «просветительства», положившего начало нашей современной культуре. Некоторые эпизоды в этой части книги иногда повторяются в разных очерках. Это неизбежное следствие того, что работы появлялись в различных изданиях, а также и потому, что так или иначе в них развиваются одни и те же идеи. Автор не нашел возможным и необходимым заново все переделывать в этих работах. Так или иначе, но в каждом очерке проблема рассматривается с новой стороны и вносится нечто такое, чего не было в других очерках. Но вместе с тем, и здесь, при подготовке издания этой книги, очерки были заново отредактированы автором и внесены были необходимые добавления и разъяснения.

Остается сказать, почему книга начинается с непривычного для нашего уха слова «монизм» и отсюда уже получает направление и вся идеология книги. Речь идет о самом существенном направлении всей культуры и ее движущей силы в конечном счете все привести к одному знаменателю, все унифицировать, все свести, говоря языком масонов, к Единиче. Именно к такому всеединству и должен нас привести весь культурный процесс, вся культура с ее культом безличного, бескачественного, в своей сути — пошлого. За этим стремлением к единству, монизму лежит оккультная и талмудическая идея о Всеединстве, как конечной цели всего исторического развития. И ради этого утопического желания политики организуют союзы, ведут войны, уничтожают непохожих, организуют революции и обрекают на голодную смерть миллионы людей.

1998 г.

ВСТУПЛЕНИЕ «МОНИЗМ» И ДЕМОКРАТИЯ

В старое время, дореволюционное, было большинство, жившее обычаями и традициями, преданиями старины из семейной хроники, святыми и псалтырью. И было меньшинство, кончавшее курс в гимназиях или семинариях, приобщенное к книжной мысли и пораженное насмерть желанием переделать мир, следуя мыслям и советам всевозможных мыслителей и философов, у которых, в свою очередь, каждая мысль и каждая идея были заимствованы из других книг и книжечек или уловлены на лету в каком-нибудь великосветском салоне в промежутке между картами, любовницей и вечерним приемом. Приобщенные к книжной премудрости, следующие старой оккультной идее времен «Позмандра» Гермеса Трисмегиста, в долгих поисках самоназвания, — эти социальные прожектеры наконец обрели свое имя, обнаружив, что они есть часть Универсального Ума, интеллигенции. Они вдруг обнаружили, что рождены не матерью и отцом по естественному ходу человеческих дел, а этим Умом. Позмандром Гермеса, в отличие от прочей твари, копошащейся в темноте и грязи привычек и традиций, этого наносного ила «веков невежества», рожденных по всем примитивным законам естества. Быстро начитавшись и чего-то нахватавшись от этого «ума», запечатленного во множестве всевозможных книг и журнальных статей, чувствуя себя маленькими прорицателями всемирной эволюции, медиумами прогресса, они и стали его проповедывать. Результаты у всех налицо и более или менее известны каждому из нас не по книгам, но из печального опыта — как личного, так и из семейных преданий и воспоминаний.

Но, взяв власть, они поставили дело создания из нации носителей универсального ума на поток. И сегодня большинство стало тем, чем сто лет назад было меньшинство — интеллигенцией. Продуктами этого дракона оккультизма — Позмандра, универсального ума, философического и научного, для которого, по самому его принципу, — что китаец, что малаец, что татарин, что француз — все едино. Еврей, как главный двигатель прогресса — не в счет, он над всеми. И у всех один путь движения во времени — путь прогресса, демократии, парламентов, политического шулерства, банков и спекуляций. Все остальное, вне «капитализма» и «социализма» — отсталость и черносотенство. И потому обречено.

И эта идеология, утверждающая, что все люди — лицо в лицо и у всех один

путь: к насыщению любой ценой — эта уверенность в том, что вне «измов» нет жизни, а без парламентов, запросов и выборов жить нельзя, нас и сгубили.

И теперь уже большинство, надо признать, и мыслью, и опытом, и творчеством мертво, книжно и невежественно. Нас убили не лагеря и ссылки, не поиски агентов всяческих разведок и даже не собственные демократы. Напрасно ищут виновников в среде большевистских вождей. И не имеет никакого значения, плох или хорош был Сталин или кто другой на том же посту. И все равно, какие решения «там» принимались, и все равно, как они выполнялись. И совершенно безразлично, какие еще преступления отыщут за большевиками, а теперь и за «демократами». Нас убило убожество самой навязанной нам в семнадцатом году идеологии. Идеологии, от которой при ближайшем рассмотрении ничего не остается в человеке, даже малюсеньких убеждений и твердых навыков в оценках и прогнозах, кроме десятка анекдотов и иронических замечаний о «классовой борьбе» и «абсолютном обнищании». Не осталось даже и перехода «количества в качество», и «единства противоположностей». Не осталось в голове и в сердце вообще ничего. Щемящая пустота и желание спрятаться в щель и пересидеть время. С детских лет нас как будто бы приучали к какой-то философии, к каким-то интеллигентным представлениям, и можно было бы ожидать, что в нашей голове останется какой-то вкус к философии и мы будем знать хотя бы одну-две крохотные философские идеи, не говоря систем. Поразительно, но факт: ничего, — ни мысли, ни идеи. ни простейшего знания «трех составных частей» марксизма, как и самого марксизма. А ведь с детских лет, в школе, институте, на работе — везде, в каждой книге — цитаты, ссылки, обсуждения и осуждения гегелей и шеллингов за их недо...зрелость, недо...мыслие и прочее «недо». И вот кончилась эра диамата и в голове у нас, людей, собаку, кажется, съевших на всех этих философских категориях, сдававших поголовно экзамены по философии, — ровным счетом ничего. В один миг всё забыли, словно ничего такого и не было. Насколько же все это, следовательно, было чуждым нашему уму и сердцу, и здоровой потребности понимать и видеть.

Более того, в результате всех этих философских изучения диаматов и истматов поголовно все потеряли всякий вкус к познанию религиозных идей и вообще мыслителей. Потеряли вкус к самой мысли. Более того, потеряли всякое желание самим думать и анализировать. Все — напрокат, штампованное и заезженное.

Да, нас убило убожество навязанной нам идеологии, оставившей нас пустыми, нелюбознательными и безо всякого положительного знания в сфере человеческого духа и мысли. Более того. Мы попали в полосу перманентной революции, поверив одной несложной и ложной мысли, доступной даже таракану: все народы созданы по одному шаблону и должны следовать одной дорогой. Забыв Христа, отвергнув Церковь, поверили, что главное для жизни

общества — найти правильные экономические отношения. И если какой народ не смог выбраться в систему банков, компьютеров и знамени цивилизации — бизнеса, то только вследствие своей исконной неполноценности. *Эта* книжная идея «монизма» доказывается наглядным образом на примере различных стран мира, идущих по этому пути. Представляется, что все это идет стихийно, по законам исторической эволюции, которая из какого-то центра, то ли с планеты Сириус, то ли из Вашингтона, невидимым образом посылает какие-то лучи в пространство, заставляющие все народы следовать по заданному там каким-нибудь Поэмандром пути. Главное, что мы усвоили с детства, — то, что якобы существуют на самом деле «законы исторического развития». И. как «выяснилось», в этом вопросе западные политики и идеологи совершенно согласны с Марксом и Лениным.

Но мысль о том, что заданное движение народов осуществляется столь однообразно только потому, что люди, руководящие народами, имеют один план и одно представление о будущем человечества — кажется почти кощунственной, ибо она сразу заставляет человека думать и сомневаться. И нет ничего опаснее для процесса и монизма, лежащего в его основе, как человек мыслящий, сомневающийся и скептически настроенный к «законам прогресса» и даже к «всемирной культуре».

Нормальный человек должен быть твердо уверен, что есть закон эволюции человеческого общества, то есть прогресс, что эта эволюция творит чудеса, превращая людей из отсталых в передовых и культурных. Что законы прогресса для всех одни и те же. Что на знамени его написаны священные слова, выражающие смысл всего прогресса: бизнес и культура. И что эти святыни сделают человечество когда-нибудь счастливым и святым. С таким идейным багажом, из которого чего не бери — в голове и в душе ничего не прибавится, вот уже более двухсот лет идеологи масонства пытаются вывести новую породу людей. А ее все нет. Но в неимоверных усилиях эту идею регулярно снабжают примерами ее осуществимости. Точь-в-точь, как недавно партийные наши бонзы создавали нам «маяки» социалистического производства и всякого рода стахановцев.

Для доказательства успешности в деле превращения человека отсталого в человека передового, представителя «новой породы», на балаганные подмостки всевозможных шоу выставляются «замечательные» и «божественные», «неповторимые» и «просто гениальные» писатели и артисты, поэты и музыканты, «борцы за мир» и «правозащитники», значительная часть которых по своему умственному и нравственному уровню не дотягивает даже до среднего обывательского, и которые, как правило, готовы и радостно поддерживают любую гнусность правительства, любые его преступления, в расчете на дальнейшее признание и житейские блага.

Сколько же вреда принес этот «монизм», эта уверенность в одинаковости всех народов, сказать трудно. Но все революции и все преступления мирового масштаба последних двух веков исходят именно из этой примитивной идеи, ниоткуда не следующей и ничем решительно не обоснованной. Кроме, понятно, доктрины иудаизма. Это ведь именно в недрах синагоги вывели «научные» мысли о прогрессе и земном рае.

Сегодня все те же рутинеры и догматики уже новой генерации от лица фантастической «демократии» точно с таким же фанатизмом, что и прежние от лица мирового пролетариата, толкают страну по тому же трагическому пути единообразия и единого шаблона для всех народов. И цена этого фанатизма и рутинерства — миллионы погибающих и вымиравших, гибель громадной цивилизации и целого духовного космоса — России. И во имя чего? «Бизнеса» и «всемирной культуры», все допустившей во имя свободы и прав личности, кроме права на духовное здоровье и бессмертие души. права быть собой и жить по-своему. Умом Церкви и ее Духом, а не иудейскими выкладками апостолов прогресса.

Как бы ни были серьезны люди, ведущие проповедь исторического монизма, как бы ни были глубоки их каббалистические выкладки, как бы ни были они обеспечены всякими математическими расчетами и философскими трактатами людей, убежденных сединой и обремененных всевозможными знаниями, но и при всем этом надо признать, что и сама идея исторического монизма и ее проповедь — дело крайне легкомысленное и бездумное. На утверждение этой идеи работали и работают целые поколения издателей, философов, романистов, публицистов, поэтов и композиторов, сценаристов и драматургов, и при всем том старании и таланте, с каким эта идея разрабатывалась, надо признать, что работали они все хоть и хорошо, с огоньком и азартом, но над идеей пустой, вредной, кровавой и вырожденческой. Они работали над идеей перманентной революции, единственным следствием которой может быть только вырождение, болезни и войны. Общее понижение умственных качеств и эстетических вкусов. Совершенное безволие и рабство народов, попавших в руки профессиональных дельцов от политики, организованных в масонские ложи и в армию карьеристов и доктринеров прогресса.

Отсюда ведется эта борьба с русским народом и всеми другими, в его лоне пребывающими народами. Идеологи прогресса, монизма, веры в единый путь для всех народов исповедуют идеи затхлые и никем и никогда не доказанные. И потому приходится им все время для доказательства верности этих выкладок ломать, воевать, устраивать бойни, организовывать голод в массовых масштабах, и все для одной цели — привести все народы, оставшиеся после этой всемирной переделки, с помощью ли большевизма или «демократии», в состояние неразличимой серой и безвольной массы, где каждый будет получать свою пайку киловатт энергии, жвачку, компьютер для воплощения фантазий на

экране и маленького удовольствия от этой операции, «авто» и, вероятно, еще чего-нибудь в этом роде... Много удовольствий, много вкусного, веселого и кудрявого, и мало забот. Но это мечта рабов.

Для того, чтобы совершать все эти политические катаклизмы в мире. ради этой примитивной и удивительно бредовой идеи, надо быть уверенным, что человек — нуль, не более чем карта в колоде, и можно с ловкостью шулера сделать с этими картами свою игру. Но если за карточным столом говорят «ваша карта бита», то здесь, в этой игре, когда карта бита — раздаются выстрелы. Начинаются кровавые бойни, идут потоком гробы, устраиваются правительственные программы, после которых пустеют деревни и матери напрасно ждут сыновей, а вдовы тяжело воют, не понимая ни что такое монизм, ни что такое всемирная перестройка. Им просто больно и не хочется верить, что их Вани больше нет только потому, что где-то сидят рутинеры прогресса и планируют войны во имя создания новой породы людей. Что их единственного сына бросили сознательно под пули и гранатометы, что где-то запланировали, сколько таких Бань, восемнадцатилетних, должно валяться обугленными, изувеченными на улицах чужих городов, чтобы демократам легче дышалось, а монизм, напившийся крови, чувствовал, что он все еще нужен. Его-то и питают своей кровью и своими жизнями тысячи и миллионы русских людей... во имя процветания «бизнеса», «рынка» и «демократии». Как вчера «коммунизма».

Слушая наших политологов, наших политиков и телекомментаторов, выступления тех, что наверху и что рядом, как-то невольно приходишь к мысли, что перед нами клиническая картина помешательства, обеспеченная в реальной жизни корыстью карьеристов и доходами от разыгрывания из себя одержимых реформаторов, т.е. очередных революционеров. Внимательно просматривая личности политиков, видя их в разных ипостасях. приходишь к убеждению, что вся эта вакханалия с прогрессом, с прыжками в Европу и во всякие международные сообщества, вызвана мыслью о своем личном ничтожестве, сознанием, что ты — нуль, которого презирают даже жена и сын. И которым нужен не ты, а твои деньги. Почти сто лет обучения монизму при большевиках разрушили всю сословную структуру общества, разрушили все самые даже бытовые сообщества, какие всегда возникали в прежние времена во дворах домов или каковы были даже улицы, на которых проживали знавшие друг друга люди. Общество перестало быть обществом лет сорок назад и стало арифметическим множеством. Но изолированная личность, обособленная, не знает, что делать и куда идти. Ей некого спросить, и вместо общества, хранившего опыт поколений, человек спрашивает теперь какого-нибудь политкомиссара, от «демократии» или «социализма», депутата или телеведущего. И вместо опыта поколения получает словесно и научно оформленный бред социальных прожектеров, да к тому же и пребывающих на содержании, и потому не имеющих права иметь свое мнение. Обособленная

личность готова любую прихотливую блажь «сверху» или из телевидения принять за указание самого неба, лишь бы только она звучала «научно» и «обоснованно» и вешалась уважаемыми в «обществе» людьми. То есть с телеэкрана или со страниц газет и журналов. Главное ведь — поверить: «назад дороги нет», что «с прогрессом нельзя спорить» и что «альтернативы реформам нет».

Но, с другой стороны, обособленная личность гражданского общества не знает и личной ответственности. Какая может быть ответственность перед лицом указаний прогресса, всемирной эволюции и исторических законов? И если завтра последуют со стороны этих законов указания, что у каждого человека должны вырасти хобот и рыбий хвост, то можно не сомневаться — наладится целая индустрия по выращиванию этих отростков, лишь бы эти указания были выполнены. Может быть, придется много резать, может быть, даже большинство не выдержит такой операции, но нет такой силы, чтобы не последовать указанию «прогресса» и «демократии» касательно выращивания хоботов и рыбьих хвостов. Но если затем, после очередных семидесяти лет кто-то заявит, что произошла ошибка в толковании знаков исторических законов, то и здесь ничего особенного не произойдет, потому что, как известно, в «истории ничего случайного не бывает». И потому любое преступление властей всегда заранее оправдано.

Спросите любой передовой ум, полный надежд на быстрое осуществление «прав человека» и «правового государства», чего он хочет в конце концов, и вы услышите такой примитивный лепет о всеобщей сытости и довольстве, о покорении сил природы и завоевании космоса — чтобы было куда мусор с Земли сбрасывать, — что уши завянут и подумаешь: неужели все великие жертвы, приносимые этими фанатиками «рынков», «капитализмов», «социализмов» и «всемирной новой породы людей» только для того и приносились, чтобы в конце концов устроить на планете царство сытых безмозглых дурачков. Да, это воистину идеал рабов, обкормленных словоблудием политиков. Обидно и как-то совсем несопоставимо — с одной стороны, думаешь, не в силах обозреть великие дела и страдания людей, а с другой стороны... Для чего? И вся история в таком случае напоминает какой-то страшный бред. Есть академики, есть величайшие научные умы. Написаны умнейшие книги по всяким отраслям знаний...

Сколько книг по философии, сколько всяких там исследований и изысканий, сколько романов и повестей, драм и кинофильмов, трудно себе представить! И все это ради какой-то ничтожной идейки создать какой-то вымирающий примитив!? Странно все это, как ни посмотри. Но совершеннейший факт. Засомневаешься на секунду — включи телевизор. И услышишь бредовые слова о том, что «назад дороги нет», что «реформы надо довести до конца» (какого и чьего? Подумаешь — а не черный ли в этих словах юмор), что вне рынка нет

будущего (опять подумаешь — для кого?) и что мы должны быть, как все в Европе. И тут подумаешь, а можно ли при наличии Сибири, тайги, кочевых северных народов, кавказских горцев с их обычаями, далеко не всегда европейскими, при наличии более сотни национальностей даже в управленческом аппарате, как и во всей стране, стать Люксембургом, Швейцарией или Францией? И опять захочется повертеть указательным пальцем у виска, слушая все эти призывы людей, вроде умных и обремененных научными степенями, «быть как все, т.е. европейцами».

И как же тут не увериться, что нами управляют доктринеры и рутинеры, фанатики-идеологи, пытающиеся свою узенькую идею одеть в одежды рационализма и позитивизма, то есть привлечь для ее осуществления законы логики и выдать ее якобы за результат трезвого анализа и детального расчета. Впрочем, что же тут удивляться, ведь марксизм тоже был «наукой» и в его достоверности нас уверяли тысячи докторов наук, профессоров и членов АН, написавших на эту тему громадное количество книг с самым что ни на есть научным аппаратом, с расчетами и всяческими табличками, диаграммами, схемами и непонятными словами.

Наука ошиблась. Это доказано. Марксизм — побоку. Теперь новая наука — «рынок», «цивилизация» и «реформы». У нас новый бред в моде...

Что мы имеем сегодня? Вывихнутое сознание, лишенное главного — своего исторического места. Отсюда этот ликующий танец пустоты и безбытности, все эти «американизмы» в системе нашей пропаганды. У нас демократия, как власть нищих духом. Но это не та нищета, за которую обещано блаженство. Нам просто нечего сказать о себе и о своем. Это романтическая пустота, забитая до отказа словоблудием о «культуре» и о «прогрессе».

Сознание люмпенов, каковым является по воле политического руководства страны (с 1917 г.) большинство из нас, не знает опоры в живых традициях за отсутствием таковых. И именно поэтому оно ищет опору для себя в сильной власти и бюрократических структурах, которые ложно отождествляет с сильным государством. Таким образом, наше сознание люмпенов творит лже-традиции и лже-ритуалы, пытаясь ими заменить историческую традицию и истинную религию Христа. Отсюда эта любовь нашей пропаганды к фашизму и сталинизму, характерная именно для безбытности и потерянности, как духовных качеств люмпенов. Политическое руководство страны творит народ по своим меркам, не имея с русским народом никакого сродства, никакой с ним духовной общности. Идет духовная агрессия меньшинства, чьи симпатии обращены к Израилю и Америке, против русского большинства, чье сознание пытается вернуться на свое историческое место. И в этом факте, думается, и есть главный смысл происходящего сегодня в нашей Отчизне.

Часть первая

РОССИЯ НА ПЕРЕПУТЬЕ

«Масон проходит путь своей жизни по тропинке, усыпанной цветами, стремясь к удовольствиям, избегая страданий, во всем руководствуясь благими законами учения Эпикура».

*Азар. Европейская мысль. Цит. по кн.:
Оссовская. Рыцарь и буржуа. М.. 1987. с. 421.*

«Наиболее же могущественной и наиболее знаменитой была секта, известная под названием энциклопедистов. ...Эта секта в политических вопросах никогда не ставила высоко права народа... ей в значительной степени обязан тот род практической философии, который ввел эгоизм в систему, рассматривал человеческое общество как войну хитрости... честность — как дело вкуса или благопристойности, мир — как владение ловких мошенников».

Робеспьер М. Избр. произв. М.. 1965. т. 3. с. 133.

Глава первая НАЦИОНАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ И МАРТИНИЗМ

В тяжелых жертвенных испытаниях русский народ доказывал свое право на существование. Киевский период Руси — наиболее светлый и радостный, легендарный и былинный, вызывает в памяти богатырскую заставу с ее тремя могучими всадниками, загородившими родную Русь от грозного неведомого врага. На формах и типах этого периода истории не раз останавливался с любовью глаз русского художника и писателя, воспитанного на эстетических принципах и типах западной жизни. Радужные весенние краски озаряют становление русской государственности. Поразительна та мысленная ширь и духовная красота, которую донесла до нас «Повесть временных лет». Преподобному летописцу святому Нестору ведомы и Памфилия и Писидия, Ливия и Нумидия, Аравия Сильная и Финикия, Пафлагония, Аркадия, и Эпир, Британия и Адриатическое море, Персия, Бактрия и Индия. Именно с той поры

и пошло это знаменитое выражение: «...да не посрамим земле Русские, но ляжем костями, мертвый бо срама не имам. Аще ли побегаем, срам имам. Не имам убежати, но станем крепко». И стали действительно крепко. Маленькое племя, не имея никаких природных преимуществ перед другими народами, создало мировую державу. И это факт в первую очередь не военной истории русского народа, вынужденного вести бесконечные войны со степными хищниками его восточных рубежей и с закованными в броню западными любителями просвещать мечом и освещать огнем горящих сел и деревень. В первую голову это факт духовной мощи народа, нашедшего абсолютно правильный тон своего выражения во всех сферах своего земного бытия — государственного, семейного и личного, и интеллектуального, духовного и материального своих начал. Берегши душу, жертвовали живот свой за веру и свое христианское отечество. Высшую правду выразили для русского народа первые его святые, страстотерпцы Борис и Глеб. Ведя бесконечные войны, люди не ожесточились. Тихой любовью и умилением веет от этих русских князей, отроков, не пожелавших пролития братской крови и отдавших жизнь временную ради вечной и нетленной. Не пустые разговоры и необязательные рассуждения искусственных в словесной эквилибристике философов о братстве и совести, а любовь, деятельная и молчаливая, жертвенная и созидательная, нисходит на нас от образов этих юных князей.

Но пришла беда, пришел Батый, и кровавые мрачные краски легли на Русь.

Смирение — величайшая добродетель, свойственная русскому народу по преимуществу, «преданность бо есть она воле Божией», проявилась в эту страшную годину во всей своей силе, и мудрые летописцы заключают обыкновенно свои скорбные писания такими словами: «ее же бысть за грехи наша... Господь силу у нас отъя, а недоумение, и страх, и трепет вложи в нас за грехи наша». По слову историка, «могла угаснуть и последняя искра жизни; к счастью, не угасла: имя, бытие сохранилось; открылся только новый порядок вещей, горестный для человечества, особенно при первом взоре...». Два века суровой борьбы за выживание и духовного и физического. Будучи поработен военной силой, русский человек ни на минуту не сомневался в своем превосходстве в области духовной над завоевателем. За его спиной уже была святая София киевская, а победа врага мыслилась как попущение Божие за маловерие и отступление от заповедей Христа Спасителя. Мощный голос духовных наставников народа, его пастырей, таких, как Серапион, епископ владимирский, в самую тяжкую годину испытаний призвал народ к духовной чистоте; «Большую печаль в сердце своем ношу из-за вас, дети мои, — пишет преподобный святитель Серапион своей пастве, — потому что нисколько, вижу, не отвратились вы от дел непотребных. (...) Если кто из вас разбойник — разбоя не бросит, если крадет — воровства не оставит, если другого кого ненавидит — враждует без усталы...» И для чего эта неправда творится, ведь «несчастный и

не думает, что как родится нагим — так и отходит, ничего не имея, кроме проклятия вечного...». И вот результат: «Страшно, дети, подпасть под божий гнев. Почему не думаем, что постигнет нас, в такой жизни пребывающих? Чего не навлекли на себя? Какой казни от Бога не восприняли? Не пленена ли земля наша? Не покорены ли города наши? Давно ли пали отцы и братья наши трупem на землю? (...) Вот уже к сорока годам приближаются страдания и мучения, и дани тяжкие на нас непрестанны, голод, мор на скот наш. Кто же нас до этого довел? Наше безверье и наши грехи, наше непослушанье, нераскаянность наша!» Не к оружию и отмщению призывает владыка, что, кажется, было бы естественно, но на самом деле губительно и для души, оскверненной грехом, и для тела, ставшего бы в таком случае владычицей омертвевшей души.

«Вспомните достойно написанное в божественных книгах, что и Владыки нашего самая важная заповедь — любите друг друга, милость имейте ко всякому человеку, любите ближнего своего как самого себя, тело свое сохраняйте чистым, не оскверняя его, а коль осквернили, то очистите его покаянием; не возгордитесь, не воздайте злом за зло. Весьма ненавидит Господь Бог наш злопамятного человека». Следует оставить «безумье и неправду».

И призыв пастырей был услышан; медленно собиралась Русь под знамя московского князя, и наступил момент, когда «рассыпались поганные в смятении и побежали непроторенными дорогами в лукоморье, скрежеща зубами и раздирая лица свои...», а в «Русской земле разнеслось веселье и ликованье. Преодолела слава русская хулу поганных»,

Долгие думы были пережиты и выстраданы в эти годы сурового и беспощадного иноземного гнета. Не одно поколение русских людей размышляло о смысле исторического процесса и о смысле жизни, и в конце концов навсегда утвердилось в мысли, что Бог не в силе, а в правде. Были обдуманы и решены все вопросы внутренней и внешней политики на много столетий вперед. Идеалы свободы русского человека утвердились прочно. В те суровые века только свободно делающий свое дело народ мог отстоять свое право на существование. Из-под палки такого дела не сделаешь. «Ляжем костями, мертвые бо срама не имут». Но надо было не только лечь костями, но научиться жить, выработать такие идеалы, в которых дело земли и твое дело будут неразделимы. Горели села и города, никто не знал, где застанет его завтра, женщины не успевали рожать детей, и на громадных пространствах среднерусской долины белели лишь кости и летали вороны. В таких условиях каждый человек должен был знать свое место в общем деле. А дело было действительно общим. Считается, что только в результате походов Батыя русских осталось не более одной четверти, из десяти минимум погибло семь человек. А с запада двигалось крестоносное воинство.

И когда по слову Сергия Радонежского и под стягом Дмитрия Донского силы врага были надломлены, вся программа дальнейшей народной жизни была полностью и на долгие века готова. Каждый русский человек — крестьянин и боярин, дружинник и великий князь — точно знал, что хорошо и что плохо, чему поклоняться и чего беречься. Все говорили одним языком и всем сердцем поклонялись одному Богу. К этому времени уже существовали прочные традиции народной жизни. Предстояло воплотить свои идеалы в законченную организацию государственной жизни.

Всем было дело, и все были нужны. Рук не хватало. Только с величайшим напряжением всех сил можно было рассчитывать на успех. Ведь последний набег крымских татар приходится на время правления императрицы Елизаветы, и сам Суворов мог бы вполне угодить в рабство и быть проданным где-нибудь на невольничьем рынке Кафы или Стамбула. Такая же судьба могла бы постигнуть и Ломоносова, и профессора Шлецера, любившего порассуждать о том, что первично — норманны или славяне.

Православие, которое в киевский период едва прикрывало языческое суеверие, стало народной святыней, и для всех русских людей стала очевидной промыслительная воля, приготовившая им за два с половиной века до нашествия басурман крещение. В годы духовного забвения и непреодолимой любви ко всему английскому и французскому, немецкому и голландскому стало модным говорить о дионисических культах, их невероятной прелести, о силе и красоте язычества, говорить притом из любви к русскому народу, не понимая того предмета, о котором говорят. Нисколько не вдаваясь в полемику, следует указать только на абсолютную неисторичность таких рассуждений. Выбор был сделан. Два века, когда язычество еще оставалось в народе, у наших матерей и отцов было время решить, во что верить. Этот уникальный опыт двухвековых раздумий сделал народ специалистом по части понимания смысла жизни. Не обладая никакими нравственными основами, общеобязательными и очистительными для человеческой души, язычество могло стать религией в наши дни только для любителей легких шалостей и поисков истины в горах Тибета или в школах «просвещенных братьев». В годы тяжелых испытаний и созидательного труда язычество годилось только в качестве пугала, как изобретение явно бесовское и губительное для души.

В дни угнетения только неугасимая лампада пред ликом Спасителя была маяком и надеждой. Именно в православной вере народ видел воплощение своей души и своей правды.

На долю каждого в отдельности из европейских народов никогда не выпадало столько тягот и лишений, как на долю русского народа; внешняя борьба им не грозила полной гибелью, и они вполне могли позволить себе содержать племя людей, свою интеллигенцию, исповедующую двуличие как

достижение философской мысли. Философы-гуманисты как раз в то время, когда русская земля стонала от кровожадных грабителей, способных грабить и не способных созидать, писали друг другу шуточные послания, полные презрения к «толпе», не знающей тонкостей неоплатонизма и пифагорейства. Отчаянно издеваясь над католическим христианством, они не хотели попасть в «лгуны», и им больше импонировала интеллектуальная доктрина «двойной истины», в соответствии с которой есть две правды: одна для избранных интеллектуалов и другая для невежественной толпы. Для первых гностико-каббалистическая философия, для других — христианская религия. Для интеллектуалов две правды, для народа одна. Русское государство могло стоять только на одной правде, почему в глазах последующих, уже собственных просветителей-интеллигентов XVIII — XIX веков и попало в разряд диких и невежественных. Немало воды должно было утечь, немало труда и пота должно было быть вложено русским народом в его многострадальную землю, прежде чем на ней появятся любители «циркуля и наугольника» масонских лож, со сладострастным вниманием впитывающих в себя, скажем, такие строки любимого писателя:

«Русские никогда не станут истинно цивилизованными, — писал Руссо, — так как они подверглись цивилизации чересчур рано». То есть рано им вообще еще даже и думать о цивилизации, ибо они — ничто, скорее даже величина отрицательная. «Петр обладал талантами подражательными, у него не было подлинного гения, того, что творит и создает из ничего. Кое-что из сделанного им было хорошо, большая часть была не к месту. Он понимал, что его народ был диким, но совершенно не понял, что он еще не созрел для уставов гражданского общества. Он хотел сразу просветить и благоустроить свой народ, в то время как его надо было еще приучать к трудностям этого». В своей оценке русского народа Руссо был не одинок. Интересно было бы поручить цивилизованному Руссо построить нечто на уровне храма Василия Блаженного или Покрова на Нерли. Для того, чтобы эти публицистические перлы просвещенного невежества и истинного варварства могли получить себе место под русским солнцем, нужно было как минимум покончить с набегами степняков, достигнуть немалых успехов в земледелии и ремеслах и дать такой государственный доход, чтобы на него можно было содержать и армию, и чиновников, и писателей, и журналистов, и преобразователей, и просветителей, и скульпторов, и архитекторов, дабы те воздвигали свои европейские Парадизы.

В отношении Петра I высказывались идеи более трезвые и менее романтические, чем пушкинские строки из «Полтавы». Петр не только не прорубил окно в Европу, а скорее закрыл его, и, как показала историческая практика, закрыл надолго. Надев мундиры, капитально разорив страну — так, что по ряду губерний недосчитывалось до 40 процентов населения, — создав громоздкую чиновничью машину, он пошел по тому же пути закабаления всего

населения, что и Иван IV, то есть применил далеко не европейские методы хозяйствования. И, как ни покажется это парадоксальным, именно поэтому, возможно, и вызвал, столь длительные и устойчивые симпатии многих историков прошлого и настоящего. По крайней мере, по ходу изложения материала эта мысль, возможно, станет менее неожиданной, чем теперь.

Так или иначе, но именно с его преобразований начинается новая веха в жизни страны.

Общий подъем, хозяйственный и культурный, наметился уже с тридцатых годов XVII столетия. Распавшаяся и прекратившая свое существование как государственный организм, Россия вышла с честью из тяжелого испытания Смутного времени. Опираясь исключительно на свои силы, при еще слабом, совсем молоденьком царе, еще разоренная и голодная, полная разбойничьих шаек, с пустой казной, Россия не только отстраивается, но и вынужденно ведет оборонительные войны на юге и западе. «Кто сомневается в разуме Русского народа за время до воцарения Петра I, — пишет в своем донесении королю прусский дипломат Фокеред в сентябре 1737 года, донесении, не предназначавшемся для публикации, — тому следует только бросить взгляд назад на Русскую историю и взвесить все то, что совершилось в предыдущем столетии, когда русские после того, как государство раздробилось... на бесчисленное множество партий и внутренними и внешними врагами приведено было на край гибели (...), когда русские, говорю я, после стольких бедствий, собственными силами и твердым образом действий, без всякой чужеземной помощи, без малейшего содействия со стороны какого-либо иностранного министра или полководца, с помощью того же военного искусства, которое сохранилось у них исстари, не только восстановили свою монархию, очистили отечество от столь могущественных врагов « менее чем в 50 лет вернули все те области, которые были ими поневоле уступлены до Ингрии и части Карелии, но сверх того отторгли от Поляков, кроме Смоленска, еще Киев, Чернигов и Северскую область. Они даже вынудили Оттоманскую Порту, находившуюся в то время на высоте могущества и величия, уступить им Казаков вместе со всею Украиною. И все это совершилось в царствование государей, которые не отличались ни особенным мужеством, ни превосходством разума и к тому же исходили от такого нового рода, что их первому царю Михаилу едва ли удалось бы доказать правоспособность свою, если бы он принадлежал к одной из Германских династий».

Нам известен облик русского крестьянина, из года в год беднеющего на протяжении веков. Эмоциональным дополнением, подкреплением, так сказать, этой концепции стали радищевские описания забитого и бессловесного, как скотина, замotanного в тряпье, дурно пахнущего мужика или бабы. Впрочем, начало этому гротескному описанию крестьянина, долженствующему вызвать к нему жалость и брезгливость, а помещиков представить звероподобными,

положили, как известно, петербургские, а затем московские мартинисты. Именно в 70-е годы XVIII столетия в просветительской литературе появляются бесчисленные «путешествия», не утруждаемые даже выходом «за сбором материала» за пределы кабинета. Написанные с заранее заданной целью, они и не нуждались в какой-либо правдивости. Таков, например, «Отрывок путешествия в...*** И...*** Т***», появившийся в новиковском журнале «Живописец» (выходил в Петербурге в 1772-1773 годах) и ставший образцом для всех последующих «путешествий» просветительской литературы. Посмотрим, как современный литературовед анализирует это произведение. «Вначале здесь заявляется тезис, определяющий задание — доказать виновность помещиков в нищете крестьян. ...Отрицательное чувство по отношению к виновнику нищеты крестьян все более и более обостряется, но вместе с тем усиливается и впечатление какой-то рассудочности и искусственной патетичности обличения. Впечатление это возникает от того, что писатель не столько размышляет по поводу виденного, сколько стремится убедить читателя в истинности того, что он видел».

Мрачная картина несуществующей деревни в духе жалостливого сентиментализма и желания вызвать во что бы то ни стало слезу усиливается наслоением деталей. «Искусственность такого приема разоблачения нельзя не заметить», — замечает исследователь и здесь ошибается.

Десятки поколений гимназистов и школьников принимали и принимают за чистую монету эти описания путешествий, которых никогда не было. Им и невдомек, что они имеют дело со «свободой вымысла», которая есть «свобода» присочинения ситуаций одного и того же смыслового ряда. В качестве приема использовалось знание деталей. «Именно знание деталей должно было убедить читателя в том, что автор — очевидец описываемого», — пишет современный исследователь. Уже в то время, как мы видим, журналисты не зря ели свой хлеб и хорошо знали психологию читателя. И в последующие годы никакой другой информации, более достоверной и меньше связанной с пропагандистскими целями просветителей-мартинистов, школьникам не предоставлялось и не представляется до сих пор.

Именно поэтому разоблачители русской деревни имели возможность «последовательно подстраивать все новые и новые факты, ситуации». Перед нами предстает убогий крестьянин, не способный постоять за себя, человек без мысли и идеалов. Он думает только о еде, его речи — это сплошные жалобы на притеснения, его жизнь — это сплошная мука, лишенная всяких человеческих представлений о достоинстве, любви и счастье. Напротив него стоит жалостливый барин, снисходительный и образованный. Мы, правда, нигде при этом не видим, чтобы этот самый барин с чувствительным сердцем бросался на помощь страдающему и обремененному русскому крестьянину. Мучитель всегда отсутствует, и роль просветителя сводится к сочувственным вздохам и

патетическим восклицаниям. Любопытно, что примерно в то же самое время, когда Новиков опубликовал свое «Путешествие в...» и Радищев свое «Путешествие из...», англичанин-путешественник, вполне реальный, оставил свои путевые наблюдения.

Он описывает Москву, повальную любовь москвичей к игре в шашки, отмечает богатые рынки, на которых продаются ананасы, выращенные в самой столице; особенно его поразило, что торгуют разборными домами на любой вкус, так что покупатель только заявляет, сколько ему нужно комнат, и либо перевозит дом сам, либо покупает его с условием, что ему его привезут на место и приспособят сразу для жилья. Причем англичанин с удивлением отмечает, что дома эти и обширные, и с красивыми фасадами («Русская старина», 1873, № 2).

По пути из Москвы в Петербург он остановился в доме священника, «который ничем не отличался от прочих изб» и был чистый и уютный. Священник был одет в крестьянскую рубаху и отличался от крестьян только своими длинными волосами. Вместе с матушкой и всей своей семьей он занимался «приготовлением икры из рыбы, которая ловится в большом количестве во Мете».

По дороге путешественники видели в большом количестве быков, которых гнали из Украины в Петербург.

Деревни, попадавшиеся ему на дороге, имеют одну улицу с избами и «хорошо приспособлены для здешнего сурового климата».

«В обращении друг с другом крестьяне в этой местности очень вежливы, при встрече снимают шапки и кланяются». Далее он отмечает: «Крестьяне тут хорошо одеты и хорошо питаются: обычную их пищу составляет ржаной хлеб, изредка белый, овощи, грибы; разного рода пироги, свинина, соленая рыба, похлебка, сильно приправленная луком и чесноком». Грибов великое множество и всех разновидностей. Следует любопытное наблюдение, характеризующее быт русского простонародья.

«Во время моего путешествия я был поражен удивительной любовью русского народа к пению — крестьяне, исполнявшие обязанности ямщиков, взобравшись на козла, тотчас начинали напевать и пели не переставая несколько часов: ямщики поют от начала станции до конца; солдаты поют во время похода; крестьяне поют во время работы; не раз среди вечерней тишины я слышал, как неслись песни из окрестных деревень».

Между тем песня, которую поет Радищев о горестной судьбе русского крестьянина, взята им не из русских деревень. В ней отчетливо звучит мартинистская тема, заимствованная из масонских лож храма Соломона. Она исполняется защитником «вольности и прав» Радищевым в классическом ключе вольных каменщиков. В главе «Бронницы» автор обращается почему-то к «Строителю и Содержателю природы» и восклицает: «...почитание его однакож

стремится к Тебе Предвечному, и он трепещет пред Твоим могуществом. Егова, Юпитер, Брами, Бог Авраама, Бог Моисея, Бог Конфуция, Бог Зороастра, Бог Сократа, Бог Марка Аврелия, Бог Христиан, о Бог мой! Ты един повсюду». Для того чтобы сравнить Егову с Христом Спасителем, немало должно было пройти времени, и без петровской реформы едва ли это было бы осуществимо. Пути русской православной церкви продолжали оставаться путями святой Руси, по которой шла Россия мужичья, трудовая, мещанская и купеческая. Россия чиновничья, мундирная и салонная перед грудой костей и черепом клялась в вечной верности и послушании невидимым заморским начальникам и «вечному, всемогущему Иегове духом и истиною» (Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917, с. 70)³.

Известно, что все интеллигенты немецкой слободы стали для Петра профессорами первого для него «западного университета». Вместо истины богооткровения он свято уверился в истинах «естественного права». Возможно, что наиболее импонирующим в этом древнем учении о «естественном разуме», «естественном праве» и «естественной религии»⁴ было признание любого человеческого поступка, как естественного и в некотором смысле даже неизбежного... любого. Со стеснительной дисциплиной религии Спасителя и Его богооткровенного сосуда — церковью — было покончено.

А вместе с тем и со всем ее духовным опытом, и с культурным наследием Московской Руси. Московские бояре уже давно тяготились своей нравственной зависимостью от церкви, и по мере того, как улучшалась жизнь и все меньше врагов возникало на границах страны, им больше хотелось радоваться земным утехам, не испытывая угрызений совести, которые иной раз могут испортить любое удовольствие. Русский простолюдин тоже хотел и умел радоваться, но эти радости он получал в первую очередь от сознания верности заветам предков и церковным правилам. Его совестливость не давала ему заснуть и умереть духовной смертью. И он ведь не был глуп или забит. Могли ли забитые и глупые справиться с теми задачами, которые стояли перед ними задолго до внедрения в жизнь русских людей идей гедонизма, проповедуемых «естественными религиями» с их неестественными пороками, с их досужими размышлениями о добродетелях, измеряемых «циркулем разума и отвесом равенства». Уже цитированный нами прусский посланник Фокеред пишет: «Даже если не брать на себя труд в том (то есть что не могли бы «глупые и пустые» люди достигнуть того, о чем уже говорилось выше, то есть восстановить государство и раздвинуть границы после Смутного времени.

В.О.), то стоит лишь остановиться на простом русском гражданине или крестьянине, на которого не распространялись (! — В.О.) образовательные стремления Петра I, и вникнуть, насколько в нем заметно проявление ума и душевных сил. При подобном наблюдении немедленно окажется, что русский вообще всюду, где он не связан предрассудками своего отечества и своей веры, одарен здравым природным умом и ясным суждением; что при этом он обладает необыкновенной способностью понимания, большою находчивостью в изобретении средств к достижению своей цели и умением обращать в свою пользу малейшее благоприятное обстоятельство». Фокеред также отмечает, что «большинство русских людей одарено достаточным природным красноречием при предъявлении своих нужд и разумной разборчивостью между тем, что может быть полезным или вредным». Не имея никакой нужды проводить какую-либо предвзятую линию суждений, так как записка не предназначалась, как уже было сказано, к публикации и имела исключительно служебный характер, Фокеред далее заключает свое рассуждение о характерах русских людей так: «И при этом все это (т.е. сообразительность и рассудительность. — В.О.) проявляется у них в несравненно больших размерах, чем мы привыкли встречать среди простонародья в Германии или где бы то ни было».

Не подлежит сомнению, что личные наклонности Петра и его окружения сыграли не последнюю роль в характере его преобразований. Садизм Петра, его крайняя развращенность, противоестественные наклонности вполне сочетались с кошунственными обрядами его всепьяного «собора», где «птенцы Петра» предавались самым грязным порокам в духе своего властелина. Царь-палач, наслаждавшийся предсмертными судорогами своих истерзанных жертв, которым он сам ломал руки и ноги, душил и жег, и в этом, как и во многом другом похожий на Ивана IV Грозного, у москвичей не вызывал ничего, кроме отвращения. Его память чтилась только гвардейцами, «которые не могут забыть значения и отличия, принадлежавшего им в его царствование» (Фокеред. Указ соч., с. 1415). Правда, культ Петра, разу после его смерти приобрел официальное значение. Но поддержки не находил, наоборот, «...большинство... не только возводит на него обвинение в отвратительнейшем разврате, которого без особенного стыда не может коснуться никакое перо, но и в самых ужасных жестокостях». Преобразования Петра, вызывавшие столько восторгов среди рожденных этими же преобразованиями чиновников и литераторов, не вызывали радости со стороны современников Петра⁵, как, впрочем, и в последующем со стороны крестьян, то есть едва ли не 85 процентов населения страны.

³ Подробную библиографию см. в конце книги.

⁴ По воззрению масонов, суть «естественного» заключена в еврейском учении — Торс, точнее, каббале, которая включает в себя «план мироздания» по мнению иудаистов. (Здесь и далее прим. автора).

⁵ См. Фокеред. Указ. Статья: «Но всего менее могут русские вообще преодолеть отвращение к тем порядкам, которые введены Петром I в управлении государством и подавить в себе пламенное стремление избавиться от школьной указки иностранцев и восстановить образ правления на старых основаниях» (см. Библиографию).

«На эту часть нации правительство, что случается при победивших революциях, смотрело как на сборище недовольных, почти как на бунтовщиков», — писал Герцен. Для большинства же населения реформы Петра представлялись «не только покушением на их обычаи и образ жизни, но вмешательством государства в их дела, бюрократическими придирками, каким-то неясным и неопределенным отягощением их рабства» (А.И. Герцен). И это при том, что создание «табели о рангах» открывало путь в дворянство представителям всех сословий, включая и крестьян. «Сын крестьянина, освобожденный общиной или помещиком, после окончания гимназии делается дворянином. Лицо, получившее орден, живописец, принятый в академию, становится дворянином» (Герцен). Любопытны те доводы, который приводили русские против реформ Петра: «Петербург и морское ведомство представляется их глазам каким-то чудовищем», — пишет Фокеред. По чести сказать, и по прошествии почти трех столетий этот град Петров вполне выглядит и сейчас как искусственное построение. Особенно если знать, что его строительство представляло, по существу, первый концентрационный лагерь на территории страны. Не только русские, но и иноземцы не могли понять смысла строительства этого города, находящегося рядом с враждебным государством, удаленного от всех жизненно важных центров страны. Конечно, перенесение столицы — это нечто большее, чем экономические интересы. С Московской Русью новая англо-немецко-франкоязычная чиновная администрация не хотела иметь ничего общего. Да она и не смогла бы существовать в Москве. В момент проведения реформ государству, как известно, не угрожал никакой враг. И поэтому большинство населения неодобрительно отнеслось к военным «развлечениям» Петра, положившего в землю едва ли не миллион своих подданных и наполнившего дороги страны увечными ветеранами. Россия и до Петра успешно вела свои войны, в государстве производились необходимые преобразования, существовали и полки иноземного образца. Речь поэтому не идет о технических новшествах в государстве, которое всегда стояло на уровне своего века и без чего защита границ от сильных и опасных врагов была бы немыслима. «Вот если бы наше отечество подверглось нападению неприятеля или нашему благосостоянию угрожала бы опасность, то мы сочли бы себя обязанными соединиться все воедино и, отложив в сторону всякие неудобства, содействовать нашему государю в защите своих границ. И это мы всегда, без всякой чужой помощи и указания исполняли честно и с таким успехом, что после усмирения тех смут, которые иностранцы вызвали у нас сто лет назад, никакой неприятель не приобрел ни пяди нашей земли, и, напротив того, нам удалось вернуть все области, отвергнутые у нас нашими соседями во время этих смут, даже бесплодную Ингерманландию. Все это мы выполнили охотно и с радостью, потому что были убеждены, что мы боролись за свое собственное благо и что после испытанных опасностей мы пожнем в нашем отечестве, под

сенью мира, плоды наших усилий»; сейчас, «ни один сосед не расположен оскорблять нас. (...) Тем не менее не успеваем мы заключить мира, как уже задумывают новую войну, не имеющую по большей части иного основания, как честолюбие государя или даже его министров. Им в угоду не только изнуряют наших крестьян до последней кровинки, но мы вынуждены нести службу лично и покидать наши дома и семейства на долгие годы», и «когда нам наконец посчастливится быть уволенными от службы по старости или по болезни, то мы до конца нашей жизни не можем восстановить нашего благосостояния», — передает мнение русских тот же Фокеред.

В последующей интеллигентной обработке этой же, петровской, темы явно зазвучала нищезанятая тема героя-одиночки, просвещенном в некоем святилище светом истинного знания и борющемся с собственным народом во имя блага государства. В этом образе Петра I угадывается Хирам, строитель храма Соломона из масонской легенды, Прометей, Данко...

Государство стало мыслиться в соответствии с идеями утойистов и просветителей как некий «Левиафан» Гоббса, как нечто обладающее исключительно самостоятельной ценностью и, в сущности, вполне могущее существовать и без населяющих его жителей. Перед нами законченный образец тоталитарной идеологии, рожденной в просветительскую эпоху «культуры разума». Счастье человека заменяется счастьем государства. Эта идея нашла себе законченное выражение у Кампанеллы, Томаса Мора, Морелли в его «Кодексе природы», этом вдохновляющем образце для французской революции и бабувистов, а также в ряде произведений масонских Утопий, о чем речь пойдет дальше. Петр, сей один против своего отсталого, дикого и погрязшего в невежестве народа, проводит свои спасительные реформы. Идея героя-одиночки и темной невежественной толпы, идея масонско-иудейской догматики, вошедшая в наши учебники. Современный историк вполне в духе вышеописанной схемы, являющейся метафизической догмой, провозглашенной впервые еще 260 лет назад понятливым Феофаном Прокоповичем, пишет: «Собственно, в прежнем своем состоянии исконного боярского бездействия (? — В. О.), невежества и самодовольной спеси Россия не только никогда (почему «никогда»? — В.О.) не пробилась бы к Балтике, она обрекла бы себя на утрату независимости». В этой цитате слышишь голоса создателей мифа о «темной и невежественной России», осчастливленной лишь гением Петра. Предположим, что и «осчастливленной», но вот историческая справка относительно боярского исконного бездействия вообще, и «спесивой России» в частности.

Итак, «представление о боярстве как постоянной аристократической оппозиции во многом возникло под влиянием знакомства с историей Западной Европы», — пишет историк Кобрин. Заметим, возникло в наших представлениях движимых желанием подвести русскую историю под средний европейский стандарт чтобы все было «как у людей». «Но сопоставление это

грешит неточностью. Прежде всего, на Руси не было боярских замков. (...) Когда подходил неприятель... боярин никогда не принимался за укрепление и оборону своей собственной усадьбы. Летописи при описании военных действий обычно говорят о сожжении сел, то есть усадеб, и осаде городов. Русские бояре защищали (ср. — «состояние исконного боярского бездействия») не каждый свое село, а все вместе — княжеский (позднее — великокняжеский) град и все княжество».

«С молодых лет они участвуют в многочисленных войнах, которые вело Русское государство. Сабельный бой конных отрядов в ...битве, где не было ни отдаленных командных пунктов, ни дальноточной артиллерии, уравнивал перед лицом опасности воеводу и его подчиненных. Пожалуй, для воеводы риск порой был даже большим: в решающие мгновения он должен был оказаться впереди — во главе, в буквальном смысле этого слова, своего полка. (...) Именно на воеводу старался направить свои удары неприятель: его убить и выгоднее для победы, и престижнее. В родословиях боярских родов при многих именах стоят пометы о гибели в той или иной битве. Видимо, воинская доблесть входила в систему ценностей бояр.

До нас не дошло даже сообщений о том, что, мол, такой-то боярин трусил в сражении». Талантливые полководцы, организаторы охраны рубежей от набегов крымских ханов и западного порубежья, они несли свою нелегкую службу, не подозревая, что когда-нибудь их назовут бездельниками, спесивыми и невежественными. Их, чьи тела были покрыты шрамами, кто не сходил сутками с коней, тех, кто, как Скопин-Шуйский, в 23 года командовал войсками и громил интервентов, кто, как Михаил Васильевич Воротынский, разгромил войска крымского хана в 1572 году и спас и Москву, и всю страну от страшного опустошения и кто был убит царем, еще недавно числившимся у наших историков в штате записных благодетелей русского народа, Иваном Грозным.

Когда Юрий Иванович Шемякин-Пронский первым ворвался во главе своего семитысячного полка в Казань при штурме и обеспечил полную победу русскому воинству, ему было чуть больше 20 лет. Верные сыны своего отечества. Их тела были покрыты шрамами, как и тело России.

Боярское бездействие — откуда взялось это государство? Кто его строил? Чьим духом и Разумом? Невежество, говаривал Пушкин, не знает свою историю. Это есть варварство. И наконец, «самодовольная спесь России».

Оставим на совести автора само выражение, но заметим: да, спесивые в ней были, и мы их увидим, но были ли они Русью? Читатели сами увидят, чьими сынами они были, эти спесивые.

Теперь о независимости. Этот обычный аргумент, обладающий доказательностью предыдущих утверждений автора и, надо признать, весьма распространенный среди историков прошлого и настоящего, звучит несколько

странно, если имеешь желание познакомиться с политической картой Европы того времени, когда Петр начинал свою реформу.

Трудно сказать, чего больше в доказательствах величия Петра у наших историков — нелюбви к России или любви к Петру? Как раз к концу XVII века Россия покончила с опасностью утраты своей независимости и сама перешла в наступление как на своих южных соседей, так и на западных, осуществив воссоединение с Малороссией и вернув Смоленск. Перед угрозой утраты независимости оказалась скорее Польша, вступившая в полосу внутренних неурядиц.

Шведы... Но как будто никто не подозревает шведов в желании и возможности захвата ими России. Совершить поход грабительский могли, но вот захватить — сомнительно, мягко выражаясь.

Но существует другой факт, касающийся утраты независимости (цит. по: Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра I. М., 1984, с.118): Петр I заимствовал на Западе у Гуго Греция и Пуфендорфа модную теорию о превалировании государственного над частным, личным, во имя идеи «сумма бонум», всеобщего блага. Государство, как чиновническо-бюрократический идеал какого-то отвлеченного метафизического начала, должно было полностью подчинить себе духовные начала народа, в первую очередь — церковь. Бюрократическая власть, существующая, поелику возможно, сама для себя, приобретает сакральный характер, со своими пророками и жрецами, становится самодовлеющей, лишенной положительного духовного содержания, властью, где само представление о некоем благе народном является более чем условным. Все во имя народа и все против народа — таков девиз новой власти и именно так и охарактеризовал, как мы видели, Герцен подобную ситуацию в стране, образовавшуюся в результате Петровских реформ. «Невежественный класс не будет отныне оказывать влияния ни на законодательство, ни на правительство; все делается... во имя народа, ничто не делается его собственными руками и под его неразумную (! — В.О.) диктовку». Так сказал на этот счет Кабанис, «брат» Вольтера, Франклина, Дантона, Парни и многих других достойных людей западного просвещения по масонской ложе «9-ти сестер». «Если чернь примется рассуждать — все погибло», — любил говаривать Вольтер. Эта монументальная мысль принадлежит всему Просвещению, которое принес Петр в Россию вместе со своими фрегатами, департаментами, морями и «окнами». Это олигархическая идея «демократического централизма».

Отныне власть и народ будут сотрудничать только в минуты роковые для России, и тут же расходиться. Не удивительно, что для осуществления подобной реформы потребовалось призвать на помощь иностранный легион, начавший колонизацию России. Ее верхи полностью утратили всякие признаки духовной независимости и, обуреваемые комплексом неполноценности, с

подобострастием взирали то на немцев, то на французов, то на англичан, решительно не ведая, в какой стране они живут и для чего живут, чей хлеб едят.

С момента гибели Константинополя Московское государство приняло на себя высокую миссию «Третьего Рима» и стало духовным наследником Византии. Генуэзские и венецианские купцы, западные гуманисты-туркофилы видели в османах в XVI и XVII веках некий идеал справедливости. По крайней мере, что касается купцов, то для них справедливость воплощалась в больших барышах, а для гуманистов, ненавидевших католическую церковь, в османах рисовались радужные мечты о некоей антихристианской социальной справедливости. Московское государство отныне воплотило в себе мировое православие и стало объектом бесконечной ненависти как «латинян-католиков», так и всякого рода сектантов, внутренних и внешних. Под влиянием православия и идеи «Святой Руси» выковывается могучий культурно-исторический тип русского народа, который и начал создавать Великую Империю. Однако этому мирозерцанию приходится выдержать нелегкую борьбу как с ересью жидовствующих, соблазнившую в XV веке и некоторых представителей великокняжеской семьи, и немало простых мирян, так и тяжелые испытания Смутного времени. Однако в период Петровских реформ наступает враг более мощный и коварный. Боярская прозападническая верхушка нашла в Петре выразителя своих интересов. Так казалось многим боярам: отнять власть у Церкви — и можно жить спокойно и в свое удовольствие. Эти тенденции вмешательства государственного, светского начала в дело церкви обнаружились уже в Уложении 1649 года, но наиболее ярко и драматически они проявились в судьбе патриарха Никона.

Со смертью патриарха Адриана (1700) кончается патриарший период и начинается синодальный, канонически дефектный в управлении православной церковью. Особенно тяжелые потери понесло русское монашество. Известно, что Петр живо интересовался устройством религиозной жизни в протестантских государствах, во время своих путешествий по Европе он посещал их соборы и встречался как с пасторами, так и раввинами (см.: Богословский М. М., Петр I. Материалы для биографии. Т. 2., с. 161, 323, 367. Л. 1940). Он был бы не против вообще ликвидировать православие, как ему неоднократно советовали пасторы и раввины. Однако Петр, выслушивая эти советы, только улыбался. Вы не знаете, что вы говорите, отвечал он. Пойти на такую меру он не мог, боялся. После смерти патриарха прошло 20 лет, а он все думал, на что решиться. И именно те из бояр, кто так активно нападал на Никона, посоветовали ему не назначать больше патриарха. Среди русского духовенства у Петра I не было сторонников в проведении церковной реформы по протестантским образцам, и он обращается за помощью к духовенству малороссийскому, получавшему образование в Киево-Могадянской академии, где богословие было построено по католическому образцу, преимущественно иезуитскому. Феофан Прокопович

стал подлинной находкой для Петра. Он полностью отверг ценность монашества, краеугольный камень русской православной аскезы, духовного опыта христианина. Особенно любопытно изданное в 1724 году «Объявление о звании монашеском», написанное Феофаном по заказу властей и содержащее резкие нападки на монашество. Во 2-й части «Духовного Регламента», составленного им же, читаем: «Не принимать в монахи ниже тридесатого году возраста. Женщин моложе 50-ти не постригать. Скитков пустынных строити не попускати. Монахам никаких писем, как и выписок из книги, не писать, чернил и бумаги не держать». Церковь отстранялась от народного образования, от школы.

Запретив монаху держать у себя в келье перо и чернила и даже делать выписки из книг, новая немецкоязычная власть обнаружила свою враждебность духовным началам русского народа, враждебность, которая не может окупиться никакими представлениями ни о какой «сумма бонум». Что за ценность — эта «европейская цивилизация», ради которой можно прикончить и человеческую душу? В 1723 году последовал еще один указ: «Во всех монастырях учинить ведомость, колико в них монахов и монахинь обретается, и впредь отнюдь никого не постригать, а на убылые места определять отставных солдат». В результате последующих правительственных реформ наследников Петра монастыри обезлюдели, богатые обители обеднели до крайности и, прежде небогатые, закрылись, а церкви в монастырях нередко стояли без глав и крестов, их крыши прорастали мхом, а «кельи, покосившись в сторону, стояли на подпорах, ограды были полуразрушенными». Не хватало иеромонахов, в монастырях доживали свой век престарелые и больные. Случалось, и нередко, что все разбредались и монастырь закрывался. А ведь именно монастырские школы были главными очагами народного образования и грамотности. В результате реформ Петра общая грамотность народа резко упала и во времена Александра I была ниже, чем при царе Алексее Михайловиче, о чем, кстати, писал и Пушкин.

Одновременно, а правильнее сказать, благодаря реформам, появляется новый тип русского человека — чиновник, и возникает потребность в новой идеологии. В идеологах нуждался уже Петр. Однако его «птенцы» умели присваивать в обширных размерах народные деньги, не очень хорошо воевать, но идеологами быть они и вовсе не умели. Земское, общее государево дело, бывшее делом всей земли, сменяется теперь делом «государственным», отчужденным от народа и олицетворенным в чиновнике. И теперь, когда цели и деяния созданного на европейский лад правительства с полным отстранением народа от участия в жизни своего же государства стали неясны и туманны, потребовались комментаторы «государственного интереса». Последующие историки, с тяжелым вздохом пропускающие весь период Московской Руси, прокатным штампом пройдясь по «бездельникам боярам» и «дикарям

крестьянам», которых только из интеллигентного камуфляжа под выразителя «интересов народа» не называют именно таким словом — «дикари», с радостным облегчением, как на некоем оазисе, или, вернее, на долгожданном веке Астреи, останавливают свой влюбленный взор на Петре и последующем петербургском периоде российской истории. Здесь не колет глаза ничья излишняя правдивость и жертвенность. В обилии появляются бунтари, а куртуазные нравы дворянства становятся идеалом тогда же и появившейся интеллигенции. Теперь — все как там, у них, в Европе: и классовые бои, и бунтари, и парадизы, и масонские ложи. одним словом, все как у людей. Петровские преобразования открыли без всяких выстрелов на границе русские просторы для двенадцати языков западных искателей «счастья и чинов». Не только две столицы наполняются этими языками. Уже ко времени императрицы Елизаветы воспитание молодого поколения дворян переходит в руки немцев, англичан и французов. А нередко в качестве гувернеров выступали и евреи, выдающие себя за французов или немцев, как о том пишет Вигель: «При сестрах моих являлись по временам какие-то мамзели, немки или французенки, а может быть, крещенные жидовки, которые за таковых себя выдавали, но доказанное невежество или безнравственность скоро заставляли отсылать их» (Воспоминания. М., 1866, т. 1, ч. 1, с. 69).

Книжная продукция на протяжении едва ли не всего XVIII столетия составлялась исключительно из сочинений западных литератур, переводов или подражаний им.

Своей подобной пока нет. Это станет делом братьев Соломоновых наук, рыцарей Орла и Пеликана, наследников «некоей философской секты» в Иудее, как любил называть профессор Московского университета Шварц просветителей-интеллигентов, членов масонских лож.

Можно наугад открыть биографию любого деятеля культуры и политики XVIII или XIX столетий и посмотреть, кто их воспитывал. «В высшем кругу московского общества обучение и образование юношества исключительно поручалось иностранным домашним наставникам, которых преимущественно выписывали из Женевы, Монбельяра и Страсбурга», — пишет о периоде правления Екатерины II Д. П. Рунич. Болотов оставил схожую картину своего воспитания, протекавшего под руководством немца, нещадно бившего мальчика. Впоследствии Болотов сам постигал премудрости западной мысли по рационалистической философии Вольфа и немецким романам.

...Никита Муравьев родился 19 августа 1795 года, когда уже не надо было посылать молодых дворян в Европу, как в первые годы правления великого реформатора, а сама Европа покатила в Россию осваивать «Дикий край» Бармы и Постника, преподобных Сергия и Иосифа Волоцкого, Елифания Премудрого и прочих «дикарей», вполне способных пропитать многочисленную орду

цивилизаторов. И, как следует по логике вещей, пропитать лучше, чем они, цивилизаторы, питались у себя, в своих цивилизованных странах. Воздействие «цивилизаторов» на русское общество можно увидеть на примере семьи Муравьевых, давшей двух декабристов.

Отец Никиты построил воспитание своих сыновей на идеях отнюдь не вышеупомянутых «дикарей», то есть не на идеях русской традиции. В его библиотеке имелись пособия Амоса Коменского, известного идеолога реформированного английского масонства, основателя многих тайных обществ. Известно, что составитель Устава Вольных Каменщиков, пастор и богослов Андерсен, за основу своего Устава взял именно сочинения Амоса Коменского, члена общины моравских братьев, этого порождения секты вальденсов и альбигойцев, исповедовавших гностико-каббалистическое учение манихеев. (см.: Геккерторн. Тайные общества. СПб., 1876, ч. 1.) В библиотеке отца будущего декабриста Никиты имелись и произведения Фенелона, учителя Михаила Андрэ Рамзая, основателя высоких степеней Ордена вольных каменщиков, крупного мистика. Книга Руссо «Эмиль, или О воспитании» пользовалась особым уважением отца декабриста, и, по чести говоря, на ней, этой книге, следовало бы остановиться подробнее. Заложенные в ней идеи ограниченных потребностей и уравнительного «братства» послужили исходным идейным материалом для многих утопий тоталитарных государств. Утопий, которым нашлось место и на земле и осуществление которых дорого обошлось человечеству и русскому народу особенно. После смерти отца за воспитание будущего декабриста Никиты Муравьева, возвращенного «в идеях (в конце концов! — В.О.) национализма и вдохновленного образцами античной доблести» (Н. М. Дружинин), взялись двое гувернеров: один из Парижа — Мейер, а другой из Швейцарии. Об одном из них, Мейере, Ф. Ф. Вигель сообщает, «...он был совершенно каторжный. Я слышал и читывал о санкюлотизме, бывшем в ужаснейшие и отвратительнейшие дни французской революции, а не имел об нем настоящего понятия; он мне предстал в лице г. Магиера (т.е. Мейера. — В.О.). Наглость и дерзость, безнравственность и неверие перешли в нем за границы возможного. Не понимаю, как пустили его в Россию, а еще менее, как одна нежная и попечительная мать могла поручить ему воспитание любимейшего сына. Мальчик... от пагубных правил, почти в младенчестве внушенных ему сим отравителем, сделался почти преступным и кончил несчастную жизнь, едва перешел за обыкновенную половину пути ее». В стране, где господствующей религией была христианская православная, будущего исповедника национальной идеи «идеям религиозным» учил аббат Шокель. Надо ли говорить, что и преподавание всех учебных предметов велось на французском языке, «не исключая и родного русского языка» (!). Муравьев хорошо изучил латинский и греческий и мог самостоятельно переводить Тацита, постигая всем сердцем республиканские доблести и ненависть к

тиранам. То ли эта ненависть к тиранам, то ли уроки аббата, то ли просто природные способности и наклонности, но составитель первой русской конституции прекрасно овладел искусством добывания денег. искусством делать гешефт, следуя в этом по стопам таких духовных наставников, как Вольтер, Бенжамен Констан, Руссо и прочие защитники «вольности и прав». Будучи владельцем 3,5 тысячи душ и 57 тысяч десятин земли, в то самое время, когда одна его, декабриста, часть занимается составлением конституции, другая его часть думает о наращивании капитала. Он налагает оброк с переселенцев на свои новые земли по 10 рублей с ревизской души или по 1 рублю с пашенной десятины, получая оброк и с других своих имений в размерах весьма значительных, ведь только само его нижегородское имение давало ему ежегодно 30 тысяч рублей, а оценивалось оно не менее чем в 1 млн. рублей; он вкладывает деньги в ростовщические операции. А крестьяне? Их он не забывает ни в теории, ни в практике. Будучи миллионером, он лично едет в имение для взыскания с каждого должника-крестьянина недоимки.

«Каждый день я даю аудиенцию, передо мной прошло уже более 300 отцов семейств, — пишет декабрист Никита Муравьев своей матери. — Я начал актами милости и приказал выпустить 5 крестьян, посаженных в исправительный дом за непослушание и неплатеж оброка. Остальное время ушло на проверку счетов и на усилия вытребовать крестьянские деньги — от их должников... ты смеялась бы до слез, присутствуя при моих проповедях к крестьянам. Иногда я громлю их, иногда забавляю их шуткою и заставляю их смеяться, минуту спустя я действую на их чувствительность... плачут старики, тогда как молодежь остается твердокаменной». Наступает кульминация: «Через каждые четверть часа какой-нибудь крестьянин отделяется от всей группы и подходит положить на стол некоторую сумму денег, соглашаясь со справедливостью высказанных мною суждений». Академик Дружинин по этому поводу замечает: «...Н. Муравьев подходит с точки зрения ожидаемого дохода... в его рассуждениях проскальзывает иногда моральная точка зрения (жаль, что академик не уточняет — моральная или аморальная. — В.О.), но не ей принадлежит последнее, решающее слово». Видимо, все-таки «моральная» навевает академику мысли о чем-то не очень моральном. Впрочем, лексика в смысле сокрытия морально-аморального поистине обладает волшебными качествами делать невидимками подобного рода проблемы. Дело в том, что «идеология Н. Муравьева складывалась под влиянием новых, капиталистических отношений». Вопрос о моральности снят. Заметим попутно, что образование свое Никита Михайлович Муравьев получал не только от домашних гувернеров, но и в масонской ложе «Трех добродетелей», где он быстро, в течение одного года, достиг звания мастера и стал официалом ложи, произнося поучительные для братьев «циркуля и наугольника» речи.

Русский интеллигент, заметил кто-то, как бы все время пытается что-то

вспомнить. Это мучительное состояние что-то вспомнить, эта попытка совместить многопопечительную Марфу с Марией, которой «единое есть на потребу», рождает страдальческие вздохи и равны попытке решить квадратуру круга. Приняв как безусловную истину учение о всякого рода неизбежных закономерностях, он никак не может понять, что же делать ему самому, что же зависит от него-то, бедолаги. «Закономерности» кончаются уже в течение жизни одного поколения, и о их существовании интеллигент узнавал из французских или немецких брошюр. Их, эти «закономерности» общественного развития, браво отменяют те, кто их же и организует, но в следующее поколение уже рождается следующая мифическая «закономерность», единственное предназначение которой — снять ответственность за свои поступки с вершителей судеб человеческих. Приученный жить по указке со стороны, петь по чужой погудке, верить в газетные ценности и обсуждать только то, что в них обсуждается, интеллигент — вольтерьянец еще на заре своего младенчества, при самом первом своем появлении на сцене русской жизни, уже утратил всякую способность мыслить критически и стоять твердо на позициях трезвого разума, утратил именно в той мере, в какой приобрел лоск вольтерьянского скептицизма. Среди разного рода ходячих мнений о психологии русского народа имеются и как бы ставшие общим местом рассуждения о его рабских чертах, вызванных будто бы деспотической формой правления времен Московской Руси и далее от Петра к нашему времени⁶.

Это мнение родилось не сегодня, и его поддерживали либеральные историки, такие, как Милюков. Факты не подтверждают ни наличия деспотического правления в прошлом, в том числе в Московской Руси, равно как и во времена российских самодержцев, поставленных охранять «устой благочестия», как о том говорится в основных законах Российской империи. «Император, яко христианский государь, есть верховный защитник и хранитель догматов веры и блюститель правоверия и всякого в церкви святой благочиния», — гласил Свод законов Российской империи (СПб., 1832, т. 1, ч. 1, ст. 42, 40). Правления Петра, бироновщины было достаточно, чтобы разрушить прежнюю систему правления страной и создать зачатки нового, чиновничьего сословия, но было недостаточно, чтобы навязать стране какую-либо административную диктатуру. А тем более какую-либо идеологию, единую для всей страны. Скорее наоборот, открылось новое поприще для вольнодумцев, не желающих ни во что верить, кроме карьеры и наград, этих

⁶ Удивительный парадокс, никогда никем не рассматривавшийся: по-настоящему деспотической формой правления являлась система управления еврейских общин кагалом, власть которого над жизнью еврея безгранична, но почему-то эта кагальная форма правления воспитывала «освободителей», «преобразователей», «реформаторов» и «истинных интеллигентов». Не в этой ли кагальной форме правления надо искать секрет нынешних демократий и культуры.

путеводных звезд чиновничества. Нетрудно понять, что из-под палки государство, ведущее в тяжелейших условиях бесконечные войны с крайним напряжением всех своих сил — и военных, и духовных, и трудовых, — не способно было простоять и одного дня. Только осознанием каждым русским дела государева как своего, а государем дела земли как близкое и родное, только когда каждый знает свое место и свое дело, только при наличии общей всему населению религии, духовной культуры русская нация могла осуществить себя в истории. Так становилась на ноги и крепла Московская Русь. Деспотизм слишком дорого стоит, и трудного дела с ним не сделаешь, государства на нем крепкого не построишь. Царствование Ивана Грозного тому пример. Пока царь делал общее всей земле дело, народ шел за ним и следовали победа за победой, нужные и полезные стране. Но как только начался дикий произвол и последовала опричнина — победы прекратились. Страна потеряла завоеванные земли, и впереди маячило Смутное время.

Земля по призыву патриарха Гермогена собралась, когда уже не только палки, но и никакой власти не было, и, не имея никакого правительства, выгнала интервентов и восстановила свою государственность, восстановила Земским собором царскую власть и начала шествие на Восток, осваивая Сибирь, и на Запад, освобождая православное население от гнета католической Польши и евреев-арендаторов (см.: Грец. История евреев. Одесса, 1906).

С Петра начинается подлинный плюрализм верований и мнений, чаще всего враждебный и православной церкви, и самой царской власти: идет проповедь всякого рода деизма-пантеизма, то есть каббалистических доктрин, и обсуждение форм политической власти в духе убогого рационализма «общественного договора» и «естественной религии» — этого обветшалого достояния античной языческой мудрости, подновленной современным французским языком язвительных острот и метафорических софизмов.

«Зарево всякого рода антирелигиозных идей и увлечений слишком ярко горело на умственном горизонте того времени, чтобы не бросить зловещих лучей на тех, кто слишком близко подходил к этому горизонту», — пишет о времени Екатерины II исследователь того времени. (Маккавеев И. Екатерина II и церковь. — «Странник». 1904, с. 787).

Это зарево, однако, загорелось намного раньше, едва ли не с первых шагов юного Петра. В дальнейшем это зарево разгоралось все ярче и ярче, пока не привело к гибели миллионов людей только за свою принадлежность к церкви и русскому народу. Пред тем были бомбы, подложенные под чудотворные иконы, глумление над крестными ходами, поспание креста и икон в 1904-1905 годах, когда попытки защитить религию от поругания стали называться черносотенством и шовинизмом. Зарево неверия и зловерия в царство Князя Мира сего особенно ярко разгорелось после 1917 года. В качестве примера: 6

января 1919 года архиепископ Тихон (Никаноров) Воронежский повешен на царских вратах в церкви монастыря святого Митрофана; вместе с ним было замучено еще 160 иереев. 19 января 1919 года были замучены пресвитер Андрей Зимин, его мать Доминика, жена Лидия, дочери Мария и еще две — 13 и 17 лет, села Чернигова Никольско-Уссурийского края, при этом матушку и детей истязали и затем пристрелили, а самого батюшку раздавили положив дверь на грудь и живот... Архиепископ Петр (Зверев) Воронежский заморожен и скончался, таким образом приняв мученический венец, на Соловках 15 января 1928 года, в самом начале 18-го года епископ Дионий (Сосновский) Измайльский был изрублен шашками на станции Вятка. В начале 1920 года протоиерей Владимир Цидринский, благочинный г. Липсинска Семиреченской области был привязан к хвосту необъезженной лошади и пущен в поле. От него остались одни кости. Митрополит Одесский и Херсонский Анатолий (Грисюк) подвергся длительному издевательствам в заключении, где и погиб. Зимой 1918 года убит на мельнице протоиерей отец Павел (г. Елабуга), а до этого были расстреляны трое его сыновей. Погибли многие и многие тысячи. Называют цифру — 320 тысяч замученных, проколотых штыками, замороженных, раздавленных, расстрелянных, изрубленных шашками уже к 1919 году. Это еще до Соловков. Вот зрелый плод петровских реформ, екатерининского «просвещения» и заигрывания верховной власти с масонством и его позднего детища — кадетами... Верховная власть в России совершала грех апостасии все 200 лет — от Петра I до последнего самодержца и вела Россию к революции.

Глава вторая ОБРАЗОВАНИЕ И МОРАЛЬ

Со времени императрицы Елизаветы воспитание благородного дворянского юношества неуклонно переходит в руки французских гувернеров. Конечно, семьи недостаточные не могли еще позволить себе содержать гувернеров из Парижа, и воспитание проводится еще в традиционном духе. Обучение грамоте вдет по Часослову и Псалтыри. Язык невероятно богатый и красочный вливается в душу ребенка, определяя и на последующие века все изобразительное богатство русской литературы. «Светопреемную свещу, сушим во тьме являющуюся, зрим Святую Деву невестственную бо вжигающеи огонь, наставляет к разуму Божественному вся. зарею ум просвещающая, званием же почитаемая сими: Радуйся, яко многосветлое возсияваеши прмвещение; радуйся, яко многотекущую источаеши реку. Радуйся, купели живописующая образ; радуйся, греховную отъемлющая скверну. Радуйся, бане, омывающая совесть: радуйся, чаше, черплющая радость. Радуйся, обоняние Христова благоухания: радуйся, животе тайного веселия. Радуйся, Невеста Невестная», — читал юноша Акафист Пресвятой Богородице и радовался.

Как и мы радуемся, «труждающиеся и обремененные», читая эти строки, читая с вниманием и трепетом душевным.

Наступил 1789 год. В стране давно уже господствовала мода на господина Вольтера. Как пишет один современник, многие, еще нетвердые в правилах грамматики российской, прямо с Часослова переходили к переводу Вольтера. «Более полувека Петр и преемники его, до Екатерины, постоянно изменяли и нравы, и обычаи русские...», однако в народном быту обычаи иностранные не только не принимались, напротив, возбуждали отвращение, которое народ имел к иностранцам.

Либерализм появился как антитеза верованиям и дисциплинирующему воздействию христианской церкви и в условиях России означал «медленную революцию», имея название «прогресса». По существу, целый ряд идеологических мифологем стал принадлежностью мыслительного горизонта европейской культуры, самому названию которой, то есть «европейский», придавался высокий престиж, покоящийся исключительно на эмоциональной основе. Куплеты из французских шансонье или зубоскальство Вольтера не были никаким достижением никакой мысли. Сама, заимствованная у античных сатириков, легковесная, как одесский анекдот, она и не могла сравниться с высотами духовной культуры ни православного Востока и его наследника — православной Руси, ни католического Запада. А она, эта мысль сатирическая и насмешливая, и не претендовала ни на какие высоты. Она только разрушала, оставляя после себя пепел прежних верований и безысходную тоску. Этот феномен описан в громадном количестве мемуаров, и мы его коснемся несколько позже, так как для основной темы данного сочинения этот разрушительный феномен вольтерьянства имеет фундаментальное значение. Многие историки масонства именно с него начинают подлинную историю Ордена на просторах Среднерусской равнины.

Дворяне образовывали, как уже было сказано о том. своих детей дома. Они относились неуважительно к русскому ученому сословию, которого, впрочем, было весьма мало, и приглашали воспитателей из Парижа, Женева и Лондона. Но вот наступили смутные времена во Франции, достижение европейской цивилизаторской мысли — гильотина рубила головы людей, как на скотобойне, ради великих достижений прогресса, которым эти головы мешали, и толпы эмигрантов устремились в Россию. С этого времени образование русского благородного юношества целиком попадает в руки иностранцев.

Гувернеры, воспитатели благородного русского дворянства, учили разным европейским наукам, и «галантная скабрёзность» не была на последнем месте. Французские романы, где основным содержанием были любовные похождения, стали главным чтением молодых людей. Эти романы продавались во всех книжных лавках Москвы, Петербурга и уездных городов, книгопродавцы и

издатели наживали на них капиталы. Их читали не только дворяне, но и купцы и мещане, все, кто знал грамоту. Это были романы Поль-де-Кока и других французских авторов; по этим романам учились «семейному разврату и обману», и не случайно, что большинство слепо подражало французским обычаям и французской моде. Это подражание существовало не только в Москве, но и в самых отдаленных уголках России.

Но вместе с легким отношением к своим христианским обязанностям передавались нечувствительным образом и знания другого рода. Алексей Михайлович Кутузов по этому поводу вспоминал, уже достигнув высот масонской мудрости и вполне постигнув «иероглифы таинственной сущности», как любили выражаться Великие Мастера Соломоновой премудрости, в университетах этой премудрости — ложах: «Мое воспитание не отличалось ничем от прочего нашего дворянства воспитания: научили меня болтать по-французски и немецки, на сих двух языках имел я счастье читать множество романов. (...) Наставники мои были чужестранцы, некоторые из них на себе носили знаки отличия, но по особенной скромности носили оные под одеждами на теле. Сии знаки суть не маловажны — иероглифы, изображающие некоторое растение, упоминаемое в Священном писании, и которое в своей красоте превосходит великолепие Соломона.

От сих учителей познал я истинное состояние моего отечества, между прочим, и то, что моим соотечичам недостает еще просвещения, что предубеждение их простирается так далеко, что некоторые из них верят слепо всему, что сказано в Священном писании».

В оценке моральных качеств и культурного уровня этих новоявленных цивилизаторов, Мальбруков всеевропейской культуры, согласны решительно все мемуаристы и исследователи.

«К сожалению, революция выгнала из Франции подонки общества, тысячи невежд, которые разнесли по всей Европе гордость, пустое тщеславие...». Они — «истощенные развратом и бежавшие в Россию» (Дубровин Н. Ф. Русская жизнь в начале XIX века. — «Русская старина». 1899, № 3). Эти эмигранты водворили у нас тысячи пороков, о которых в довольтеровские времена и не слышали. Это была Франция, уже давно исповедовавшая идеи Просвещения и задолго до власти якобинцев наслаждавшаяся остротой ума Монтескье, Вольтера и Руссо, идеалами Брута и доблестями Плутарховых героев. Но так как сами идеалы античных героев не чужды были самых грязных пороков, а педерастия входила и в официальный перечень античных «моральных» доблестей, так как едва ли можно прочесть хоть одну страницу Платона, чтобы не наткнуться на упоминание о ней, а то и просто на апологику этого извращения, то и приверженцы античной культуры в просвещенной Европе не могли не привести к нам и этих «достижений» в области «освобождения от

предрассудков».

Предшествующие реформы гения Петра, в том числе и запрещение держать в монастырях чернила и бумагу, подготовили русскую почву, и беглецов принимали с распростертыми объятиями. Часослов и Псалтырь постепенно уходили в сторону вместе с их неуклонными и бескомпромиссными требованиями чистоты духа и тела, с их требованиями абсолютной непримиримости ко злу как явлению душепагубному. В России, где всегда был высок престиж царской власти, нравы двора и высшей сословной знати не могли не стать примером для многих молодых людей. Новые поколения не хотели выглядеть «отсталыми» и приобщались к «культуре» способами весьма быстрыми и незатруднительными.

В дворянских семьях явились заморские образователи ума и сердца не только детей, но и самих хозяев усадеб, приютивших беглецов. Они усилили жертвоприношения богине любви и устроили тайные развратные общества: в Москве — клуб адамистов, а в Петербурге — «общество свиней». Это «общество свиней» включало в себя ученых, врачей иностранных, преимущественно французов. В обществе был лишь один русский. Несмотря на то, что этим обществом во времена Александра I, когда генерал-губернатором петербургским был граф Милорадович, занималась полиция, его действия и цели остались неизвестными. Приводится лишь глухое известие, что его члены «скверною плотью себя мазали». Хотя общество и отличалось крайней распушенностью, это не мешало быть многим из них воспитателями детей в богатых дворянских семьях.

Подражание французскому при императрице Елизавете и далее, при Екатерине II, как моровое поветрие поразило обе столицы и дворянские усадьбы, самые отдаленнейшие. Заучивали наизусть и напевали французские песенки весьма легкомысленного свойства, нередко с указанием прелестей дев весьма откровенного характера. Заучивали каламбуры и циничные анекдоты. Известие о том, что Россия — край обетованный для всякого сброда, разнеслось по свету. Корабли, нагруженные мусьями и мадамами, выгружались в Кронштадте, и вся эта толпа расплзалась по дворянским усадьбам необъятного государства Российского. Без какого-либо экзамена для оценки знаний они становились учителями. Горек был хлеб такого просвещения для России.

Ф. Ф. Вигель вспоминал о своем воспитании: «В доме Голицыных, где хозяйка была племянницей князя Потемкина, урожденная Энгельгардт... в первый раз познакомился я с идеями порока и разврата». Гувернером Вигеля стал некий шевалье де-Ролан де-Вельвиль, французский подполковник, человек лет сорока, бежавший из Франции от ужасов революционного террора. Умный и осторожный, со всеми любезный, он умел нравиться. Забавляя ребенка

остроумной болтовней, он вздыхает о «бедной» Франции и «более чем с презрением (говорит) о нашем варварстве. Мало-помалу приучил он меня видеть во Франции прекраснейшую из земель, вечно озаренную блеском солнца и ума, а в ее жителях избранный народ, над всеми поставленный; революционеры, новые Титаны, по словам его, только временно овладели сим Олимпом... При слове «религия» он с улыбкой потуплял глаза, не позволяя себе, однако же, ничего против нее говорить». Посреди разговоров о Расине, Мольере, Буало «вдруг начал заводить со мною нескромные речи и рассказывать самые непристойные, даже отвратительные анекдоты: я не знал, что мне делать: я так уже привык в него (т.е. шевалье. — В.О.) веровать, что стыдился своего стыда». Злодей наслаждался смятением отрока, и в юноше исчезала робость и возрастало бесстыдство. И Вигель заключает: «И вот в каких руках находилась тогда, конечно, половина благородного русского юношества!»

В последующем сверстники Вигеля, юные Голицыны, уже прошедшие под руководством шевалье первоначальный курс европейского просвещения, отправились в Петербург для продолжения образования в дорогостоящем пансионе иезуита Николя. В этом пансионе сошелся весь цвет отпрысков русских аристократических фамилий. Здесь решающему воздействию просветительской идеологии подвергались Гагарины, Шуваловы, Строгановы, Вяземские. Здесь подружились между собой Михаил Орлов, Василий Давыдов — будущие декабристы, Александр Бенкендорф — будущий начальник тайной полиции России, шеф корпуса жандармов, Дмитриев-Мамонов, Александр Сергеевич Меншиков, князь, будущий главнокомандующий во время Крымской кампании, которого солдаты называли «изменшиковым». Все они во дни своей молодости создали первую в России революционную масонскую организацию — Орден Русских Рыцарей⁷. Орден был создан по уставу баварских иллюминатов. Среди революционных идей проповедовалось создание в будущем государстве замкнутой правящей элиты, независимой от народа. Проповедовались и идеи панславизма, и создание всеславянской республики, управляемой кастой сверхчеловеков.

На улицах и площадях русских городов уже в 60-е годы XVIII века никто не стеснялся проповедовать враждебные церкви и самой монархии идеи Вольтера, Дидро, Монтескье, и это было только началом. И в то самое время, когда шаловливые картинки из «Метаморфоз» Овидия с его страдающими по кровосмесительной связи нимфами забавляли салонных европейцев наших, а чтение Тацита и общение с гувернерами описанного типа вселяло желание в молодые дворянские сердца что-то перевернуть, кого-то пустить под гильотину и вырезать как минимум 100 тысяч своих же братьев-дворян, так как без этого прогрессу ведь не обойтись, в это же самое время начинается процесс

⁷ Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. Спб., 1909.

возрождения русской духовной традиции.

Этот процесс возрождения связан с двумя замечательными личностями: святым Паисием Величковским (1722-1794) — недавно канонизированном русской православной церковью, — возобновившим учение о духовной молитве, и Преосвященным Гавриилом, митрополитом петербургским. Св. Паисий перевел, а митрополит издал «Добротолюбие», принесшее духовную пользу не только для монашества, но и для укрепления всей Православной Церкви.

Преподобный Паисий родился в семье священника в 1722 году, когда петровские реформы достигли апогея. В 1721 году патриаршество было упразднено и руководство делами церкви перешло в руки кавалерийского офицера, ставшего обер-прокурором Святейшего Синода, организованного по протестантскому типу. В это время Лейбниц горит желанием превратить Россию в экспериментальное поле для деятелей оккультных и герметических обществ, известных под названиями «академий». По проекту немецкого ученого, напоминающего «Новую Атлантиду» Ф. Бэкона, Россией должно было управлять сообщество ученых — «Орден Соломонова Храма» или «Дом Соломона». В одной из своих записок Лейбниц, сам член тайного союза розенкрейцеров-алхимиков, исповедовавших герметическую философию каббалы и с этих позиций рассматривавший явления природы и отсюда выводивший свое учение, в том числе учение о «Монадах», неделимых духовных сущностях, продуктах эманации Эн-софа, предлагал Петру I отдать власть в России этому обществу «Дома Соломона», подчинив ему всю общественную деятельность, образование, медицину, промыслы, мануфактуры, сельское хозяйство, торговлю.

В этой «ученой республике» вся жизнь была бы подчинена исключительно Гнозису, знанию. Все должно существовать ради постижения тайн природы, а те, в свою очередь, должны дать власть избранной касте «Дома Соломона» над силами природы и над народом. Дать власть, хорошо. Но кому? Обществу, отвечает Лейбниц, «Дома Соломона». «Натуральная магия» — центр «практической философии». Сам Лейбниц таким образом определял свои идейные истоки, что нетрудно увидеть в его учении проявление идеологии философских школ XVIII века — известных под общим названием Ордена вольных каменщиков: «скептицизм в смысле признания несубстанциональности чувственных вещей, пифагореизм и платонизм с их сведением всех вещей к гармониям или числам, представлениям и идеям; Парменид и Плотин с их единым...: стоическая связь вещей в согласии со спонтанностью; жизненная философия каббалистов и герметиков...» (История философии, М., 1941, т. 1).

Хотя эта система руководства страной не была полностью принята Петром, несомненно влияние идей Лейбница на формирование идейных ценностей

Петра, которым довольно рано овладели философские доктрины Запада в виде «естественной религии» и «естественного закона». Эти идеалы отразились наглядным образом в самом архитектурном облике Петербурга. «Естественный же закон» и «естественная религия» — это, как было выше сказано, есть Тора и ее душа — каббала (см. прим. к с. 37).

Как уже отмечалось, отсутствие среди великорусского духовенства стоворчивых пастырей заставило Петра обратиться за помощью к малороссийскому духовенству, прошедшему выучку в киево-могилянской академии. Обучение в этой академии было построено по образцу католических учебных заведений иезуитского Ордена. Сильно была развита схоластика. Изожрая ум, она столь же блестяще губительно действовала на живое религиозное чувство. Религия, ставшая философией, перестает быть религией, и путь от религии до универсальных философских построений — это как раз путь схоластики. Постоянно нуждаясь во все новых и новых рассудочных средствах доказательств, она вынуждена идти туда, куда влекут ее полемисты из противного лагеря. В схоластике широко используются идеи Платона, которые в их иудаистском оформлении привели к появлению восточного варианта греческой философии — неоплатонизма, ставшего одной из составных частей каббалы; также широко использовались и идеи Аристотеля.

Учение Аристотеля также вошло в схоластику через усвоение его идей средневековой еврейской философией (Маймонид). В конечном счете, именно синтез иудаизма с идеями античной философии создал средневековую европейскую схоластику: так же, впрочем, как и все мистические учения Европы, опирающиеся на идеи каббалы. «Очень большое значение для развития схоластики имела арабско-еврейская философия. Она проникла в Западную Европу различными путями. (...) Евреи, эмигрировавшие из Испании... способствовали знакомству с восточной философией» (История философии. М., 1940, т. 1, с. 459).

Либеральный историк прошлого Пекарский пишет: «...Не должно упускать из вида, что малороссийская ученость имела хорошую сторону, именно с помощью ее в Киеве исчезла тупая ненависть ко всему иностранному, которую старались систематически поддерживать в Москве». Постепенно киевские ученые заполнили Москву. Полагая, что это было для дела просвещения весьма кстати, Пекарский в качестве примера господствовавшего там, в Москве, невежества сообщает, что в Москве «не могли напечатать, не наделав тьму ошибок, не повредив самого простого смысла текста, а в заключение не попросив смиренно отпущения ошибок». Сам факт обращения в Москве книг и наличия книгопечатного дела остается в стороне от внимания Пекарского. Как смотрело православное духовенство на западнический альянс киево-могилянской академии, показывает следующий эпизод. В 1686 году иерусалимский патриарх Досифей, узнав, что в Малороссии некоторые из

священников ездят учиться в западные страны, пишет царю: «Ныне в той стране. глаголемая казацкая земля, суть неции, иже в Риме и Польше от латинцов научени, и бяху архимандриты, игумены, и прочитают неподобные мудрования в монастыре... довольно бо есть православная вера к спасению, и не подобает верным прельщаться чрез философию и суетную прелесть... исповедуем быти казаков православных, обаче многие растленные имеют нравы, их же не подобает учитися тамошним православным».

То, что в иноземцах видели врагов веры, тому виной было не невежество великороссов, а варварство самих иноземцев. Имея некоторый перевес в тех технических познаниях, в которых русские не чувствовали до того нужды и были поэтому несведущи, как, например, в кораблестроении, они, эти выброшенные из своей родины искатели длинного рубля, постоянно оскорбляли религиозное чувство русских. Из завещания царям Иоанну и Петру узнаем на сей счет следующее: «...Православные христиане, по чину и обычаю церковному, молятся Богу, а они (то есть иноземцы — В.О.) спят, еретики, и свои мерзкие дела исполняют, и христианского моления гнушаются. Христиане, пречистую Деву Богородицу Марию чествуя, всячески о помощи просят и всех святых; еретики же, будучи начальниками в полках, ругаются тому и по прелести их хулы износят... христиане постятся, еретики же никогда — их, по гласу апостольскому, Бог — чрево...» Далее советуется платья немецкого не носить, держаться веры православной, и тогда, во славу Бога, государство Русское, как и прежде, одолеет всех своих врагов и «во удобствии имать пространяться».

Одно из заблуждений, которое не кажется странным, учитывая явный интерес, в нем имеющийся, для богоборческого просветительства, заключается в том, что исповедание веры православной будто бы мешало техническому и научному движению в стране. Это лукавая мысль, не существует большего заблуждения. Это во многом сознательное «заблуждение», долженствующее оправдать вольтеровское «Давите гадину!» и последующие издевательства над верой и духом русского народа, имеющее в своей основе не атеизм, а антиатеизм, борьбу с Богом, с самим Спасителем — Иисусом Христом, принявшим крестную муку за нас. В этом богоборчестве секрет такого страстного призыва к уничтожению церковью, монастырей, священников и верующих. В этом — личный интерес/пафос «просвещения». Само учение о дарах божиих — дар слова, дар врачевания, дар разума и прочее, и известная притча о талантах, кои греховно зарывать в землю, не употреблять с пользой и любовью для блага ближних, высокий авторитет разума, провозглашаемый самим Спасителем, а равно тому исторические факты свидетельствуют не в пользу такого полемического «заблуждения». Никто никогда не спорил о пользе наук, спорили и спорят с атеистическим наукообразием. И будь Россия стоящей на темноте и невежестве, то каким бы образом она стала бы носительницей

единственной и неповторимой культуры, не европейской, нет. Совсем другой. Речь идет о той культуре, которая весьма теперь ценится за рубежом, куда и ушли после 1917 года в немалом числе творения «дикой и невежественной» Московской Руси. И ведь вполне очевидно, что то, что составляет нерв русской литературы XIX века, это все та же допетровская Русь с ее недостижимым и вечным маяком небесной гармонии — «Святой Троицей» Андрея Рублева. А ведь он, кажись, тоже не на пустом месте начинал и творил. Но вот он, лозунг Вольтера в отношении церкви: «Дави ее, гадину!» А вот и его поклонница Екатерина II, жадно впитывающая откровения фернейского мудреца с его культом Верховного существа, Великого мастера и Архитектора Вселенной масонских лож. Здесь и разговоры о равенстве, и обличение неправд церкви, и презрение к крестьянам. Ведь «главная беда крестьян состоит в их глупости», как писал Вольтер в своем письме близкому другу, и крестьяне только для того и годятся, чтобы продавать свой труд, и притом «мне представляется важным, — продолжал Вольтер, — чтобы существовали невежественные бедняки». Но об этом только близким друзьям и то весьма редко, чаще о лицемерии священников. Да, мораль: о ней много разговоров, но именно потому, что она не более как предмет для осуждения близких. Невольно вспоминаются слова Б. Рассела о том, что евреи и до христиан знали о существовании греха, но в отличие от них никогда не относили его к себе. «Евреи, подобно христианам, много размышляли о грехе, но лишь немногие из них думали о самих себе как грешниках. Это... было нововведением христианства... Христиане пытались претворить в жизнь христианское смирение; евреи в общем и целом ему не следовали». (Указ. соч., с. 334). Чувство своей избранности, безгреховности, роднит иудаизм и просветительство, и указывает на истоки последнего.

Столкнулись совершенно разные силы и миры. Человек — как «животное социальное», атеист, в котором все, что в нем есть, — естественно, и все, что происходит в мире, тоже все естественно; в христианском же учении Человек есть создание, образ и сын Творца «небу и земли». Сын родной, близкий, которого Отец любит, и ждет, и страдает, видя, как он губит себя, поддаваясь соблазну мира сего. Это христианское учение о мире, где не все естественно, но есть и противоестественное, извращение, и еще есть сверхъестественное.

Учение гностиков и стоиков есть ключ к пониманию многих социальных и политических учений Нового времени, и оно стало составной частью современного мирозерцания. Это учение стоиков, ставшее идейным знаменем европейского Просвещения и его философией и нашедшее себе законченное выражение в центрах обучения целых поколений интеллигенции XVIII и XIX веков, масонских ложах, в значительной степени может послужить объяснением теории «государственного блага». Вселенная порождена Разумом, и все, что есть в ней, вся природа пронизаны Разумом. разумны. Цель человеческой жизни состоит в приобщении к этому Вселенскому Разуму. Этот Разум порождает

законы природы, и в них он выражает себя. Это «естественный закон». На этом разуме следует построить религию — разумную религию, естественную. На этом же основании и свою мораль — «естественную мораль», «разумную».

Предания стоической философии и античные образчики, заключенные в блестящие остроумием и эротической чувствительностью повести и романы, куплеты и песенки, стихи и поэмы французского гения разрушали в сердце русского искателя заморского просвещения храм Христа Спасителя и образовывали в душе его зияющую пустоту. Наполнить ее созданием новых религий и новых Добродетелей стало ближайшей задачей. Однако любая религия нуждается в своей организации со своей дисциплиной, ритуалом, своей иерархией и учением. Организация должна была быть замкнутой по причине абсолютной враждебности своей христианскому миру и его представлениям. Толанд, один из основоположников нового масонства, провозгласил «разумную религию», но не забывал отметить, что эта религия и этот разум для немногих. Огласки боялся и учитель, и идейный вожь русских вольнодумцев Вольтер, который любил повторять: «Когда чернь примется рассуждать — все погибло». Не следует забывать, что учение гностиков и стоиков есть орудие каббалистов. Иудаизм явился в облике Просвещения.

Новая религия по воспитанию новых Добродетелей, согласных с просветительским Разумом, уже ждала вольнодумцев и открывала все новые и новые свои храмы для ищущих. Эти ищущие, по мнению Толанда, составят цепь всемирного братства исповедующих «естественную религию», религию Божества, образующего путем излучения силы из себя мир духов, демонов, ангелов и самую видимую часть природы. В этом учении пантеистов-каббалистов, из которых и должна была состоять эта цепь, не существовало никакой основы для религиозно-нравственного представления и человеческой морали. Были правила поведения. Это — да. Добродетель в ее языческом понимании есть то, что приносит пользу своему обладателю, выражая его существенные свойства. Быстрый бег лошади есть добродетель лошади, крепкие мышцы есть добродетель мышц и т. д. Что полезно масонской ложе, то и есть добродетель масонской ложи, и причастные этой добродетели — добродетельны. Лгущий во имя цивилизации и прогресса добродетелен вдвойне, просто герой.

Исключительно велика роль Рассудка и рассудочной деятельности. Познание ради познания дает удовольствие, а познание ради увеличения своего могущества есть цель жизни подлинных «философов». В силе власть, а Власть и Познание дают полноту удовольствия.

«Все, что разум человеческий благого постигнуть может, подлежит твоей деятельности», — говорилось в шведском Уставе масонов 1777 года.

«Люди одарены разумом, который поучает, что делать и как поступать нам,

а потому и имеем общий естества закон», — поучал новопринятых Великий Мастер Елагиной ложи в Петербурге в то же время.

Профессор Московского университета, глава русских масонов Иоганн Георг Шварц читал лекции «О трех познаниях» в 1781 — 1783 годах: — любопытном, приятном и полезном, соответствующих рассудочному, чувствительному и мистическому.

Желание узнать должно сопровождаться чувством и приводить к мистическому откровению. Первой ступени соответствуют общие науки, и Шварц поощрительно отзывается о них, полагая, что они есть приготовление человека к следующей, более высокой стадии познания. В откровении же сливаются все познания, и знание является из своего первого источника — Всеобщего Разума, мира астрального, запредельного, мира духов.

Плотские желания есть порождения естества, и потому они вполне законны, чего никак не скажешь о моральных ценностях, утверждаемых в Церкви, поскольку они есть средство к спасению, отвергаемому «естественным разумом» масонов, сосредоточенном в еврейской Торе.

Чувствительность, sentimentalность утверждают всеобщего «природного» человека, его реальность; переживания «бедной Лизы» — по природе «такой же», а по социальному положению не «такой же», невольно или вольно утверждали мысль о несправедливости всех социальных и сословных делений в обществе. Национальные и религиозные особенности стираются в чувствительном, sentimentalном мире и приобретают характер неких «предрассудков», которые губят благородных и «добродетельных» героев, и их гибель вызывает протест у читающего вне всяких его сознательных убеждений. Носителями сословных предрассудков у просветителей-идеологов выступают священники, монахи, дворяне, как у Вольтера, так и у русских sentimentalистов — масонов. К 1780 годам sentimentalизм постепенно овладел душою русского масона и Руссо становится кумиром наравне с Вольтером. Вольтер для начинающих, sentimentalизм для более «развитых и гуманных» сердец, масонская ложа — для «ищущих истины».

Карамзин, следуя западным литературным и философским образцам, что стало привычным делом русского «культурного» общества, забывшего о своем собственном национальном содержимом, стал кумиром, как русский суррогат Руссо. «Приверженцы Карамзина составили особое закрытое общество Арзамаса, в которое принимали людей, поклявшихся в обожании Карамзина и в ненависти к Шишкову. Каждый при вступлении должен был произнести похвальное слово, сатиру или что-нибудь подобное в восхваление идола и в унижение противника». Даже через много лет один из адептов Карамзина

говорил: «У меня два врага: Шишков и турки»⁸. (Греч. Н. И. Записки о моей жизни. СПб. 1886, с. 414. Речь идет о Дашкове).

Впереди, перед утомленным взором русского вольнодумца, виднелись ядовитые испарения каббалистического мистицизма. В ложах следовали начертанному пути профессора Шварца, сподвижника Н. И. Новикова, и от рассудочного «символического» масонства шли прямым путем через экзальтацию чувств и образования в душе опустошенности к тайным упражнениям в общении с потусторонними духами и получению в алхимическом атаноре из капель человеческой крови гомункулуса. Этот гомункулус и должен был сказать всю правду о Вселенной.

Таким образом, выстраивалась масонская логика, и путь от Вольтера через чувствительность, «сентиментализм» в литературе и подражание ему в жизни вел к «символическому» масонству и далее к высотам оккультизма.

Социальным порождением каббалистического учения, явившегося средоточием учения о Вселенной, порожденной Эн-софом, Единым Сущим, безвидным и несказанным, стали утопии — проекты зловещего казарменного государства Мора, Кампанеллы, Морелли и многих других. Классическим образцом «естественной религии» пантеизма стала в своем существовании сама масонская ложа как воплощение идей просветительства. Но что такое масонская ложа, как не синагога...

Так же, как и «естественный» человек масонов и просветителей предполагал враждебность к нациям, сословиям, государствам и в конечном счете к реальному человеку со всем его духовным содержанием, так и «естественная религия» несла в себе чисто отрицательный заряд для христианской религии, для всех человеческих установлений: брака, семьи, собственности, моральных и духовных ценностей.

Берлинский начальник русских Розенкрейцеров, один из европейских столпов этого высокого Ордена, выражал свои мысли в тайном Уставе Магов: «Мы обладаем двумя главными свойствами Иеговы: брожением и разрушением всех естественных вещей. Мы можем, как Моисей, превращать воду в кровь; мы можем, как Иисус Навин, обращать в прах целые города...» «Наша магия есть истинно божественная магия, в силу которой мы, как Моисей... лично беседуем с Богом». (Финдель. История Франкмасонства. Т. 1, с. 239). С Богом ли?

⁸ А.С.Шишков — поборник русской национальной традиции преимущественно в се этнографическом варианте; один из основоположников славянофильства, «патриотического» направления в русском либерализме, направления, ратующего за русскую православную церковь, будучи вне самой церкви, вне ее духовного авторитета, вне церковной ограды. Впрочем, в то время Екатерины II и Александра I и многие из духовенства увлекались масонским мистицизмом. (См. ниже. Часть вторая, гл. Позднее масонство).

Никоим образом.

Пантеизм, наиболее полно выраженный каббалой и являющийся вероисповедной основой магии, таким образом, не есть просто философское учение, но стиль и образ жизни, и требует от человека для своего осуществления новых душевных свойств. Этическое учение стоиков и было практической стороной пантеизма. С воспитания в себе новых душевных качеств и начиналась жизнь масона в ложе. Главным в этой доктрине было сохранение бесстрастия в любых ситуациях. Следование же «естественным наклонностям» скорее поощрялось. Вы можете быть с женщиной, вы можете говорить ей о любви, вы можете делать что угодно, и это будет правильно, потому что «разумно». Падение ваше совершится только в тот момент, когда вы почувствуете к ней привязанность. Филантропия есть закон естества в этом учении, и напрасно видят некоторые в этом некое партийное мероприятие, устраиваемое масонами только в пропагандистских целях. Хотя и пропагандистские интересы Ордена не стояли на последнем месте. Но они подкреплялись и воспитывались совершенно определенной системой полезного и необходимого. Подать нищему — ваш долг. Основать приют, помочь погорельцу... Известно, что первые страховые компании были основаны масонами. Милосердие полезно, но ни в коем случае не сострадание. Любые движения души изгоняются из сердца. Рассудочный долг в рассуждении полезного — альфа и омега поведения масона и просветителя. В «Разговоре для масонов» Лессинга (1777 год), программном пропагандистском документе Ордена вольных каменщиков, Эрнст перечисляет известные всей Европе благотворительные дела Ордена: здесь и воспитательные дома для бедных, и предоставление бедным девушкам работы, обучение «бедных способных мальчиков рисованию», и лечебницы.

На это масон Фальк с пренебрежением замечает «...суть все те добрые дела... суть их дала ад экстра. ...Дела, которые бросаются в глаза народу, — только дела, которые они совершают единственно ради того, чтобы они бросались в глаза народу». Как бы то ни было, социализм берет свое начало отсюда.

«Предания» стоической философии были «разумной моралью» русских вольтерьянцев. Учение древних стоиков усиленно привлекало к себе внимание образованных дворянских кругов. Епиктет, Сенека, Цицерон, Марк Аврелий, Плутарх входят в русскую жизнь, входят, понятно, не сами, а с помощью издателей, переводчиков, денежных средств и всех тех, кто был заинтересован в пропаганде «естественной религии» и «разумной философии», в разрушении русской православной церкви и русской духовной культуры. Вспомним — рядом с просветительским язычеством, бок о бок, другая жизнь.

...Не то, совсем не то благоуханная теплота Умной молитвы Паисия Величковского и иже с ним. Метафизические глубины тайн мироздания не

даются в плотском мудровании, но открываются подвижникам и не помышляющим о тайнах этих, но лишь желающим понять всю глубину своего недостойнства перед Спасителем и путем умного трезвения очиститься от скверны. Глубины же тайн мироздания открываются такому сердцу в той мере, в какой оно может их вместить и в какой это будет соответствовать Промыслу Божию. Но вернемся к тому потоку «просветительства», что захлестнул Россию и расколол ее сознание на две части: христианскую и языческую.

Борьба с западным «гнозисом» велась Москвой неусыпно и веками. Эти проблемы идейной борьбы крайне сложны для нашего теперешнего понимания, хотя проблематика, связанная со спасением в Знании, верой в безусловную ценность любого знания, независимо от его моральной оценки, остается в силе. Какую цену готово было бы заплатить сегодня человечество, чтобы открытия, приведшие к созданию ядерного оружия, никогда бы не осуществлялись? Как уже было сказано, Петр I нашел себе верного помощника в человеке, до того уже предавшем веру православную и принявшем «на время униатство» в желании путем такого отступничества получить мудрость иезуитской схоластики. Феофан Прокопович учился сначала в Киевской академии, потом последовательно в иезуитских коллегиях во Львове, Люблине, Вильне и Познани. Его не раз обвиняли в безбожии, ереси, но ему покровительствуют сначала Петр I, затем Екатерина I. наконец, Бирон. Обвинения были вполне основательны. Он проповедует как раз идеи «естественного разума» и в «Правде воли монаршей» знакомит читателей с разными формами правления, разъясняя, что такое демократия, что такое аристократия и монархия. Он сообщает читателю, *что монархия бывает наследственная и избирательная*. Следуют доводы за и против того или другого вида монархии. Здесь же он знакомит русского читателя с учениями «изряднейших законоучителей» Гуго Гречия, Гоббса и Пуфендорфа, излагающих теорию происхождения государства из первоначального договора граждан между собой основать такую власть, которая будет всем полезна. Эти мифические, невежественные и неумные представления о происхождении государства должны были подорвать представления о священном характере происхождения царской власти. В стране, где царь был главой государства православного и был носитель священной власти, помазанник Божий, и согласно с законами Империи был охранителем устоев веры и «всякого в церкви святой благочиния», отказ царя Петра от веры православной означал, что власть впала в состояние тяжелого кризиса.

Начиная с Петра правительственный аппарат, по существу, исповедует деизм и пантеизм, то есть безбожие, неверие в личного Бога, и поклоняется Верховному Существо и Великому Мастеру. Литературе, пришедшей с Запада, поскольку своей, подобной, проповедующей моральное разложение, — гедонизм, еще не было, открыта была зеленая улица. В то же время на издание

церковных и вероучительных книг, по существу, накладывается запрет-, и церковный причт испытывает недостаток даже в самой необходимой богослужебной литературе. Сам факт принятия царем Петром титула императора означал принятие языческого догмата о святости государственной власти.

Это языческое обожествление особы императора имело, по существу, антицерковный характер. Из охранителя чистоты и незыблемости православной веры Петр превращался в некое олицетворение самого государства. Вся последующая атрибутика его власти была заимствована из императорского языческого Рима, и печальная судьба этого государства осталась непонятой Петром I и европейскими цивилизаторами. Все, что обнаружило в свое время полную нежизнеспособность в античном мире, теперь реанимировалось и призывалось на бой с христианской церковью.

В обилии, хотя и не сразу, появляются изображения Петра и создается немислимый в христианском государстве культ этого царя. В идеологии новой власти, идеологии языческой, пантеистической Петр I занимает то самое место некоего эталона, какое когда-то занимал Октавиан Август, основоположник Римской империи. Свою «святость» Август, правда, делил с Цезарем — Петр ни с кем. Лучи его славы, усиленно создаваемой учеными и литераторами при поддержке двора, освещают чиновничий период, петербургский, в истории России. Известно, что критика Петра в дореволюционной России была фактически запрещена. Каждый новый царь начинал с заверения верности заветам своего великого предка и обещал следовать его мудрым начинаниям. Масоны пели в ложах гимны Петру I.

Отказ от горних идеалов церкви и от тех времен созидания России, когда в первую голову в политике утверждалась святость веры отчей и политические акты обосновывались необходимостью защиты этой веры, привел с неистребимой железной логикой к языческому поклонению Вождю, великому централизатору и реформатору. Герцен называет Петра яacobинцем на престоле, и от этой мысли недалек и сам Пушкин, наименовавший всех Романовых яacobинцами. Герцен утверждал, что правительство до Николая I высоко несло знамя либерализма (см.: «О развитии революционных идей в России»). Действительно, Петр проводил огосударствление экономики, и во многом его политика была близка идеалам социалистов — Томаса Мора, Кампанеллы, Бабефа и Морелли с их системой беспощадного угнетения человека, практикой безраздельной власти отчужденной от интересов народа кучки чиновничьей братии, полного беспорядка личности перед лицом властей. Она, эта политика Петра I, стала созвучной нашему времени. Не европейские его преобразования вызвали такой восторг со стороны чиновников и представителей свободных профессий, а именно этот аспект его политики. Политика Петра I экономически отбрасывала страну совсем в другую от экономического и культурного

прогресса сторону. Его политика была антиисторична. Давно замечено, что централизация столь же хороша в теории, как плоха на практике. Не случайно в тяжелые для России времена борьбы за свое существование чиновничий аппарат не складывается. Правительственная власть Московской Руси опирается прежде всего на самоуправление, основанное не на пользовании землей, а на праве собственности крестьян на землю, осуществляемом через общину и в ее пределах и получающем свой смысл в Церкви. И в такой гармонии находился залог здорового развития Русского государства.

Глава третья

ОБРАЗЫ СЯТОЙ РУСИ И ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ

«В русских святых мы чтим не только небесных покровителей святой и грешной России; в них мы ищем откровения нашего собственного духовного пути. Верим, что каждый народ имеет собственное религиозное призвание, и, конечно, всего полнее оно осуществляется его религиозными гениями. Здесь путь для всех, отмеченный вехами героического подвижничества немногих. Их идеал веками питал народную, жизнь; у их огня вся Русь зажигала свои лампадки. Если мы не обманываемся в убеждении, что вся культура народа в последнем счете определяется его религией, то в русской святости найдем ключ, объясняющий многое в явлениях и современной, секуляризированной русской культуры», — пишет историк Г. П. Федотов в своей известной книге «Святые Древней Руси» (Париж, 1985).

Наиболее ярким представителем русского монашества, оказавшего существенное влияние на становление идеи русского самодержавия и выразившего саму суть московской религиозности, был преподобный Иосиф Волоцкий.

Свет, загоревшийся в Троице-Сергиевой лавре, осветил русскую землю, и повсюду учениками преподобного Сергия основываются монастыри и скиты, загораются яркие главки церквей и разносится благовест по всей земле.

Для того чтобы представить себе наглядно, как осуществлялись на практике духовные идеалы народа и как они были тесно связаны и с его хозяйственной деятельностью, как одно вызывало к жизни неизбежно другое, как осуществление христианских идеалов вызывало и осуществление идеалов государственных и влекло за собой появление очагов хозяйственной деятельности, преобразовывало русскую землю и делало ее богаче и крепче, мы возьмем для примера жизнь преподобного Иосифа Волоцкого.

Вспомним слова летописца: «И радовался Ярослав, видя множество церквей и людей христианских, а враг сетовал, побеждаемый новыми людьми христианскими».

Близ города Волоколамска, в селении Язвише, в 1439 году родился от благочестивых родителей Иоанна и Марины мальчик, названный ими Иваном. Его детство было вполне обычным для детей его возраста. В 7 лет его отдают на обучение грамоте в Волоколамскую обитель Воздвижения Честного Креста Господня иноку Арсению. В первый год он «изучи псалмы Давыдовы», а в следующий год он читает и постигает написанное в Божественном писании, принимает участие в церковной службе. Читая Священное писание, он все чаще задумывается над смыслом жизни, постигая суету мира сего. В тишине, уединении и безмолвии вызревает его мысль. Из Священного писания он видит, что слава мира сего прелгается в уголь и пепел и «такое ветр развеет и место не обрящется». Одни называют наше суетное житие — дым, другие его нарекают сном, иные же тенью. «Человек — это прах, взвихренный на дороге». И тогда Ивану пришел помысел бежать мира сего и «в святой иноческий облепока образ». Окружающие же не могли надивиться, а родители наравдаться богобоязненности юноши, «живуща в заповедях Господних». Он узнает о монастырях и старцах с тем, чтобы выбрать себе обитель и наставника. Он уходит тайно из дома и идет в Саввин монастырь, что в 20 верстах от Твери. В это время ему уже 20 лет.

В этой обители, однако, Иоанн не задерживается и по совету бывшего там благочестивого старца Варсонофия, к которому он и обратился, следует в Боровский монастырь к старцу Пафнутию (ум. 1477 г.). Преподобного он застаёт среди трудов: вместе с другими иноками старец рубит и носит дрова. Только вечером, когда препал к его ногам и стал умолять принять в число братии. Старец любовно приветил Иоанна и благословил. 13 февраля 1460 года (по ст. ст.) он был пострижен и облечен в иноческий образ и «нарече ему имя Иосиф». Новопостриженного инока определяют для работы в поварню и для научения его в монашеской жизни отдают под начало опытного в духовном делании старца. Иосиф должен безропотно повиноваться старцу, предвять всякую работу молитвою и постигать образ иноческого жития. Работа в поварне тяжелая, и Иосиф трудится без отдыха. Когда святой Пафнутий увидел успехи Иосифа и что он достаточно окреп, он переводит его в хлебопекарню, где работа была еще тяжелее. Хлеб требовался не только для братии, но и для странников и нищих, которых не только кормят в обители, но и снабжают в дорогу.

Вскоре на него налагается и еще более тяжелое послушание — ухаживание за больными. Каждый монастырь имел свой больничный корпус, имел и огород для выращивания лекарственных трав, и своего врача-монаха, у коего имелся дар врачебный. Каждый монах нес в монастыре свое послушание.

Ухаживать за больными смиренно, без ропота, без брезгливости, находя нужное слово, — большое испытание для молодого монаха. Служа больным, он знает, что служит самому Иисусу Христу.

Прошло три года, и, причисленный св. Пафнутием к церковному клиру, Иосиф просит у старца, настоятеля, совета, как быть с родителями, которые остались дома немощными. Хотя и не в правилах монашеских, но св. Пафнутий разрешил Иосифу взять отца в монастырь. Матери же он написал письмо, советуя ей тоже постричься и принять иноческий образ. Прочтя письмо, мать со слезами отвечает: «Чадое мое возлюбленное, сотворю поведенное тобою». Через много лет она, в монашестве Мария, захочет увидеть хотя бы издали своего сына и получит от него суровую отповедь. Встретиться они могут только на небесах, о чем и следует молить Бога.

15 лет инок Иосиф, кроме других послушаний, ухаживает за отцом. «Отец же, видя своего сына, тако о нем боляща и труждающа, слезами себе облиаше и глаголаше: «Что ти воздам, чадое, Бог тебе воздаст мзду, ради трудов твоих; не аз тебе отец, но мне отец ты еси и в телесных и в духовных». Итого пробыл в послушании Иосиф 18 лет, и умер отец, отошед с миром ко Господу, и вот уже сам старец св. Пафнутий почувствовал, что дни его на земле сочтены. Как ни отказывался Иосиф, а пришлось ему принять на себя по смерти святого игуменство. Великий князь Иван III хорошо знал святого Пафнутия и весьма скорбел, узнав о смерти этого замечательного подвижника церкви.

Князь утвердил назначение, по завещанию старца, игуменом Иосифа, который своей благочестивою жизнью и душевными качествами был известен ему лично. Иосиф отправился в Москву «к державному и приа его державный с любовью». Отправился, между прочим, пешком в лаптях.

Преосвященный Геронтий, митрополит всея Руси, благословил его на игуменство.

По возвращении Иосиф задумывает ввести более строгий устав — общежительный, еще не обычный для страны, но встречает непонимание большинства братии. Чтобы избежать ненужных смятений, он, посоветовавшись со старцами обители, тайно покидает монастырь, беря себе наставником старца Герасима. Вместе с ним он странствует по монастырям, выдавая себя за простеца и исполняя тяжелую работу в хлебопекарне или в поварне. Долше всего он задерживается в Кирилловом монастыре на Белом озере. Он полюбил общежительное житие этой обители, изучил ее строгий устав и обычаи. Теперь он чувствует себя готовым к исполнению задуманного. Он еще на короткое время возвращается в Боровский монастырь, но вскоре мы видим его недалеко от его родных мест. Недалеко от Волоцка в глухом лесу он решает основать свой монастырь с суровым общежительным уставом. В этом начинании он находит полное понимание у волоцкого князя Бориса Васильевича, брата Ивана III, великого князя Московского. Некоторые из жителей Волоцка говорили, что незадолго до основания монастыря они слышали отчетливо колокольный звон к утрени и вечерне, доносившийся как

раз из тех мест, где потом и стал монастырь.

«И посла Иосиф, тако ж и князь ко святителю о благословении церкви и об антимице, и егда благослови святитель и присла антимице».

К месту закладки храма Успения Пресвятой Богородицы приехал и сам князь и его бояре и знатные отроки. Прежде всех князь и преподобный Иосиф взяли на свои плечи бревна и положили основание церкви, а за ними все бояре и «отроки вси от велика и до мала» стали носить бревна и трудиться во славу Божию. Трудились они «яко земледелии».

Церковь была построена быстро. Затем строили кельи. В густом лесу, спиливая деревья, корчуя пни, рыли ямы для фундамента, терпели мошкар, спали и питались как придется и дружно, с молитвою, не празднословя, молча возводили корпуса построек, расчищали место под огород, сад, прокладывали дорогу, в бдении, ношении, молитве и неусыпных трудах они строили «Русь святую». Количество братии множилось. «И мнози князи и бояре приходяще к игумену Иосифу на покаяние, инии же постригахуся и недошедше возраста в младых телесах и без рассуждения на послушание и повиновение полное себя вдающе и на труды и воздержание».

«Они же воздержанием ради Бога утверждшеся и питаяся хлебом и подобный Пафнутий пошел простым зелием».

Ночь они стояли на молитве, днем таскали тяжелые бревна с молитвою и без празднословия — обычные правила монастырской жизни. Никто никого не заставляя, наоборот, уговаривая не брать таких тяжестей и сами же беря еще больше.

Все они, и из крестьян, и из бояр, и из князей, носили личную обувь и заплатанную одежду; так же ходил и сам настоятель монастыря — Иосиф, ничем не выделяясь среди прочих. И в такой одежде ходили до самой смерти. Смирение и покаяние они обнаруживали всем своим видом.

Следует, вообще говоря, различать роскошные одежды и золото утвари в Церкви как выражение славы Божией, к чему должно стремиться иереям, ревнующим о вере, и личный быт иереев, крайне бедный, аскетический, к чему и призывает монашеская жизнь.

Так личные, религиозные, подвижнические мотивы, заставлявшие людей из всех сословий уходить из мира в иночество, двигали в то время экономику по пути улучшения хозяйства, освоения новых земель и выковывали мощный характер подвижников русской земли. Размышляя над Святым писанием, видя вокруг себя примеры благочестия, но и многие нестроения, православный горит ревностью изменить себя по слову, усвоенному им в Церкви. Абсолютная искренность, чистота помысла, бессребреничество, целомудрие и боязнь впасть в осуждение ближнего, в ячество — все это заставляет человека, и князя, и

крестьянина, вступать на путь делания себя, а заодно, и неизбежно, следовало и делание русской земли. Это делание происходит прежде всего в душе христианина. Игумен следит за тем, чтобы никто *не* отклонялся от монастырской дисциплины, чтобы не было «бесчинно глаголющих», или смеющихся, или праздно проводящих время. Поздно вечером игумен обходил кельи и, если где еще слышал беседующую братию, тихонько стучал в окно, давая знать о себе, и уходил. За некоторые нарушения накладывались дополнительные послушания. Храм не отапливался. И в самую суровую зиму, даже когда птицы падали на морозе, молитва шла своим чередом, долгая, многочасовая. Некоторые не выдерживали такую суровую жизнь и уходили в другие монастыри.

Когда в крае случился страшный голод, монастырь открыл свои житницы голодающим, а когда кончился и там хлеб, стали закупать где могли. Кончились деньги, и стали занимать у соседей. Был поначалу и ропот среди братии, но игумен напомнил им, для чего они ушли в свое время из мира и какой обет они дали, приняв иноческое звание, и братия поддержала своего главу.

Много претерпел преподобный Иосиф скорбей; он участвовал в обличении ереси жидовствующих, когда жидовин Схария возмутил новгородских христиан и ересь пошла в Москву.

Своей праведной жизнью святые подвижники осуществляли господствующий среди русских идеал земной жизни. В заплатанной одежке, не имея на каждый день иной раз и куска хлеба, с молитвой на устах, они корчуют лес, врачуют немощных, дают советы, как вести себя, укоряют власть имущих, не дают спуска лентяям и пьяницам, выкорчевывая и из своей среды таковых, буде заведется овца паршивая: они стоят насмерть, защищая святые обители от врагов. Кому не известен подвиг защитников Троице-Сергиевой лавры от поляков! Митрополит Филипп, печалуясь о страдавших от кровожадности Ивана IV. при большом стечении народа, в церкви, обличает самого царя, идя на верную смерть. Патриарх московский и всея Руси Гермоген, находясь в плену у поляков, захвативших Москву, шлет свои грамоты по всем городам российским, поднимает народ и принимает мученическую смерть от врагов.

Митрофан Воронежский управлял своей епархией как раз в то время, когда Петр решил сделать среди бескрайних просторов южной России судоверфь и начал строить суда для военных действий против турок. Он решил захватить Азов. Сгнав массу народа на берега реки, он начал свою преобразовательную деятельность. Голод и болезни косили несчастных жертв великого преобразователя, а на берегу, ничем не покрытые, лежали еще живые, стонущие и умирающие. Из уже приводимых записок Фокереда выясняется, что эти люди так никогда и не могли понять, для чего нужны были издевательства над

народом царя Петра.. Защитник «государственных интересов» и «славы России» и враг традиций русского народа, Петр I разорял страну не только экономически, накладывая тяжелое налоговое бремя, не только сгнаивал людей на своих бессмысленных -стройках, отрывал мужиков от хозяйства, отчего в запустение приходили целые области. Он крушил ее духовное начало, разорял и моральные ее основы, как любой деспот. Его отношения с иностранцами, более чем близкие во многих смыслах, пьянства и кутежи там же, в маленьком Воронеже, среди забот великих государственных, презрение ко всему русскому вызывали крайнее недовольство людей. В этих условиях святой Митрофан Воронежский ни на миг не покидает своего пастырского служения. Питаясь очень скудно, он все деньги отдает на милостыню, в том числе и нуждающимся иноземцам, кормит голодных и пытается разрядить обстановку, чтобы не дать вспыхнуть бунту. На деньги своей епархиальной казны он строит корабли, ссужает казну Петра и постоянно предупреждает свою паству не забывать чистоты веры и не входить в близкие отношения с иноземцами.

В один свой приезд в Воронеж Петр I пожелал видеть у себя святого Митрофана и велел ему явиться во дворец. Святитель отправился и уже подошел ко дворцу, но, увидев статуи греческих богов и богинь, поставленных там в качестве украшения, повернулся и ушел. Царь вторично послал за ним, но святитель заявил: «Пока государь не прикажет снять идолов, соблазняющих народ, я не могу войти в его дворец». Кстати же, по этой же причине и митрополит Филарет московский, человек европейски образованный, категорически отказался освящать Триумфальную арку в Москве во времена Николая I. Петр, узнав причину послушания, пригрозил смертью. Святитель ответил, что неприлично христианскому государю ставить языческих идолов. Под вечер царь услышал колокольный звон, хотя не было никакого праздника, и послал узнать, что это значит. «Понеже мне, — ответил святой Митрофан, — от его величества сказана смерть, того ради я, как человек грешный, должен пред смертью своею принести Господу Богу покаяние и испросить грехов своих прощение соборным молением, и для сего я назначил быть всенощному бдению».

Царь засмеялся, приказал убрать статуи и послал сказать, что он прощает святителя за прослушание царской воли. До самой своей смерти святитель стоял на страже вверенных ему душ, оберегая их от соблазна и особенно от вредного влияния иноземцев. При этом он не был против самих знаний технических и научных, был близок с боярином Хитрово, сторонником близких отношений с Западом, оказывал помощь нуждающимся иноземцам, но сам их чуждался. Он считал, что иноземцы вносят в нравы русских непотребные обычаи. Когда святитель умер, то, несмотря на то, что доходы епархии были большими, владыку не на что было похоронить. Он совсем не имел собственных келейных денег. Деньги, собираемые по епархии, он никогда не считал своими. Не имея

ни золота, ни серебра, святитель как о милости молит, чтобы за поминовение его души после смерти выдавалось из домово́й архиерейской казны.

В XVIII веке мы знаем и еще одного крупного церковного деятеля — Тихона Задонского. Уже упоминалось о святом Паисии Величковском и целой плеяде его учеников, положивших начало обновлению церковной жизни. Началось среди русских людей всех сословий движение в сторону «умного делания». Среди русских святых нет более почитаемых, чем преподобный Сергей Радонежский, живший в XIV веке, и преподобный Серафим Саровский, живший уже совсем недавно — в XIX веке (умер в 1833 г.). Нет ни одной церкви, где не было бы иконы этого святого, в державе Российской просиявшего. Со времен Петра начинается история притеснения властями православной церкви. В то время как во всех крупных городах уже в середине XVIII столетия открываются масонские ложи и постижения еврейской гностики становятся явлением общим в среде чиновников и дворян, то есть тех же чиновников, но только в отставке, в то же самое время нападки на церковь приобретают все более озлобленный и откровенный характер. Вернулись как бы первые века христианства. Снова, как и прежде, его стали преследовать те же силы: язычество и иудаизм. Оба эти явления сошлись в одной точке — каббале, и ненависть, которую испытывал языческий мир к христианам, можно легко себе представить, если читать литературу, выпускаемую масонами-просветителями. Они издают и чисто языческую литературу, и чисто каббалистическую: Яков Бёме входит в моду вместе с клятвой верности Иегове — Верховному правителю Вселенной.

Особенно выделяется по части издевательств над священниками правительство Бирона: их подвергают битью кнута́ми, многих казнят. Их утесняют административными воздействиями, порожденными изуверской мыслью европейского просвещения. Более 6000 священников отдано было в солдаты. Обнищание церковного причта было всеобщим, во многих и многих церквях некому было служить. Правительство реформаторов смотрело на духовенство как на своих врагов.

В качестве примера преследования церкви либералами-масонами и просветителями можно привести и дело епископа Иннокентия по поводу книги Станевича «Беседы на гробе младенца о бессмертии души» (см. ниже).

Это только в качестве примера. и таких примеров не счесть. Митрополит московский Филарет говорил, что Петр только ударил церковь, а Екатерина нанесла ей тяжелую рану. Было бы грешно не упомянуть и еще об одном человеке, о котором помнят только историки Церкви Русской, а между тем...

Митрополит ростовский Арсений Мациевич защищал права Церкви еще при императрице Елизавете, но когда Екатерина II отобрала в казну, то есть на откуп чиновникам, все имущество Русской Церкви, следуя указаниям своих

идейных учителей — Вольтера и Дидро, то Мациевич вступился за неприкосновенность монастырских вотчин, утверждая, что если это решение о конфискации не будет отменено, то «государство со всеми своими академиями и чинами обратится в государство безпоповское, протестантское или даже атеистическое».

Его лишили сана и сослали в Карельский монастырь. Но он не делал никаких «оглядок на человеческие страхи», считал свое осуждение незаконным делом гонителей церкви — «всех немецких чинов, которые в комиссии сидели». Он продолжал борьбу, и в конце концов его расстригли и отправили в Ревельскую крепость. Здесь, в заключении, в одиночной камере он и умер, защитник Церкви, кого москвичи почитали за святого.

Екатерина писала коменданту крепости, чтобы он неослабно стерег заключенного, так как «народ его очень почитает исстари и привык считать святым, а он больше ничего, как превеликий плут и лицемер».

«Благо, яко смирил мя сей», — написал углем на стене своей одиночной камеры Арсений перед своею смертью. Арсений Мациевич и Радищев...

Два мира. Одного почитает народ, а другой — за кого народ почитает? За невежественных оборванцев, не знающих истинного Бога-Иегову, как пишет сам Радищев?

Арсений Мациевич не искал своей выгоды и жил бы, будь лицемером, в роскоши и богатстве. Он умер в каземате как государственный преступник как раз в те годы, когда зная веротерпимости по-бироновски и вольтерьянски высоко развевалось на горизонте России, уже освещенном первыми лучами либерализма, лучами, идущими от алтаря храма Соломона. Этот тамплиерский либерализм за веселыми водевилями и «грациозной скабрзностью» таил в себе все, что можно было увидеть на примере Арсения Мациевича и в судьбах тысяч священников, избиваемых плетью́ми и ввергнутых в нищету. «Двойной истины» западных гуманистов и наших лукавых интеллигентов не искали защитники права человека на исповедание своей родной веры, такие, как Арсений Мациевич.

Начало XIX века ознаменовалось бурным ростом всевозможных мистических учений от чисто масонских и исповедуемых только в ложах до тех же учений под видом духовоборских сект разных наименований. У власти стояли и пользовались покровительством Александра I крупнейшие масоны-розенкрейцеры и масоны тоже крупнейшие, но других направлений.

Александр Федорович Лабзин, племянник Н. И. Новикова, вкупе с Александром Голицыным, масоном Родионом Кошелевым, другом Сен-Мартена, стояли у кормила цензуры во времена Александра I, определяя номенклатуру издаваемых книг. Как и в прошлом веке — XVIII, неизменной симпатией в начале XIX пользовался Вольтер. Широкое распространение

получили книги чисто каббалистического содержания и сочинения мистиков масонов, абсолютно враждебные христианству; это сочинения Штиллинга, где в «Победной повести» единственно истинной «церковью» провозглашалась ересь альбигойцев, исповедовавшая дуалистическую доктрину каббалистов-манихеев, сочинения Лабзина в его же «Сионском вестнике», являвшемся проводником идей западных начальников — идеологов русских масонов.

По преимуществу руководство шло из Берлина, куда в обратном направлении шли как членские взносы (см. материалы допроса Новикова), так и обычные для масонства подробные отчеты о разных сторонах жизни государства: сообщалось о настроениях двора, дипломатические известия, экономические и прочие. С Запада по масонской линии шли произведения по практике государственного переворота, как, скажем, роман Силвена Марешаля «Путешествие Пифагора», являвшийся пропагандой идей Ордена иллюминатов, «Начертания истинной теологии» (1784 г.) и другие. К началу XIX в. масонство захватило высшие сферы государства.

В этих условиях некто Евстафий Станевич, то ли директор, то ли просто учитель гимназии, решительно ничем не приметный, не выдержал и написал книгу⁹ в защиту православия и с обличением мистических учений. Книга не успела разойтись, как уже на следующий день масонские бюрократические круги были взволнованы и возмущены книгой Станевича. Министр просвещения и духовных дел, а также главный цензор страны А. Н. Голицын не находил себе места от гнева. Духовного цензора архимандрита Иннокентия грозно спросили, как он мог пропустить книгу, нарочно ли он это сделал или по недосмотру. Отречься от сделанного Иннокентий не стал. Он заявил архимандриту, своему прямому начальнику, что готов претерпеть за веру.

Станевич был выслан полицией из столицы, книга же, как антигосударственная и очень опасная для основ общественного порядка, спешно изымалась не только из книжных лавок, но и из частных домов и уничтожалась, сжигалась непосредственно под личным присмотром Александра Ивановича Тургенева, сына известного масона, розенкрейцера, «теоретического философа Соломоновых наук каббалистического Ордена Креста и Розы» Ивана Петровича Тургенева, мецената в литературе и просвещении, долгое время формировавшего вместе со своим соратником по Ордену М. М. Херасковым

кадры русской интеллигенции, — оба возглавляли Московский университет. Надо признать, что дети И. П. Тургенева, будучи от рождения уже луфтонами, как называют детей масонов, имели мало шансов остаться вне влияния Ордена. Александр Иванович Тургенев с 1817 года занимал место директора департамента духовных дел и был лично известен императору. Один из почитателей А. И. Тургенева характеризовал его «как человека легкомысленного, с некоторой долей шарлатанства, враждебного к православной церкви». Александр Иванович был либералом и мистиком. Его брат Н. И. Тургенев был известным декабристом.

Либеральный террор действовал настолько успешно, что когда через шесть лет Станевич был приглашен к государю, вознагражден, принят снова на службу, а книгу было приказано издать, то в целом городе не могли найти ни одного экземпляра. Один экземпляр все-таки был отыскан. Отпечатали. Написанная несколько архаичным языком, она содержит исключительно разбор некоторых мистических учений адептов «внутренней церкви» и излагает учение церкви православной. В этом и была ее главная опасность для властей, преданных Ордену вольных каменщиков.

Иннокентий же по личному настоянию Голицына был выслан из Петербурга. С большим трудом удалось заменить его ходатаем Оренбург на Пензенскую епархию. Не доезжая Москвы, посвященный в епископы перед отъездом, Иннокентий тяжело заболел; 21 июня 1819 года приехал в Пензу. Но земной путь его уже подошел к концу, и 10 октября он отошел ко Господу. Ему было от роду 35 лет. А через четыре года начинается возрождение Оптиной пустыни.

Это удивительный, не знающий себе равных источник чистоты и самой высокой духовности. Никакие испытания не смогли сокрушить Святой Руси, и ее традиции, и ее духовная сила живы и поныне. Святая Русь на небесах и на земле несокрушима. Исчезнет серое племя без имени и отчества ее врагов, а она будет сиять во веки веков.

История Ордена вольных каменщиков в России — это история борьбы просветительства, ставшего идеологией беспочвенного чиновничества и офранцуженной интеллигенции с Русской Православной церковью и со всем русским народом, со всем его историческим бытием. Эта борьба гностико-каббалистического учения с верой и надеждой русского человека. Эта борьба есть фундаментальный факт духовной жизни русского человека. В ней, в этой борьбе, сплелись в единое целое вопросы цели бытия, справедливости, оправдания самодостаточности государства, проблемы человеческой свободы и проблемы смерти и спасения человеческой души. Масонство впитало в себя всю языческую мудрость древнего мира, его философию, мораль, мистику и метафизику. У масонства, как и у философии плотского человека, есть свои пророки, свои алтари и свои герои, по большей части совпадающие с героями

⁹ Станевич Е. «Беседа на гробе младенца о бессмертии души», Спб., 1818 г. 1-е изд. Следующее издание, 2-е, — 1825 г. На титульном листе означено: «Второе издание по Высочайшему повелению. Санкт-Петербург. Печатано в тип. Императорской Российской Академии». — Масоны и сектанты любят цитировать Священное Писание, и Станевич пишет: «Нет ничего грешнее пред Богом, как своевольное приложение изречений божественных к частным видам человеческим, как будто за сие страшное злоупотребление не воздадут страшного на страшном суде ответа», (ук. соч., с.39).

гуманистической «всеобщей» культуры, языческой по существу. Масонство несло в себе осуществление идеалов «всечеловека», без лица национального, исторического, сословного и религиозного. В XVIII веке оно объявило своими «уставами» и прочими программными документами о «всеобщей религии» и «естественной морали», за которой стоит Тора, иудаизм — основа масонства.

Пантеизм лег в основу всего антихристианского движения XVIII-XIX веков. Он стал идейным обоснованием Просвещения, масонства, либерализма. Интеллигенция в нем нашла первые зачатки своей философии, и перевод учения масонов с языка символов, легенд, мифов на язык понятий философских произведений европейского гуманизма и просвещения стал ее вероисповедным знаменем.

Литература и изобразительное искусство получают первый толчок к своему существованию именно в ложах, наследниках философских союзов античности, вернее, религиозно-философских союзов. Мода на античность стала тем идейным достижением, которое гуманизм выдвинул в качестве заменителя христианской веры. Живопись, архитектура и скульптура несут начала, изначально противные духу христианства, плотские и чувственные. Эротика не только не скрывается в тайниках греховной природы человека, но привлекает взор интеллигента-вольномудца. Людоедский индивидуализм Вольтера и Руссо, фашистская теория ¹⁰ Мабли и Морелли, их утопии — проекты будущего устройства общества — имеют все жуткие черты концентрационные лагерей. За колючую проволоку в казармы предполагалось загнать весь род людской. В качестве теоретического обоснования таких казарменных государств принимается теория «естественного человека» и идея Природы как порождение эманации Единого безличного существа, Эн-софа каббалы и масонская лож.

Пришедшие с Запада идеи деизма и пантеизма, с их абсолютным безразличием к моральным ценностям, стали идейным содержанием нарождавшегося чиновничества и интеллигенции. Престиж «знания» неуклонно растет в течение десятилетий и постепенно расширяет круг интеллигенции. «Знания» определенных предметов обеспечивают продвижение по службе. Прежде всего это знание иностранных языков и некоторых азов западной философии, в форме публицистической, но в первую очередь это знание иероглифического языка масонских лож. В этом языке скрыт весь идейный багаж богоборческого просвещения, безличности массовой культуры и морального разложения общества. В нем, в этом языке, смертный приговор народу, устроившемуся у себя дома и по-своему, по-христиански, в нем — классовая борьба и уничтожение крестьянства, в нем — расстрелы тысяч

¹⁰ То есть «социалистическая» и «демократическая», имеющая в основе оккультно-каббалистическую идею Всеединства, к которому движется все человечество. И этот процесс «спасения» составляет суть понятия «прогресс».

неповинных людей, в нем — катальный «интернационализм», принесший неисчислимые бедствия всем коренным нациям и всем народам и больше всего — русскому.

Дело колонизации страны западными мальбруками, несмотря на обилие иностранцев в опричном корпусе чиновничества и возможности распространения литературы любого идейного толка, шло крайне медленно. Страна упорно держалась во всех слоях церковных обрядов — своего священного завета, и теплый свет лампы перед ликом Спаса продолжал согревать сердце русского человека. Тихие, умиротворенные образы страстотерпцев Бориса и Глеба продолжали останавливать на себе просветленные взоры и крестьян, и мещан. Прослойка чиновников росла медленно.

В те самые времена, когда будущие деятели московского мартинизма были еще детьми, образование продолжало оставаться по преимуществу таким же, каким оно было и до Петровских реформ: грамоте учили по Часослову и Псалтыри. Воспитание также осуществлялось отнюдь не по Локку, столь излюбленному просветителями-масонами, и не по принципам идейного основоположника реформированного английского масонства, «моравского брата», высоких степеней посвящения Амоса Коменского. Неуклонное требование моральной чистоты, уважение родителей и вообще старших, уважительное отношение друг к другу, святость брака и прочие требования нравственного характера, как известно, дольше всего удержались в русском народе, вплоть до нашего времени, пока катаклизмы экономических реформ 50-х и 60-х годов текущего столетия не разрушили окончательно русскую деревню... Как главного врага «прогресса» и «всемирной культуры».

На знамени европейского просвещения яркими буквами загорелись два слова, ставшие драгоценным клейнодом Нового времени: атеизм и гедонизм. Бога нет, наслаждайся, делай карьеру, все равно сдохнешь и ничего от тебя, милый друг, не останется. Наслаждайся как можешь и всеми доступными средствами. Теперь, с XVIII века, Гораций и Тибулл перепеваются на всех европейских языках и служат образцом для деятелей освобождения человечества от религиозных «предрассудков». Гений Эпикура воскрешается в многочисленных «поэзах», и во Франции возникает культ светского «приличного» разврата. Через несколько десятков лет в стране начнется кровавый террор и Франция погрузится в хаос революционной анархии.

Приличный разврат всегда заканчивается именно таким образом, ибо знаменует собой разложение человеческого общества и власть тьмы, князя Мира его. По своим врожденным свойствам русский человек обладает особой совестью, даже если забывает дорогу в церковь. В то же время сыны «интернациональной нации», эти вечные учителя человечества, легко плавают

по поверхности всех моральных традиций и культур, все знают по форме, ни во что не верят по существу, обо всем судят с необыкновенной ученостью, и их совесть, как правило, не обременена никакими «предрассудками» ни по части семейной верности, ни по части бескорыстия и любви к ближнему. Надо ли говорить, что в политике последнее качество имеет огромные преимущества.

Выросший в обстановке эпикуреизма, Вольтер проповедовал только наслаждение во всех его видах. Наслаждение властью — тоже наслаждение, и еще большее, чем остальные. В борьбу с христианством во времена средневековых гуманистов вступила утилитарная этика Возрождения. Так ласково называется проповедь гедонизма¹¹.

Впрочем, существовала и другая система взглядов, не противоположная, как может показаться, но другая — стоицизм. Именно это учение вошло со всеми деталями, целиком в доктрину Ордена вольных каменщиков, о чем речь пойдет дальше. Это учение безразлично к морали, в общепринятом, то есть христианском, ее понимании. Система гностиков с их учением о спасении души через приобщение к некоему «знанию», как высшей цели так же, как и система их идейных наследников — масонов, по наследственному пути от манихеев, альбигойцев, вальденсов, катаров, европейских гуманистов, интеллектуализировавших все эти ереси и создавших «республику ученых» — гностиков-каббалистов — имела учение о поведении, это да, но не о морали. Грех — вражда к Богу, личному и любящему, есть падение в грязь, разлом в цельности, погружение в смрад, абсолютно реальное и существующее только в христианстве: грех — понятие не моральное, а религиозное, но на признании греха стоит мораль; в системе религии сама мораль есть только средство. Самодовление морали, то есть отрицание религиозных истин, есть самый большой грех. Именно он присущ масонскому гуманизму.

Система народного образования была разрушена Петром. Екатерина, воспитанная в безверной, атеистической среде, именуемой по весьма формальному признаку как протестантская, смотрела на свою подлинную духовную родину — просветительскую, воинствующе-антихристианскую Европу, ни в каком случае не католическую, с обожанием. Надо попутно заметить, что и Петр не «видел» католической Европы, тоже, кстати, Европы. И тоже достаточно грамотной и поболее грамотной, чем обожаемая им протестантская, то есть, по существу, не христианская. Протестантство со времени своего возникновения стало удобным прикрытием для решительного атеизма, так как не требовало исполнения каких-либо обрядов на территории

¹¹ Каббалистический аспект гедонизма очевиден: согласно иудаизму, все создано Творцом ради получения наслаждения: «что создано в мирах, является лишь видоизменяющимся желанием насладиться» (Лайтман М. «Кабала», Новосибирск, 1991 г., стр. 22)

России.

С этого времени Вольтер, глядя на Россию, мог вздохнуть свободно, чувствуя, что дело просвещения в надежных руках. «Она (т.е. Екатерина II) почтила меня извещением, — писал он, — что ею были собраны в большом зале Кремлевского дворца самые настоящие язычники, ученые, греки, латиняне — от роду заклятые враги греков, лютеране, кальвинисты — враги латинян, добрые мусульмане, одни держащие сторону Ади, другие Омара; что все они сообща пообещали, что является единственным путем к взаимопониманию, и что она заставила их согласиться принять законы, по которым они должны жить в добром мире. До того времени православный выбрасывал тарелку, из которой ел католик, если не мог выбросить самого католика».

В этом отрывке — все Просвещение со своим удивительным лицемерием и расчетом на невежество адресата. Может показаться, что все эти вероисповедания находились в бесконечной вооруженной борьбе, проливая кровь только потому, что кто-то не так крестится. Скучно говорить прописные истины, но следует все-таки уточнить: Россия всегда была страной с самыми различными вероисповеданиями. В самой Москве жили и мусульмане, и католики. Протестанты же вообще были со времен Петра в исключительном положении. Это банальный факт истории. Россия не знала религиозных войн¹². Хлысты и прочие духовоборы в обилии населяли столицы России: Петербург и Москву. Не выбрасывали ни тарелок, ни католиков, ни мусульман, ни протестантов. Зато сказано по-вольтеровски хлестко.

Через 5 лет после своего прихода к власти, в 1767 году, по инициативе императрицы создается «Ученое предприятие в Москве» для перевода статей из «Энциклопедии» французских просветителей. Сами ученые нуждались в каком-либо объединении, и общее дело было найдено. Враждебная каким-либо христианским идеям «Энциклопедия» должна была стать первой школой создания интеллигенции в России. Движение к «умовому» началось с Петра, но теперь оно приобретает ускорение. Делавшее при Петре свои первые шаги, чиновничество при Екатерине II становится мощной силой. «Темной стороной этого прекрасного начинания было появившееся именно около этого времени крайнее увлечение учениями энциклопедистов. (...) Французы давали модный тон... и русские впадали в крайность, подражая им до нелепости, что началось отчасти во времена Елизаветы, когда окончательно изменялись древние нравы общества, сокрушенные Петром, но еще не вполне искорененные его рукою и усилиями немцев» (Лонгинов).

На внутренний книжный рынок выбрасываются переведенные на русский

¹² Ср. М. Вильмот: «В России нет религиозной вражды и дух терпимости таков, что даже неграмотные крестьяне... понимают, что у людей других национальностей имеются свои, несхожие с их собственными, религиозные обычаи» (1804 г.) (Записки. М., 1988).

язык античные авторы — Платон, Аристотель, Плутарх, Ксенофонт, Вергилий, Гораций, Овидий, Цицерон, Тацит, Гомер, Салюстий и др. — весь обычный идейный арсенал борцов с церковью.

В этих произведениях ум читателя изощрялся в метафизических построениях, находил себе удовлетворение в мифических образах шаловливых фей, удовлетворял свою эстетическую потребность, как бы подсказывая ненавязчиво читателю XVIII столетия, что спасительная миссия Христа была не такой уж спасительной, поскольку и до того жили люди, и весьма добродетельные. Здесь же читатель черпал и свои политические идеалы борьбы с «тиранией».

Усилиями Екатерины II шла интеллектуализация русской жизни. Появляется племя философов, и главный центр их подготовки — масонские ложи — начинает открыто процветать в правительственных департаментах. Здесь в ложах заставляют напрягать мозги в изучении каббалистической символики. Из дворянства здесь готовят новую породу людей — интеллигенцию.

В 1766 году издается манифест о созыве со всей России депутатов для сочинения проекта нового Уложения. Новые слова будоражат кровь и вселяют неясные надежды. Учреждаются новые учебные заведения и воспитательные дома.

Власть поощряет всячески литераторов, она нуждается в притоке новых сил, интеллектуальных и творческих. Устанавливаются премии, поощрительные подарки и предоставляются хорошие места по службе для литераторов, художников, скульпторов, ученых, архитекторов. Сочинительство становится доходным делом и тешит тщеславие.

Моралистика и нравоучительность первых русских журналов постепенно смешают акценты в сторону «естественного». Как-то незаметно происходит сближение привычных светских представлений с первыми тремя градусами Соломоновых наук — иоанновским масонством.

Первые шаги Ордена были робкими, незаметными. Как отмечают исследователи прошлого, не было главного — русской интеллигенции. Трудно переоценить влияния вольтерьянства на распространение масонства в России. Одно прокладывало другому дорогу.

Что должен был испытать человек, воспитанный в традиционном духе веры отцов и вдруг переживший потрясение от чтения Вольтера; «галантная скабрзность» и изящный слог вселяли червь сомнения в душу отечественного недоросля, и тем сильнее, чем больше он видел, что Вольтер в моде. Душевная раздвоенность, страдание от утраты чистых образов веры, сомнения и душевные муки входили в его жизнь. Испытавший скепсис французского просветителя, он уже не мог вернуться к прежней цельности. Насмешка над святыми предметами, часто повторяемая, доходила до самых интимных глубин человеческой души.

Даже Леонтьев, уже живя в Оптиной, отмечал, что его все еще продолжает нет-нет да тянуть к Вольтеру, его язвительной прозе. Такое воздействие разрушало, но не давало ответа на главные вопросы человеческой жизни.

Все легенды и оккультные истины, излагаемые Пикоделла Мирандола, каббалистом, в XV веке, стали «исторической» догмой просветительства и метафизикой масонства. Их, эти легенды и оккультные истины, излагал Шварц Иоганн Георг (1751-1784), русский просветитель, родом из Трансильвании (Германия); движимый благородной страстью образовать русское юношество на основах человеколюбия и добродетельной чувствительности, он по заданию масонского Ордена приехал в Россию. Движимый заботой об истинном просвещении юношества и пропаганде идей Ордена, он развил изумительную и разностороннюю деятельность по заграничным сношениям масонским, внутренней организации Ордена, основанию розенкрейцерства, устройству «Дружеского общества», учреждению «Переводческой Семинарии», «Педагогической», чтению разом трех курсов и разным ученым трудам по университету и гимназии.

С первого дня его появления в Москве в 1779 году он озабочен одной идеей — созданием различных обществ по распространению понимаемого им в духе Пикоделла Мирандолы, в духе эзотерического предания-каббалы, просвещения. Но и для достижения этой великой цели нужно было участие большого числа людей образованных, влиятельных и имеющих капиталы для финансирования задуманного предприятия.

В лице Новикова он нашел себе деятельного помощника на этом поприще. При Московском университете образуется усилиями влиятельных и знатных вельмож сплоченная масонская организация. Первое лицо в университете — куратор Херасков, покровитель юных дарований, член Ордена.

Типография университета отдается Ордену в лице Н. И. Новикова, и тот деятельно, вместе со Шварцем, ставит дело пропаганды идей Ордена на высокий уровень. Уже через несколько месяцев после приезда в Москву Шварц получает должность профессора немецкого языка в университете по протекции Хераскова и входит в руководство Ордена, имея к тому времени степень шотландского мастера. В ритуале степени — «стоять под знаменем багровым» (Т. Соколовская, «История русского масонства»).

В университете и разворачиваются его блестящие педагогические способности. Уже в конце того же года, 1779-го, он вместе с «братьями» основал общество по подготовке отечественных учителей — «Педагогическую семинарию», взяв несколько бедных студентов на содержание масонского общества. В 1781 году по его инициативе и в самом тесном содружестве с Новиковым было «образование ума и вкуса членов, собиравшихся для чтения и обсуждения своих литературных опытов, нравственное их усовершенствование,

упражнение в человеколюбивых подвигах, в пользу которых предложено было составлять периодические издания из трудов членов». Так было сказано в официальном объявлении по поводу учреждения общества. И студенческая молодежь приняла самое деятельное участие в этом литературном предприятии. Студенты становятся переводчиками, журналистами, комментаторами и пробуют свои силы на писательском поприще. Усилиями студентов, при направляющем руководстве Новикова и Шварца, осуществляется целый ряд изданий масонских журналов и книг, большей частью переводных или компиляций из заграничных изданий. Сама атмосфера будоражила молодые умы, возбуждала дух литературного соревнования, подогреваемого хорошими гонорами, выдаваемыми Новиковым в целях поощрения юных дарований.

«Шварц... направил свое влияние на ту молодежь, которая могла составить ядро будущего русского интеллигентного общества» (Лонгинов).

Все свое время и средства Шварц отдает любимому делу. Он подарил свою личную библиотеку университету и отдал на дело просвещения и содержание бедных студентов 5000 рублей.

В ордене московских масонов уже существовала с 1780 года тайная ложа для избранных ученых мужей, которая так и называлась — «Тайная и Сиентифическая», она же именовалась и ложей «Гармония». Именно в это время масон и интеллигент сливаются в одно представление для образованных по-европейски дворян. В сознании же большинства людей масоны, как и прежде, это проклятое Богом сборище, где «творят почти явно демонские законы» и «православных христиан мнят всех прельстити».

Размежевание в обществе продолжалось. В 1781 году Шварц уезжает по заданию ордена в Германию и получает звание верховного предстоятеля Теоретической степени Соломоновых наук — первая ступень в освоении розенкрейцества — науку из наук в масонстве. По возвращении он готовит братьев к занятиям новыми дисциплинами и читает соответствующие лекции. Его заместителем, главным предстоятелем ордена Берлин назначает Н.И. Новикова (Г.В. Вернадский, «Русское масонство», Пг., 1917 г.).

В 1782 году Орден Креста и Розы начинает свой долгий путь на русской земле. Он благополучно прошел через многие катаклизмы в общественной и политической жизни страны, объединил видных деятелей культуры и просвещения XVIII—XIX веков. В том же году общество «теоретических философов» Соломоновых наук открывает еще одну легальную свою организацию — «Дружеское ученое общество» для ревнования по делам просвещения. Оно все целиком состоит из братьев-розенкрейцеров, видных, за редким исключением, представителей сановной и дворянской знати.

Еще в Берлине, во время своей поездки по делам Ордена в 1781-1782 годах, Шварц завязал самые тесные контакты с учеными и литераторами Европы,

выполняя свои масонские «должности» по распространению масонских идей просвещения. Нужны были книги и для этого. Нужны были переводчики. В 1782 году создается для студентов университета все теми же московскими розенкрейцерами еще одна организация — «Переводческая семинария».

Здесь проходят курс масонских наук несколько десятков молодых людей. Живут они в специальном общежитии Ордена¹³.

Для них читаются отдельно от других студентов лекции, и мемуаристы через много лет будут отмечать, что «такой-то» — воспитанник «Дружеского общества». Их узнавали среди многих.

Шварц трудится неутомимо, он помогает в издательских делах Новикову, указывает ему книги, нужные для издания, исправляет переводы и дает ценные советы по части теории в литературе, по вопросам чисто теософского характера — журналы «Дружеского общества» прямо пропагандируют враждебные христианскому учению идеи оккультизма и гностики. «Вечерняя заря», «Московское ежемесячное издание» становятся хорошей учебной школой для питомцев названного общества. Участников этих изданий насчитывается не один десяток. Все они становятся членами масонских лож, и из них в следующем веке, XIX, будет состоять в значительной степени профессорско-преподавательский состав университета. Или из них, или из их питомцев. Одни станут сами издавать журналы для пропаганды масонских идей, как Лабзин «Сионский вестник» и Невзоров «Друг юношества», другие займут видные места в чиновничьей иерархии или будут руководить сановниками в системе отношений масонского Ордена, как, например, тот же Поздеев руководил министром просвещения гр. А. К. Разумовским, М. Ю. Виельгорским и С. С. Ланским — всем найдется место под солнцем России. Кстати, С. Ланской при Александре II — министр внутренних дел.

Шварц читает 3 курса лекций: студентам университета, семинаристам «Дружеского (масонского) общества» и у себя на дому для еще более избранных. Мистический характер лежит на этих лекциях Шварца, в них он являлся горячим поклонником каббалиста XVII века Якова Бёме. Он заставлял своих слушателей, юных отроков, «понимать тонкости и прелесть искусства и литературы; порядок Геометрии и Астрономии, Магии и Каббалы», а также прелесть и тонкость алхимии и вызывания, при помощи некоторых секретов, демонов.

На этих лекциях он деятельно толковал «Теоретический градус Соломоновых наук», свод учения Ордена розенкрейцеров, изучавшийся в степени «теоретического брата», и, таким образом, он вербовал себе

¹³ Здание сохранилось: Армянский пер., Институт Востоковедения им. Лазарева. В то время оно принадлежало видному масону, сподвижнику Новикова, И.В. Лопухину.

единомышленников на своих публичных и частных чтениях, где, излагая то же розенкрейцерское учение в популярной форме, делал слушателям весьма ясные намеки на то, что великие тайны находятся в руках так называемых Розенкрейцеров. Отдельно Шварц читал лекции для семинаристов — будущих священников.

В курсе лекций «О трех познаниях» он объяснял: «Некоторая секта иудейская сохранила оное предание (данное Богом Адаму познание), и... оно перешло к так называемым Р... К...», далее он давал «познание о так называемой Розен (Крейцеровской) Каббале». Вообще говоря, на лекциях профессора Шварца русские студенты могли узнать много нового для себя из старого багажа иудейской каббалы, выдаваемой за свет истинного в отличие от православия знания.

Бог передал совершенные знания Адаму, беседовавшему с ним непосредственно. От него Адам получал сведения о мире видимом и невидимом. Падение духа в материю раскололо двуполое существо совершенного Адама на две половины — мужскую и женскую, и с этого времени знания в их совершенной полноте были утрачены, так как не стало полного и постоянного общения с миром чистых духов. Свои знания, оставшиеся после падения, Адам сообщил своим детям, но так как люди употребили это знание во зло, то уже Ной передал его только одному своему сыну. Моисей на горе Синай получил знания для всех и знания сокровенные в виде иероглифов для избранных. Во времена Соломона, рассказывал студентам университета Шварц, в Иудее было много философов, и они объединились и «представили философическое дело под видом сооружения Храма Соломонова: сия связь дошла до нас под именем Свободного каменщичество...». Наследниками этой секты иудейской и предлагалось стать русскому юношеству, отказавшись от протонародной религии отцов своих и прадедов и предаться новому передовому учению Шварца, русского просветителя из Германии, «теоретического философа Соломоновых наук». И, надо признать, сегодня эта «наука» определяет дух современности.

Подлинная и глубинная, «настоящая» наука находится у невидимых начальников «собратства», которые живут где-то, «в некоторой части сего видимого мира, яко в наружном раю», где, владея всеми тайнами природы, сохраняют их «для великого дела», до того момента, когда «воздвигнется род, рожденный для части более возвышенной...».

Легенда о некоем сокровенном месте для неких мудрецов, возможно, заимствована из Талмуда: «С талмудических времен циркулируют слухи о праведной стране, в которой, на берегах реки Самбатсион, в независимости и древней чистоте веры и обычая живут потомки «колен Израилевых». Еще в XVI столетии в Палестине обосновался кружок каббалистов, избравший этот уголок

земли как место, откуда будто бы легче воздействовать на «высшие сферы и таким образом влиять на приближение мессианского времени», оказывать воздействие на политические события в мире.

«Герметическая философия, — говорил Шварц, — есть мать: она основывается на знании натуры... От нея произошли: 1. Философия магов... халдейская; 2. Иудейская от Моисея...; 3. Пифагорейская...; 4. Сократическая, платоническая, аристотельская в Греции, и, наконец, 5. Каббалистическая, раввинская, представляющая собой смесь всех».

Желательным для студентов считалось для лучшего овладения глубинами просветительской философией знать еврейские имена из «родословия Адама»: «Адам-Сиф-Енос. Каинин-Малелеил-Иаред», и алхимические символы: условия соединения Меркурия и соли и взаимоотношения Шамаим (огненная вода) и Ареца (мрачности), а также и то, что «маг — это тот есть искатель истины, с которым натура говорит во всех тварях через своего духа и показывает свою сигнатуру». Шварц, собственно, излагал учение каббалиста XVII века Я. Бёме, праотца Гегеля и Маркса.

В этом кругу и на этих идеях воспитаны были целые поколения русских интеллигентов и чиновников, что, впрочем, одно и то же. Среди членов и учеников «Дружеского общества» мы видим и Карамзина, мировоззрение которого сложилось под влиянием братьев Розового Креста, профессоров, чиновников, творческую интеллигенцию...

Шварц претерпел и некоторые неприятности от начальства, так как в публике говорили, что профессор проповедует масонство. Шварц отрекался и уверял, что это невозможно. «Должно, однако, заметить, — говорит Лонгинов, — что лекции Шварца, несмотря на такую отговорку, служили истинной школой масонства».

17 февраля 1784 года тот, кто «твердо вел юных питомцев на путь добра внушением им нравственных правил, основанных на религиозных началах», умер.

Умер канцлер VIII провинции масонского всемирного государства, член директории VIII провинции, главный надзиратель по теоретическому градусу шотландских мастеров, верховный предводитель Ордена Креста и Розы, рыцарь Орла и Пеликана, доверенное лицо берлинских начальников Ордена, основатель Педагогической семинарии (1779); «Собрания университетских питомцев» (1781); «Дружеского ученого общества» (1782); «Переводческой семинарии» (1782), инициатор многих литературных начинаний в России.

Глава четвертая СРЕДОТОЧИЕ ВСЯКОГО ЕДИНСТВА

Вместе с реформами Петра в Россию проникает новая философия, по которой человечество не призвано ни к чему небесному и его удел — наслаждаться суммой благ здесь, на земле. Эти блага заложены в комфорте, который доставляет «чувственности нежной» великое удовольствие. Идеи всеобщности и универсальности культуры внедряются как непоколебимая догма в мышление «нового» европейца. В их основе лежат глубокий символизм понятий и абстрактная метафизика мышления, склонная все бесконечное своеобразие жизненных форм сводить к однородности символических рядов и классификации понятий. Другой основой идеи всеобщего, приведшей к появлению на горизонте европейской мысли «просто» человека, человека без имени, человека «естественного» стал примат чувственного. Эта «чувствительность нежного сердца» уже в середине XVIII столетия станет основной темой русских периодических изданий и затем разовьется в сентиментализм в масонской литературе и инспирированной ею художественной. Это — логика поисков «всеобщего», в чем «согласны все люди». Это и есть, собственно говоря, «гуманизм».

Утилитарная этика, если вообще применимо это слово к этике, исходила из соображений полезности в смысле, высказанном когда-то отцом философов нового времени стоиком Хрисиппом. Что такое свинья, рассуждал этот ученый муж, как не съестное блюдо, которому и душа-то нужна только для того, чтобы заменить соль, дабы она, свинья, не провоняла и не сгнила заживо. Не удивительно, что такой взгляд на человека, усвоенный Петром I, не мог вызвать у него ничего, кроме глубокого ощущения враждебности к народу, не желавшему следовать логике Петра и его последователям — «философам». Взнуздать, повесить, казнить, выдрать бороду, высечь, сгноить — далеко не весь перечень отношений новой, петербургской власти к народу. Правда, довольно быстро обнаруживается неприятный для преобразователей факт зависимости от народа. В результате Петровских реформ платить подати стало некому, народонаселение убывало по ряду губерний на 25 процентов, а то и на 40 процентов. В армию тоже некого стало набирать, и дальнейшее продолжение блестяще начатого преобразования грозило превратить страну в пустыню. Одни сгнивали заживо, возводя град Петров, другие уходили в скиты, третьи из-за зверского преследования сжигали себя; масса народа умирала бесплодно от эпидемий в местах «великих строек» — каких-нибудь каналов или кораблей, которые сгнивали еще быстрее, чем их строили, а главным образом масса русского народа гибла из-за то ли умышленного, то ли неумышленного хаоса во всех хозяйственных деяниях великого реформатора.

Такие деяния Петра I и его хищных «птенцов» были порождены обращением

к чужому опыту осмысления действительности, к совершенно определенной системе мировоззрения.

В этой новой системе мировоззрения появляется абстрактный, отвлеченный человек, лишенный всякой конкретной содержательности, некая «отрицательность всякого содержания», это и «иероглифы» масонских сочинений, и некий «человеческий фактор». Формируется геометрическое и символическое мышление (Парацельс, Спиноза, Беме. Шеллинг...)

Социальной основой такой идеологии стало чиновничество, в то время как чувственную сторону метафизики приняла интеллигенция, то есть те, кто усвоил каббало-масонскую идеологию.

Жизнь чиновника имеет тоже традиции, но это свои традиции. Они касаются положения на службе, расписания штатов, командировок, жалованья, премий и продвижения по служебной лестнице. Должностные инструкции и неписанные инструкции ведомства составляют предмет подлинного искусства метафизиков канцелярии. Сам бюрократизм — начало безусловно метафизическое, а чиновник — монист по убеждению. Карьера — звезда, руль и единственный рычаг всех усилий в морях министерств и департаментов. Все уравнивать, сравнивать и привести к единому «иероглифу» египетской тьмы — цель бюрократических усилий.

Единообразие дорого стоит. Оно неэкономно и только тормозит дело. Закабаление народа, всего, всех сословий на основах полицейской «опеки», с дикими понуканиями, требовало и создания корпуса безразличных к нуждам народа чиновников. Западного в таком закабалении ничего не было. Государственные заводы Урала, о чем уже писалось в нашей литературе, с самого начала были убыточны и не выдерживали конкуренции с частными. Историки вообще замечают меланхолически на этот счет, что из всех промышленных предприятий после смерти Петра остались функционировать только те, которые существовали и до него.

Но если при Петре канцелярское семя только-только давало ядовитые всходы, то подлинное засилье канцелярской власти наступило при Екатерине II, умевшей кое-как говорить по-русски, хорошо писать по-французски и прекрасно думать по-немецки. «Нигде, я думаю, нет столько чиновников, столько коллегий, столько советников, столько советов, сколько в России, — сообщает сардинский посланник при дворе Екатерины II в 80-х годах, — достаточно бросить взгляд на придворный альманах этой страны и потом обозреть новые уставы о губерниях, чтобы убедиться, что за исключением обеих столиц и какого-нибудь многолюдного города во всех прочих областях этой империи число должностных лиц составляет около десятой части населения».

Если в 1777 году всех чиновников первых восьми классов было около шести

тысяч, то через десять лет — двенадцать. Следует назвать еще два важных источника формирования «метафизических всечеловеков»; это гомункулы просветительской педагогики, выращиваемые по рецептам Локка и Монтескье, Гоббса и Гассенди и прочих великих импортированных мыслителей; «новая порода» людей, должны были созреть в атаноре закрытых учебных заведений. Главными принципами этих просветителей была идея о человеке как чистом листе бумаги, куда только среда вписывает свои письмена. Эта идея, взятая явно не из наблюдений живых и непосредственных, а выращенная как раз в тех болотах метафизики, где вызревало немало и других жутких Пифонов каббалистики, с наглядностью могла продемонстрировать всю «научную» ценность просветительских идей. Идея самоценности человека и всякой былинки, отстаиваемая всей системой ценностей христианской церкви, провозглашалась новыми пророками «передовых» идей отсталостью, а на смену ей пришли идеи о бесконечной метаморфозе всего живущего, получившие законченное оформление в идеях эволюции всего и вся.

На идее человека, как чистом листе бумаги, базировалась идея абсолютного равенства людей в смысле их одинаковости¹⁴.

Идея, необходимая из соображений отнюдь не научных, получила практическое осуществление в деятельности Екатерины II и Бецкого с их планом создания «новой породы» людей. Ученый муж и оракул последнего слова европейской мысли Монтескье задолго до всем еще памятного Лысенко в своей работе «Дух Закона», этом «молитвеннике императрицы» Екатерины II, именно и проводил мысль об абсолютной зависимости как существующих учреждений от окружающей среды, так и человека в его культурных и нравственных навыках. Русская патриархальная среда должна была быть изъята из процесса формирования «нового» человека, «добродетельного и чувствительного» в рассуждении его человечности. Фенелон, Руссо, Базедов и прочие рыцари Востока и Пеликана, а также создатели каббалистической литературы нигде так ясно не выявили все убожество своей примитивной философии. А ведь им говорили, а ведь им указывали, да куда там... Нужна была генетика, чтобы доказать, что церковь в своих воззрениях на человека права, а идеи просветителей — предрассудок догматизированной идеологии масонов-каббалистов. Между тем этими идеями вдохновляются и по сию пору педагогические наши Платоны и Невтоны, создав в тоталитарном государстве поточно-заводскую систему обучения — отучения думать и задавать вопросы. Не избавление человечества от греха и пороков, а их регламентация, стали

¹⁴ Вывод из этой идеи прост: если человек есть исключительно продукт внешних влияний, то Церковь не нужна. Государство само, создавая влияния, способно совершенствовать род людской, и вести его к земному раю. Отсюда: иудаизм, коммунизм, прогресс.

называться «культурой» и «цивилизацией».

Создание искусственных питомников стояло в плане просветителей и их поклонницы Екатерины II, и эти инкубаторы должны были покрыть всю Россию густой сетью. Такого плана выращивания «просто» человека не знала Европа. И как и раньше, при Петре, потребовалась помощь со стороны. В полном объеме план не удался, но немало и было сделано. По первоначально призывались иностранцы. По общей логике подобного рода предприятий этот период именовался заимствованием. После формирования первой плеяды выпускников — своих российских мудрецов, скроенных по меркам космополитического инкубатора, новый период получал наименование национально-русской педагогической мысли. Были открыты воспитательное общество благородных девиц при Смольном монастыре, воспитательное отделение при Академии наук, создается сухопутный шляхетский корпус, Московский воспитательный дом. К делу привлекаются в качестве «проектистов» сенатор Теплов, историк Миллер, профессор Дильтей, капеллан английской фактории в Петербурге Дюмареск и фон Клингштет, вице-президент юстиц-коллегии ливонских, эстляндских и финляндских дел, которые уже в 1766 году составляют план гимназий, тех искусственных питомников, в которых должны были произрастать лишенные отечественных, религиозных и сословных «предрассудков» молодые люди без роду и племени, но весьма добродетельные.

«Надобно побывать самому в таком корпусе, чтобы иметь понятие о нем. Несколько сот молодых людей всех возрастов, от 7 до 20 лет, заперты в одно строение, в котором некоторые из них проводят более десяти лет... Нет разврата чувственности, изобретенного сластолюбием Катона и утонченного греками, подробно поименованного в «Кормчей книге», которого не случилось бы там, и нет казармы, где бы более встречалось грубости, невежества и буйства, как в таком училище русского дворянства. Всем порокам открыт вход сюда, тогда когда не принято ни одной меры для истребления оных. (...) Сюда принимаются юноши, набравшиеся пороков, в праздности вскормленных в кругу своих дворовых людей, у коих они уже успели все перенять и передают их своим товарищам». Из образовательных предметов предпочтение отдавалось математике в то время, как «на исторические, географические науки, столь необходимые, обращают мало внимания, даже и на знание отечественного языка», — вспоминал воспитанник такого учреждения А. Н. Вульф, друг А. С. Пушкина.

Как видим, здесь тоже была метода, и знали, что преподавать и чего не преподавать. Великий символизатор — математика, особенно геометрия, как известно, стояла в ряду обязательных предметов для изучения в масонских ложах. Ее роль трудно переоценить в деле формирования ищущего «света реинтеграции», и осваивающего имена сефиротов и имена Иеговы, и пытающихся постичь тайну квадратуры круга — последней познавательной

цели «новой породы» людей. Вот догматические основы психологии всех «преобразователей», «реформаторов», «демократов» и коммунистов.

Поиски образцов для подражания обращали взоры российской монархии в привычную сторону, подальше от российской патриархальности. Приглашают ученого серба Янковича де-Мирриево. Дело шло ни шатко ни валко, пока за дело не взялись братья вольные каменщики. Особенно большую ревность в этом деле обнаружили братья Розового Креста, «теоретические философы» Соломоновых наук, преуспевшие не только в сферах «выхождения в астральный план» и восстановления утраченного единства с Эн-софом каббалы, но и в делах распространения каббалистических наук среди молодежи. Успехи были настолько велики, что было чем хвастаться братьям за границей. В ответ на сообщение об открытии Дружеского общества в Москве в 1782 году и уже достигнутых успехах в деле воспитания новой поросли интеллигенции в ранее открытой Педагогической семинарии (учр. в 1779 г.) при Московском университете, издатель «Масонской библиотеки» в Дессау (Германия) все издание ее посвятил П. А. Татищеву, одному из начальников Ордена Теоретического градуса и «высокому шотландцу», члену капитула Ордена, префекту ложи «Трех знамен», главному меценату Ордена.

Вообще говоря, эти идеи воспитания в отрыве от семьи были восприняты нашей русской аристократией как священный завет самого неба. В этой среде оказались самые доверчивые скептики. Насмехаясь над учением церкви, они свято верили всем западным оракулам и отдавали детей в пансионы иезуитов. Со стороны крестьян, духовенства, мещан, то есть всей основной массы народа, кормившей и одевавшей Екатерину II и ее фаворитов и всю когорту чиновников и литераторов, занимавшихся русификацией французских и немецких образчиков изящной словесности, образовательные устремления безбожной немки не встречали сочувствия. И как и до Петра I, в последние годы XVIII столетия не только в Москве, но и повсеместно, лучшими учителями грамоты русской были приходские священники и дьяконы, обучавшиеся в семинариях и академиях духовных.

Сверх главного народного училища в Москве находились при многих городских церквях приходские училища, в которых первоначальные предметы преподавались духовными лицами. Духовные академии и семинарии сохранили для России древние классические языки.

Источником для «метафизического человека» послужило само вольное дворянство, лишенное Петром III и Екатериной II необходимости нести государственное тягло.

Немалым резервуаром к той же науке служило и люмпен — крестьянство, дворовые люди, обреченные на безделье и развращавшееся возле бездельных же и космополитизованных своих бар.

Свет масонства озарил русскую землю вместе с прибытием Петра из его заграничного вуайяжа. Предположительно, он вступил в Орден во время своего первого заграничного путешествия. Историки полагают, что сам Петр был в ложе надзирателем, а Лефорт мастером стула. Отныне идеи Раймунда Луллия, Мирандоллы, Василия Валентина, Якова Беме и других каббалистов станут окормлять интеллектуалов, ищущих света премудрости в изучении иероглифического языка еврейской книги Предания (Каббалы).

«Гностика, каббала, восточная философия... использованы нами на все лады», — заявил со знанием дела один розенкрейцер. Еврейская каббала входит в жизнь русского просветителя, гонителя религиозных «предрассудков» и национальной «ограниченности». Его мудрость питается из единого всем просветителям источника.

Удивительное дело. По мере того как с великим усердием гасили свет религии, водворяя мрак религиозного невежества, из этого мрака стали появляться темные, неведомые силы, существование которых, по формальной логике, но не исторической, рационализм должен был бы отвергнуть. Из всех щелей помпезного фасада европейского Просвещения полезли inferнальные силы, обнаружив невероятную живучесть и привлекательность для вчерашних вольтерьянцев. Впрочем, и сам фернейский мудрец Вольтер играл в ту же игру и был вольным каменщиком не малого градуса. От этого градуса он черпал всю свою неистощимую ненависть к Христовой Церкви.

Для того чтобы хоть в малой степени понять, что такое масонство, следовало бы указать на его идейные составные части. Это уже упомянутая каббала. В иудейской диаспоре эллинистического периода и в первые века Римской империи из соединения учения Платона, Пифагора, учения орфиков и иудаизма возникло учение символического толкования Священного писания. «Для осуществления диалога, — пишет И. С. Свенцицкая, — между иудаизмом и эллинистической культурой произведения первого должны были быть не только переведены на греческий язык, но и приближены к системе эллинистических образов». Как сообщает Моммзен, иудеи играли ведущую роль в деле эллинизации Востока и после римлян и греков составляли третью по значению народность. «В том обширном возникновении греческих городов, которое продолжалось при многих поколениях и получило такие громадные размеры, каких никогда не имело ни прежде того, ни после, иудеи принимали выдающееся участие... именно они были призваны помогать эллинизированию Востока», — пишет Моммзен.

Подлинной Меккой античных интеллигентов была Александрия, где проживала самая большая еврейская диаспора. В первые времена Римской империи на 8 миллионов египтян приходилось 1 миллион евреев.

Не только здесь, но и во всех других еврейских диаспорах, разбросанных по

всему Средиземноморью, использовался преимущественно греческий язык. Литература иудеев в годы Римской империи написана на греческом языке. В отличие от других народов, проживающих с ними бок о бок, иудейская диаспора пользовалась большими привилегиями: она имела свое внутреннее управление, юрисдикцию, была освобождена от многих городских повинностей и в том числе от необходимости служить в армии. Такие привилегии зачастую создавали напряженность в отношениях с коренным населением, в том числе с греками.

Известный либеральный историк Моммзен полагал на основе большого исторического материала, что «еврейство являлось в древнем мире деятельным зародышем космополитизма и национального разложения», и замечает, что существование многочисленных привилегий еврейских диаспор, «этих привилегированных и автономных восточных общин посреди общин эллинских неизбежно должно было распространять в воздухе такую же заразу, какую распространяют болота».

Вооруженные столкновения происходили Нередко. Одно из наиболее крупных произошло в самый разгар войны римлян с парфянами, когда войска, возглавляемые престарелым императором Траяном, находились на театре военных действий на Евфрате.

«Не прошло и 50 лет после разрушения Иерусалима, как иудейство восстало в 116 г. ...на восточных берегах Средиземного моря, оно (восстание диаспоры) было чисто национального характера, имело своими центрами Кирену, Кипр и Египет, стремилось к изгнанию как римлян, так и эллинов, и, как кажется, имело в виду основание особого иудейского государства. Оно... охватило Месопотамию и Палестину. Там, где мятежники одерживали верх, они вели войну с таким же ожесточением, как иерусалимские наемные убийцы; они нередко убивали пленников, предварительно подвергши их самым мучительным страданиям... в Кирене (они)... перебили 220.000 человек, а на Кипре даже 240.000» (Моммзен Т. Римская история, т. 5, 533).

И хотя восстание помешало римлянам одержать победу над парфянами и привело к массовой гибели греков и римлян, в положении иудейской диаспоры существенных изменений не произошло и главным местопребыванием иудеев по-прежнему оставались греческие провинции, а в самой столице империи «многочисленные иудеи имели целый ряд синагог; они входили в состав греческого населения Рима. Их надгробные памятники в Риме носили исключительно греческие надписи... все сочинения писались в течение первых трех столетий исключительно по-гречески», а на Запад «иудейство проникало посредством эллинизма и вместе с ним», (Моммзен).

Центральную роль в жизни общины играет синагога, управляемая избираемым советом. Здесь читаются и толкуются священные тексты,

способные к тому комментируют их, и это несомненно способствовало развитию философии. Правитель синагоги предлагал какому-нибудь члену общины прокомментировать текст из закона или пророков. Для бедных устраивались сборы пожертвований, а для молодежи занятия. При этом иудеи играли своеобразную роль среди других народов. Историк-марксист Робертсон пишет: «Евреи были не просто палестинским народом, они представляли собой пропагандистскую секту, проникавшую во все уголки греко-римского мира». Во всех городах Средиземноморья жили иудеи — мелкие и крупные торговцы, ремесленники, вольноотпущенники, организованные вокруг синагог и неуклонно распространявшие идеи социальной справедливости. «Образцом такой пропаганды стали пророчества под именем Сивиллы», которые «правлящий класс презирал, как безответственную демагогию». Влияние на философию сказалось прежде всего в развитии идей стоиков, в создании учений которых принимали участие, как правило, не греки. Бертран Рассел по этому поводу заметил, что «стоицизм менее «греческая» из всех философских школ... Ранние стоики были в большинстве сирийцами, а позднейшие — в большинстве римлянами». Социальные идеи стоиков были близки чаяниям многих групп интеллигентов античного мира, и стоицизм сделался самым популярным учением чиновников, адвокатов, учителей и знати римского мира. Стоики впервые проповедуют космополитизм, называют себя гражданами мира, мечтают о мировом государстве, проповедуют принцип «жить согласно с природой», ставший альфой и омегой всей либеральной и гностико-каббалистической философии на все последующие века. Эта идея «природы» стала краеугольным камнем всей антихристианской пропаганды. На этой же идее «соответствия природе» были построены и идеи вольных каменщиков. Эта «природа» философов, как было сказано выше, нашла свое выражение в Торе¹⁵ и к природе не имеет никакого отношения.

Их, стоиков, популярность среди простого народа утверждали киники, выступая перед толпой на площадях, в тавернах, на улицах и на рынках.

Соединение этических идей с учением Гераклита и Платона придало учению законченный и цельный характер, как практический, так и умозрительный. Под воздействием философии религия теряла реальные черты, становилась все более символичной и удобной для ее интеллектуального осмысления. На соединение с такой философией и устремилось умозрение интеллектуалов иудейской диаспоры. Недаром греки в Александрии называли евреев «философским племенем» (Хосроев А., с. 68).

В то время как среди простого народа наблюдалось неприязненное отношение к иудеям, которые платили им той же монетой, среди интеллигентов

¹⁵ Торой называется не только Пятикнижие, но и все еврейское учение в целом — иудаизм.

происходит появление интереса и уважения к умозрениям иудейской религии, которой, в свою очередь, придаются все черты философии. Схоластические толкования текстов Священного писания и привлечение для этой цели логических построений Платона, использование идеи чисел Пифагора, немалые заимствования из учений восточных, особенно по части демонологии, и приводят к созданию каббалы. Ее называют эзотерической Библией, так как она открывает знатокам тайный смысл Писания, коих смыслов каббалисты насчитывают не менее трех. Особенно прославился по этой части Филон Иудейский, александрийский богач и философ. Его племянник занимал высокий пост в римской администрации во времена Нерона и при Тите, будучи начальником главного штаба в армии Корбулона, а затем он был прокуратором в Иудее. Кстати, ему было посвящено философское произведение, написанное, как предполагает Моммзен, анонимным александрийским иудеем и представлявшее попытку слить воедино философию Аристотеля с учением стоиков. Вообще говоря, эллинистический период, последовавший затем период Империи с ее космополитическими идеями уравнительного гражданства и сосредоточением идеи государства на личности императора, стали периодами философской и литературной эклектики. По мере того как языческое государство с обещанием «золотого века», долженствующего наступить с приходом нового императора, постепенно изживало себя и наступало общее утомление, усиливалась роль идеологии и роль самих философов — стоиков. Неоплатонизм, стоицизм, мистика восточных культов воплощали мысль умирающей языческой империи. Начиная с Адриана, преемника Траяна, на престоле появляются философы. Марк Аврелий привел с собой к власти друзей — стоиков, «блестящее» правление которых вызвало в конце концов народное возмущение. Марк Аврелий умудрился всю свою жизнь провести в борьбе как со страстями — врагами личными, так и с внешними врагами империи, и так измучил себя, что смерть воспринял с облегчением.

Деятельность Филона падает на более раннее время, на I век. Здесь, в александрийской школе, пришли в столкновение и соединение учения самые разнообразные. Евреи Аристовул и Филон учились вместе с гимнософистами Индии и степенными философами Портика; в частных взаимных прениях они имели возможность лучше узнать мнения друг друга. Между тем, как Иосиф и Филон ревностно занимались изучением философии и хитросплетенной системы Пифагора, Цельс и Порфирий с не меньшим усердием занимались изучением священных книг евреев. Благодаря такому взаимодействию появляется неоплатонизм, ставший основой космогонии каббалы. Симпатии шгеллигентов обращаются все более и более к религии иудеев. Некоторые из неоплатоников полагали, что само учение Пифагора заимствовано у евреев. (Речь идет о неоплатонике Гермиппе. — В.О.)

Теперь, когда у философов в руках появляется такое универсальное средство

— с помощью символа и аллегии все превращать в безжизненную схему, где все реалии мира воспринимаются сквозь волшебные очки метафизики как некие символы, главным в таком процессе становится радость узнавания, которая тем сильнее, что есть радость узнавания собственных логических изысков. Теперь легко воспринимаются все учения всех религий. Все существующие религии, по мнению философов, имели в основании своем одну общую идею, которая изменялась только в своем внешнем, символическом выражении. Они полагали, что одно и то же божество проявлялось миру под именем Бахуса, Орфея, Диониса, Озириса и Митры и что все народы равно поклоняются ему: что их религиозные обряды и празднества установлены в воспоминание великих переворотов в природе и полезных открытий, научили человека земледелию и прочим искусствам. Эти идеи исповедовал и Радищев-мартинист в своем «Путешествии» и исповедуют современные экуменисты и масоны.

Появление на исторической арене христиан и начавшаяся борьба против них со стороны иудеев и язычников еще больше объединили философов в их яростной борьбе с христианством¹⁶.

Эта маленькая христианская община, по видимости, не имела никаких шансов выжить, так как была, по существу, беззащитной против всей финансовой, административной власти империи, ее идеологии, враждебности иудейской могущественной диаспоры. Тем более что эта маленькая кучка людей никогда не придерживалась учения лжи, скрытности, «двойной истины» философов — гуманистов, людей себе на уме, а наоборот, когда власти требовали только одного — отречься от имени Христа, эти простецы, «нищие духом» евангельски смиренно, с радостью принимали мученический венец, и случалось не раз, что палачи не выдерживали и сами тут же начинали исповедовать веру Христа, следуя по стопам своих жертв. Их честность была безупречна, их личная жизнь становилась примером, и не духом «времени» вдохновлялись они, и не сознание «исторической закономерности» двигало ими, а они сами создавали и дух времени, и закономерности побед воинства Христова над темными силами.

Отказавшись принести жертву богам и гению императора, погибли воины Первого вспомогательного легиона, стоявшего на Дунае. И вот до наших дней дошла черепица конца III века со штампом легиона, и на ней слова: «В этот день

¹⁶ См. Капеллиг, «Философическая история иудеев», ч.1, СПб., 1837 г. Он пишет вполне объективно и, в частности, замечает: «Ко всем этим причинам, объясняющим неожиданную приязнь язычества к Моисееву закону и учению синагоги, нужно еще присовокупить союз, образовавшийся между всеми современными религиозными системами против христианской веры, быстрые успехи которой приводили всех в недоумение и беспокойство.» (с. 183) Он же отмечает союз римской администрации с иудейством в их «кровавых гонениях на христиан».

счастливые братья, души которых остались непобежденными, умерли мученической смертью, и они навечно возрадуются в Боге».

И именно в это время формируется синтез древней мудрости языческой, ее, так сказать, венец, энциклопедия демонологии, магии, прорицаний, гаданий и великий источник и вдохновитель многих философских учений последующих времен вплоть до наших дней.

Имея несколько составных начал, каббала выступает в качестве эзотерического учения и экзотерического. В последнем случае ее, как правило, выдают под названием неоплатонизма, учения, ставшего философской частью каббалы. Европейская философия развивает ее идеи.

В основе ее лежит идея о неизреченном, безвидном Едином, источнике всего сущего — Боге, называемом Эн-соф. Это всеобщее бытие, не имеющее определения. Вечное Единое и все в себе содержащее. Все, вплоть до движения каждой былинки, волосинки и теперь и в будущем. Это — абсолютная полнота и причина всего. Вследствие своего невыразимого совершенства Эн-соф не мог создать наш чувственный и конечный мир. Его благодать непоколебима, и на масонских виньетках об этом Эн-софе может свидетельствовать некий идущий откуда-то свет. Его первым порождением является сефира Кетер (Венец), за которой идут еще девять сефир — три по три тернеры, и последняя сефира — Царство, замыкает эти десять главных сефирот. Сефира — сущность, потенция. Они делятся на мужские и женские — сексуальная тема пронизывает все Предание. Кроме десяти сефир, исчислений, мир создается Богом при помощи 22 букв еврейского алфавита. По определению Якова Беме, главного вдохновителя московских «теоретических философов», каббала есть род Магии, она проявляется шестой формой движения — звуком (Папюс. «Каббала»). Словом создан Мир. Каждая вещь в нем имеет имя. Слово состоит из букв, и значение передается не только звуку, выражаемому буквой, но и ее начертанию, вплоть до толщины линии буквы. Каждый звук — есть идея, которая творит вещь. Начертание буквы — это иероглиф. Знать имя вещи — это владеть вещью. Но буква имеет и численное выражение. Если два слова имеют одинаковое численное значение, значит, одно открывает смысл другого. Существуют правила перестановки букв, подстановки по порядковому принципу, и эта ифа может увлекать и увлекает не одно поколение каббалистов. Смысловые ряды, открывая новое, влекут и далее открывать и открывать, выстраивая смысловые ряды, не имеющие конца. Первостепенное значение среди всех сефирот имеют первые три: разум, мудрость и венец, осуществляющие первое истечение из Эн-софа. Эта троица есть Разум в его целом виде. (Единое как целое у гностика Прокла.)

Эта троица Каббалы творит все сефироты и сам мир. В самом удалении находится мир чувственный, поглотивший свет Эн-софа; мир множественный, в

котором все причинно обусловлено взаимодействием множественности и в плену у которого находятся «блески» духа. Для спасения мира от плена телесности человеку надлежит освободить эти «блески», находящиеся в грубой шелухе материи — клипоте. К слову сказать, неевреев, гоев, каббала называет «клипот», то есть шелухой (Лайтман, I, 83).

Первые десять сефирот составляют идеального человека — Адама-Кадмона. Из него истекают следующие десять сефирот, составляющие мир астральный. Он кончается на букве Аин — это 16-я буква. Затем начинается мир стихийный. Мир населен ангелами, коих насчитывается 72, и они делят на «зоны» влияния 24 часа суток и выполняют определенные функции. Хочешь к кому-нибудь обратиться — выбирай время. Именно так и делали братья масонского Ордена. Хотели ли они избавиться от врага или от разорения, они выбирали и время суток для обращения к тому или иному демону. Туган-Барановский в своей книге «Наполеон и республиканцы» описывает странный обычай братьев иллюминатов-филалетов в Париже, кои всегда творили молитву перед заходом солнца. Это время соответствует 51-му или 52-му гению. К последнему обращаются, чтобы расстроить могущество врагов. Его имя Имамиях.

Между сефиротами имеются каналы, по которым непосредственно текут духовные милости от Эн-софа к людям. Сефироты представляют дерево, корни которого на небесах и ветви на земле. Таким образом, их можно представить как цепь между небом и человеком. То, что происходит на небе, отражается на земле. Классическое положение герметических наук. Отсюда возможность влияния человека на мир духов и самого Бога магическими средствами. Каббала утверждает, что души всех людей находятся на седьмом небе и отсюда они падают и воплощаются в тела. Когда последняя душа осуществит свое воплощение, придет Мессия Талмуда и Каббалы. Душа, воплощенная в теле, загрязняется пороками, утяжеляется и после смерти должна вновь осуществить воплощение, пока не очистится. Процессу очищения способствуют страдания человека, а также приобретение знания, «гнозиса», способного собрать дух в единое целое и уже при жизни отделить его от влияния тела. Центральный пункт всей практической каббалы — есть реинтеграции.

Реинтеграция — пункт соединения мистики и демонологии. На него направлен главный интерес масона. Сюда направлял свои усилия духовный отец русских просветителей — «шотландцев» — ученик Мартинеца де Паскуалиса, португальского еврея, Клод Сен-Мартен. Его учение, мартинизм, выразило эзотерическую сторону современных политических учений.

Очищенный телесно через специальные воздержания в еде, подготовленный специальными упражнениями внутренней сосредоточенности, сосредоточив свое внимание на каких-нибудь мантрах, заклинаниях и прекрасно зная все имена каббалистических духов, их иерархию, масон приступал под

руководством старшего в Ордене к этой самой реинтеграции. Эта реинтеграция есть восстановление единства души с Богом. Разработкой этого вопроса в России занимался Лабзин в своем «Сионском вестнике», выходившем в Петербурге в 1806-1807 годах и затем в 1817-1818 годах, Лабзин проводил обычную точку зрения каббалистов на этот вопрос. Он утверждал, что все учения церкви и все догматы ее и обряды — ничто. Они суть наружные обряды и ничего не дают. Главное — это иметь «Христа» в сердце, осуществить реинтеграцию. Лабзин — это пример. Но были и многие другие, занявшие весь XIX и нач. XX века.

Следует сразу заметить важную деталь, регулярно вводящую в заблуждение исследователей масонства. Имя Иисуса Христа очень широко употреблялось в масонской литературе, а до того у гностиков 1-111 веков. Это имя одного из эонов, аналогии сефиров, у гностиков, манихеев и каббалистов, не имеющее никакого отношения к историческому, евангельскому Христу. Тексты и все содержание Евангелия и гностики и каббалисты понимали исключительно в аллегорическом смысле. «Иисус Христос» в этой трактовке есть продукт эманации Эн-софа среди других эонов. Кроме того, он служил заменой имени Иеговы. Предлогом для такой подмены служил символ креста, равнозначный числу 4 — по количеству букв в имени ИХВХ. Это символ духовного. Символ лучей Единого и всех духовных сфер, порождающих вещественный мир и т. д. Это великий порождающий принцип, Тетраграматон: 3, производящее следующую единицу, служащую началом нового ряда тернеров. У гностика Валентина, от которого каббала немало заимствовала, это некий зон, спасающий несчастное дитя Ахамот, плод запретной страсти Софии к отцу. Зон «Христос» помог ей обрести свой образ. Несомненно, имя использовалось для конспиративных целей и пользовалось в этом смысле большой популярностью. В письмах И. А. Поздеева (находящихся в ОР РГБ) постоянно происходит перемежающееся употребление имени Иеговы и имени «иисуса Христа» как равнозаменимых.

В записных книжках С. С. Ланского определяется гностический смысл понятия «троицы».

Классическим пониманием масонами христианства, того смысла, который они не всегда торопились разъяснить окружающим, является следующее место из «Сионского вестника» за 1817 год: «Беспредельна убо Церковь Иисуса Христа, заключающая в себе род человеческий. Ибо все смертные имеют в сердце своем Христа обитающа; и чрез него в какой бы грубости и неведении Христианского закона ни обретались, могут быть в сей и будущей жизни премудрыми и блаженными, жидами, магометанами или язычниками, если только препровождают жизнь добродетельную и воздержанную» и «Христос во всех смертных человеках обретается от чрева матери». Здесь суть иудаизма: этика важнее отношения к Богу, главное — быть добродетельным.

Можно понять Е. Станевича (см. выше), замечаящего на этот счет, «что они (т.е. «лжемистики» — В.О.) не исповедуют Христа собственно, но святотатственно употребляют оное имя для прикрытия до времени своей прелести... Остается с ужасом спросить, где мы? Ах! До каких горестных времен дожили, что немолчащим антихристовым устами молчат уста православия. Что! Или Христос есть некое метафизическое порождение, о котором можно позволить спорить и говорить, что на ум взбредет?»

В документе, принадлежавшем розенкрейцерам, приведенном Т.О. Соколовской, говорится: «В § 2 теоретической степени сказано, что каждый брат одной какой-нибудь известной христианской религии принадлежать должен, исполняя в точности закон оной, имеет, впрочем, свободу соглашаться на те мнения, кои могут ближайше руководствовать его к спасению... Что... есть вера? Вера есть Ум Христов, а из сего и следует, что где дух или Ум Христов, там и свобода; нет разницы между иудеями и греками, обрезанными и необрезанными, свободным и рабом, ибо Христос есть во всем».

Эта страничка, которая затерялась среди других бумаг тайной ложи и которую удалось найти Соколовской, есть та страничка, которую до сих пор не могут найти многие авторы, использующие вводящее в заблуждение представление о масонах как о христианах. Ни с какой стороны они таковыми не были. Понятие никогда не может вмениться в сущность. Показательно, что в своих документах нынешнее летоисчисление от Рождества Христова у масонов называется «простонародной эрой».

Общение и связь сердца с «иисусом Христом», вот так, один на один, — есть цель и содержание религии сердца. Вера «христова» во всех, без различия, вероисповеданиях. Мистики-масоны проводили настойчиво и ту мысль, что добродетельные философы-язычники были настоящими «христианами». У них «Христос» был в сердце. Мысль о таком единстве всех «во Христе», как некоем символе «внутренней церкви», неистоведной, масонской, которую они созидают на земле и которая когда-нибудь станет наружной, поддерживалась во времена описываемые, то есть в начале XIX века. В «Священном союзе», созданном как раз под влиянием таких идей на самого императора Александра I, эта идея вылилась в политический акт.

Хотя мы несколько уклонились от темы реинтеграции и каббалы, но следует сразу покончить с начатой темой.

Мысль о всеобъемлющем «христианстве», некоем символе чего-то туманного, неопределенного, неистоведного делала ненужной никакую религию и утверждала в обществе безразличие к религии не менее вольтерьянства. Это требование «внутренней религии» казалось многим очень соблазнительным, поскольку не накладывало на них никаких обременительных для утешительных наслаждений оков совести и покаяния.

В этом смысле брат Коловион, он же и рыцарь Орла и Пеликана, и «теоретический философ Соломоновых наук», и «великий просветитель» И. И. Новиков (и все это вместе абсолютная правда. — В.О.), весьма способствовал такой тенденции в русском обществе своими журналами. Я просмотрел весь изрядный по объему том избранных сочинений Новикова и не обнаружил ни одного упоминания даже о каких-либо реалиях христианской веры. Ни одного имени. Словно и не существует и никогда не существовала православная вера. Зато постоянно ссылки на Эпиктета, Цицерона, Плутарха, Эпикура, Зенона и новых теоретиков «естественной религии», то есть того самого пантеизма, источник идей которого мы начали разбирать, пока не уплыли в сторону мистики. Вот одно только место из «Утреннего света», на котором уже начали полировать свои «дикие камни» студенты Московского университета:

«Нравоучение св. Моисея, одного древнего еврейского законодателя, изъясняет своим совершенством и изящностью божественное свое происхождение. Ведя человека к почитанию единого и истинного Бога, показывает, что любовь к ближнему есть главнейшее правило всех должностей к одному и что управлением своих страстей и желаний отдаляет все ведущее к пороку и беззаконию. Блаженны были бы иудеи, если бы могли возвысить души свои и не оставались при одних наружных обрядах». Последовали греки, «из оных Сократ во нравоучении превосходил всех язычников. Ему следовали Платон, Эпикур, Зенон и многие другие. Потом варварство и происхождение от одного предрассуждения истребляли время от времени сие божественное учение и одержали верх. Наконец Бэкон и Граций (тот самый, которого сочинения Петр I советовал читать царевичу Алексею, рассчитывая из него вырастить Фому, не помнящего родства. — В.О.) возобновили путь, по которому следовали Волфий, Николе, Паскаль, для которых последнего особенно мы благодарить обязаны».

Налицо все апостолы «братьев» в их привязанностях к философам, творцам «природных» добродетелей. Единственно, кто здесь ни при чем. так это св. Моисей. Но с ним, его именем проделана обычная операция ассимиляции имен и образов и создание своей мифологической истории: сообщение Ордену таинства прямо с неба св. Моисеем, который передал тайну верным братьям в символах, чтобы скрыть ее от профанов. Папюс («Каббала»): «По сообщению некоторых известных раввинов, Моисей предвидел участь своей книги и ложные толкования, которые должны были со временем появиться, и прибег к устной передаче через людей испытанной верности, которым поручил передать тайну святилищ из рода в род. Этот устный закон, который составляет гордость современных евреев, называется каббалой, от еврейского слова, означающего то, что «получено и передано из рук в руки». Что имеем? Сначала гордость языческой философии — Сократ объявляется образцом Добродетели. Не философской мудрости, а начала нравственного. Что же это за нравственность?

Шаловливые проказы по части педерастии, решительно не покидающие греческих мудрецов даже на их симпозиумах и составляющие не лучшую часть в наследии греков человечеству. Затем безбожник Эпикур, Зенон, который тешит нас стойкостью нравов хотя бы уже потому, что «с мальчиками он имел дело редко, а с девками — раз или два, только чтобы не прослыть женоненавистником» (Диоген Лаэртский. VII. 13). Далее, следуя цитированному тексту, наступает провал в человеческой культуре. Варварство христианства. Оно истребило добродетель, и нечего о нем толковать. Свет, озарявший юную поросль неоперившихся студентов, работавших над составлением масонской «Вечерней зари»¹⁷ Новикова, горел каким-то странным светом.

Наконец после всех мытарств масонской «добродетели», успевшей кое-как спастись от стеснительных правил церкви, вновь подул свежий ветерок родного пантеизма, повеяло идеей «просто человека» с его «естественной» религией и разумной моралью «здорового эгоизма». Теперь все стало на свои места. Реинтеграция древнего, античного, и нового, просвещенческого естества, языческой философии и просветительской в XVIII веке закончилась. Место встречи — масонская ложа, храм Соломона, почва соединения — иудейское Предание — каббала. По заданию Екатерины II архиепископ Платон испытывал в декабре 1784 года Новикова в вере. Одно только остается неясным. В какой вере испытывал архиепископ Платон великого просветителя Новикова и Великого достопочтенного мастера директории VIII провинции Ордена вольных каменщиков? Как вообще себе представляла многомудрая Екатерина II «испытание в вере»? Как экзамен по иностранному языку? Темна вода в облаках. Особенно когда видишь перед собой новиковские журналы с их проповедью теософской мудрости и идей западных рационалистов-безбожников. В качестве безбожника особенно прославился именно Грот, любимый философ Петра I. Его основное произведение было запрещено к продаже Ватиканом, но разрешено в православной Руси.

Новиков и Лабзин, Сперанский и Елагин, и прочие и прочие мистики-масоны видели в «христианстве» религию, равняющуюся «миру своему древностью», то есть существовавшую еще до евангельских событий («Христианское чтение», 1821, с. 3). Мистические идеи черпались ими как у разных толкователей каббалы, так и в произведениях гностиков и составляющих круг чтения масонов. Проблема мистического «христианства»

¹⁷ Масонский журнал «Вечерняя заря» выходил ежемесячно в течение 1782 г. «Вечерняя заря» служила продолжением «Утреннего света». Руководителем журнала был И.Г. Шварц. В издании участвовали студенты Московского университета, вовлеченные в масонскую организацию. (См. «Н.И. Новиков и его современники». Избр. соч., АН СССР, 1961 г., сс. 501-502).

зарделась на «Востоке» Петербурга особенно ярко в царствование Александра I, то есть в недрах масонских лож. Высшие чиновники государства только успевали бегать с одного камлания на другое. Кн. А. Н. Голицын (1773-1844), обер-прокурор Святейшего Синода, вместе со своими помощниками посещал, кроме лож, собрания хлыстов, «корабль» Татариновой. как и Александр I.

Согласно каббале и гностикам грехопадения, в смысле христианского понимания, не было. То, что называется грехопадением, говорилось в каббале, есть акт падения духа в материю и пленение его телесной тьмой. Существовало представление, развиваемое в соответствии с каббалой Сен-Мартеном, о некогда совершенном человеке, человеке двуполом, в тонкой телесной оболочке, легко принимавшей необходимые формы по желанию человека. Никакого зла перед лицом Бога нет. Зло есть порождение несовершенного знания человека. Оно есть необходимая часть диалектического развития мира. Плюс-минус. Причем то, что кажется человеку по его ограниченности злом, есть только его «идея зла». Все относительно в этом несовершенном мире, но это несовершенство кажущееся ограниченному человеческому уму. Примеры брались из природы и в ней усматривали всякое отсутствие какой-либо морали. Это вдохновляло. Когда паук ест муху, то мухе плохо. Но пауку-то хорошо. Сильный волк поедает зайца, тигр кабана, удав кролика — это наводит на определенные размышления практического характера. У Единого и Всеблагого, создавшего мир весь целиком и постоянно его творящего своей эманацией, коя проникает во все клеточки Вселенной, не может быть никакого зла. Это рассуждение, эта концепция естества стойков и просветителей, взятая в ее метафизическом начале. Эту тему развивали решительно все, без исключения, философы-идеалисты и материалисты, иррационалисты и рационалисты, и только христианство говорит — нет, зло не выдумка, а реальность и человек — арена борьбы зла и добра. Более того, зло персонифицировано в злых духах и их главе.

В результате падения духа в материю произошло разделение его существа на мужское начало и женское, согласно эзотеризму каббалы. У человека прекратилось общение с миром духов. Но это необходимое падение.

Человек есть лучшее из сотворенного. Он создан для того, чтобы через него Всеблагот познавал себя. Бог создал мир от избытка потенции или для того, чтобы созерцать себя. В этом смысле наш мир — это творение Ума и в то же время это — майя, иллюзия, порожденная Брахманом. Этот Брахман видит самого себя и тихо блаженствует в собственном свете. излучаемом им же самим. Десять первых сефирот составили совершенного человека Адама-Кадмона, который и есть отражение Эн-софа. Эн-соф становится как бы идеальным человеком и в нем видит себя как не себя. Следующий за Адамом-Кадмоном мир тоже совершенен и, создан из огня. Это мир планет. Во всей своей полноте созданный от Бога, он не может быть ничем, кроме деяния

чистой любви. Ни над чем нет проклятия и нет зла, и все совершенно. Самым же совершенным из земных созданий является человек. Между Единым, Эн-софом, и человеком громадная иерархия духовных существ: ангелов, добрых и злых, разделенных на легионы; мир стихий имеет стихийных духов, и записная книжка будущего министра внутренних дел, почетного академика Академии наук С. С. Ланского содержит за 1817 год лекции об ундинах и сильфидах, гномах и наядах. Человек, микрокосмос, полное подобие Вселенной, макрокосмоса, настолько совершенен, что должен непрерывно этим гордиться, как к тому призывал Новиков, за что сам сподобился непрерывных похвал от литературоведов, критиков и прочих идеологов нашего времени. Честно говоря, можно подумать, что достоинство их страдает от нападков каких-нибудь вурдалаков или марсиан, а Новиков со своим оккультным учением каббалы — бесстрашный витязь, защищающий человеческий род от поношений этих вурдалаков. В духе человекобожия написана статья в «Утреннем свете» («О достоинстве человека») (1777 г.).

Понятно, что такая концепция безгрешности человека могла вести его только к осознанию своей избранности и служила питательной средой для любого Мальбрука, желающего осчастливить человечество помимо его воли. Масонское учение говорило о «возрождении», реинтеграции. Его суть состоит в следующем.

Для того чтобы не впадать в бесконечные перерождения и оставить место для еще не рожденной души, ждущей своего воплощения, следует осуществить акт возрождения. Оно невозможно ни без знания каббалы теоретической, ни без знания практической каббалы, ни без определенных душевных и волевых качеств. Возрождение может произойти только через посредство общения человека с миром духов. Сначала низшего класса, затем все более совершенных. Эти сеансы «сверхнатурального» состояния могут проходить только под руководством опытного наставника. Вызов духов может осуществляться либо с помощью дополнительных средств, либо днем. без всяких вспомогательных орудий. Это удел немногих братьев. Сен-Мартен не удовлетворился на этом и стал общаться непосредственно с потусторонним миром. Эн-софом. Собственно, все остальные общения есть только подготовительные стадии, но не многие идут дальше их (сведения по Сен-Мартену привожу по кн.: Леман. Сен-Мартен. М., 1917). Масоны идут по тройственному пути, указанному мистиком XII-XIII веков Экхартом. Сначала раскаивание в своих грехах. Сосредоточенность на несправедных своих поступках и горькие вздохи. Предварительно уединение и пост. У Калиостро существовала весьма суровая система очищения организма в течение сорока дней.

Наиболее существенным моментом реинтеграции, «возрождения», знаменитого у масонов рождения «в духе и истине», занимала стадия, называемая ими «умиранием», это стадия само — опустошения,

самоуничтожения. Все, что было в человеке, должно исчезнуть из сознания. Он должен потерять представление о себе, забыть и утратить себя, совершить «умертвить». Этот момент в мистике имеет принципиальное значение. Умереть для прежней жизни. Без этого «нова тварь» не родится. А надо сказать, что эта «нова тварь» претендовала не только на общение с астральным миром. Ей нужен был этот мир, и к Власти в нем «братья» шли, имея прекрасно организованную систему подготовки своих «возрожденных» кавалеров, рыцарей «без страха и упрека». Постоянно подчеркивалось во всех поучениях значение использования в обрядах ритуала смерти. «Аще не умрешь, не родишься для новой жизни». Символ умирания и гниения — это встречается уже в объяснениях смысла иоанновских степеней, низших в масонстве. Умирающее зерно гниет в товарищеской степени и прорастает в мастерской. Черный цвет есть символ перехода из одной степени Ордена в другую. Умирание и возрождение. Любовь к смерти есть 7-я добродетель всех масонских обрядников. Братья испытывали в конце концов какое-то сладостное чувство от обряда умирания в ложе.

Стадия разрушения была аналогична культивировавшемуся начиная с красного, андреевского, шотландского масонства мотиву мщения и убийства. Ложа 4-й степени посвящена траурному культу Адонирама, легендарного строителя Соломонова храма, убитого «алчными и завистливыми рабочими». После ряда испытаний вновь посвящаемый должен был при виде обнаженных клинков, направленных на него, не растеряться и обнаружить смелость, находчивость и скрытность. С этого момента он становится «избранником Соломона» и получал одежду, напоминающую ему о необходимости мстить врагам Ордена.

Повышение в звание шотландского мастера связывалось с посвящением на борьбу и страдание во имя восстановления разрушенного храма. Именно этот разрушительный момент мистики позволил в свое время сказать М. Нордау, что мистика увлекает за собою в могилу какие-то некогда цветущие жизненные силы. «Для Бога, то есть для абсолютного Я, — писал Шеллинг, — не существует никакого объекта, ибо тогда оно перестало бы быть абсолютным; следовательно, нет никакого личного Бога, и нашим высшим стремлением является разрушение нашей личности, переход в абсолютную сферу бытия». Вся суть проблемы в этом: «нет никакого личного Бога».

Братья описывали то состояние, которое они переживали после совершенного ими обряда умирания. Когда вставали из гроба, они чувствовали себя совершенные беззащитными, пустыми и просветленными. В этот момент они становились очень внушаемыми. То, что в них появлялось, те мысли и образы, которые возникали вслед за таким опустошением, воспринимались ими, как пришедшими «оттуда», как божественное откровение. И это было на всю жизнь. Чувство своей избранности культивировалось в ложах начальниками в

их речах и посланиях. Это чувство отъединяло масона от привычных семейных и дружеских связей и способствовало созданию в нем комплекса сверхценности и себя, и масонских идей. В сущности, масонство и «избранность» еврейского народа согласно Торе есть опричнина всемирного масштаба. И говорит она языком идеологии и философии, как и политики.

...Абсолютно верно заметил современный автор по поводу происхождения всей новой европейской философии: «Культура языка и изложения у новых философов лишь в малой мере может затушевала» то обстоятельство, что сами исходные пункты у них никак не унаследованы от традиционной формы образованности, что в данном отношении традиция прервана, что их философия отправляется не от широты и изобилия идей, оставленных прежней мудростью, а от чего-то очень скудного, простого и обыденного, лишенного пока что интеллектуальной насыщенности, и тем более пестрого эмпирического многообразия, чувственной расцветченности». (В. В. Лазарев; собственно, в данной работе и рассказывается о влиянии идей каббалистов, особенно Бема, на формирование философии Нового времени. — В.О.)¹⁸

Не может быть случайным и факт того, что все ведущие и неведущие мыслители, философы и публицисты XVIII века и начала следующего были членами масонских лож, представляющих собой центры обучения каббалистическим наукам как через усвоение отвлеченных понятий, так и через образы, символы (идеи), и легенды, и исполнение обрядов.

Иногда, под напором фактов, свидетельствующих о широком распространении масонства, пытаются «отвязаться» от неприятных выводов, углядывая в рядах Ордена любимых писателей, ученых, философов, полагая, что, во-первых, «кто тогда не был масоном», а во-вторых, «это ничего не значит». Между тем. Орден воздействовал так глубоко на все структуры личности адепта, что это влияние сказывалось в нем в тысячах мелочей; по мере пребывания в масонской ложе происходило формирование определенных мировоззренческих установок. Масонская идеология активизирует в человеке архетипы коллективного бессознательного через мифологизацию мышления, внедрение в бессознательное символов и эмблем, которым придается псевдорациональное, организующее значение в создании объяснительного образа мира и общества, и своего места в нем. Все явления природы, общественной жизни, истории человеческого общества выступают как аллегорические фигуры Великого Изъяснения. В образ мира и человека заключен определенный изъяснительный код, иррациональный, но имеющий псевдонаучную оболочку для придания масонской идеологии силы

¹⁸ Европейская философия есть экзотерическая сторона экзотерического масонско-каббалистического учения. Есть, в сущности, непрекращающийся комментарий к каббале; эта философия может также пониматься как богословие пантеизма.

самоочевидности и самоочевидной доказательности. Лингвистические особенности масонства, как и любой другой идеологии, созданы таким образом, чтобы подчинить себе личность путем формирования в ней того бессознательного ядра, которое вне контроля сознания человека сформирует в нем типологию восприятия и поведения, соответствующую масонской идеологии, и даст такой словесный материал для мышления, который будет не соответствовать реальному миру. В результате формирования в адепте искусственного языка он попадает в абсолютную зависимость от учения Ордена; язык перестает быть инструментом познания, в нем нет более слов, которыми можно было бы описать реальные отношения.

К этому следует добавить, что вступающий в Орден совершал акт отступничества от церкви Христовой и это порождало в человеке чувство вины и опустошенности. Все усилия теперь он тратил на то, чтобы доказать, что настоящая церковь — это орден, а Церковь Православная — есть только убежище отсталых, невежественных людишек. Однако не всякая совесть могла примириться с этим недобрым и уж слишком тенденциозным софизмом. Он пытался доказать себе, что никакого противоречия в его поведении нет и что храм Соломона не враждебен «истинному» христианству. Здесь мы видим употребление масонской лексики: «истинный», «настоящий». Эти слова как бы сразу создают определенный ореол и даже как бы непосредственное свечение «истины», делающее более ненужным какой-либо логический анализ или доказательство своей правоты, ибо эти слова исключают подобное, они не нуждаются в доказательствах: «истинное» масонство в отличие от «неистинного», в которое сводится все, что может не устраивать в масонстве или его истории адепта (объяснение: извращение «истинного» учения Ордена лживыми людьми, «ненастоящими» масонами), «истинная» религия, «истинная» добродетель (соответствие правил поведения интересам Ордена), «истинный» патриот, то есть республиканец, революционер, враг Православной Церкви или католической.

В соответствии с последним определением «истинному патриоту» противостоит глубоко верующий христианин, который заочно определяется то как «фанатик», если следует учению церкви последовательно во всех пунктах, то как шовинист, если выступает против оскорбления своей веры лицами другой национальности, то как черносотенец, если употребил силу для защиты интересов своей нации или готов ее употребить, как это было в 1905 г.

Дискредитация противников использовалась в масонстве очень широко, но главным было внедрение своей, подобно указанной выше, лексики, а также различные синтаксические приемы, тропы, эвфемизмы и пр.

В качестве примера глубокого воздействия на человека масонской идеологии, изменяющей человека незаметно для него самого, обратимся к

примеру. Гекерторн пишет по этому поводу, имея в виду предшественников масонов, манихеев-альбигойцев: «...Вступивший в секту увлекался за пределы и постепенно отчуждался от папской церкви. Таинства (секты. — В.О.) имели в виду две главные цели — руководить неофитом, сначала нечувствительно изменяя его прежние мнения и наклонности, а потом постепенно научая его условному языку, который, будучи сложен и разнообразен, требовал большого изучения и много времени». И далее автор замечает, что даже те, кто оказался непригоден для посвящения в высшие степени и выбывал из секты, зачастую даже и не зная, что он там был, начинали видеть недостатки в устройстве церкви, начинали гореть ревностью по ее очищению от пороков и всяких неурядиц и зачастую шли на костер, полагая себя искренними христианами и не догадываясь о причинах своей странно направленной ревности, не задаваясь вопросом, почему в них вместо любви и смирения горит огонь недовольства и раздражения. Качества явно не христианские. Он вдохновлен великой ревностью из любви ко всему человеческому роду, не меньше, желанием все сделать лучше, лучше в своем понимании. Работа манихеев не пропадала даром,

Каббала написана так же сухо, как и все наши схоластические эскерции по части отвлеченных истин, от усвоения которых еще никто не становился ни умнее, ни прозорливее. Скорее наоборот. Поразительна близорукость многих интеллектуалов прошлого. Знатки многих языков, свободно оперирующие самыми отвлеченными философскими понятиями, гордость каких-нибудь наук, они даже накануне грозных событий как слепые котят звали сами же бурю, пели о «буревестнике» и потом, когда их сначала «уплотняли», а потом ставили к «стенке», искренне удивлялись, как могло «такое» случиться. Самое поразительное, что и потом, если оставались живы, обнаруживали тот же «высокий» ум в философии и никакого ума в понимании событий. Они полагали свое понимание либо в поисках каких-нибудь случайностей, каких-то дядь с плохим характером, которые прятали свое гнусное нутро, а потом вот, поди ж ты... либо еще что-то в этом роде. Но видеть свою собственную порчу философам такого типа было не дано, ибо нельзя поймать то, чем ловишь, нельзя левой рукой взять левую руку, познать то, чем познаешь. Но стоит только посмотреть, о чем писали русские правые газеты, и обнаружишь удивительное явление. Какой-нибудь неграмотный дьячок уже за сто лет говорил слово в слово, что именно произойдет, если «философы», как называли интеллигентов в XVIII веке, будут и далее так же философствовать в духе безбожия, зловерия и ниспровержения трона и алтарей. И точно предугадывал будущее. Увы, все предсказания черносотенцев сбылись.

Достигнув самоопустошения в масонских работах, адепт получал «новое» рождение. В нем рождалось Слово, сам Бог. Аллегорически и только аллегорически, понимая текст Евангелия, этот момент рождения соотносился с рождением «Христа» в человеке, в «ищущем». Воссоединение человека с Богом

произошло. Отрицательная работа скептиков-философов, усвоение символов лож масонских, изучение специального масонского катехизиса, сборника поучений для каждой степени, поучительные слова риторов лож, разъясняющих те или иные правила Ордена и темные места рекомендуемой литературы, — все сошлось в моменте «возрождения», переживаемого зачастую в состоянии экстаза. В нем, адепте, на последней ступени лестницы, ведущей от земли в сад Эдемский, воплотилось Слово. «Христос жизнь созидает в обновленном сердце возрожденного, храм Духу Святому». Внутри человека возникла «церковь», в которой человек находится с Богом в постоянном общении. Только в таком «внутреннем» христианстве — весь смысл самого христианства, по мнению вольных каменщиков. Церковь же православная есть только наружная, формальная. Община истинно верующих, где подается истинное учение, ведущее к такому благодатному состоянию, есть «святой наш Орден, коего нам век не переменить» (письма И. А. Поздеева, ОР ГБЛ, Ф. 14 №320), тот Орден, в котором «каждый знак или Иероглиф, каждое слово, каждая вещь в Ордене есть для меня теперь священна, ибо ведет меня к цели моей, к свершению креста». (Там же, см. также Папнос. «Каббала»). Крест есть знак возрождения духовного начала на языке масонов, он же и кватернер, число 4-е, символ ИХВХ, Иеговы, тетраграмматон, табуированное имя Всевышнего. Крест в Розе есть пленение духа материей и ее начавшееся преображение. «Это дух, — писал С. С. Ланской, — который множится к священному, таинственному и для естественного человека неизглаголанному единению с высочайшим нашим Мастером». Даже ритор в ложе и тот выполняет важную роль, он «первый, начинающий содействие к таинственному духовному возрождению». Почему и пишет И.А. Поздеев своим подопечным: «Будьте верны, мой люб. друг, Ордену и обетам, кои суть таковы, что и вечность нам их не переменить, а разве паки подтвердить, а именно поклоняться Вечному, Всемогущему, вечно Милосердому Иегове в духе и истине».

В результате такого «возрождения» наступает состояние, которое тот, же Поздеев называл как состояние инфалиблности, то есть непогрешимости, в цитированных письмах, обращенных к своим подопечным. М. Ю. Виельгорскому, С. С. Ланскому, Римскому-Корсакову и другим. Теперь уже не сам человек действует, а живущий в нем Бог, Слово, воплотившееся в нем и всего его изнутри освятившее. Теперь в нем, реинтегрированном — царство Божие. Утверждалось при этом, что возрождение не может смениться вырождением, потерей Бога. Масон — «священник храма обновления» (Лопухин).

В книге Штиллинга, ставшей весьма популярной в чиновничьих кругах («Победная повесть или торжество веры христианской», изд. 1815 г., перевод А.Ф. Лабзина, будущего вице-президента Академии художеств, племянника Н.И. Новикова и его сотрудника по редакционным делам в 80-90-е годы в

Москве, издателя «Сионского вестника», главного органа пропаганды идей каббалы в ее мистическом и теософском применении), говорилось, что благодать взята от церкви Христовой, «видимой», и находится в сердцах истинно верующих. Собрание истинно верующих — это «духовный Израиль». В прошлом духовным Израилем, утверждал он, были павликиане (VII в.), затем вальденсы и альбигойцы. Он утверждал, что «все истинно верующие соберутся в один союз и образуют церковь братской любви — Филадельфийскую и установят на земле священническую власть, теократическую, царесвященство». Таким духовным Израилем, «союзом братской любви» и был Орден В. К., т.е. вольных каменщиков.

Выводы, которые делались из достижения «возрождения», могут показаться несколько странными. Крупнейший мистик, живший в Испании в XVII веке, Молинос, имя которого было популярно среди мистиков XVIII века и XIX, утверждал: «Так как воля предана Богу вместе с попечением о душе, то не должно беспокоиться об искушениях и заботиться о положительном сопротивлении оним». Далее он утверждал, что вследствие такого союза человека с Богом нечего беспокоиться за свои действия, как бы они ни были постыдны. Тело может быть захвачено дьяволом, но душа, уже соединенная с Богом, ни за что не отвечает. Теперь человек может предаваться любым порокам, наблюдая за своим «внешним», телесным как бы со стороны и сохраняя полную невозмутимость, душа от пороков тела не загрязнится.

Такое же взаимоотношение между состоянием «просветленности», данным навечно, и характером поступков, снятие всяких моральных оценок было как раз у манихеской секты катаров и характерно для всех вообще гностических сект. Гностическое же учение лежало и в основе главной доктрины масонов, составляло ее идейное кредо. Уже говорилось и о том, что процесс реинтеграции, восстановления, должен был протекать постепенно и имел ступени восхождения. На нижних ступенях находились всякого рода религиозные сектанты, духоборы. Масоны смотрели на них вполне сочувственно, особенно на сектантские «корабли», в которых участвовали представители знати, высшего чиновничества, интеллигенция. Многие и сами ходили на такие камлания. Особой популярностью пользовалась секта Татариновой Екатерины Филипповны, урожденной фон Буксгевден (ее мать — баронесса Мальтиц), в хлыстовском корабле которой любили «поплавать» и видные политические деятели — масоны. Но все-таки истинная «нова тварь» здесь, в самом своем совершенстве, не могла родиться.

Для нашей страны первенствующее значение приобрел Сен-Мартен, его работа «О заблуждениях и истине» стала настольной книгой на долгие годы для русских каменщиков, получивших с тех пор даже кличку мартинистов.

Клод Сен-Мартен родился почти в одно время с Н.И. Новиковым. Только

один в селе Авдотьине Бронницкого уезда, от Москвы в сорока с небольшим верстах, а другой во Франции, в городе Амбуазе. Трудно сказать, как бы шла жизнь у Клода Сен-Мартена, если бы он не встретился с Учителем. Учитель! Здесь все смолкает и благоговейно молчит: дон Марганец де Паскуалис — португальский еврей. Он принадлежал к той отрасли масонства, о которой один исследователь прошлого сказал, что она была главным и центральным хранилищем догматического эзогеризма в Европе. Члены этого братства владели тайнами в области каббалы, усердно занимались как спекулятивной, так и практической разработкой этих тайн, вместе с тем они не были чужды желания увеличить свою власть и могущество во всех планах Вселенной за счет приобретенных ими познаний. Этот Орден стремился «создать среду, развитую в моральном и духовном отношении. с тем. чтобы пользоваться ею как резервуаром...». В лице Паскуалиса и в характере его деятельности нераздельно слились вызывание духов, шествие по ступеням «возрождения» и политическая теория и практика.

Он был создателем системы «Избранных Когенов»¹⁹, что в переводе с еврейского означает избранных священнослужителей. Он был учеником Сведенборга Эммануила, знаменитого шведского математика, астронома, масона и не менее того — «духовидца», который «непосредственно общался с потусторонним миром» и немало способствовал той популярности каббалы, которая охватила интеллектуалов Европы всех сословий в XVIII веке. Изучается каббала, изощряется аллегорическое толкование символов. Хотели переделывать людей... Он, Паскуалис, утверждал незаконность нынешней власти, поскольку она погрязла в телесном рабстве и не освящена лучами того каббалистического Ацилута, который эмануирует Орден «Избранных Когенов». Он утверждал престиж мистической власти, основанной на непрерывных общениях с высшими невидимыми сущностями высших же планов Вселенной, священножреческую власть, сосредоточенную в главе государства, опиравшегося на «избранный народ» священнослужителей Ордена храма Соломона. Как мы помним, ту же мысль проводил и Штиллинг. Ее же будет развивать и ученик Паскуалиса Сен-Мартен, и другие его последователи во всех градах и весях Европы. Чтобы понять, что это совсем не смешно, надо вспомнить, что верхушка гитлеровской Германии, как и в большевистской России принадлежала к масонским ложам и общалась с «магами». Так же как и бывший сначала главным редактором «Аванти», газеты Социалистической партии Италии, Муссолини, глава итальянских фашистов. Точно так же все признаки масонства мы видим и у большевиков, и в западных демократиях

¹⁹ Каббалистическая секта, «Орден иудейских священников». По свидетельству Г. Мартэна, секта эта была самая развращенная отрасль масонства. См. Финдель И.Г. «История франк-масонства», тт. 1-2, Спб., 1872 г.

современности. Потусторонний источник власти очевиден.

В магических операциях, во время применения «ритуала Высшей Магии происходило преобразование всей сущности его (Паскуалиса) учеников» (Леман. «Сен-Мартен»). Только при соответствующих способностях вызывания духов, требовавшего немалых волевых качеств, хорошей памяти и способности к умозрениям, которая всегда требуется при занятиях каббалой, ученик мог быть повышен в следующую степень Ордена, иерархия которого была установлена Сведенборгом. Для магических действий требовалось уметь подчинить себе, своей воле все свои «астральные и физические» способности, и это достигалось обращением к символам, изучению которых уделялось много внимания, специальным упражнениям, использованием мантр и проч. Некоторое представление об этом может дать следующее обращение к примерам из жизни и творений каббалистов, предтечам современного масонства и его ритуалов и «работ».

В XIII веке в городе Сарагосе жил некий каббалист — Авраам Абулафия, который «мечтал об изменении мирового порядка при посредстве каббалистического приема». Этот Абулафия одолел низшие тайны каббалы и вошел в высшие, имея теперь полную возможность общаться с мировым духом и заглядывать в будущее. Наподобие пасьянса он разлагал священный текст на буквы, вновь их составлял, и голова его преисполнялась великих знаний. Но этого мало. Он прибегал к молитве, для чего «следовало носить молитвенное облачение, произносить буквы имени Божьего в больших или меньших паузах с модуляциями голоса... производить напряженные движения, кривляния и поклоны, пока не закружится голова и воспламенится сердце... в этом состоянии... божественная благодать переливается в человеческую душу, объединяется с нею в «одном поцелуе», и естественным следствием является пророческое откровение... Свою каббалу он считал пророческим вдохновением, при помощи которого он один лишь может проникнуть в тайны Торы»; (Грец Г. История евреев. Одесса. 1906 г., т. 6.) при этом он полагал, как в последующем и русские масоны-просветители, такие, как Новиков, Лабзин, Сперанский, Елагин и все вообще масоны, «что простое, буквальное значение слов и простое использование религиозных предписаний нужны лишь незрелым, как молоко, детям, зрелые же находят высшую мудрость в числовых значениях букв и в различных сочетаниях слов». Абулафия пытался на практике осуществить свои знания по части власти над миром и бросил свой взор на главу всех европейских государств — папу Мартина Четвертого, с тем чтобы его обратить в иудейство. Не знаем, удалось ли ему слиться с папой «в одном поцелуе», но с идеями либеральной Европы, как мы видим, удалось. Здесь и критика церкви, и религиозная практика всякого рода хлыстов-духоборов, но главным хранителем мудрости этого многомудрого Абулафии стали ложи вольных каменщиков. Именно здесь формировалась идеология правящего класса России. В свою

очередь, и идеология формировала правящий класс, о чем нельзя забывать.

Паскуалис, учитель Сен-Мартена, имел много школ своей системы обучения в разных городах Франции. В ложах имелось 9 степеней посвящения: ученик, подмастерье, мастер... ученик Когена, подмастерье Когена, мастер Коген, Великий Архитектор и, наконец, наверху восседал Рыцарь златорозового креста. Вот восходя по этим всем ступеням, адепт и достигал реинтеграции, он восстанавливал утраченное единство с богом Каббалы, с богом Талмуда. Паскуалис написал «Трактат о Реинтеграции существ в их первоначальных свойствах, качествах и силах, духовных и божественных». В этом трактате Паскуалис выступает от лица самого Моисея (см.: Леман. «Сен-Мартен»), рисуя феерическую картину, весьма отдаленно напоминающую ветхозаветную историю израильского народа. В ней звучит «сознание неизреченной гармонии мира верховных духов и страстное стремление к освобождению от иллюзорности временного, подпавшего отлучению материального бытия». По адресу Мартинеца де Паскуалиса были высказаны мысли его современников, что в его «трактате» имеется кощунственное умаление факта спасения человечества Иисусом Христом и что он, несмотря на христианскую фразеологию, «проводит идеи, присущие иудаизму». Идеи Паскуалиса до нас дошли в их переработке его учениками, из которых самыми значительными были Виллермоз, торговец, фабрикант, состоятельный человек, и Сен-Мартен. Оба они в той или иной степени имели большое значение для судеб России.

Виллермоз неоднократно принимал участие в различных конвентах и конгрессах. Он в 1765 году стал во главе масонских лож «Избранных Когенов». Считалось, что в истинах высшей мудрости этих «когенов» наставляют сами духовные сущности потустороннего мира. голоса которых слышали члены ложи во время спиритических сеансов. Они записывали то, что те им вещали, и через некоторое время Сен-Мартен обобщил эти записи в своем сочинении, которое его прославило и которое называлось: «О Заблуждениях и истине, или Воззвание человеческого рода ко всеобщему началу Знания. Сочинение, в котором открывается применителям сомнительность изысканий их и непрестанная их погрешность, и вместе указывается путь, по которому должно бы им шествовать к приобретению физической очевидности, о происхождении Добра и Зла, о Человеке, о Натуре невещественной и о Натуре священной, об основании политических Правлений, о власти Государей, о правосудии Гражданском и Уголовном, о Науках, Языках и Художествах».

В Москве оно было издано на русском языке в новиковской типографии Ордена Креста и Розы в 1785 году. Во Франции «Неизвестные философы» стали степенью посвящения в Ордене, объединившей масонов очень высоких степеней посвящения под именем филалетов, Искателей Правды, которые объединились в «Божественный Орден», который взял на себя руководство радикальной в политическом отношении парижской ложи «Соединенных

друзей». Именно из недр этой ложи в 1789 году выделился созданный двумя иллюминатами, Фоше и Бонневилем, «Социальный кружок» с его печатным органом «Железные уста», проповедовавший идеи коммунизма и деятельность которого была высоко оценена К. Марксом. Он определил кружок как первую революционную организацию, созданную для осуществления коммунистических идеалов. По мнению Маркса, в этом кружке произошло соединение коммунистической идеи с практикой революционной борьбы. Сама же политическая доктрина «Социального кружка» полностью воспроизводилась в трудах Руссо и Мабли и проповедовалась несколько позже Бабефом и его соратниками, в первую очередь Филиппом Буанаротти, крупнейшим деятелем революционного движения в Европе, одним из руководителей разветвленной системы иллюминатских лож «Высокодостойных мастеров». В «Железных устах» беспощадно разоблачались всевозможные социальные недостатки, шли резкие нападки на духовенство, и газету читали по всей Европе, в том числе читалась она и русскими розенкрейцерами. Упоминания об этой газете находятся в письмах А. М. Кутузова, представителя московской Дирекции ордена «Теоретических братьев Соломоновых наук» в Берлине.

Сен-Мартен вступил в Орден Паскуалиса в Бордо в 1766 году, где находилась одна из школ «Избранных Когенов». Он оказался очень способным учеником и полностью подпал под влияние идей Якова Беме, которые и развил в своем сочинении. Он активно занимался вызыванием духов, осуществлял непосредственную связь с самим Эн-софом. В весьма скором времени он создает сам — в 70-х годах — свою систему масонских лож с десятью степенями посвящения. Его заслугой по части организационной стало введение системы «свободного» посвящения отдельных лиц. Этот метод посвящения был удобен в странах обширных и с редким населением, а также в тех случаях, когда еще не существовало благоприятного отношения к масонам со стороны властей и населения. То есть во всех случаях, затруднявших создание лож и с их «правильным» течением обрядов и церемониалов и учебного процесса в ложах. Антошевский пишет, что метод «свободного посвящения» был удобен в странах не просто обширных, а в «обширных странах с редким культурным населением, а равно и в центрах, где таковое включает в себе людей слишком разнообразных классов, профессий и тенденций». («Изида». Орган ордена мартинистов, 1912 г., № 4).

Эта система была так же удобна во всех случаях, когда необходимо было скрыть членство какого-либо адепта даже от братьев, навеки похоронив присутствие его в масонстве. Во всех этих случаях деятельность «свободных посвященных» имела огромное значение для пропаганды Иллюминизма. (Антошевский, там же).

Сен-Мартен с 80-х годов постоянно окружен своими «русскими друзьями», среди которых Голицын, Зиновьев, двоюродный брат графов Орловых, кн. Н.В.

Репнин и многие другие.

Его основной труд вышел из печати в 1778 году и был привезен в Москву вскорости вслед за этим. В этом труде Сен-Мартен «дает нам ясное указание на свое большое знакомство с эзотеризмом Библии — с каббалой» (Леман. ук. соч.). Он развивает учение каббалы о «блесках», заключенных в грубой коре материи — клипотам, о духовных сущностях, управляющих физическим миром, имеющим лишь иллюзорную действительность как бесконечный поток метаморфоз; в этом произведении «мы находим сильное влияние Захара» (части каббалы. — В.О.) и его учения о том, что дух попал в плен этой материальной оболочки. Это учение об иллюзорности физического мира имело важные основания для не менее важных выводов в социальных построениях масонов.

Для объяснения сущности устройства мира во всех его частях, начиная с мира Эн-софа, ангельского, астрального, стихийного и вещественного. Сен-Мартен прибегает к сложной системе чисел и геометрических фигур, а также к законам музыкальной гармонии. Одним из центральных пунктов в этой символике является излюбленный у каббалистов символ круга с точкой посередине, изображающий Вселенную, всю ее полноту. Это фигура числа «десять», разъяснения которой заняло бы слишком много места. Для примера скажем, что десять — это $1 + 0$, а единица есть сам Вечный, источник постоянно истекающей и поддерживающей наш мир энергии, потенции, это сама полнота бытия, а ноль — «не-бытие»; что в совокупности, то есть $1 + 0$, и дает решительно все мыслимое — и жизнь и смерть. Если из круга изъять точку, то получим девять — число вещественного мира. Из полноты бытия «десять» изыдем Дух и получаем — материю «девять», не-бытие, нечто косное, иллюзорное. Дуализм, враждебность духа и материи налицо. Дух не преобразует материю, а отрывается от нее. Это манихейство, вошедшее в каббалу.

Кроме того, в книге содержалась история падения человека двуполого, совершенного в мир вещественный, и разделения его на мужчину и женщину. Содержалось и политическое учение об идеальном государстве и системе правления. Церковь, религии подверглись Сен-Мартеном критике: они есть плод невежества, истинна лишь «естественная религия».

Россия и мартинизм... Материя есть плен и рабство. Душа, попадая в тело, должна осознать себя, узнать о своей божественной сущности и свободной от всякой зависимости от грубой материи, уйти очищенной в сферы ангельские или для более примитивных душ, пневмагиков, в астральные сферы. Следующие души, еще не осуществившие себя через падение в тело, совершают инкарнацию, то есть воплощаются в тело. Для души такое падение необходимо именно для осознания себя. Только в теле, через страдание и плен в мире, где все причинно обусловлено, душа может получить оформление, она

оплодотворяется и становится оформленной, сознающей себя. Знание себя — это приобщение к самому Богу. Пока все души не получают возможности пройти через тело, Мессия не придет. Чтобы приблизить Его приход, следует вести жизнь мудреца. Ведь душа, не получившая осознания себя, загрязненная страстями тела, снова должна воплотиться в какое-нибудь тело, и тем самым она не дает другим, еще не осуществившим себя душам, места.

Страсти — вот враг, с которыми следует бороться в первую очередь. Вся эта доктрина взята из учения стоиков и разукрашена в каббале чувственными картинками, весьма натуралистического свойства. К примеру, подробно описываются ощущения умирающего человека. Каббала насчитывает их более 900 видов, от легких до тяжелых. Читать их еще тяжелее, и, видимо, смерть от такого чтения должна была бы стать первой по степени мучений.

Сен-Мартен подверг критике все теории просветителей, основанных на детских наивных рассказах о некоем Общественном договоре: все люди собрались и договорились организовать государство. С такого договора, «общественного», по мнению просветителей, началось государство. Этот мифический рассказ, ничем не отличающийся от мифологии допотопных времен, стал, как известно, краеугольным камнем всей просветительской философии и лег в основу ее взглядов на суть происхождения государства. Ниспровергая все и всяческие религии и народные верования, просветители создали столько всевозможных предрассудков, что освободиться от них стало еще тяжелее, чем от веры в вурдалаков, тем более что большинство этих скептиков весьма верило как раз в этих вурдалаков и, как было сказано, активно занималось демонологическими изысканиями и вызовом духов умерших. Как известно, церковь выступает против таких душепагубных занятий, которыми увлекали вольнодумцев-просветителей строители храма Соломона на земле — масоны, боровшиеся с церковью и тайно исповедовавшие Иегову и демонские силы.

Что есть наша телесная жизнь, как не «цепь непрерывных зависимостей», пишет Сен-Мартен. Само вступление его в телесную жизнь есть уже знак его подчинения и рабства материи. Дитятей он получает помощь взрослых, которые больше его знают и ведут его за руку по колдобинам бытия. Они его просвещают и поддерживают. «Их долг есть делать над разумным существом его то, что делали они над телом его, когда ощущал он болезни, не будучи в силах ни сносить, ниже избавить себя от них». И не разумно ли, чтобы и дальше те, кто избежал загрязнения своего идеального начала от падений и заблуждений в сем мире порока, вел тех, кто попустил себя в порабощение и падает «при бесчисленных камнях преткновения, которыми усеяна сия тина стихийная», которую «другие мужественно и šťastливо избегают».

И вот центральный пункт, где мистика становится политикой: «Тот, кто

предохранил себя и от затемнения, и от развратности, становится владыкою не только по самому делу и необходимости, но и по долгу. Он должен овладеть павшим человеком (заметим сразу, что такому овладеванию и учат в ложах и сему способствует и изучение символики, и знание иероглифов, и вся мистика, о которой уже говорилось, и алхимия, наука герметики, главным Великим деланием которой есть очищение, восстановление первоизданного образа в «натуре» — В.О.) и не давать ему ни малой свободы в его деяниях как для удовлетворения законам начала его, так и для безопасности и примера общества; он должен употреблять над ними все права рабства и подданничества; права, столь же праведные и существенные в сем случае, сколько непонятные и ничтожные во всяком ином обстоятельстве». Такое угнетение не есть угнетение, и его нельзя считать «притеснением естественного общества, но должно почитать его твердейшею онаго подпорою и самым несомнительным средством к подкреплению его как противу злодейств членов своих, так и противу нападений всех его врагов». (Сен-Мартен, 275)

Человек — дите малое и подвержен страстям, кои есть его и всего человечества первый враг. Он не понимает своей пользы и не знает, что подлинная свобода есть свобода от страстей. Но, к счастью, есть люди, «друзья человечества», которые «готовы за честь его принять оковы», и, слава Всевышнему, «их бессмертная семья неотразимыми лучами когда-нибудь нас озарит и мир блаженством одарит». Во главе правильно организованного государства должен быть царь-священник, озаренный знанием высшей премудрости. Великий Мастер и Демиург. Реинтегрированный в самых высоких степенях и получающий бесконечный приток откровений из высшего мира. Он будет опираться в своих благих деяниях на озаренных «друзей человечества». Главная задача — это борьба со страстями, невежеством и народной толпой.

Эта же тема устройства государства по масонским образцам занимала и умы его русских последователей и проповедовалась ими в речах, а также в сочинениях переводных, из коих наибольшим уважением пользовались «Пастырское послание» Гаугвица, «Истина Религии» и «Новое начертание». («Новое начертание Истинной Теологии» в двух частях, пер. с нем. Трубецкого Н. Н., изд. ч 1784 г. «Типографической компанией» Новикова в типографии Лопухина.)

Глава пятая

ЦАРСТВО СПРАВЕДЛИВОСТИ НА ЗЕМЛЕ

«Количественно чрезвычайно тесный круг братьев Злато-Розового Креста, приобретал при помощи законченного механизма своей строгой организации огромное влияние на весь ход духовного развития русского общества». (Г.В. Вернадский). *Он дал направление просвещению России на века вперед.*

Орден есть внутренняя церковь. Преображенный масон есть священник. «Вы же род избран, царское священие, язык свят, люди обновления». Коль скоро в душе у «новой твари» живет сам Бог, то внутри у нее есть дом Божий, а они суть «священники и цари». Эти мысли развивал З.Я. Карнеев в своих речах к братьям основанной им ложи в Орле в системе московских розенкрейцеров. Если царь, господствует над своей натурой, то не должен ли он господствовать и над другой натурой? Человек есть средоточие всех стихий, он есть малый космос, он магически может властвовать над стихиями. Они подвластны ему. Верным орудием такой власти является алхимия. «Алхимия, — пишет Вернадский, — открывавшая путь к совершенству человеческого рода, тесно связана была с совершенной системой правления». Алхимия дает власть над миром и обществом, и алхимики готовились ее взять. Именно поэтому они активно разрабатывали идеи лучшего устройства государства.

Главным в соответствии с их учением о рабстве плоти, подчинившей себе дух, было исправление нравов. Первым предполагалось приступить к упразднению всяких предметов роскоши. Следовало ввести поголовное ношение для всех полов и возрастов мундиров. Эта тема обсуждалась в излюбленной книжке новиковского кружка «Истина Религии». Во-вторых, по упразднении всей промышленности, работающей на удовлетворение всяких украшений, следовало приступить к организации для неимущих слоев специальных магазинов, то есть складов, продовольственных и для дров. Следовало организовать больницы и училища для бедных. Сразу к этому не приступишь, и в «Новом Начертании» предлагалось всем государям прибегнуть к помощи «истинно верующих», из которых будут созданы специальные департаменты для контроля за всеми сторонами государственной жизни. Это «общество Народа Божия» приготовит государству совершенных граждан и чиновников. Предполагалось создать «Патриотическое общество». Все государи должны будут соединиться и составить священный союз без всяких вероисповедных признаков. Условием достижения счастья должна была стать как суровая регламентация всех сторон жизни человека, так и ограничение потребностей. Счастье в земной жизни есть удовлетворение своих потребностей. Но эти последние имеют несчастье расти. Многие к тому же из этих потребностей относятся к ложным, как, скажем, стремление к украшениям и роскоши. На эту сторону особенно обращали свои критические взоры масоны-просветители.

Роскошь есть бич человеческого общества. Одни разоряются, а другие, неизвестно для чего, гоняются за золотом и жемчугом. Разнообразия в одежде также недопустимы, ибо неизбежно порождают рост потребностей. Человек должен быть просто человеком. Его суть от природы, и природа — его учитель. Поел-попил, почитал об истинах Верховного Существа, поработал под надзором старшего, и хватит. Утеснение плоти и самости. На последнюю

обращали внимание уже риторы в ученических ложах. Отрешиться от себя следовало в течение приготовления к мастерской степени.

Ложи, их устройство, устройство всего Ордена — прообраз будущего государства. Идеал такого государства нарисовал князь М. М. Щербатов, представив эталон масонского государства в его утопических надеждах. «Путешествие в страну Офирскую» вышло в свет в 1784 году. Вся жизнь в государстве контролируется полицейскими-священниками, служителями Верховного Существа и Строителя.

Нравственность личности находится под бдительной охраной. В жизни офиран «все так рассчитано, что каждому положены правила, как ему жить, какое носить платье, сколько иметь пространный дом, какие напитки, даже содержание скота, дров и освещения положено в цену, дается посуда из казны по чинам. Оплата работников строго определена. Если, к примеру, надо починить печку, то сам гражданин не имеет права этого сделать. Он должен обратиться в пожарную часть, которая ему пришлет печника, и этот печник не имеет права брать денег под «опасением вечной работы». Если что-нибудь с этой печью случится и она подаст повод «к запалению, то сей печник за сие наказывается определением в вечную тягостную работу».

Здесь же, в этом «Путешествии», предлагается создать военные поселения, где совсем не будет «частности», а будут созданы специальные склады, нормировано все потребление, а равно и количество труда, место его приложения; личное время по сигналу: отдых, сон, подъем. Поощряются ремесла и военная подготовка.

Умеренная нищета, серые краски одежды и жилищ, однообразные дома по типу барачных, как у Мора и Морелли; поощряются занятия всякими науками, кроме гуманитарных, обеды за общим столом и суровые наказания — все это должно было освободить человечество от бремени страстей и обеспечить его очищенной душе выход в свободное царство астральных духов.

А как же все-таки быть с моралью? Ведь существует мнение, что масоны вели развратный образ жизни, и в этом их обвиняла народная масса. Уже первые уличные песни, приведенные у Ешевского, содержат на этот счет недвусмысленные выражения. С другой стороны — требование Добродетелей от масона в ложах. Понимание Добродетели зависит от того, как понимать добро. У масонов добро есть соответствие качеств члена Ордена его масонским обязанностям и идеологическим установкам Ордена. В принципе, вопрос об этике в системе масонства решался так же, как и у стоиков. Следование природе допускало обширные толкования на этот счет²⁰. Морали в христианском и

общеупотребимом смысле ни стоики, ни масоны не знали. На вершине Добродетели виднелось бесстрашие. Но удовлетворение сих телесных нужд не воспрещалось никоим образом и даже, наоборот, поощрялось. Самосохранение — кредо морали стоиков и масонов. Но существуют предписания следования «природе» и достижения совершенства. Развитие волевых качеств и бесстрашие в конечном счете должны определять поведение человека. Достигший совершенства, то есть отсутствия в себе земных привязанностей, мог позволить себе, правда, под неусыпным бдительным контролем своего наставника по Ордену, любую шалость. Но массы профанов нуждались только в утешениях, ибо слишком были привязаны к земному. У «возрожденного» же масона могла грешить плоть, душа же пребывала с «богом».

«Освобождение от рабства» — излюбленная фразеология и лозунг масонского просветительства в борьбе за власть мыслилась масонами в эзотерической части их идеологии крайне своеобразно — в духе гностицизма и дуалистического манихейства: как утеснение личной свободы, поскольку плоть враждебна духу и желания человека, как выражения его плотскости, следует всячески подавлять сильной властью чиновников-жрецов, являющихся выразителями мистической «всеобщей народной воли» и «всеобщей религии», построенной на науке и законах природы. Именно эти жрецы-бюрократы, отцы народа, должны вести неразумную в своих плотских желаниях толпу к «истинному» счастью. Такую схему построения государства на началах освобождения от плотского рабства мы видим равно и в творениях Томазо Кампанеллы, и в теориях Руссо, и наиболее ясно она выражена в сочинении одного из главных идеологов масонства конца XVIII века — Сен-Мартена в его уже упоминаемом сочинении, воплотившем в себе достижения популярной просветительской философии и приоткрывшем связь ее с эзотеризмом каббалы, связь иррационального ядра просветительской идеологии с рациональной наукообразной философией, рассчитанной на овладение сознанием масс народа и приоткрывшей завесу над подлинным содержанием провозглашаемых просветительством лозунгов.

Граф М.Ю. Виельгорский, музыкант, меценат и просвещенный человек, наместный Мастер «Великой провинциальной ложи», стоящей во главе целого ряда лож, почетный член ложи «Соединенных друзей». Эта ложа, основанная в 1802 году в Петербурге, обычная в ряду других, объединяла представителей чиновной аристократии, художников, ученых и артистов. Среди ее членов мы видим министра полиции Балашова в степени рыцаря Востока, Александра Христофоровича Бенкендорфа, будущего шефа жандармов и одного из

²⁰ В целом масонство характеризуется чувственностью и спиритуализмом. Шкала колебаний от грубого гедонизма до тонкой духовной прелести мистического

«улавливания св. Духа», Наиболее концентрированное выражение его в искусстве — маньеризм (XVI в.), в XVIII веке — сентиментализм и романтизм в литературе, классицизм в архитектуре; в целом же — декаданс культуры.

создателей первого в России революционного союза — Ордена Русских рыцарей, иллюмината и наставника многих видных политических деятелей страны Фесслера, учредившего для этой цели свою ложу «Полярная звезда», где состояли членами М. М. Сперанский, и многие другие, впоследствии видные деятели, такие, как герцог Александр Виртембергский, граф Костка-Потоцкий, Василий Львович Пушкин, сочинявший песни для ложи, граф Дм. Зубов, а также и П.И. Пестель, П.Я. Чаадаев — в степени мастера, А.С. Грибоедов, Мих. Митков, кн. Шаховской и другие.

В ложе провозглашался лозунг «В единении — сила», проповедовалась «естественная религия», а предметом занятий объявлялось: «Стереть между человеками отличия рас, сословий, верований, воззрений, истребить фанатизм суеверий, уничтожить национальную ненависть (путем уничтожения национальностей. — В.О.), объединить все человечество узами любви и знания». Деятельность ложи проходила на французском языке.

Ложа покровительствовала искусству и наукам, в чем и была ее «специальность». Она имела свой оркестр, составленный из масонов-музыкантов — «братьев гармонии», издавала сборники песен, музыку к которым сочиняли Боздье и Кавос; слова же многих песен, особенно популярных в среде братьев, принадлежали Василию Львовичу Пушкину. В песнях прославлялась дружба и «премудрость, сила, красота (...) любовь, невинность, простота».

М.Ю. Виельгорский руководил и ложей «Палестина», он учреждал ложу «Трех Добродетелей», специально выделившуюся из ложи «Соединенных друзей» ввиду политических целей некоторых ее членов. «По существу, эта ложа являлась неофициальным филиалом революционного общества», — пишет Б.С. Штейнпресс («Страницы, из жизни Алябьева». М., 1956, с. 90). Он принимает в должность наместного мастера С. П. Трубецкого, будущего диктатора декабристов, предавшего в ответственную минуту из трусости своих соратников, сочиняет вместе с Алябьевым и Верстовским музыку к водевилям, проводит у себя дома прекрасные концерты, покровительствует молодым талантам; он друг Жуковского и В.А. Перовского, дяди А.К. Толстого, он ученик «самого» И.А. Поздеева, высказывания и поучения которого он записывает в особую книжку, судя по записям в которой «учитель» плотно опекал ученика, и наконец Михаил Юрьевич принадлежал к самым высшим градусам Ордена вольных строителей храма Соломона.

По вопросу об «освобождении» М. Ю. Виельгорский говорил так: «Простолудимы (так писали это слово), в особенности дворовые люди, не имея никакого понятия о существе нашего ордена, весьма его любят, предполагая по названию свободных каменщиков, что наше братство старается их сделать вольными, в чем они весьма ошибаются, ибо мы стараемся свергнуть с себя

оковы не мнимые, но истинно тяжкие: а именно оковы греха, смерти и ада. Сие исходит одно из другого. Человек, освобожденный от сих оков, везде велик, везде равнодушен, везде одинаков, одним словом, везде счастлив, даже под самым деспотичным правлением. Но сие благо будет постепенно и на них разливаться».

Примерно такого же типа речь держал Великий Мастер к вступающим в Орден: «мрачная храмина» телесного и преходящего, о чем напоминают атрибуты ложи — гроб, мертвая голова, скелет и слабый свет, озаряющий эту невеселую картину, как знак пламенной «искры божией». Ученику объясняли, что не для того существуют ложи, чтоб совершенствовать в себе моральные качества. Для этого, говорил Наместный Мастер Елагин, не надо быть в ложе. Масонство существует для передачи своим адептам «тайны», которая высвободит пленный дух из тленной оболочки плоти, и тогда наступит вечное блаженство. Повязка с глаз принимаемого в масонство, «ищущего», срывалась, раздавались звуки музыки в приподнятых тонах, и яркий свет озарял ложу.

Змея гностиков свивалась в кольцо и шипела слова мудрости брату «философу». Еще об одном из таких «философов» надо сказать два слова. Германия... Адам Вейсгаупт (1748-1830) был сыном профессора-юриста, рано лишился отца, учился в иезуитской гимназии до 15 лет, затем в университете, который успешно закончил и вскоре, при помощи своего крестного отца, преподавателя в ингольштадтском университете, получил звание и место профессора, докторский диплом. Его специальность — каноническое право и естественное. Он изучает проблемы нравственности и приходит к мнению о вреде всякой нравственности, признавая вслед за Спинозой и другими философами пользу ее и религии только как средство держать темную толпу невежественных ремесленников и пахарей в повиновении. Отношение к ним самое презрительное, свойственное всем иудействующим просветителям, и эта интеллектуалистская позиция «философов» берет начало от софистов и от Платона, непосредственно от Талмуда и вполне вытекает из признания высшей ценностью рассудочное знание метафизированного ума.

Вейсгаупт вступил в ложу «Святого Теодора» в Мюнхене, где довольно скоро достиг высоких степеней. В начале 70-х годов он встречается с неким армянином или евреем Кольмером, который долгое время изучал в Египте оккультные науки и в Европу возвратился в 1771. году. В Европе к тому времени уже вполне создалась «развитая морально и умственная среда» усилиями многочисленных организаций; большинство, если не все, князья и князьки Германии состояли в масонских ложах, а увлечение каббалой среди «образованных» классов было повальным. В системе масонства господствовала система «строгого наблюдения», то есть самой суровой дисциплины.

Русские «братья» не отставали и шли путем Вейсгаупта и других

иллюминатов. Сохранились письма Новикова, брата Коловиона, своему начальнику по партии — немецкому барону Шредеру, в которых великий русский просветитель сообщает о своих делах и настроениях «с истинною покорностию моею». В одном из своих отчетов, именуемом «уведомлением» на языке масонов, он извещает о выполнении указаний барона по составлению описи, «в каком положении дела типографии находятся, со всеми подробностями», сообщает, что он передал по указанию барона «весь магазин книжный, контору, лавку и все счета» брату Шварцу. Новиков также сообщает о всех своих душевных трепетаниях и сомнениях, распинается в своем ничтожестве, малоумии, виною в неисполнении некоторых заповедей ордена видит свое невежество и лень и просит простить его, обещая впредь быть более деятельным и разумным. Он пишет «о распространении любви в сердце моем к искоренению грубости и ласковой приемности ко всякому человеку».

«Буди вечно хвалим, превозносим, милосердый Спаситель грешников, св. ордена Его и наши мудрые и милосердые отцы и высокославные начальники».

Коловион-Новиков кается перед «высокодостойным начальником» в письмах — «в. д. Н.», что не всегда держит слово, но обещает: «Я смею уведомить вас, в. д. Н., что я все дарованные мне от Бога силы начинаю употреблять к тому, чтобы сие предписание ваше мог всегда исполнять в точности»; «в. д. Н.» — это высокодостойный Начальник.

В этом же уведомлении содержится и просьба разрешить ему самому определять цену книгам и «о расположении и заведении особой типографии (тайной от правительства для выпуска нелегальной литературы. — В.О.) в институтском доме для печатания таких книг для братьев», самим принимать решения, «бо нам весьма часто будут нужны скорые решения, то и невозможно, кажется мне, обо всем оном делать письменных донесений». Свои отчеты-уведомления Новиков заканчивает такими словами: «...последний пункт отпуска вашего («сверху получаемое писание называется отпуск, а снизу вверх — уведомление». — Ешевский. Собр. соч., т. II, с. 552), в. д. Н., приемлю я спасительным для меня наставлением, как в рассуждении себя самого, так и бр. (т.е. братьев. — В.О.), вверенных мне, и исповедаю искренно, что пролил он свет на многие мои недоумения и сомнения». И завершают уведомление следующие слова:

«...с истинной покорностию и преданностью остаюсь верна послушнейший ордена сродственник яко истинный Брат Розы и Золотого Креста

Коловион».

Эти «уведомления» снизу вверх, «отпуска» сверху вниз делали систему «строгого наблюдения» сплоченной организацией, где каждый член просматривался насквозь со всеми своими душевными изгибами и настроениями, своими способностями и талантами и был руководим тонко и

неукоснительно начальником-наставником во всех пунктах своего жизненного пути.

В этом же уведомлении Новиков обещал начальнику своему по Ордену: «Повеления ваши и волю высших наших высокославных начальников с истинною покорностию исполнять во всю жизнь мою буду» (Пыпин).

Опека была очень плотной, и сам Новиков неумолимо требовал самых подробных отчетов от своих подопечных. Каждый квартал, а то и каждый месяц масон обязан был сообщать о себе, своих делах и сомнениях своему начальнику письменно. Именно поэтому таким начальником, наставником и мог быть человек, пользующийся уважением своих подопечных как по личным качествам, так и по учености и образованию, общему и гностико-каббалистическому, т.е. масонскому. Одним из таких наставников, оракулом масонства и был уже известный нам И. А. Поздеев. Его учениками были крупнейшие деятели русской культуры, политические деятели, как С. С. Ланской, М. Ю. Виельгорский, гр. А. К. Разумовский, министр просвещения, И. П. Голенищев-Кутузов, а среди масонских его писем-наставлений в ОР РГБ имеется и письмо Г. Р. Державину, и митрополиту Михаилу Десницкому (ОР РГБ ф. 14, № 320). Вейгаупт, Новиков, Шварц... — это лица одного ряда. Но вернемся к первому, А. Вейсгаупту.

Вейсгаупт совместно с другими крупными масонами-просветителями, как издатели Николай, Боде, писатель Книгге, Цвак и прочие, формирует на базе масонства «строгого наблюдения», в систему которого входили и русские масоны, новую организацию, названную Орденом иллюминатов. Умершие «предварительно для предрассудков, обскурантизма, всяких предков и социальных ошибок» повышались в степенях. Поскольку «всякий ритуал соответствует всегда либо политической, либо философской необходимости» (Папюс), то и создание нового формирования в недрах масонства высоких степеней посвящения отвечало такой необходимости. И как появление реформированного в начале XVIII века масонства произошло как бы внезапно, а распространение по всем странам шло быстро, так и распространение новой системы по градам и весям Европы говорит, что ее готовили долго и тщательно, сообразуясь с общей обстановкой в Европе и настроением умов. И, действительно. Орден возникает на почве розенкрейцерства и шотландского рыцарства, то есть в тех системах высокого масонства, где изучение каббалистических наук происходило наиболее глубоко и где «ввиду важности цели (они) оправдывали все средства для ее достижения» (Т. О. Соколовская). Появление реформированного масонства совпадает с утверждением на политической и культурной арене Европы властного голоса чиновников и представителей третьего сословия — интеллигенции, преимущественно нотариусов, адвокатов, учителей и врачей. Появление же баварского Ордена знаменовало новые тенденции в жизни перечисленных социальных групп, в их

установочном мышлении. В 80-х годах того же века, XVIII, то есть примерно тогда, когда шло утверждение Ордена иллюминатов, в Москве единомышленники Новикова доходят до «некоторого социализма» в своих то ли утопиях, то ли проектах, и тогда же пред ними открываются возможности основать «идеальное царство Платона» не только в Москве. Впереди виднелась целая империя Российская. Звание провинциального великого мастера VIII провинции всемирного масонского государства в 1783 году предназначалось для наследника престола, будущего Павла Первого, и невозможно было не задуматься в связи с такой радужной перспективой, что такое идеальное государство. Впрочем, этот вопрос был решен в принципе еще в «Государстве» Платона, а впоследствии неоднократно уточнялся. Идеалы московских просветителей и иллюминатов совпадали, так как имели один источник.

Осуществить эти утопии-проекты и был призван Орден иллюминатов. А тем более что и глава европейских масонов Фердинанд Брауншвейгский, и глава берлинских розенкрейцеров, «рыцарей Соломоновых наук», Вельнер имели к организации иллюминатов прямое отношение, как и к московским мартинистам, будучи их прямыми начальниками. Вообще говоря, не удастся обнаружить в иллюминатстве чего-то такого, чего бы не было в любой другой системе масонства.

Социальным идеалом Вейсгаупта стали теории Руссо — уравнильное распределение продуктов, уничтожение частной собственности, регламентация и казарменная дисциплина, все то, что так ярко изобразил Морелли в своем «Кодексе природы» и что хотел осуществить Бабеф, организуя «заговор равных». Дети подлежали обобществлению, брак уничтожался, и оставалось только сожительство в целях улучшения человеческой породы по примеру племенной селекции в ветеринарии. Известно, что Платон полагал, что в такой ситуации, когда семья прекратит свое существование, необходимо будет привлечь женщин наравне с мужчинами к физическому труду и даже военной службе. Понятно, что такое уравнивание проводилось не в интересах женщин, а в интересах «государства», которое, как воплощенное Единое, и должно было стать целью каждого человека. Счастье человека переносилось на все государство. Это неизбежно вытекало из отмены частной собственности, и впоследствии утописты и просветители уточнили только вопрос, как отличить личную собственность от частной и должна ли быть личная собственность, можно ли допустить наличие равных земельных участков или не должно быть никаких земельных участков. Вся жизнь людей в таком государстве должна была проводиться по бригадному способу существования, строем и в отрядах. Вся структура такого «солнечного» государства полностью заимствована из практики орденов системы «строгого наблюдения». Орден же иллюминатов давал, можно сказать, завершенную систему обезличивания человека и жизни на виду и в страхе быть замеченным и наказанным.

Мечта о свободе в таком муравейнике могла быть осуществленной только в чувственной сфере, там, где ее и нашел Вольтер.

В ордене иллюминатов существовали все общемасонские ступени масонской лестницы к совершенству и умерщвлению в себе привязанностей к дому, семье, близким, к теплым заветам своего отечества. Предусматривались все обязательные в масонстве степени прохождения «Соломоновых» наук: иоанновские и шотландские. На степени уже мастеров-шотландцев, не говоря уже о Рыцарях Солнца Иерусалима, которую, кстати же, имел министр полиции в правительстве Александра Первого Балашов, задачи как политические, так и «философские», а также объем овладения оккультными науками мало чем отличались от собственно иллюминатских, и потому всякое деление на иллюминатов и не иллюминатов условно.

Это как армейский чин и род войск, как звание в научном мире или должность в партии. Социальные идеалы иллюминатов совпадают с теми, что выразил Фальк в «Разговоре для масонов» (Лессинг, изд. 1778 г.). В первую очередь это идеал муравейника и единого шаблона. Фальк просвещает нас: государство можно считать некоторым благом для людей, так как это какое-никакое, а объединение. Точно так же, как и Петр Первый, Фальк устанавливает, что «сумма отдельных благоденствий всех членов и будет благоденствием государства». Было бы, однако, ошибочно, зная уже взгляды масонов и утопистов, о которых уже говорилось, утверждать, что эта формула имеет обратный ход: благоденствие государства есть благоденствие каждого. Как мы помним, Спиноза переносил все «естественное право» на государство как единственный юридический субъект. «Левиафан» Гоббса утверждал те же идеи абсолютного всевластия чиновничьего аппарата, несущего одновременно и функции духовно-религиозного наставничества и руководства страной, и это было, по существу, общим местом для всех концепций философов-пантеистов, учение которых в полной мере было производным каббалы, изучением которой успешно занимались в масонских дожах. Умерщвление чувств и культивирование чувственности, гедонизм становятся мощным оружием в борьбе за безликость; чувственное имеет лишь видимость разнообразия и прячется за сюжетными поворотами романов и приключениями авантюристов. Но, присмотревшись ко всем этим Печориным и Фаустам, Грандисонам, Сен-жерменам, легко обнаружить, что перед нами заводные куклы или орудия самой пошлой чувственности.

Фальк всю свою надежду полагает именно на «свободных от предрассудков». «Интеллигентные люди независимого ума с благородными сердцами» — вот на них спрос.

Если собрать их всех вместе, то будет «невидимая церковь» — сладостная мечта, но уже осуществленная, как говорит Фальк своему недалекому

собеседнику Эрнсту.

Все, что есть сложного и умного в ордене, — это его средства по разрушению. За этим отрицательным направлением, со всею его математикой, геометрией, психологией, алхимией, искусством стоит удивительно примитивное здание казарменного государства, знакомого людям нашего века не по одним утопиям. Пора назвать вещи своими именами.

Все эти утопии — идеалы гуманистов и просветителей, к осуществлению которых и призван Орден во всех его названиях и обозначениях, со всеми его мощными орудиями познания Натуры и себя, со всеми его искусствами, есть не что иное, как проекты концлагерей. Герберт Уэллс в своей книге «Явный заговор» (1928 г.), не издававшейся у нас, пишет о скором создании Мировой Республики, власть в которой будет принадлежать «сознательному меньшинству», лишенному национальных привязанностей и враждебно настроенному к христианской религии. Церковь, государственные границы, знамена, национальные гимны будут уничтожены.

Опорой «Явного заговора» в России является большевистское правительство: «...оно есть сообщество пропаганды и предшественников, превращенное в республику, оно является вдохновителем и предшественником «Явного заговора» (с. 103). Россию «эксплуатируют и более или менее порабащают» (с. 99). «Россия есть страна, где десятки миллионов крестьян подчинены авторитету малой группы интеллигенции... Только этим одним доступны идеи всемирной перестройки, всемирной конспирации... можно рассчитывать только на это малое меньшинство»... (с. 124, пагинация французского издания. Изд. «Монтэнь»).

Лессинг радуется возможности уничтожить нации, государства, лишить людей имени и лиц. Гете и Гердер радуются таким же планам и мечтают об их осуществлении, будучи иллюминатами, и все они попадают в пантеон современной культуры, как апостолы счастья и человеколюбия.

А бараки, а рабство, предусмотренное еще у Мора и у Кампанеллы, а пожизненные заключения, а дети, отобранные у родителей в пять лет, а запрещение думать, и общие обеды, и жизнь строем? А ведь это все идеалы просвещения. Это Руссо, это Вольтер, это Бабеф и Буанаротти и многие другие, включая и отечественных буанаротти, борцов с русским народом и его духовной опорой и источником его сил — Православной Церковью. Это идеалы тех безродных интернационалистов, что возненавидели русский народ за то, что он у себя дома и устроился по-своему. Царская власть их не устраивала только потому, что это была не их власть.

Все высшие степени во всех системах масонства имели сходное мистическое содержание, и равным образом оно склонялось к постижению одних и тех же предметов. В системе мистерий вызревал тип будущего сверхчеловека. Степень

углубления в мистические «работы» прямо соответствовала степени «работника». В соответствии с гностической терминологией он становился все более и более «сознательным рабочим». Ведь «для понимания масонской науки вам надо сознательно углубиться в эти древние обряды, — пишет глава Ордена мартинистов начала нашего века, уже не раз цитированный нами Папиус, — которые дошли до нас через трубадуров, членов тайных судилищ, алхимиков, тамплиеров, иллюминатов и через новые масонские ритуалы». Тогда *«образуется цепь интеллигентов всех наций, и усилиями рабочих всех классов будет воздвигнут храм Соломона»*, храм Единственному Богу, в соответствии с традициями гностиков, и будет существовать единственная религия и один народ: внизу — рабочие лошади, и один народ, «избранный», вверх, из храма Соломона. Замрут все распри, и Солнце мудрости никогда не исчезнет с горизонта осчастливленного человечества, понявшего все счастье такого единения без национальности, без религии, без сословия, без забот о завтрашнем дне, поскольку необходимое тебе будет выдаваться добрыми и все понимающими начальниками-жрецами.

Осуществление между тем такого счастливого «солнечного» государства планировалось достигнуть именно путем страшных социальных катаклизмов, всеобщего развращения, распада всех человеческих связей, путем массовых убийств. Но ведь для массовых убийств нужны палачи, и в большом количестве. А где их взять? Именно в преддверии осуществления этих планов и должна была осуществляться длительная дискредитация христианской церкви и всех богооткровенных и данных Спасителем истин. Именно таким путем боевой отдел Ордена вольных каменщиков — иллюминаты — рассчитывал захватить власть в странах Европы. Параллельно этому шла и чисто либеральная война на идеологическом фронте с постепенным вытеснением христианских ценностей и заменой их на языческие и иудейские с их культом земного, чувственного, утилитарного: «многоплодие и долголетие», много денег и много удовольствий, много власти и много музыки... В политическом мире России и Европы все связано, масонство же — едино.

...В Италии были особенно распространены иллюминатские ложи, давшие позднее жизнь карбонарским сектам. Ложи были распространены во множестве, и полиция указывала, что «иллюминаты в точности похожи на тех, кого называют во Франции бешеными якобинцами». (См. Туган-Барановский Д.М. «Наполеон и республиканцы», 1980 г.)

Иллюминатские ложи во Франции к началу XIX века были известны под именем «филадельфов», а в 1809-1811 годах организацию возглавляет бывший участник «заговора равных» Ф. Буанаротти и создается система «высокодостойных мастеров», распространившаяся по всей Европе, не исключая и России. Готовится и осуществляется в начале 20-х годов XIX века ряд революций в Италии, Испании и Португалии. Организация

«высокодостойных мастеров» установила тесные контакты с карбонариями в Италии, масонскими ложами иллюминатского союза, но имевшими свой, «национально-освободительный» колорит, с организацией «Тугендбунда» в Германии и «гетериями» в Греции, а также польскими студенческими организациями филوماتов. По всей Европе шла подготовка опорных пунктов восстания, заготовливалось оружие, шла подготовка общественного мнения, преимущественно в смысле критики монархий и церкви как носителей «феодальных предрассудков». Повсюду умы были возбуждены слухами о карбонариях и их заговорах против алтарей и тронов, и эта волна не прошла мимо России.

В связях с итальянскими карбонариями был обвинен видный масонский лидер кн. Баратаев, член многих лож, ненавистник Магницкого, бывшего в 1817 году губернатором Симбирска, где проходила деятельность Баратаева, и не дававшего ему разрешения на открытие ложи, гонитель Мотовилова, который был духовным чадом самого преподобного Серафима Саровского.

В секретном донесении из Неаполя от 19 марта 1826 года в министерство иностранных дел России сообщалось о том горячем интересе, который проявили члены одной карбонарской организации к восстанию декабристов в Петербурге, и при этом члены этой организации выражали удивление, «что великая революция, которая должна была последовать через два месяца после первой попытки возмущения, еще не разразилась в России». Обстановка была грозовой.

Звание человека-короля имел знаменитый Лагарп, воспитатель Александра I и великого князя Константина Павловича. После отъезда из России он возглавил Директорию Гельветической республики (1798-1800). Еще живя в России, он был известен своими якобинскими взглядами, как и своей просвещенностью и литературными талантами. В 20-х годах XIX века он возглавил ряд карбонарских венг, находясь в руководстве-кантона Ваадт (Швейцария). Эти масонские ложи, как было сказано, имели «национально-освободительную» направленность. Руководителем «Центральной венг» был Филипп Буанаротти. Поскольку общественное мнение было уже подготовлено для борьбы за национальную независимость и к свержению монархии, то масонские «работы» уходили в тень, а ритуалы упрощались, а большинство же вообще не знало, что ими руководят ложи вольных каменщиков. В таких случаях, как и в самой масонской организации, руководство скрывалось под другими именами. Скажем, все высшие чины в русском масонстве относились в 80-х годах XVIII века к Ордену Розового Креста, но поскольку о существовании этих степеней знать младшим братьям не полагалось, то и весь Орден братьев Розового Креста был «утоплен» в Директории Ордена.

Лагарп, занимаясь литературными трудами и благотворительностью, имел

звание Человека-Короля, что, как пишет Семевский, указывает на «тесную связь между этим обществом и итальянским карбонаризмом». Хорошо осведомленный в делах карбонарских лож некий д'Оррер доносил в Петербург, что Лагарп пользуется «громадным влиянием по своему высокому положению в франкмасонстве и карбонаризме». Речь идет о событиях 20-х годов XIX века. В одном из заседаний венг, возглавляемой Лагарпом, его заместитель Мюрэ сказал: «...благо отечества требует, чтобы все аристократы погибли: мужчины, женщины и дети; всякое различие будет уничтожено, и свободные люди, пользуясь равенством и правами человека, будут жить мирно и передадут это драгоценное наследство своим детям». Лагарп руководит и согласовывает действия «между карбонариями, иллюминатами и франкмасонами», то есть между различными направлениями Ордена, отчего и организации получали различные наименования, создавая впечатление, что речь идет как бы о разных организациях.

В обстановке усиливающегося брожения в Европе, призывов сбросить «иго деспотизма священников и князей», масонские организации вызвали волну «национально-патриотических» выступлений, рассчитывая таким образом достичь своих политических целей. Одновременно шла и подготовка к восстанию в Петербурге. Семена, посеянные во времена Елизаветы и Екатерины, деятельность новиковского кружка, деятельность многочисленных масонских лож во времена самого Александра I дали всходы. «Искаженная вера, мартинизм, вольнолюбие восседали у колыбели» (Греч Н.И.) дворянской молодежи, вышедшей в 1825 году на Сенатскую площадь.

Иллюминатские ложи, венг, выпускали прокламации. Вот текст одной из них, созданной в венге, руководимой Лагарпом:

«Везде немедленная смерть. Последний довод свободных людей пример королям-тиранам. Свободные люди Гельветии, всем, обыкновенно называемым благородными, самым низким рабам королей, епископам и другим лицам римско-католического духовенства, врагам отечества и свободы — привет. Постановлено нашим верховным трибуналом, что вы умрете в оковах, утратите ваши имущества: ваши дома, постыдные для свободных людей, будут преданы пламени ради спасительного примера потомкам. Скреплено и подписано кровью свободных людей. Брут, Зандт, Лувель, Равальяк, Катилина».

На прокламации внизу под текстом изображение кинжала, замаранного кровью.

Листовка относится к 1823 году. В это время предполагалось поднять восстание, устроить Сицилийскую вечерню, в Швейцарии, Германии, Италии, Польше. Сам Человек-Король Лагарп, продолжавший переписываться с вел. кн. Константином Павловичем, в своей речи перед «братьями» в собрании венг в

Лозанне заявил, что по первому сигналу парижского комитета поднимутся «свободные люди» и они «пронесут победоносное знамя до конца мира. Великий удар будет нанесен... Горе врагам нашей свободы, горе священникам и католикам, не сочувствующим нашим намерениям: они погибнут, их дома будут сожжены; этот момент будет ужасен, но необходим. Только решительный удар может нас спасти; теперь нужно выбирать между рабством и смертью». Пройдет еще немного времени, и появится «Коммунистический манифест» с его угрозами перевернуть весь мир до основания, а затем... Нам, живущим в нынешней России, где трудовой народ стал ничем, а русские обречены на вымирание, если не встряхнутся и не возьмутся за ум, а русская деревня уже вымерла и населяется с благословения наследников Буанаротти кавказскими выходцами, нам лучше, чем Лагарпу и иным, известно, что стало затем.

Во Франции среди офицеров действовало масонское общество «Рыцарей свободы». Оно объединяло от 30.000 до 40.000 военных. Через семь лет произошла во Франции июльская революция (1830 г.), и одновременно произошло восстание в Польше, которое должно было отвлечь силы русских от французских событий.

Распространению масонства вообще и карбонаризма в частности способствовало распространение среди «передовой» интеллигенции высокого престижа масонства. Карбонаризм связывался в сознании людей того времени с отрицанием христианских ценностей и всех национальных традиций (вспомним «Евгения Онегина»), для тех же, кто уже был лишен и веры христианской, и самих традиций и жил только «стальной романтикой» освобождения «от тирании» вообще, музыкой борьбы и жаждой острых приключений, карбонаризм представлялся чем-то крайне притягательным, заманчивым и благородным делом. Клише масонской идеологии в среде безверной интеллигенции срабатывало безотказно, принималась форма «национально-патриотического» — лексическая форма масонской идеологии, для которой национальное было только формой космополитического учения.

... В 1820 году в Варшаве был допрошен кандидат медицины Вержбовский по обвинению в принадлежности к карбонарским вентам. Задержанный заявил, что «каждый человек должен стремиться к возможно полному совершенству», а оно может быть достигнуто лишь в обществе угольщиков (карбонариев), которые в этом отношении имеют преимущества перед обществом вольных каменщиков» (Семевский). Для установления всемирной гармонии предполагалось установить во всех городах и городишках гильотины. Это все предтечи масонской диктатуры в России.

Уже в 1828 году ложи, подобные карбонарским вентам, имелись во многих государствах Германии, и все они находились под руководством парижского комитета. С Лагарпом поддерживали связь многие русские. Некоторые на них

специально приезжали для встречи с человеком-королем. «Ваше Высочество найдете в моих заметках, что пятеро русских ожидается на собрании в Бадене», — сообщал д'Оррер Николаю I. Известно, что Лагарп направлял в Россию своих эмиссаров, в частности, некую красивую не первой молодости француженку в Петербург. Она была избрана «вследствие своих способностей к интриге». В эти годы «Петербург был полон людей, нелегально проповедующих правила, которые прямо вели к истреблению монархической власти». (Семевский В.И.)

Моральное совершенствование и достижение подлинного знания через созерцание символов, иероглифов, употребление имени Иеговы, на благоговеином отношении к которому особенно настаивал розенкрейцер и иллюминат Иосиф Бальзамо, «граф» Калиостро, приводили к тем шотландским степеням, в которых главным было употребление «крика мщения», борьба на уничтожение с врагами Ордена и взбунтовавшимися братьями. Примером такого завершения первоначального, «символического» масонства служит следующий документ, обнаруженный среди бумаг великого князя Константина Павловича (см. Семевский В.И., ук. соч.), отмеченный 27 октября 1811 года и имеющий заглавие «Исповедание веры франкмасонов»:

«Поэтому великим предприятием, приятным Богу и достойным людей, одаренным храбростью и чувством чести, является то, чтобы восстановить этот храм, столь давно разрушенный... выйдя наконец из того глубокого мрака невежества, среди которого в течение стольких веков жили наши предки, чтобы вооружиться и восстать против недостойных узурпаторов, а если понадобится, то и умертвить их. Необходимо поступать с ними как с настоящими тиранами, которые захватили силу, принадлежащую одному Богу, и злоупотребляют властью, дарованною одинаково всем людям. Все приглашаются содействовать этому благородному предприятию, в котором заинтересованы все люди и в котором одинаково могут принимать участие язычник, еврей, турок, протестант, католик и даже деист и атеист, так как все эти различные верования не что иное, как суеверные вымыслы тех, которые захотели отнять у человека его свободу, а у Бога — его власть. Отсюда следует, что, если различие религий произвело столько смут, это объединение для нас, франкмасонов, будет содействовать укреплению всех уз, установит прочный мир и совершенные законы. Опыт показал, что тот, кто вступает в это общество, не вызывает и не испытывает неприятностей из-за своей религии... он даже так привязывается и проникается сочувствием к нашим франкмасонским мнениям, что становится равнодушным к своим взглядам и в короткое время совершенно забывает и оставляет их».

Самое трудное, говорилось в документе, это «сражаться с самодержавием и жречеством... разрушить тиранию, тяготеющую над свободой человека... Для этого нужно избрать в обществе людей, отличающихся твердостью духа, и ученых и, кроме того, следует искать покровительства могущественных людей из наиболее уважаемых классов (...) франкмасоны должны усиливаться и

умножаться в тени тайны», а для этого предлагалось: «в обществе же следует выставить правило, что они (т.е. масоны, — В.О.) не совершают ничего противного закону религии и нравам. И эта тайна величайшей важности должна храниться лишь в ложе 5-й степени, составленной из одних архитекторов, предназначенных для управления и восстановления постройки храма Соломона. Всем же остальным скажут только, что в нашем обществе особенно советуют оказывать помощь и милосердие друг другу».

Эта инструкция для масонов шотландских степеней. В. И. Семевский, упоминая о политической программе «Союза спасения» и самого Пестеля, говорит по поводу «исповеди франкмасона», что теперь «очевидно, какого рода масонство было симпатично для наиболее выдающихся декабристов-масонов». Нельзя не вспомнить еще раз, что «повышение в звание шотландского мастера связывалось с посвящением на борьбу во имя восстановления разрушенного храма». Кровавая месть в обрядах, готовившая «брата» к борьбе за власть, нарастала и достигала своего апогея в степени «Кадош» (евр. — святой). И, судя по всякого рода Крата Репоя, сочинения, изданного в новиковской типографии, где под видом древних таинств излагались обряды посвящения — «убийство» муляжей, отсечения головы искусно сделанным куклам, иногда наполненным красной жидкостью, приучали шотландских рыцарей без содрогания идти на самые радикальные средства, не исключая и вышеописанных. Недаром в пламенеющей звезде, шестиугольной, так называемой звезде Давида, была начертана символизировавшая высший идеал шотландского мастера буква «Г» еврейского алфавита, которая могла означать и, в числе прочих смыслов, Голгофу. Шотландские мастера, как и вообще шотландские степени, находились в системе «строгого наблюдения». Каждый брат был обязан один раз в три месяца приносить Великому мастеру все письма, ему пришедшие и имеющие хоть какое-нибудь отношение к Ордену. Одни письма уничтожались при всех, другие могли храниться в архиве ложи. Также раз в три месяца брат сообщал своему наставнику все важное, касающееся себя и сохранившиеся отчеты брата Коловиона, то есть Н. И. Новикова, своему начальнику, барону Шредеру, раскрывают «все трепетания души Новикова». Опека была плотной и дисциплина суровой. Разрешения требовались даже на знакомства. «Вы советуетесь со мною о знакомстве, на что вы имеете развязку давно», — пишет Поздеев одному своему подопечному, но тут же не советует заводить новые, не расширять знакомства.

Иногда пишут об иллюминатах, что в этом Ордене были заведены «иезуитские правила» взаимного шпионства. Но такие правила были общими всем системам, и без них масонство, как тайная, сплоченная накрепко организация, было бы невысказано. Все тот же Поздеев пишет (Москва. 1784 г.): «Но на вас я с помощью Спасителя возлагаю особенную должность; а именно вас самих, которого вышние брр. (т.е. братья. — В.О.) расположены готовить

в Орден внутренний. О всем, что у вас в вашей ложе происходит будет, меня уведомляйте. Расположенных и желающих брр. тихонько и скромно наставляйте в наших практических работах, и если кто себя зачал корпорально и морально очищать, меня, не объявляя никому, уведомляйте а описывайте прямо, кто и кого зачал еще себя обрабатывать... Сей вашей со мною переписки никто знать не должен» (ОР РГБ ф. 14 № 320).

В следующем письме читаем: «Скажите брату Н., что ежели чувствует он, что зачал быть лучше, и отстал от тех пороков, кои мешали ему работать (имеются в виду учебные работы в ложе по претворению себя в «Нову тварь». — В.О.), то чтобы принес вам на письме искреннее раскаяние о всех в жизни его соделанных пороках, и если он еще в Мастера не введен, то нынешней зимой можете приехать с ним, дабы здесь его ввести. А если в Мастера уже введен, то возьмите письменное его признание с собою мне показать, дабы я видел, искренно ли оно и како его, если Бог велит, вести далее» (там же, письма И. А. Поздеева).

А вот брат проговорился, и кто-то, на ком лежит обязанность, как только что мы видели, доносить, «настучал». Возможно, на предыдущего «брата», так как слежка шла перекрестие. Попутно в следующем письме решаются и другие дела дисциплинарного характера:

«Слышу я, что вы собираетесь идти в отставку, а ложу на кого вы покинете? Я советую стараться наперед на свое место заготовить человек двух. Сверх того советую вам справиться с вашей совестью, не выболтали ли вы чего из вашей Т. С. (то есть тайны, относящейся к степени теоретического градуса Соломоновых наук. — В.О.), и вспоминая это, вообразя живо ваше преступление, просить Бога о прощении. Я считаю, что когда вы, разговаривая с брр., вошли в огонь, то в то время и не помнили, что вы тайны предаете; Л(юбезный) Б(рат), не затворяйте в Орден дверей себе и другим и помните, что хладнокровие есть истинное положение каменщика, где рассудок его здравый присутствен.

Молю Спасителя, да даст вам живо представить, сколь много вы преступили, впрочем, как вы работаете со мною, то я вам советую спросить в СПб-ге у книгопродавца немецкую книгу... читайте ее со вниманием» (там же).

Из этой книги брат должен был извлечь себе полезный на будущее урок. Сообщалось, что хотя книга выпущена в печати, но «о ней никто не должен услышать от вас и ее увидеть у вас».

Согласно общим правилам масоны многие свои мысли должны были распространять так, чтобы никто не догадался, что они выражают взгляды Ордена. И это правило и ныне прекрасно действует.

Брату не воспрещались искания истины, сомнения и желание «разобраться» во всем. Масонское учение по самому принципу своему содержит начатки

философских систем направлений самых различных. Это учение излагается в мифологических, аллегорических обрядах, дается в символах и при переводе этого языка на понятийный уровень при желании логически понять масонское учение дает философские системы точно так, как это имело место исторически при зарождении философии из мифов, давшем начало натурфилософии греков.

Известный исследователь начала века А. В. Семека писал по поводу теоретической степени Соломоновых наук, что *«это была первая философская система (курсив мой — В.О.) в России, которая сыграла просветительскую роль в XVIII веке»*. Речь идет о розенкрейцерстве, вершине масонской науки. Оно *«воспитывало, дисциплинировало русские умы, давало им впервые серьезную умственную пищу... с помощью мистической теософии и масонской натурфилософии. (...) Много розенкрейцерская наука внесла в работу русской мысли неведомых ей до тех пор отвлеченных понятий, для которых русский язык не имел даже соответствующих слов и выражений»*; в результате же переводов мистической литературы студентами и профессорами Московского университета была внесена своя доля «в дело обогащения русского литературного языка: кто знает, сколько приобрел здесь в этом отношении будущий создатель этого языка — Карамзин, воспитанник «Дружеского ученого общества»... сам масон, принадлежавший к московскому кружку?»).

Капитул степени Королевской Арки английской системы в своем послании так определил цель масонства. Цель умозрительного масонства — работать над всеми науками и искусствами... И, как много раз уже говорилось, разноцветная ткань масонского учения «ткалась многоцветными нитями теософии, магии, каббалы, мистики по старой основе мудрости великих философов древности, и формулы заклинаний, клятв верности и откровений древних мистерий», и все это слилось «с политикой расчета новейших времен».

Этой политикой новейших времен был порожден и печатный орган иллюминатов, созданный в годы французской революции Бонневилем и аббатом Фоше, — «Железные уста», известная газета и «официальный орган революционеров-мистиков «Социального кружка», того самого, созданного Виллермозом и Сен-Мартеном, учениками португальского еврея, каббалиста и проповедника идей Сведенборга Мартинца де Пас-куалиса. Эта газета служила выражением мистицизма, «смешанного с революционными идеями и с масонской философией. Как и обычно в таких органах печати, здесь призывалось к погрому и уничтожению духовенства, конфискации всех имуществ церкви. В России эта операция была проведена без всяких революций — еще в 1764 году, когда Екатерина II отобрала в казну даже все личные вклады, сделанные людьми из своих религиозных потребностей, и даже вклады на помин души усопших.

Не среди трудового люда, не среди крестьян, мещан и ремесленников, не в

кузнях и мастерских черных сотен Москвы, где ковалась слава русского оружия и создавалась красота земная городов и сел, не там, где оружейники этих сотен делали мечи и броню, ворота и замки, уздечки и косы, загорались первые лучи голубого масонства, быстро приобретавшие красный оттенок будущих потрясений и кровавых событий.

Не хоругвеносцы «Союза русского народа» опустошат русскую землю. Не члены союза «Архангела Михаила» создадут систему массовых концлагерей и превратят всю великую страну в большой концентрационный лагерь. Это сделают другие люди, которые будут пугать всякими идеологическими страхолюдными великовозрастных детей, чтобы те забыли, кто обрек на вымирание великий талантливый народ. Черносотенцы же, предвидя последствия, призывали власть вспомнить свой долг и не заигрывать с еврействующими либералами.

Среди всеобщего брожения, недовольства существующими порядками в России первенствующее значение играли потомки Рюрика, Гедимины и Чингисхана. Обилие аристократических фамилий среди участников либеральных и декабристских организаций общеизвестно. И это говорит лишь о том, что революция всегда идет сверху. Снизу может быть только бунт.

Аристократы играли не последнюю роль и в событиях во Франции, как и вообще все высшее общество. Все фрондировали, и это было модою, за которой стоял стиль, образ жизни жуиров и бонвиванов. Эта и была та, «развитая в моральном и умственном отношении среда», на которой пышным цветом расцветало масонство со своими семью добродетелями.

Удивительно то, что на самой заре «освобождения» догматики и рутинеры Запада обнаружили столько деспотизма и тирании, что сразу же побили рекорд всех тиранов со времен Хаммурапи. Запад передал свое роковое наследство русским либералам, и выросла та «молодая» Россия, которая младенчески доверчиво и наивно поверила, что все люди лицо в лицо и шаблон в шаблон. Эта нелепая теория о стихийной общественной эволюции, которая творилась учителями либералов весьма сознательно и на осознание которой тратились деньги, дабы через воспитание новое поколение поверило в эту «стихийность», привела нашу интеллигенцию с «направлением» к соблазнительному выводу, что никакой религии не нужно, что культура дана одна на всех и что крестьянин в своем реальном православном и бородатом виде есть исторический пережиток, подлежащий, как закоренелый еретик, уничтожению.

Они не знали ни прошедшего, ни настоящего, но точно знали, что будущее будет веком «освобожденного» человека, и в этом было все их убеждение. Жалкие вольтерьянские софизмы и нищенская философия, убогая, как и сама погоня за парижскими наслаждениями, — это все, что было у них за душой. А учение тех, кто вел за собой эту молодежь, было еще страшнее. Когда

первобытная одичалость якобинских кровопролитий явила миру жуткое апокалипсическое видение «зверя» наяву, многие вздрогнули, и можно было ожидать, что проснется разум и люди спросят своих вожakov, в какое болото, грязное и кровавое, их завели. Между тем не спросили. Все «образованные» и «передовые» сами считали себя вожакami и пророками «золотого века». Их чувства питались не мыслями трудового люда, а мнимой легкостью достижения «счастья» через кровавую бойню.

Знакомясь со следственным делом декабристов, видишь перед собой носителей тощей книжной мудрости, почерпнутой из французских романов и сочинений французских «проектистов». Новую породу людей, освобожденных от предрассудков, этих пророков передовых учений возвели на пьедестал, прикрывая их нравственную неполноценность пафосом борьбы за светлое будущее.

Что было бы, если бы Буанаротти и Лагарп смогли осуществить свою мечту? Об этом они сказали сами в своих прокламациях: гильотины и пирамиды голов. И что же, с кого, же мы сегодня начинаем историю деспотизма? С тех, кто защищал народы от кровавой бойни. С тех, кто давал возможность существовать легальной оппозиции, с тех, кто нес слово любви народу: с носителей и идеологов царской власти, с правых деятелей, с черносотенцев.

Кровожадные же звери, мечтающие о массовом убиении, остаются в оценках историков борцами против тирании «князей и священников». Терминология знакомая. Десятилетиями журналы и книги проповедовали ненависть к нравственной чистоте и правде и готовили кровавые события. Русский народ никогда не жил и жить, по-другому не пробовал, как только по-своему, церковной лампадой освещая свой путь, и в таком виде он и подвергся массовому истреблению. Ни на секунду не возникало диалога убеждений и культур. Безграмотность, по выражению Достоевского, «дешевка», — вот весь идейный багаж и наших отечественных преобразователей. Это багаж, доставшийся и нам со страхом, созданным идеологами и практиками террора, перед «черносотенцами», и любовью ко всему, что не наше, не русское, последнее дыхание деградированного сознания оболваненного тоталитарной идеологией русского человека, не любящего своих соплеменников и больше всегобоящегося, как бы не прослыть шовинистом, когда с тебя сдирают последнюю рубашку. Да что с тебя... с твоего ребенка, и отбирают у него кусок хлеба, и посылают этот самый хлеб туда, где он будет гнить и пропадать. Смерть и вырождение своих близких, родных по вине тех, кто усвоил прекрасно «интернациональную фразеологию», чтобы легче было проводить политику шовинизма как раз в отношении русских, обрекая их на вымирание, оказывается, еще не аргумент к тому, чтобы объединить усилия и создать чисто русское национальное объединение по защите прав и достоинства русского народа, прав на землю, свою землю, отобранную в свое время всякого рода

интернационалистами, устроившими геноцид кровавый и экономический русского народа.

«Отечественные записки» в XIX веке проповедуют коммунистические идеи. Романы того же профиля с Запада переводятся и издаются. Чернышевский откровенно в подцензурной печати излагает свои взгляды, читатели удивляются и, подчеркивая явно антигосударственные выражения, шлют их в третье отделение. В третьем отделении сидят тоже не дураки и, как выясняется, имеют на этот счет вполне точную информацию. А дело продолжает идти неуклонно к бомбам и револьверным выстрелам в беззащитных людей. Вот яркий пример «царского деспотизма», без которого дело революции не могло бы процветать в самодержавной России.

В точности повторится картина, связанная с французской революцией столетней давности. Те, кто останется в живых и сможет унести ноги подальше, будут искать виновных в «заговоре», следуя роковой традиции безответственности и желанию все списать на случайности. И когда вызванная ими же «закономерность» свершит свой приговор, они так ничего и не поймут и не протрезвеют. Они вслед за Белинским будут думать, что «высшая жизнь народа преимущественно выражается в его высших слоях» и что физиономия русского народа еще только должна появиться, когда эти «высшие слои» приложат к тому свое старание. Но почему-то высшие слои говорили на чужих языках.

Все, что было до них, — туман и тьма. С них начинается история, потому что единственный народ — это они. А те, другие, — это только темное, копошащееся в земле племя. И все, что создало это племя, может принести пользу лишь для досужих рассуждений о деградации народа или величии созданной им культуры — по обстоятельствам. При этом, как мы видели на примере Петровских реформ, сами преобразователи были именно первыми же палачами, разорявшими душу народа. Миротлюбивые за столом и в салонах, они обнаруживали такую кровожадность в идеях и такие требования к истреблению во имя счастья, которые никак нельзя было бы заподозрить в них, когда читаешь в их письмах жалобы на здоровье.

Русская жизнь каббалистической доктриной масонства была приговорена к смерти, а русскому человеку предлагалось стать «естественным человеком», как будто русские матери только для того рожали детей, а крестьяне пахали землю и боролись с врагами, а князья только для того проводили свою жизнь в ратных подвигах, а священники учили и духовно окормляли народ, чтобы их потомки могли читать похождения какого-нибудь Грандисона или клеветать на своих ближних, полагая, что в канкане и интеллектуальной игре проявляется любовь к родной земле. Но это не любовь к земле.

Со времен Петра революция уже жила в идейном мозговом тумане наших

отечественных доктринеров и мечтателей, привыкших петь по погудке своих еврейских в западной упаковке учителей. Патриоты по имени, они страстно уверились, что все люди и все народы созданы по одному шаблону и рождены для фრაков и концертов. Пришло время, наступили 60-е годы прошлого века, и волна террора покатила по русской земле, затем наступили события 1905 года. Настоящий террор проливал живую человеческую кровь, меньшинство путем кровавой бойни пыталось навязать свою волю большинству. Но это меньшинство изначально своей мыслью, опытом и творчеством было мертво, книжно, удивительно невежественно.

Невежество делало его фанатичным, но мысль его была убита в самом зародыше убожеством его идеологии. Книжная и отвлеченная, она не знала главной реальности бытия — человека, зато хорошо знала, что хорошо для «масс» и для «истории». Педанты и рутинеры «прогресса», они уверовали, что неумолимая общественная эволюция сделает людей некоей новой породой, ради которой не грех уложить в землю целые народы. Легкомысленные проповеди сопровождалась револьверными выстрелами, и уже видны были колючие изгороди лагерей и слышны злобные визги и лай собак, натасканных на людей. Университеты и школы, гимназии и всякого рода закрытые привилегированные училища действительно создавали при царизме непрерывно новую породу людей, но эта порода была оторвана от всяких народных традиций, скудна на веру в Спасителя и выращена на каких-то отвлеченных образцах языческой премудрости и ненавязчивой эротике Эллады. Как гунны, они готовились ворваться в древние земли Московии, чтобы учинить здесь погром варваров, уверенных, что все, что есть тут своего и не укладывающегося в их понятия, должно быть снесено до основания.

В конечном счете, наша либеральная «идейная» интеллигенция с пеленок воспитывалась в погоне за благом всего человечества и имела более чем смутные представления о своей стране. Жалея всех, она считала недостойным для себя пожалеть русского мужика и обрекла его в сердце своем на погибель, а заодно и себя.

Вечный покой вам, все страдалцы, положившие душу свою за нашу родную землю. Вам, замученным в неволе, убитым и искалеченным, но оставшимся верными святым заветам отеческого предания, русским черносотенцам.

1990 год.

ДВЕ ЦЕРКВИ И КРИЗИС ВЛАСТИ

ВМЕСТО ЭПИГРАФА

Прежде чем начать этот очерк, автор чувствует желание объясниться с читателем, как говорили в старину.

Название «Две церкви» не представляется, быть может, удачным, ибо Церковь у нас, православных, одна. Но если иметь в виду, что слово «церковь», согласно богословскому словарю, означает совокупность религиозного учения, священства, иерархии и наличие обрядов, то наименование масонства «церковью» представляется все-таки оправданным. По крайней мере, исторически. Дело в том, что масонство и заявило себя выразителем определенной религии, известной в разных ипостасях — иудаизм, «гуманизма, пантеизм и именует своих членов священниками, которые распределены по иерархической лестнице. Масонство, вторая «церковь», имеет сложную обрядовую систему, призванную приближать адепта к познанию духовных истин. Сама цель масонства — спасти человечество, исправляя и совершенствуя мир на основе «Труда», «Этики» и коллективизма, лишь подчеркивает религиозный характер этой второй «церкви». Масонство заявило себя именно как «истинная церковь», как сила, конкурирующая с истинной Церковью Христовой. Вступающий в нее изначально совершает грех отступничества и принимает новую для себя религию, вступает в новую, «внутреннюю», церковь. Теперь обратимся к истории, уточняя и применяя к ней сказанное.

По существу, единственным положительным началом русской истории, по смыслу основного догмата большинства наших исследователей, является интеллигенция. В тысячах томов разбираются деяния одних и тех же лиц, умевших ловко обмануть царя и цензоров, которые вместе с царем ничего не видят и лишь иногда, прозревая только для того, чтобы заслужить славу деспотов и душителей свободы, вдруг что-то запрещают и что-то вычеркивают, а иной раз и ссылают в Сибирь.

Русь же народная, мужичья — эта Русь осталась за бортом забот и тревог большинства историков, и никто не кается в том, что в течение десятилетий лгал и лгал на эту трудовую и православную Русь.

Она, эта Русь, заслужила реквием. Тем более что не раз и не два предавали и продолжают предавать ее же собственные сыны и дочери, больше всего боящиеся не угодить начальству.

На сегодняшний день наша отечественная история осталась, в сущности, без идеала. С кого делать жизнь — остается без ответа. С Петра I и вслед за ним ломать непокорным кости? Вслед за ним организовать очередную великую стройку города на болоте или проводить ненужные каналы или нужные, но построенные на костях, а не на более стойком и подходящем материале? Не от этих ли великих строек Петра, не от этой ли дыбы такая любовь у некоторых наших «идеологов» к реформатору и ломателю.

Новая наша история начинается с Петра I и его реформ. Отсюда начинается громадный Раскол всей России. Вся русская литература прошлого века в своих лучших образцах содержит какую-то мучительную попытку вспомнить забытое, восстановить что-то утраченное и родное. Гоголь так и погиб, не смоги осуществить такое восстановление в самом себе. Вкусивши яблоко «гнозиса», русская интеллигенция, воспитанная на франко-немецко-английской литературе, напрочь отвергла русскую национальную традицию, и с Петра I начинается история двух России.

Первым зловещим порождением такой реформы стало духовное подчинение правящего класса России западному влиянию — к тому же не лучших его образцов. Между тронем любимого народом царя и народом, в первую очередь крестьянством и мещанством, отныне «стоял чиновный сброд из личных дворян — продажный и лишенный всякого человеческого достоинства класс. Воры, мучители, доносчики, пьяницы и картежники» (Герцен).

Начинается канонически дефективный период правления русской православной церкви. Не скрывая ни на минуту своей неприязни к ней, этому духовному источнику народной жизни, Петр в первую очередь обнаруживает свой реформаторский пыл именно в этой области. Унижение народа он проводил с изощренностью садиста. Мемуары, донесения иностранных дипломатов, проведенных в России много лет, документы и письма не оставляют никаких сомнений на этот счет. «Духовный регламент», написанный ловким Феофаном Прокоповичем, запретил держать в монастырях чернила и бумагу. Но чтобы понять все значение только одного этого акта, нужно хотя бы бегло очертить значение русской православной церкви в истории страны.

Учение грамоте во все века и в простом народе до двадцатого века, а для дворян до царствования Екатерины II, осуществлялось через чтение Псалтыря и Часослова, а образование шло через приобщение к обрядам церковным. Язык духовной литературы не знает себе равных, и никакой светский писатель не может сравниться с этим языком по красочности, сочности, глубине и точности выражений, не говоря уже о высоте духовной, которой язык вполне соответствует. В монастырских школах и при церквях дети начинали свое образование в истинах любви и чистоты, борьбы с дурными помыслами, гневливостью, праздноязычием, сластолюбием, корыстолюбием. Следование

заповедям церкви было обязательной стезей верующего человека.

Современной интеллигенции хочется иной раз обрести себе интеллектуальное пристанище, некий философский декорум своей пустой и бессодержательной жизни, и она хочет найти его на путях некоей «борьбы за Россию», как себе ее представляет, обращает свой мутящийся взор в сторону куполов с крестами, но, как правило, не входит туда и. просто сказать, боится Церкви, чувствует себя там неудобно, неловко и быстренько садится за книги — главным образом о «масонах» и «сионистских происках».

Горько и обидно видеть, как загораются у хороших и искренних молодых людей глаза на разного рода литературу по этой теме и как тускнеет взгляд их при первом знакомстве с теми же «Житиями святых, в державе Российской просиявших».

В тяжелую годину нашествия монголов церковь стала единственным источником и политической, и духовной жизни страны. Слова Серапиона Владимирского, обращенные к христианам-соотечественникам, и по сию пору могут и должны служить образцом подлинной любви к своей земле. Московская Русь не знала политиканства, у церкви не было своих особенных интересов, интересы были общие для всей земли.

Русские святители создают русскую государственность своим нравственным авторитетом. Кругозор церковных владык шире кругозора князей, и сквозь единство церкви святители видят и единство Руси. Духовенство никогда не было замкнутым сословием, в массе своей оно состояло из детей хлебопашцев. Но не в этом даже дело. В конце концов и дворянство в России не было в массе своей родовым и имело немало выходцев из крестьян же. Все Петровы. Яковлевы, Матвеевы были именно из разбогатевших крестьян, ставших купцами, выучивших своих детей, отдавших их в службу.

Сама жизнь церкви не могла знать сословий. Бывший князь или боярский сын, с топором в руках или с бороной, месяющий раствор или кладущий стену монастыря. — фигура довольно типичная.

Русь собиралась и крепла в самых тяжелых испытаниях, и только нравственная сила, направляющая народ, помогла ему не исчезнуть, не поработиться духовно, а выжить и задолго до политического освобождения своего привлечь на свою сторону самих поработителей. Татары уходили из Орды на покоренную Русь, принимали крещение и становились ее сынами. Никто в то время не призывал к дружбе народов и тем более к смешению народов. Татары оставались татарами, черемисы — черемисами, мордва — мордвой, и все просились под высокую руку Москвы.

Сила церкви была так велика, что русские, платя дань, чувствовали свое превосходство над язычниками-захватчиками. Попытка Орды вовлечь русских в свою политику захватов кончилась неудачей. Основанная в самом Сарее —

столице Золотой Орды — православная митрополия со своим епископом выкупала пленников и нравственно воздействовала на самих ордынцев.

Как и все в государстве, церковь, имея силу и авторитет, не имела прав. а имела только обязанности, которые она сама вменила себе во исполнение своего высокого долга. Одной из таких обязанностей, например, было печалование за обиженных властью. Говорить правду князьям и царям монахи, блаженные, митрополиты, а потом и патриархи считали своей прямой обязанностью. Если же не желали этого, назывались потаковниками. Власть светская в лице церкви имела сильного ограничителя своего произвола, и именно наличие двух властей делало Московскую Русь невероятно крепким государственным и духовным организмом. Царь не мог безбоязненно переступить определенную черту, за которой народ, находившийся всегда рядом, воспринимал бы его как безбожного деспота. Именно таким нарушителем оказался Лжедмитрий I, и его конец известен всем. Это он поразил москвичей тем, что не соблюдал постов и даже свадьбу решил устроить в постный день.

Митрополит Филипп, презрев всякий страх, при всех в соборе сказал царю Ивану IV правду о нем и заплатил своей жизнью. Пример не единичный! По мысли русских людей, «земля правится не судьями и воеводами, а Божьим милосердием, всех святых молитвами, родителей наших благословением, а напоследок и нами...»

Вдохновленные благим помыслом принять монашество, юные отроки из крестьян и боярские дети уходили в монастыри, в аскетических подвигах осуществляли идеал Христовых заповедей. Днем — труд, ночью — молитва. сон не более трех часов, скудная пища, холод и голод — в таких условиях выковался руководящий костяк русской православной церкви.

Вся русская жизнь сверху донизу была проникнута одним началом — жить по-Божьи, по Божьей правде, по совести, жить всем вместе и дружно делать одно дело. И по ея пору люди говорят у нас: «не по-Божески это» или «вот это по-Божески».

Живое чувство не поддавалось правовым нормам, на что теперь так часто указывают люди, далекие от духовного понимания жизни русского человека и его государственного идеала, который он осуществлял. Этим идеалом и была высшая правда. Хорош ли был идеал?

Маленькое племя, не имея никаких природных защитных образований, имея у себя под боком воинственные кочевые племена, пережившее батыево нашествие, унесшее, как считают историки, не менее 75% всего населения, имея на западе соседей-крестоносцев, не просто выжило, но создало громадное государство, дошло до Гималаев, до Аляски и Сан-Франциско, основывая везде свои поселения и неся с собой духовный завет отцов своих.

Этот факт во всей своей совокупности не получает осмысления, а именно в нем между тем находится большая тайна.

Обычно в среде интеллигентов начинают размышления с момента основания Петербурга и рассуждений о темноте и невежестве русских. Мало того, что такой взгляд усвоен некритически от недоброжелателей русского народа, но такой взгляд не историчен по самой своей сути. Начинать надо не с середины, а с начала.

Ведя непрерывные боевые действия на южных и западных границах, уносившие тысячи человеческих жизней, постоянно отвлекавшие силы страны от созидательного труда, мог бы «отсталый» народ, с «ленивыми» боярами, то есть офицерами армии, осуществить то, что он осуществил, пережить Смутное время, быстро восстановить разрушенную структуру общества, всей землей установить новую династию царей, восстановить границы государства, присоединить Малороссию, вернуть Смоленск, восстановить и продвинуть южную засечную линию, колонизуя степь и не защищенные от крымских татар земли, построить десятки городов и продолжить освоение Сибири?

Какой народ совершил подобное? Восторженные поклонники мушкетеров и куртуазных обычаев трубадуров и миннезингеров, под песни которых шла жизнь европейских народов, страшатся смотреть на грандиозные деяния русских людей.

Интересно сопоставить два взгляда на роль русского боярства в осуществлении его политики и государственной жизни.

«Собственно, в прежнем своем состоянии исконного боярского бездействия, невежества и самодовольной спеси Россия никогда не пробилась бы к Балтике, она обрекла бы себя на утрату независимости» (Н. Молчанов. «Дипломатия Петра I». М.. 1984).

А вот что пишет другой автор: «Итак, бояре в XV-XVI веках... Государевы служилые люди, хотя и высокого ранга. С молодых лет они участвуют в многочисленных войнах, которые вело Русское государство. Сабельный бой конных отрядов в средневековой битве, где не было ни отдаленных командных пунктов, ни дальнобойной артиллерии, уравнивал перед лицом опасности воеводу и его подчиненных. Пожалуй, для воеводы риск порой был даже большим: в решающие мгновения он должен был оказаться впереди — во главе своего полка. Именно на воеводу старался направить свои удары неприятель: его убить и выгоднее для победы, и престижнее. В родословиях боярских родов при многих именах стоят пометы о гибели в той или иной битве. Потому, верно, трудно было сыскать боярина без шрамов от боевых ран. Видимо, воинская доблесть входила важнейшим компонентом в систему ценностей бояр. До нас не дошло даже сообщений о том, что, мол, такой-то боярин трусил в сражении.

Среди воевод было немало талантливых военачальников. Князь Ми-хайло

Иванович Воротынский создал первый в России устав пограничной службы, организовал охрану рубежей от набегов крымских ханов».

Этот Воротынский блестяще разгромил войска хана Девлет-Гирея и спас столицу. Боярину князю Юрию Ивановичу Шемякину-Пронскому было всего около 20 лет, когда, командуя семитысячным отрядом, он первым ворвался в Казань и обеспечил победу русских войск при взятии этого города войсками Ивана IV. Блестящему полководцу Скопину-Шуйскому, одержавшему прославившие его победы над интервентами, было всего 23 года.

Святители русского народа митрополиты Петр и Алексей стали его вечными заступниками. Митрополит Алексей был духовником преподобного Сергия Радонежского, а сколько учеников имел преподобный, трудно и перечислить. Во все уголки русской земли шли они, основывая монастыри и служа делу духовного строительства государства.

Наступление светской власти на духовные основы началось еще до Петра. Оно выразилось уже в принятии Уложения 1649 года, которое установило в землях монастырских общегосударственную юрисдикцию. Между тем, лишаясь высших целей, государство лишается и нравственного оправдания своего существования. Петр терпеливо ждал смерти патриарха Адриана, последовавшей в 1700 году. Москвичи, глядя на деяния Великого, полагали, что он не сын царя и царицы, а взят ею взамен дочери, которая у нее родилась, у какой-то немецкой семьи. Ненависть Петра к исконным русским обычаям, была очевидной, и Петр не упускал случая ее продемонстрировать.

Что-то невероятно болезненное, глумливое слышится и видится во всех действиях царя. Кошунственные обряды «Всешутейшего собора» с его дикими оргиями, без которых Петр не мыслил себе жизнь, издевательства над своими приближенными... Петру доставляло какую-то радость видеть людей в скотском пьяном состоянии, и он спаивает даже стариков, кого-то раздевает догола, кому-то плюет в лицо, кого-то избивает палкой, издеваясь даже над царским титулом и над собой. Все его правление — это какой-то маскарад цинизма, извращений, издевательства над людьми. Даже протокольная запись в хронографах придворных, приведенная академиком М.М. Богословским, приводит читателя в недоумение. Он любит мать, у них, по-видимому, хорошие отношения, но он приезжает на полчаса к ней, умирающей, и, хотя ясно, что ей остается жить минуты, уезжает на какую-то пьянку к какому-то «немцу». Он не пришел на похороны своего сына-первенца, а отправился опять-таки куда-то в Немецкую слободу — и это при том, что он очень любил бывать на похоронах! Издевательства над собственным сыном Алексеем вполне согласуются с издевательствами над народом.

«Он много сделал для России!» Может быть. Но не для русских. Культ Петра I созревал так же, как культ Сталина или Цезаря, как любой культ, в

котором кто-то заинтересован. Маленькая прослойка чиновников уже после его смерти, но по приказу наследников Петра, начинает курить ему фимиам. Первой реакцией, однако, «птенцов» Петра, разграбивших напрочь Россию (один только светлейший украл у русского народа 5 миллионов рублей, которые он положил в заграничный банк, а эта сумма была равна годовому доходу государства!), были просьбы ослабить налоговый гнет, причиной которого служили преобразования их благодетеля — страна обезлюдела, население Центральной России сократилось на 25-40 процентов.

Сохранились бесчисленные докладные записки о бедственном состоянии государства, невероятных тяготах налоговых, вымирании населения до такой степени, что не из кого было набирать рекрутов, развале экономики. Тяготы усиливались умышленно. Разорение монастырей привело к уменьшению доходности с их земель и соответственно к увеличению налогов на крестьян. Монастыри издавна служили богадельнями для увечных, одиноких, старых и немощных, бедных вдов с детьми. для сирот. Теперь их содержать было некому, и дороги Руси были забиты несчастными, просящими подавание. Их преследовали, вылавливали и в конце концов сгнаивали бездарно и жестоко на какой-нибудь великой стройке в болотах или степях.

В России до Петра каждый человек был дорог и нужен. Отстаивали честь православных россиян все. и каждый знал свое место. Иначе не выстояли бы. Теперь, когда соседи были потеснены. Польша находилась в периоде смуты и грозить самостоятельности России было некому. Петр решил сыграть роль агрессора. Герцен охарактеризовал Петра как якобинца и писал, что в одном его лице был представлен весь якобинский конвент, а Маркс писал, что Петр Великий «сочетал политическое искусство монгольского раба с гордым стремлением монгольского властелина, которому Чингисхан завещал осуществить свой план завоевания мира».

Надо отдать должное многим нашим историкам, которые парят мыслью в метафизических абстракциях, с высот которых кажутся несущественными нравственные аспекты, а виден один только безудержный прогресс. Им виден сплошной мрак невежества Московской, допетровской Руси, выпячиваемый ими для удобства их теоретических конструкций — и такой взгляд на русскую историю характерен уже для первых шагов русской интеллигенции в лице первых наших просветителей.

Начало положил Феофан Прокопович. который упрямо доказывал. что до Петра на Руси не умели ни читать, ни писать. Были попытки, и не раз. обличить во лжи Феофана, но и Петр. а потом и Бирон стояли за своего любимца насмерть.

Одна из наиболее трагичных страниц русской истории — раскол. Это были страшные годы — 1666 и 1667. Нераскаянные противники церковных

преобразований и новопечатных книг были преданы анафеме и сосланы в дальние ссылки. В 12-ти статьях указа 1685 года раскол был совершенно запрещен в государстве — раскольников же было ведено ловить и жечь, хотя бы они и покались, за пристанодержательство раскольников виновных бить кнутом.

Бояре, давно мечтающие вырваться из-под стеснительной нравственной опеки церкви и получить возможность жить по «полной своей воле», а потому смотрящие умильным взором на шляхетскую Польшу, начали систематические происки против патриарха Никона. Мирское начало повело наступление на начало духовное, на «царство не от мира сего». Не случайно боярин Стрешнев, один из главных зачинщиков «дела» против Никона, был одним из главных инициаторов ликвидации патриаршества вообще и, выражая мнение большинства из окружения царя, подал соответствующую мысль Петру, который долго не решался на такой шаг. Со смерти последнего патриарха Адриана (ум. в 1700 г.) прошло 20 лет — и был образован Синод... Делами церкви должен был распоряжаться кавалерийский офицер, обер-прокурор Синода.

С Петра начинается эпоха терпимости и даже привилегированности протестанства, страшных гонений на раскольников и систематического унижения русской православной церкви. Народ был оскорблен в самих своих истоках, а Петр заклеен как вероотступник и просто антихрист.

Известно, что среди великорусских иереев не нашлось ни одного, кто согласился бы играть роль гонителя православия, и Петр обратился за помощью к малороссам, получавшим духовное образование по образцу иезуитских школ. Многие из них, в том числе Феофан Прокопович, и просто учились в этих школах, предварительно отрекаясь от православия. К концу XVIII века «критические элементы» официально торжествовали победу.

Любая борьба с церковью опирается на определенное вероучение. Новый ковчег завета был обнаружен «критическими элементами» боярского вольномыслия в Немецкой слободе. «Это была передовая колония, — говорит исследователь, — которую Запад выдвинул в самое средоточие русской жизни и с помощью которой знакомил Россию с увлекательными диковинками своей цивилизации, мастерствами и различными нужными для жизни знаниями».

Иностранец — фигура и до Петра отнюдь не редкая на улицах российских городов. Много немцев и итальянцев было занято на строительстве церквей, служило в армии, торговало. Кроме того, аптекари, цирюльники, хирурги, часовщики, ювелиры, стеклодувы, рисовальщики — были по преимуществу иностранцами. Каждый жил своим обычаем и исповедовал ту религию, которую хотел. Они имели полную свободу вероисповедания. У лютеран в конце XVII века было две церкви, одна из них в городе, но поскольку женщины там часто

дрались за лучшие места, что приводило к безобразным сценам, она была закрыта. У кальвинистов тоже была церковь. Относительно нравов самой Немецкой слободы есть свидетельство посетившего Москву в 1684 году Шлейсинга. Он пишет, что среди немцев, натурализовавшихся в России, много «беспутных птичек», которые ведут «дурную, порочную жизнь».

Русское общество и государство не стояли на месте и не могли стоять. Россия развивалась, необходимое перенимала, в чем-то отставала от европейских стран, в чем-то их опережала,

Началось «западное поветрие», свидетельствуют русские историки. Но это было не поветрие, это был разрушительный ураган, подготовленный не во имя интересов народной жизни, а во имя боярской верхушки, на совести которой — смутное время. Это они спровоцировали в свое время польскую интервенцию, вызвали к жизни Гришку Отрепьева, настоятельно рекомендовали польским магнатам поддержать беглеца и выдать его за царевича Дмитрия, они ввели польскую шляхту в Кремль. Но тогда они поторопились. Тогда для них еще не настало время. Программа шляхтичей-бояр была осуществлена только при Петре. Тогда на их пути встали патриархи Иов, Гермоген, все русское духовенство и весь русский народ. Митрополит казанский Ефрем, тверской архиепископ Феоктист, суздальский епископ Галактион, новгородский Исидор, коломенский Иосиф — потоковниками не оказались. «Благословляю всех, — говорил патриарх Гермоген полякам, у которых находился в плену, и боярской знати, — довести начатое дело до конца, ибо вижу поправление веры от еретиков и от вас, изменников, и разорение святых Божиих церквей, и не могу слышать пения латинского в Москве».

В своей грамоте, посланной по всем городам из Москвы, патриарх Гермоген писал: «Здесь образ Божией Матери, который святой Лука написал. Здесь великие светильники и хранители — Петр, Алексей и Иона чудотворцы. Или вам, православным христианам, все это нипочем?»

Нравственный и духовный вред наносит непоправимый ущерб народу — и в том числе экономический. Нравственное разложение ведет к экономическому упадку. Человек может и будет работать только в условиях честности, правды, достойного вознаграждения и нравственного оправдания своей и государственной цели. Вне этих условий никакая предпринимательская деятельность невозможна. В отдельных исследованиях уже говорилось, что Петр не европеизировал страну, если не считать таковым замену одежды и языка правящих сословий с русского на немецкий, а отбросил ее экономическое развитие назад на много-много лет. В то время как все страны шли по пути освобождения крестьян и образования промышленного и торгового сословия, по пути замены физического принуждения на экономическое, реформы Петра пошли в прямо противоположном направлении и закабалили все сословия.

Купечество при нем исчезло вовсе. Таким образом, Петр следовал по пути установления административного террора, сдерживания производительных сил страны. Этот административный террор был возможен только через устранение сдерживающей беззакония чиновничьей братии духовной силы в лице русской православной церкви — выразительницы всех сокровенных чаяний русского трудового люда, мещан и купцов, крестьян и стрельцов.

Ведь по-нормальному, по-человеческому, а не по-скотскому человек живет не для того, чтобы набить брюхо или потирать и почесывать часть тела, успокаивая зуд, как полагал Т. Мор. И не для того, чтобы с радостью созерцать все увеличивающееся количество пушек и кораблей. Ведь любые технические достижения нужны для чего-то, а не сами по себе. Иначе следует согласиться и с «великим мудрецом» недалекого прошлого, что человек — это есть приставка к машине, «колесико и винтик». Но приставка к машине машину делать не будет.

Это духовное и нравственное начало и подверглось разгрому — и отнюдь не в интересах экономического прогресса. Уже в наши дни хорошие исследователи, имея в руках громадный исторический, купленный ценой крови миллионов загубленных жертв всякого рода петровских и а-ля петровских преобразований материал, доказали с цифрами в руках, что все промышленные предприятия, отданные Петром в руки казенного сектора, были крайне непроизводительными, продукция их была низкого качества, а себестоимость высока. Уральские металлургические заводы в частных руках давали прибыль, а управляемые чиновниками — приносили одни убытки. Да иначе и быть не может. Чтобы сбросить ярмо петровских реформ и развязать руки экономике, понадобилось со смерти Петра 136 лет. На самом же деле это ярмо стало вечным проклятием русской жизни, ибо закабалило умы русской интеллигенции, оторвав ее от живительного родника национальной Традиции.

25 августа 1698 г., за пять дней до Нового года, в котором должен был обнаружиться антихрист, вернулся из заграничного путешествия Петр. Стрельцы хотели загородить ему дорогу и истребить и немцев, и самого Петра. Не удалось. Петр, приехав в Москву, в Кремль не поехал, Иверской и московским чудотворцам не поклонился, а сразу поехал к любовным утехам Анны Монс. Затем пировал у Лефорта, затем в казарме в Преображенском — и совершенно напрасно историки приписывают Петру, что он денно и ночью пекся о благе государства. Пьянки, пиры самые непотребные занимали немало времени и отнимали все больше здоровья. По мнению москвичей и петербуржцев, царь и умер-то оттого, что перед своей болезнью много пил. А пил он, видимо, действительно много. Были и другие излишества, и, возможно, напрасно приписывают его смерть неким проискам «петровских птенцов».

На следующий день Петр начал стричь бороды. Над оправданием этого

издевательства над человеческим достоинством много поработала мысль «прогрессивных» историков и художников! Через несколько дней началась расправа над несчастными стрельцами. Царь лично ломал ребра, выкручивал руки, рвал зубы и ноздри, жег живое тело несчастных и, весь в крови, выходил из приказа, требуя от своих «птенцов», чтобы они непременно приняли личное участие в пытках. Затем ехали пировать. Гуляли всю ночь.

То, что царя подменили немцы — мнение было всеобщее. Он не скрывал своей неприязни к греческой церкви, которую «советники» уговаривали просто ликвидировать и заменить на лютеранскую. В 1690 году умер патриарх Иоаким. В своем завещании он умолял правительство не допускать до поругания православной веры, говоря, что в ней и только в ней сила страны. С ней она стала великой державой, победила врагов и теперь должна укреплять христианство по всей земле своей.

В 1703 году умер Митрофан, епископ Воронежский, немало помогший Петру в строительстве флота на реке Воронеж для войны с турками. Он помогал несчастным, согнанным сюда мужикам, голодным и больным, давал деньги нуждающимся православным и иноверцам, но постоянно подчеркивал опасность дружбы с теми, кто попирает святыни.

В 1721 г. 14 февраля состоялось открытие духовной коллегии, получившей громкое наименование правительствующего Синода (в составе президента, двух вице-президентов, четырех советников и четырех ассессоров). К Синоду приставлен был обер-прокурор, которому были подчинены прокуроры духовных приказов и духовные фискалы или инквизиторы, рассылавшиеся для надзора за духовным управлением по городам и монастырям.

На кого мог Петр опереться в своей церковной реформе? Самозванец оперся на грека Игнатия. Петр же не нашел ни одного иерарха среди великорусского духовенства, который согласился бы стать марионеткой в его руках!

Еще в 1690 году большая часть книг, изданных или написанных в Малороссии, подвергалась опале в Москве, а ученик Полоцкого Медведев — образчик киевской учености — оказался замешан в смуте, и перед смертной казнью ему не преминули напомнить, что он прельщался «киевскими повотворными книгами».

Священники Малороссии обучались по западному образцу, а иногда и прямо в западных, преимущественно иезуитских, учебных заведениях Польши, а то и Италии. Среди них Петр и нашел людей, которые не надоедали ему печалованиями за обиженных и опальных, как делали это Иоаким и святой Митрофан Воронежский и как это было в обычае у иерархов церкви. Среди малороссийских иерархов было много людей покладистых и готовых услужить. Петр и воспользовался ими. С этого времени все руководящие места в церковной иерархии занимали только малороссы — вплоть до второй половины

царствования Екатерины II.

Начался погром русской церкви. В изданном в 1724 г. «Объявлении и звании монашеском», написанном учеником иезуитских коллегий Феофаном Прокоповичем, содержалась резкая критика монашества. В постановлении о монашестве, содержащемся во второй части прибавления к «Духовному Регламенту», значилось, например, такое постановление: «Не принимать в монахи ниже тридесатого году возраста. Женщин моложе 50-ти не постригать. Скитов пустынных строити не допускати. Монахам никаких писем, как и выписок из книг, не писать, чернил и бумаг не держать». Совершенно очевидно, что уже этим постановлением новая власть обнаруживала не столько стремление к какому-то просвещению, сколько к просвещению антихристианскому. Отныне большая часть народа обрекалась на самую элементарную безграмотность (известно, что грамотность среди народа после петровских реформ резко упала, даже и через сто лет не достигнув уровня допетровских времен).

«Таким образом, при Петре русское образование слагалось из двух стихий — киевской учености, перенесенной из Польши, и европейского просвещения, заимствованного из Голландии, Германии, отчасти Англии. Франции и даже Италии» (П. Пекарский. «Введение в историю просвещения в России XVIII столетия»).

Монашество — это цвет русского православия, его, так сказать, нерв. Это высшее осуществление идеалов христианства. И это прекрасно сознавали как Петр, так и его недобрые помощники. Отсюда столь тщательно продуманные меры по разорению монастырей — единственных духовных источников русской ряды становились лучшие из лучших сынов и дочерей русского народа. Последовательными указами Петра I и его преемников монастыри были приведены в крайне запущенное состояние. «Монастыри обезлюдели с отнятием земель и вотчин. Богатые обители обеднели до крайности, а средние закрылись. Во многих монастырях церкви стояли без глав и крестов, крыши их проросли мхом, кельи, подкосившись в сторону, стояли на подпорах, ограды были полуразрушенными» («Чтения Общества любителей духовного просвещения», 1883). В монастырях доживали престарелые и больные, а теперь все разбрелись и монастырь закрывался.

Нравственность народа понизилась, увеличилось число всевозможных сект. Монашество было обескровлено, оно лишилось своего нравственного авторитета, и, обездоленное, являло собой картину распада. Появилось массовое бродяжничество и пьянство. Новые пастыри весьма способствовали этому развалу.

Уже при Екатерине II келейник митрополита Гавриила — одной из центральных фигур возрождения русской национальной духовной традиции —

архимандрит Феофан писан по поводу возобновления Тихвинского монастыря: «Малороссы меня не любили и вот за что: прежде монастыри вверялись им — всех малороссиян определяли в архимандриты — и все монастыри опустели. Преосвященный тужил о сем и пекся о их исправлении, спрашивал меня о духовных старцах, нет ли мне известных, годных для сего. а я говорил ему о всех своих знакомых, с которыми вместе жил у старцев в послушании, перетаскивал их в Петербург. Например вот отца Назария. отца Игнатия, отца Иону и прочих». Благодаря митрополиту Гавриилу и его келейнику были восстановлены монастыри: Тихвин, Валаамов. Симонов в Москве, в котором до того размещались казармы, Песношский, Клопский, Новоезерский и основан петербургский Новодевичий (Концевич И. М., 57).

Может показаться удивительным, но грамотные выученики иезуитов способствовали разорению обителей, а неграмотные, вернее, неученые выходцы из самых что ни на есть глубин русского народа чернецы — восстановили обители. «Ученые» не имели, как правило, иноческого воспитания, не были аскетами и поэтому не имели никакого авторитета среди монахов и народа.

Понятно, что уже при Петре в народе было распространено мнение, что католики сделали членами Синода и теснят русских, себя обогащают, а с народа взыскивают последние копейки.

С Петра начинается кризис власти. Правящая верхушка усваивает безбожие и веру в земные награды как единственную цель человека. Для осуществления реформы и ее дальнейшего продвижения во все уголки русской жизни требовались люди, чуждые национальным интересам страны. Петр призывает и образует иностранный легион, по существу, колонизаторский. Он зазывает всякого рода проходимцев, платит им заработанные русским православным людом деньги, на эти деньги он содержит громадный клан всякого рода авантюристов и насильно внедряет аморальный образ жизни.

В то же время царь мог считаться царем только в том случае, если он признавался защитником православного учения и христианского благочестия. Собственно в этом и была его царская функция, и это утверждали законы Российской империи. Народ оставался православным и никаким другим. Царь был «помазанником Божиим» — и это его отличало от деспота, тирана и просто монарха. Слово «монарх» не покрывает понятие царя, ибо означает всего лишь «власть одного». Царь же считается прежде всего верным сыном церкви и ее охранителем. В соответствии со Сводом законов Российской империи (т.1, ч.1, ст. 42): «Император, яко христианский Государь, есть верховный защитник и хранитель догматов веры и блюститель правоверия и всякого в церкви святой благочиния».

В другом варианте власть русским народом не мыслилась. Историк пишет, что «народ не уважает аристократию и любит только царя». Перед царем

русский человек благоговел — а все генералы, министры, князья и помещики получали в глазах народа свое значение только как царевы слуги.

Полностью искоренить влияние церкви светская власть в то время не могла. В то же время, более чем наполовину высшие посты в государстве были заняты «фонами» и «сирами» — и эта ситуация практически не менялась столетиями. Характерным эпизодом, задавшим тон на последующие годы, стало запрещение к печатанию «Камня веры» Стефана Яворского, так как в ней содержалась защита вероучительных основ православия и обличение протестантского учения.

Петр свято уверовал не просто в немцев, а в некий «естественный закон» и «естественную религию». Он приказал перевести на русский язык сочинения творцов этих новых догматов Просвещения (Гуго Греция и Пуфендорфа). Безличный Бог монотеистов, он же Великий Архитектор, Великий Мастер деистов и масонов, стал предметом исповедания западных интеллигентов-просветителей. Природа есть продукт, изделие этого Мастера. Деизм сомкнулся с пантеизмом. Бог деистов не мог воплотиться в человека, к нему бесплодно обращаться в молитве, ибо он далеко и он — ничто, так как не имеет ни лица, ни воли, ни сознания. Природа создана им и, познавая его законы, мы познаем это Ничто, создавшее законы, которые правят миром и изменить которые не в силах был бы и сам Творец. Это умозрение начисто отрицает церковь.

Историки масонства именно с Петра начинают историю Ордена Вольных Каменщиков в России. В пантеизме, новом вероучении, принятом европейской интеллигенцией и нарождающимся русским чиновничеством с легкой руки Петра, природа — это океан, клокочущий, огнедышащий, бурлящий, пронизанный космическими вихрями куда-то летящих духов — страшных и властных, обладающих громадными стихийными силами и глубокими тайнами мироздания. Рядом с нами — и духи умерших, переселение душ и их воплощение вновь и вновь в новые тела до тех пор, пока эти души не станут настолько «сознательными», что приобретут независимость от тела. Все это стало краеугольным камнем тайной стороны учения пантеизма и, соответственно, масонства.

Дыханием этой природы охвачен маленький островок человеческой культуры с ее надуманными «предрассудками» — в таковые попали национальные разделения, народные обычаи и традиции, сами национальные государства, сословия и, конечно же, религия Христа.

Только магия, оккультные науки с их знанием знаков и символов могут открыть подлинный смысл этой вечной природы и дать достойному возможность войти уже при жизни в мир духовных сущностей, узнать тайны природы (в том числе и человеческой) и получить власть над ней, а значит — над человеческим обществом. Герметические науки становятся главным

предметом забот вольных каменщиков.

При Анне Иоанновне веротерпимость сделала еще шаг: всякая полемика против протестантизма, обвинения в ереси рассматривались правительством как государственное преступление. Было запрещено появляться на улице с образами и святой водой, запрещены крестные ходы, закрывались часовни. За рассказы о чудесах и видениях назначалось телесное наказание, вырывание ноздрей и ссылка на галеры... Петр начал создавать новую породу людей — ни на кого не похожую. Именно в это же время был напечатан в Англии и первый масонский катехизис (1723), провозглашавший культ «просто человека», всечеловека — без имени и национальности, государственной принадлежности и исповедывающего «естественную религию».

Но до «всечеловека» еще далеко, а церковь рядом. Борьба ведется на всех направлениях — то усиливаясь, то несколько ослабевая. Попытки обличить Феофана Прокоповича, отрицающего церковные таинства, успехом не увенчались. Возникло дело Радошевского, написавшего «Житие еретика Феофана Прокоповича». Услуги Феофана оплачивались правительством хорошо. Он имел при Бироне 16.000 крестьян. 4 дома в столице, получал громадные доходы со своих имений и жил в роскоши вельможи, в то время как подавляющая масса священников и монахов питалась впроголодь, была разорена тяжелыми налогами, подвергалась гонениям со стороны правительства. Только при Бироне 6.557 священников было подвергнуто битью кнутом и отдано в солдаты.

При Екатерине II преподавание Закона Божьего в школах было значительно затруднено, поскольку по либеральному воззрению правительства, клявшегося в верности Великому Архитектору Вселенной, греко-православное учение есть суеверие, полезное только для сдерживания темных крестьян и мещан в рамках подчинения мудрым либералам. Издание наиболее почитаемой русским народом житийной литературы было практически запрещено до конца правления Екатерины II. Зато только с 1780 до 1801 года произведения одного Вольтера выходили 69 раз, а Руссо, а Дидро...

Начиная с Петра нарождалась своя, доморощенная интеллигенция, обучавшаяся каббале, алхимии и вызыванию духов умерших, она постигала сложнейшую символику и выходила на арену культуртрегерства с уверенностью в своем призвании учить невежественный народ уму-разуму.

Кажется удивительным следующий психологический феномен. Многие из представителей интеллигенции жили весьма недурно, печатали противоправительственные сочинения и бесконечно жаловались на тиранию царизма, на деспотию власти. Сами же при этом со спокойной совестью планировали резать в случае прихода к власти кто 100 000 человек, кто больше. Князь Щербатов рисовал в своем государстве будущего («Путешествие

в страну Офирскую») такую идиллию, которая очень напоминает нашу страну в 30-е годы. Даже Белинский бредил гильотиной и горой отрубленных голов. Молодой Пушкин полагал необходимым зарезать как раз 100.000 человек ради светлого будущего, и никто их не сажал в тюрьму, никого из них не казнили, они получали немалые доходы — кто от сочинительства, кто от имений — и все дружно жаловались на деспотию. Так в чем же дело?

Вернадский подсчитал, что только по сохранившимся спискам масонов времен Екатерины II не менее трети всех чиновников состояли в ложах. Во времена Александра I только в списках одного объединения — «Астрей» — и только в Петербурге, числилось 1500 человек. В ложах обучались наукам, искусствам, создавали устойчивую традицию отношения к тем или иным веяниям моды.

В ложах читали лекции, держали экзамены по самым различным дисциплинам — оккультным наукам, философии, занятия которой поощрялись. Человек, произнося клятву верности ордену, тем самым отлучал себя от православной церкви, полностью порывал с национальными традициями и становился членом другой церкви с поклонением другому богу — Великому Архитектору, Иегове.

Этот неизбежный inferнальный аспект масонства как-то проходит мимо исследователей его истории. Масонство изначально претендует на власть — и политическую, и духовную, и учит своих адептов рассматривать все земные, наследственные, национальные власти как временные, узурпировавшие власть, которая непременно будет отнята у них Орденом, ибо только он является законным претендентом на обладание миром. Отсюда эта устойчивая раздраженность интеллигенции по поводу царского престола и по поводу православной церкви.

С Петра и во все последующие годы церковь остается на положении то явно гонимой, то едва терпимой. Духовное образование было поставлено после Петра таким образом, чтобы воспитать скептиков, маловеров и просто невежд. Духовные училища, семинарии были только по названию духовными. В семинарии только на последнем курсе преподавалось Богословие, но до этого курса доходили немногие, ведь уже после окончания философского класса (1 год) можно было поступать в университет. В результате, как пишет в своих воспоминаниях Н.Гиляров-Платонов, многие учащиеся и училищ, и семинарий не знали ни Катехизиса, ни Закона Божьего, ни Литургии, и духовно-нравственный смысл христианства оставался для многих из них закрытым навсегда. Зато практиковалось насмешливое отношение к священническому сану. Параллельно этому шло пьянство и прочие непотребности.

Однако в то время, как интеллигенция все больше и больше разрывала со своим народом и упивалась идеями всеобщего и насильственного

обобществления всего и вся, русский человек шел в церковную ограду. Больно и радостно читать о тех русских людях, кто в самые тяжелые годы испытаний в 1918-1919 гг., когда повсеместно зверски убивали священников и членов их семей, принимали посвящение в сан и становились мучениками.

Незадолго до событий 1905 года либеральный журнал «Новый путь» сделал такое признание: «Русская церковь народна. Она не покидала народа среди всех его унижений и в трудные времена крепостного права была с ним. Она дала его гражданскому терпению религиозный смысл особого жертвенного делания. Она спасла его с одной стороны от бунта, с другой — от отчаяния. Его душевный вопль обратила в молитву... Жажду освобождения вправила в надежду на Бога. Церковь, а не что-либо иное, была главной причиной того, что освобождение от крепостного права было принято народом честно и с достоинством. Ни правительство, ни войско, ни земство, ни наука — просвещение, ни литература — ничто в России так не народно, как церковь. Интеллигенция не видит, не понимает этого. Несмотря на все желания и положительные усилия войти в народ и повести его за собой, она все-таки чужда ему. Рознь между ними не житейская и бытовая, а духовная. Интеллигенция до тех пор не найдет доступа к сердцу народа, пока не уверует в его Христа и не приобщится к жизни церкви».

1990 год.

РУССКАЯ ПРАВДА И ЕРЕСЬ УТОПИЗМА

Посвящая все свои силы бесконечной, никогда не завершаемой задаче обуздания, подавления, разрушения исконных основ мирового бытия, спасители мира становятся его заклятыми врагами и постепенно подпадают под власть своего естественного водителя на этом пути — духа зла, ненависти, презрения к человеку. Богоборческая антропократия роковым образом вырождается в демонократию, которая ведёт не к спасению мира, а к его гибели.

С. Л. Франк.

ВВЕДЕНИЕ

Данный очерк посвящен вопросу формирования идей утопизма в русском обществе под влиянием гностико-каббалистических доктрин, исповедуемых в «первых объединениях» русской интеллигенции — масонских ложах, развернувших в полную меру свою деятельность в конце XVIII в. и сделавших своим центром Москву, по преимуществу — ее университет.

Занятия в ложах включали не только теоретическое усвоение тех или иных сторон каббалы, но и ее практическое усвоение, а также давали в легендах и обрядах, в которых участвовали все ее члены, постижение истин эзотеризма, характерное для мифологии древнего язычества.

Мифологизация мышления глубоко укоренялась в глубинах личности и формировала ту первичную матрицу восприятия и мышления, самую общую систему ориентиров и ценностей, которая неуловимо определяет все направление сознания и деятельности человека, а в конечном счете и самого общества, подвергавшегося такому воздействию.

Эзотеризм масонских лож не мог не сказаться самым решительным образом на всех сторонах культурной жизни русского общества: в искусстве, политике, социальной сфере, религиозной и даже на уровне семьи, личных взаимоотношений в обществе. Деятельность масонов ставила своей целью «создание среды, развитой в моральном и духовном отношении», что привело на практике к созданию общества, целиком враждебного, во-первых, Церкви и самому ее Божественному Основателю Иисусу Христу. И этот аспект есть не культурный, не умозрительный, а самый важный, сущностный, мистический и онтологический. Можно сказать смело, что тот «культурник», который мыслит лишь категориями умозрительными, мыслит, но не живет, ибо не переживает

сущности; тот, кто рассуждает, но не погружается в море религиозных истин, никогда не поймет, что жизнь есть не культура, а то, что создает и культуру и саму Вселенную.

Во-вторых, деятельность масонских лож с самого начала была враждебна всему, что имеет характер личного, индивидуального, неповторимого, традиционного.

В конечном счете деятельность лож должна была привести к созданию царства князя мира сего, основанного не на высотах горних идеалов, а на началах чувственности, эгоизма и духовной прелести.

Для создания такого общества на земле требовалось внедриться в имеющуюся структуру власти, воспроизвести форму традиционных обществ, но подменить всю его сущность: поставить на место Церкви Государство, обратить любовь к Богу на привязанность к Родине, но уже без Бога, без Церкви, оттеснив ее на второй план и придав ей характер второстепенный, сделав ее «фактом культуры» или «носителем морали»; то есть из живого, непосредственно от самого Бога идущего источника благодатных сил превратить ее в деяние рук человеческих и психологический фактор утилитарного назначения. С этого шага начиналась «ересь Утопизма». И эта «ересь» была усвоена правящим слоем царской России.

Прелести безблагодатного «патриотизма», «социальной справедливости», порождающей войну всех против всех, идеалов иудейских — «многочадия и многоздравия» (Гегель), как цель всей жизни человека на земле внедрились в сознание с той поры, когда деятельность московских розенкрейцеров в конце XVIII в. привела к созданию обширной литературы антихристианской направленности, к формированию будущей поросли русской либеральной интеллигенции. И вся эта деятельность направлялась и поощрялась верховной властью России.

Среди всех идей оккультизма, основанных на каббале, вобравшей в себя всю мудрость языческого мира, с его двумя родными братьями — Диоскурами пресного либерализма — материализмом и чувственным мистицизмом, наибольшее внимание привлекает создание в среде масонских лож Утопии — проекта будущего государства.

К идее построения будущего государства, основанного на принципах абсолютного безбожия, тесно примыкает и «мистика власти». Духовный прародитель московских розенкрейцеров, учитель Сен-Мартена, португальский еврей Марганец де Паскуалис «утверждал тот престиж мистической власти, выражавшийся особенно резко при магических операциях сношения с невидимыми сущностями высших планов, который его учеником (Сен-Мартеном) будет перенесен на политический аппарат власти, особенно на главу государства в его знаменитой книге «О заблуждениях и истине» (Антошевский.

Орден Мартинистов, «Изида», 1912 г. № 9-10, с. 39). Но вопрос о влиянии масонства на русскую жизнь поднимает вопрос об историческом выражении русского государственного идеала.

...За все время существования нынешнего государства нашего, как кажется, ни разу не было нам сообщено историками, что есть идеал русской жизни в ее историческом и государственном выражении, что есть формула русской жизни, с чем, собственно, вели борьбу наши интеллигенты-либералы. Против чего боролись силой, ложью, обманом «братья» розового креста в Москве. Я думаю, что назрела самая крайняя потребность дать ясную и четкую формулу Русской Правды в ее общественном и историческом выражении.

Эта формула изначально присуща русской душе, она не имеет временного характера, и только в ней русский человек может либо обрести историческое бытие, либо погибнуть в песках космополитической пустыни, утратив представление о своем назначении.

Нелишне будет заметить для ясности понимания смысла и самого очерка и некоторых терминологических неясностей сегодняшнего дня, что именно тот, кто приобщался к идеям гностико-каббалистическим, с их культом интеллектуума, который судит всех и о всем самоуверенно и полагает главным смыслом своей сознательной деятельности все объяснять и, объясняя все, чувствовать себя таким божком, который, раз все объясняет, то и все может, именно такой человек и приобретал право в XVIII в. именоваться «философом», а в следующие времена интеллигентом. В отличие от тех, кто понимает, что мыслить фетишами, тобой же созданными, значит впадать, по терминологии психиатров, в объяснительный бред, а это скучно, интеллигент ни во что не верит, но обо всем судит, мыслит понятиями, не постигая сущности вещей и все время пребывая в мире грез и миражей. В этом-то мире и вызрели страшные зраки казарменных государств с самой беспощадной тиранией над человеком. И где же? В голове какого-нибудь русского знатного дворянина.

Творения князя Щербатова «Путешествие в страну Офирскую» (1774 г.) как и манифест угнетения и оправдания всяческого насилия над личностью — «О заблуждении и истине» Сен-Мартена (1775 г.), до сих пор остаются - памятниками самой мрачной деспотии, любовно оберегаемыми нашими историками от всякой критики. Удивительный и печальный факт нашей культурной направленности. Разрушительные и разлагающие начала в русской истории оцениваются до сих пор как единственно достойные для изучения и восхваления, а основы созидательные идут под знаком «реакционности», «отсталости» и, как нас убеждают, просто недостойны для серьезного изучения. Всем понятно, что большевизм, как и плод его — «демократия» есть лишь логически последняя точка разрушения и погрома русской исторической жизни, самых основных начал русской души и созданной ею культуры на началах

Православия и Самодержавия. Не октябрь, а февраль разрушил Русское национальное государство. Оно рухнуло 27 февраля 1917 года. Упала корона, и закатилась звезда святой Руси. Упала потому, что уже давно тяготила наших Самодержцев, интеллигентов на престоле.

Истоки большевизма видны уже в идейных утопиях «просветителей» века екатерининского. Переходя к нему, нельзя не отметить еще раз весь жуткий парадокс идейной направленности ценностных ориентиров наших последних десятилетий. Трехцветный флаг, государственный, в начале века по улицам носили толпы народа, названные их противниками «черносотенцами», а красный — цвет крови человеческой — «культурные прогрессисты».

Время меняется, и то, что вчера, в отрицание очевидного, доказывалось нашими идеологами, сегодня не решится защищать даже застарелый «партиец» от журналистики. Между тем созданный в целях политической борьбы газетный образ защитника вековых устоев, культурных и религиозных, русского народа как «реакционера» и «погромщика» с топором в руке и бутылкой водки в кармане до сих пор стоит прочно именно в таком карикатурном виде в нашем сознании. Теоретики же и практики государственного погрома, то есть тотального разгрома Русского национального государства «до основания», продолжают пользоваться привилегией «неприкосновенных» божков, с которых полагается «делать жизнь». Между тем люди, сами участвовавшие в разрушении России исторической и национальной, осмысливая пережитое ими, начинали большевизм кто с Пестеля (В.И. Вернадский), кто с материалистического социализма как такового (А.С. Изгоев-Ланде: «Большевистская практика дает нам возможность судить о ценности тех идей, которые почти 60 лет провозглашает русская социалистическая интеллигенция», и перед этим: «Большевики лишь осуществили то, о чем говорили другие» — статья «О заслугах большевиков» в «Русской Мысли» за февраль 1918 г.). И так, к истокам разрушительных утопий... Московские просветители из кружка Новикова, Шварца, Хераскова, Тургенева, Страхова, Поздеева и ряда других деятелей русской культуры были строителями храма Соломона, который шаг за шагом поднимался, как символическое «восходящее дневное светило» масонов над русской землей и освещал будущее ее в мрачных красках всеобщего разрушения и гибели цветущей культуры и талантливого народа. Храм был воплощением мечты масонов построить общество-муравейник. Это государство со всеми его чертами масонской мечты мы видим на примере жизни офиран, о нем говорит нам Г. Уэллс в «Явном Заговоре» (1928 г.), о нем писали Т. Мор, маги и каббалисты Кампанелла, Ф. Бэкон и прочие гуманисты и либералы.

Теоретическую базу под эту мечту подвел иудаизм, а оформил Сен-Мартен, оракул московских масонов-просветителей XVIII в. Проводится идея абсолютизма государства.

В заключение, предвзяв вопрос, почему московские розенкрейцеры, «братья» теоретического градуса Соломоновых наук, члены всемирной организации строителей храма Соломона названы мной кружком либералов, следует обратиться к первичному значению слова «либерал». Оно появилось в употреблении в русском обществе во времена Александра I и означало человека, «свободного» от религии и всего круга налагаемых ею обязанностей, включая, понятно, и таинство брака, и шестую заповедь «Не убий», и седьмую — «Не прелюбы сотвори», и восьмую — «Не укради», и десятую — «Не пожелай жены искренняго твоего...», и другие. «Свободного» от всех народных традиций, которые для него теперь, как «передового», просто «предрассудки», не признающего в царе помазанника Божия, «свободного» от всех условий общественного и культурного бытия, которые выходят за рамки его понимания и становятся в его глазах «условностями». Характерен в видах сопоставления с заповедями Божиими масонско-либеральных лозунгов и такой подход: вместо любви к ближнему — любовь к человечеству. Причем «человечество» понимается и как живущая в каждом некая неопределенная душевность, и как собрание всех живущих на земле людей. Отсюда такое стремление к «Бесчеловечности», к «всемирной культуре», к «общечеловеческому», «мировому», «космическому», «интернациональному» и проч., и проч. Отсюда, из этого же устремления, и воспитываемая масонством в светском обществе посредством «прекрасной литературы» — беллетристики — сентиментальность, последовательно сочетаемая с жестокостью. Ведь искусство, в том числе беллетристика, и стоит на идее «просто человеческого», вне отношения человека к Богу. Отношение человека к человеку важнее отношения человека к Богу — учит иудаизм.

Короче, определение «либерал» означало человека с «нравом и обычаем эпикурейским». Но именно на формирование такого типа личности и была направлена вся публицистическая, литературная, издательская и педагогическая деятельность братьев Розового посвящения, известных еще как братья Орла и Пеликана, алхимиков-каббалистов, расцветших на скудной северной почве Москвы под лучами благодетельного правления ученицы Локка, Гольбаха и Вольтера Екатерины II в конце XVIII века.

Фасады московских домов тех времен еще хранят все символы всемирного братства вольных каменщиков. Особенно такой символики много на дворянских особняках нашей аристократии. Всевозможные циркули, молоточки, розанчики, львы, лиры Давида, даже рыцарские доспехи, колонны Боаз и Иоаким, маски бесполого существа, или вернее двуполого — Хирама, правнука Люцифера-Сатаны обильно украшают эти бывшие гнезда дворянской жизни. Понимали ли их обитатели, о которых так ярко нам поведал в своих воспоминаниях С. Т. Аксаков в очерке «Встреча с мартинистами», куда ведут их же самих все эти молоточки, клятвы перед грудой костей, черепами и талмудической

символикой, сказать трудно. Вернее всего — нет. Те, кто понимали, попадали в разряд «реакционеров», «отсталых», а потом появилось и определение еще отрицательнее: шовинист, черносотенец, на худой конец — националист.

Перед этими жупелами либерального идейного террора падали и падают лучшие силы, наиболее честные и прямые, из среды русского народа. Безверный ум, предавший себя на растерзание пустой эклектике бесконечного атеизма, избравший себе в качестве кумиров тех же божков, что и враги его народа; не может справиться с одолевающими его врагами и начинает жалко лепетать, что он «не такой», что он тоже либерал и интеллигент. Как жалкий пацан, сам избравший свою участь, сам привязавший себя ниточками к рукам своих мучителей, он дергается, кривляется и не может обрести покоя своей душе и ясности в своих мыслях.

Достаточно, однако, было бы выйти ему, сохранившему в душе своей мелодии и мотивы своей родины и своего народа, из лучей «сияющей звезды» масонских лож, и он обрел бы и покой в душе, и ясность в мыслях, и вечное спасение. Но чтобы выйти из луча «звезды» пантакля каббалы, надо войти в свет евангельской истины, озаряющей православный храм. Третьего не дано.

СЛОВО О РУССКОЙ ПРАВДЕ

Осмысливая исторические события, мы не можем не прийти к выводу, что каждый народ находится под воздействием своей особой идеи, которая одна может объяснить направление его деятельности и его судьбы. Точно так же, как и отдельное лицо, народ имеет свои убеждения, свои воззрения, свой характер, который выявляет себя во все времена, при всех событиях и есть один и тот же, хотя и в разных оттенках и различных проявлениях.

Характер народа формируется в том конкретном исповедании Правды, которое он осуществляет всей своей историей во всех сферах своей жизнедеятельности. Вера и нравственность открывают ему все новые стороны в этом исповедании и составляют путеводные звезды в его убеждениях. Они питаются мистическими токами религиозных откровений.

Обрести свое лицо, найти свой правильный тон в истории — это дано не каждому народу, но когда такое обретение состоялось, народу не страшны никакие враги — ни внешние, ни внутренние.

За долгие века своей истории русский народ имел возможность найти свой смысл в жизни и обрести свой путь в истории. Вера открыла ему то высокое призвание, которое и в быту, и в труде самом тяжком, и в воинских делах и подвигах озаряло его путь от святого Владимира до праведного Иоанна Кронштадтского и свт. патриарха Тихона Исповедника и сонма новомучеников.

Народ, как и отдельный человек, может утратить свое лицо, отречься от

Правды, которая питала его веками и вела от победы к победе, принять чужеземных идолов и потерять всякую возможность к творчеству, которое когда-то выделяло его из среды других народов. Для того, чтобы вновь обрести свое лицо, вновь найти свой смысл жизни, следует обратиться к тем периодам своей истории, когда сама борьба с внешними врагами делала его еще крепче и здоровее, когда духовные озарения освещали его землю неповторимыми явлениями его творческого гения.

В жизни русского народа такой руководящей идеей, как известно, была Церковь и общинность, способность держаться общинного управления, устройства, решая все сообща — землей, миром — на основе христианского миропонимания, религии любви и Правды Божией. При этом важно понять главное: общинность русская — это не общность, не коллективизм, а Церковный приход. В общине, не надо забывать, хозяйство было единоличным.

Каждая деревня, сельцо и село, улица в городе тянули к своему приходу, своей церкви, отсюда получая освящение каждому своему делу — семейному или общинному. Приходской священник — центральная фигура русской жизни. Он — подлинное воплощение ее духа и тела в их гармоническом единстве. Это он один стоит между престолом Царя и последним крестьянином в любой глуши нашей русской земли. Он доводит смысл манифестов Царя до народа, он объясняет правительственные акты, он стоит на страже народной нравственности, неся евангельские истины в повседневность каждого прихожанина. Он объясняет, он увещевает, он освящает от рождения до смерти жизнь каждого человека. В борьбе с пьянством, развратом, смутой анархических учений правительство опирается исключительно на приходского священника. Ему и дьякону поручается учение грамоте прихожан, учение, которое ставится в прямую зависимость от утверждения в народе благочестия и вероисповедных истин.

Итак, все решать общиной, миром, не расходясь с евангельской правдой — вот повседневная задача русского народа. Решать землей, миром... Но что есть этот мир? Посмотрим на него не глазами апатичного наукообразия чужеземных заблуждений, а глазами самого этого мира. Что сказал бы об этом мире сам русский прихожанин, общинник, поселянин или горожанин? Если мы поймем, что это за мир, то мы восстановим его и в себе, и на своей земле. И надо понять — решать миром, это не значит решать коллективом, как думают социалисты.

Припомним, что Спаситель мира. Сын Божий, посылая Апостолов, возвестил миру мир, принесенный Им с неба, и приблизившееся царство благодати, между прочим заповедал им те дома, в кои они будут входить, приветствовать миром: «Входяще же в дом, приветствуйте его, глаголяще: «мир дому сему» (Мф. 10, 12). Святые Апостолы, свято исполняя заповедь своего Божественного Наставника, так и делали. Куда бы они ни приходили с

радостной вестью о спасении грешников, они прежде всего изрекали мир.

Благовестники мира и примирения, чем лучше они могли бы и начать свое дело, как не словом мира?

РУССКИЙ МИР

Но что это за мир, ставший знаменем апостольских приветствий? Не тот ли это мир, который и в мире, и во всем свете считается основным условием семейного и общественного благоденствия? Не есть ли это тот самый мир, принимаемый в смысле взаимного согласия людей, живущих вместе? Действительно, такой мир есть великое благо. «Се что добро, или что красно, но еже жити братии вкупе», — восклицает псалмопевец (Пс. 132, 1).

Такой мир согласия нельзя исключить из понятия о мире Христовом. Но еще и нельзя сказать, что именно это одно и есть мир, заповеданный Христом. Каждый из нас знает, что такой мир может утверждаться в видах своекорыстия, поддерживаться расчетами житейскими, исходить из интересов мудрости века сего и быть поэтому только кажущимся, без участия сердца. Нередко ведь под покровом такого мира таится вражда и созревают замыслы самые злобные и разрушительные. Может ли быть такой мир Христовым?

Такой мир русская совесть отвергала изначально. В любом случае мир как согласие с другими не может быть совершенен. Он объемлет лишь одну сторону, внешнюю, человеческой жизни и не может удовлетворить всем потребностям нашего существа, не может успокоить наш дух. Мало ли есть людей, которые хранят глубокий мир со всеми, а между тем ощущают в себе самих страшную тревогу и беспокойство, страшную борьбу со своей совестью? И сама Церковь наша Православная называется воинствующей вовсе не даром.

И это еще притом, если не замутнен сам источник совести — духовное око наше. Иначе — просто гнетущее ощущение пустоты и бессмысленности всей жизни нашей.

Отчего же это? Оттого, что этот мир, и, в лучшем случае, понимаемый, есть только внешний, земной, человеческий, тогда как мир Христов есть внутренний, духовный, Божий, навсегда приобщающий человека к Тому, у Кого «несть пременение или преложения осенение». Это мир с Богом и жизнь в церкви, а не «компромисс» во имя корыстных расчетов.

Мир Христов, которого искал русский человек в исполнении заповедей Божиих, есть спокойствие духа нашего, приобретаемое действием Духа благодати и не возмущаемое никакими превратностями мира. Состоя в невыразимо сладостном ощущении внутреннего покоя, этот мир утверждает и мир согласия между людьми, освещает его сообразно тем началам, на которых покоится и сам. Это не мир с Миром, а мир с Христом.

Неточное начало мира духовного и Христова заключается, с одной стороны,

в непрерывном самоотвержении и умерщвлении плотских страстей и похотей, не тела, но именно страстей, воюющих в нас на дух наш, а с другой — в неослабном стремлении к точнейшему согласованию всех наших мыслей, желаний, намерений и дел с волею Божией. Более того, это жизнь, крепкая своею верою в Господа Иисуса Христа и побеждающая сею верою все прилоги и искушения ума кичливого и маловерного, это жизнь, сопровождаемая непрерывной борьбой с грехом и со всеми его «временными сладостями» и оболещениями, жизнь, преуспевающая в подвигах и доблестях евангельских и ищущая во всем «не своих Си, а я же суть Божия» (Флп. , 2, 21; Мф. 16, 23), ищущая не удовольствия и наслаждений, не почестей и отличий, а единого на потребу, т.е. «Царства Божия и правды Его» (Мф. 6, 33). Словом, это жизнь святая и непорочная, хотя бы она текла среди скорбей, лишений, озлобления, страхов и смертей, — такая именно жизнь есть источник единственный и самый чистый мира духовного. Такой мир «сладостен паче меда и сота».

И это, в собственном смысле, мир Божий, это есть благодатный плод того вождельного примирения нас Богови, которое составляет главную цель пришествия на землю Божественного примирителя, едиnorodного Сына Божия.

В душе русского человека такой мир всегда жил, был путеводным маяком всех его дел и стремлений. И всегда в каждой деревне, в каждой местности, в каждом сословии находились те стократ блаженные, которые благодати Божией стяжали этот мир и несли его внутри себя как неизгладимое свидетельство Духа о их избрании в сосуды славы. Такие люди зримо осуществляли среди русского народа его идеалы. Они свидетельствовали ему о том, что Царствие Божие достижимо и состоит, по слову Апостола, в правде, мире и радости о Духе святом (Рим. 14, 17). Это, таким образом, не тот мир, под покровом которого расцветает зло.

Правда — это подвиг святой любви их к Богу и ближнему, сеяние дел благочестия со слезами, благодушное терпение под тяжестью креста — делание в вертограде, среди зноя и жара полуденного, хождение пред Богом во святыни Духа, а мир — следствие правды — радостное собирание созревших колосьев вечной жизни — награда и венец за претерпеваемые страдания, — мзда многа за труд любви и непорочного хождения пред Богом.

И чем более в русском народе расширялся круг делания правды, тем более умножался и зримо и материально сам мир Русской Правды, те пределы земли, на которую распространялись ее законы и обычаи.

Забвение этой правды, оскудение живой веры в мир Христов всегда приводили нашу землю к состоянию катастрофы, и поиски замены философией живого источника Истины окончательно набрасывали траурный полог на все перспективы русской жизни.

РУССКАЯ ОБЩИНА²¹

Только при таком понимании христианского мира можно понять и смысл устройства русской общины как идеального воплощения Духа Христова на земле среди русского народа, как воплощение заповеди любви к Богу и ближнему. Русская община — это христианская община. Это община верующих, объединенных вокруг церкви своего прихода.

На плодотворной духовной ниве оцерковления всех сторон человеческой жизни, частной и общественной, и развивалась русская жизнь, крайне чувствительная к вопросам правды и совести. Не надо идеализировать реальную жизнь — в ней было всё, но надо выделить её идеалы.

Если не понять факта общинной цельности русской истории, то нельзя в ней ничего понять. Община, основанная на таких прочных христианских, приходских основах, не нуждающаяся во вмешательстве власти государственной, до конца XIX века, до самой даже революции, до самого уничтожения большевиками, такая община была твердым основанием и самой власти государственной. На такую общину власть могла опереться безбоязненно и не держать громадный штат чиновников, отчужденных от общества²².

Как был организован труд в общине, как обстояло дело с личной инициативой и помощью друг другу, говорит сам факт освоения громадных пространств земли русскими людьми в условиях самых неблагоприятных для земледелия. Ни климат, ни непрерывные войны, которые вела Московская Русь, а затем и Российское государство, на всех рубежах своих открытое и с севера, и с юга, и с запада, и с востока, не могли способствовать процветанию земледелия. А между тем видим, как шаг за шагом, неуклонно русские люди, сначала служилые, по заданию Царя, а затем и крестьяне идут на новые земли и осваивают их, продвигаясь в XVI-XVII веках к югу от Оки и тесня дикую степь с ее хищными племенами, а другой поток медленно и неуклонно идет за Урал и там среди тайги, болот и страшного холода основывает остроги, монастыри, и под их прикрытием начинают русские деревни свою хозяйственную деятельность. Корчуют леса, осушают болота, удобряют скудные почвы,

²¹ Сами крестьяне пользовались не словом «община», но «мир» (ср. «делать миром»).

²² Ср.: «Нище прекрасные свойства нашего простонародья не выступают так рельефно, как при переходе крестьянина от сохи в ряды войска. Апатичный, сонный, грубый и скрытный мужик обращается почти мгновенно в ловкого, веселого, сметливого, бойкого, способного, трудолюбивого и истинно-набожного солдата. Он не тяготится строгими требованиями службы и дисциплины, сознавая своим здравым умом, что всё это необходимо и полезно. Весело и бодро смотрит он вперед, потому что он сознаёт цель жизни и своё призвание... он идет по призыву Царя на защиту Отечества...» (Ж. «Странник», 1898 г., т.1, с. 674-675).

выводят новые сорта зерновых, занимаются звероводством, огородничеством и идут все дальше и дальше на север и даже за 60-й параллелью сеют и убирают хлеб. И это великое дело вершится поколениями русских людей, столетие за столетием.

Повсюду возникают русские деревни, займища, починки, сельца и села, погосты и торги, рядки, остроги и города. И на всем пространстве русской земли слышен благовест. Православный народ призывается в церковь воздать хвалу Спасителю и Приснодеве Марии, принести покаяние и принять святые Тайны тела и крови Христовой. В надежде на вечное спасение жили и в страхе Божиим творили дела ратные, трудовые и семейные.

В духе Христовом люди знают друг друга как братие и сестры и потому только в этом духе пребывающие исполнены друг к другу любви и милосердия. Именно поэтому-то христианская община исключала из своего понимания жизненных целей эгоизм, стяжательство и борьбу за существование. Конечно, все эти устремления были и в ней, как они есть изначально и в каждом человеке, но, пока община была общиной христиан, эти элементы в ней регулярно подавлялись, и на первое место выходила помощь ближним своим, нуждающимся и обремененным.

В то же время община ни в какой мере не подавляла личности человеческой, но исходила из представления о личных дарах и ответственности каждого перед Богом. Община поощряла личную инициативу, и чем богаче становился тот или иной общинник, тем легче жилось общине. Когда бедность была обусловлена не ленью хозяина, а случайным стечением обстоятельств — пожаром ли, или смертью, или болезнью кормильца, община перекладывала подушный оклад на более зажиточных. Подобного рода вопросы всегда решались на общем сходе общинников. Было и другое, но главное — именно это.

В то же время лень, пьянство и прочие пороки ложились тяжелым бременем на все общество, и борьба с ними проводилась в равной степени и священником, и «излюбленными» выборными общины. Община же — это общество при Церкви, а не «трудовой коллектив».

Бывало ли когда, чтобы община раскалывалась на враждебные группировки, не могла бы прийти к общему согласию и прекращала существовать или же взывала к властям навести в ней порядок, произвести разбор? Никогда. На всем протяжении существования русского государства от запада и до востока и от севера до юга, на всем протяжении тысячи лет.

И это при условии, что каждые три года общинники в деревнях и селах производили новый раздел земли между семьями, доверенный землемер из своих же отмеривал участки земли разнородной, в разных концах, что каждый год производился новый расклад налогов и других повинностей по дворам, накладывался штраф на тех или иных виновных за какие-либо провинности.

«Излюбленные» выборные сами производили судебные следствия и наказывали в пределах обычного права своих односельчан.

КРЕСТЬЯНЕ

В Московской Руси крестьяне были таким же служебным классом, как и любой другой, и его отношения с землевладельцами, вотчинниками, государством определялись законами и обычным правом. Государству были известны по имени и отчеству не только бояре и думные дьяки, но и крестьяне. В царских грамотах мы встречаем их имена и прозвища, узнаем об их бедах и слышим голос Царя, озабоченного судьбой обиженных.

О близких отношениях с Царем говорит и старинное право каждого православного жаловаться непосредственно самому Царю, минуя все начальство. Этот обычай был отменен лишь первой интеллигенткой на престоле — Екатериной II.

Крестьяне во весь период Московской Руси, будучи лично свободными людьми, обладали правом перехода не только из одной общины в другую, но и из сословия в сословие, из крестьян в посадские и торговые люди. По личной склонности крестьяне и в боярской вотчине занимаются ремеслами, торговлей и откупам. Все большее распространение в XVI-XVII вв. получают отхожие промыслы. Крестьяне, удачно ведущие свои дела, сами становятся владельцами и вотчинниками. Тенденции свободного перемещения крестьян из сословия в сословие не прервались и в самый разгар крепостничества. Беднейшее крестьянство работает по найму, богатое и зажиточное приобретает земли и становится свободным. В XVIII в. резко усиливается поток крестьян в Сибирь при поддержке правительства, (см. А. Н. Сахаров. О диалектике исторического развития русского крестьянства. — «Вопросы истории» 1970, № 1).

В общине сельской или городской формируется русский человек, здесь он приучается к управлению своей землей, ответственности перед ближними своими, общинниками. Государство никогда не встречалось с отдельной личностью, но всегда с членом общины. Вся жизнь русской земли управлялась выборными «излюбленными» людьми — старостами, сотскими, десятниками, целовальниками, которые и отвечали перед государем за исправность выполнения общиной, городской или деревенской, повинностей в пользу общегосударственных требований. Исполнение же должностей в общине производилось по очереди всеми: чаша была слишком тяжела, за должности не платили, зато взыскать могли.

Труд человека был по преимуществу свободным, уважен законом, почтен обществом и потому мог породить необозримое число промыслов и саму промышленность, развитию которой всячески содействовало и правительство Московской Руси.

Все условия сельской жизни, природные богатства, система прав приобретения земли, вознаграждения за труд, всегда готовые прийти на помощь односельчане — все способствовало тому, чтобы человек мог стать зажиточным хозяином. Общинник и будучи помещичьим крестьянином мог стать не только состоятельным, но и очень богатым человеком. «Родился я в 1802 году — вспоминал бывший крепостной крестьянин Николай Шипов, — в свободе Выездной близ города Арзамаса, Нижегородской губернии. Отец мой был помещичий крестьянин, имел хорошее состояние, занимался торговлей скотом... Он был человек грамотный, начитанный и уважаемый».оборотный капитал семьи Шиловых составлял около 100 тысяч рублей. При этом семья Шиповых не были самой богатой в селе. Для того, чтобы представить себе ценность денег того времени: свечной завод стоил 1200 рублей, килограмм осетрины — 30 коп., баран — 3-5 рублей, общий оброк с села, в котором жил Шипов, колебался от 61 тысячи до 105.000 рублей. «Один крестьянин нашей свободы» предлагал помещику за то, чтобы тот отпустил его с семьей на волю, 160.000 рублей. Крестьянин подмосковной деревни Прохоров выкупил себе волю у того же помещика Салтыкова, выстроил в Москве большой каменный дом двухэтажный, «отделал его богато и тут же построил обширную фабрику» (см. Николай Шипов. История моей жизни. Рассказ бывшего крепостного крестьянина. 1802-1862 гг. М.-Л. Академия, 1933). Возможности приложить свои силы, ум, смекалку там, где хочется, к чему лежит душа, и породила быстрое развитие русской государственности, ее производительных сил и дали возможность выстоять в самых трудных условиях борьбы с внешними врагами, освоить необозримые пространства земли своим трудом, терпением и умом.

Нерусский взгляд на русскую историю, который видит в ней только эскалацию «несвободы», не дает возможности понять ее. Ведь само развитие производительных сил, которое обеспечило становление и рост Русского государства, уже означает наличие хозяйственной инициативы, возможной только в условиях личной свободы. А что такое производительная сила? Пара рук и к ней умная голова, которая изобретает, думает, как сделать лучше, пробует, выводит новые сорта семян, улучшает породу скота, все лучше и лучше обрабатывает землю и получает все больший и больший урожай и, значит, доход. Это и дает право автору упомянутой статьи (Сахарову) сказать, что слова принятой в нашей стране формулы «До предела выжимать соки... не находят отражения в экономических показателях и остаются лишь эмоциями». С позиций Вольтера, Руссо и К°, Маркса и прочих иноземных мудрецов русской жизни и истории не поймешь.

ДЕЛО ГОСУДАРЕВО — ДЕЛО ЗЕМСКОЕ

В тяжелых условиях бесконечной борьбы с внешними врагами от каждого русского человека требовалось понимание и поддержка делу земли, как делу

государеву. Каждый, рожденный от русского отца и матери, был го́ж и приго́ж, каждому было дело, и дело это было общим всей русской земли. И земля была принадлежностью всего русского народа.

Уже Русская Правда Ярослава Мудрого усваивает этот взгляд на русскую землю, отличая ее от чужой. Забота об этой земле, государственный интерес были усвоены каждым русским человеком, и этот интерес ограничивал произвол одних и давал свободу другим. Общинное право на землю, высокий престиж труда — пашенного, ратного, кузнечного и проч. — и христианский взгляд на достоинства человека, общее дело государево делало мертвой буквой любую герольдию и выдвигало на первый план личную заслугу, личный вклад в общее дело.

На всем протяжении русской истории государство страдает от недостатка людей. Их всегда было мало для дела государева. Потому и был надобен каждый русский человек. Денег было мало, средств материальных вечно не хватало, и только на самоуправлении, на доверии власти и народа друг к другу и могла стоять русская земля.

Особенно примечательно влияние земщины в делах финансового управления страны. Вплоть до конца XVII в. действует форма государственного бюджета, проникнутая участием земщины. Сметы сборов и податей с разных городов и уездов устанавливались «по Указу Царя, по приговору бояр, при содействии гостей, за их руками, и с пометою Думного Дьяка» (Лешков. История русского общественного права до XVIII в. М., 1858, с. 259 и далее). Эти сметы рассылались по городам и уездам, чтобы «в сроках были все обнадежены» и чтобы «положить тот оклад на дворы, смотря по тяглам и промыслам, и собирать те деньги посадским и уездным людям самим, земским старостам и выборным лучшим людям, за верою и за выбором всех людей, чтобы полные люди перед бедными во льготе, а бедные перед богатыми в тягости не были, и никто б в избыли не был». Если бы даже ничего, кроме этих строк, из Указа не осталось от Московской Руси, то и тогда можно было бы сказать, что Русь явила всему миру подлинное откровение безграничного доверия власти и народа друг к другу и такого уважения и заботы о нуждах людей, до какого далеко и западным демократиям и социалистическим деспотиям. Один эпизод русской истории высвечивает нам самое характерное и типичное в этих отношениях Царя и народа. В 1585 г. погиб Ермак, но Сибирь была уже открыта для России, для ее народа. Дело было за дорогой, по которой могли бы русские крестьяне на своих подводах ехать в суровые необжитые места и здесь строить Русь — деревни, села и города, пахать и разводить скот, возводить на новом месте русскую государственность. Царь Федор Иоаннович не стал создавать коллегий и комиссий, а своим царским Указом обратился к «охочим людям», приказал просто сыскать охотников. Дорога эта была нужна русскому народу, и народ и должен был ее построить. Петр I по западным образцам угробил бы на этом

деле несколько десятков тысяч крестьян, большевики несколько сотен тысяч сгноили бы запросто, и строили бы лет двадцать, плохо, на один день, а потом бы кричали о своих «успехах» денно и ночью. Тогда же власть была народной, и именно поэтому поразительной верой в неисчерпаемые силы народа веет от царских указов. Как и здравым смыслом.

Соликамский крестьянин Артемий Сафронович Бабинов был землепашцем, ловил зверя в отрогах Уральского хребта, он и стал тем «охочим человеком». Указ Царя Федора от 1595 г. был выполнен за три (!) года. Была проложена дорога в триста километров через исхоженную тайгу, болота, буераки, каменные завалы. Одних мостов, если их составить вместе, было построено девять километров (см. Николай Коняев. Рассказы о землепроходцах. Л., 1987). 11 января 1598 г. дорога была готова, и по ней пошли подводы из России в Сибирь. За один 1599 год прошло по бабиновской дороге более тысячи крестьянских семей. Дешевизна строительства дороги изумила и современников Бабинова. За двадцать лет были возведены десятки городов в Сибири: Верхотурье (1598), Туринск (1600), Томск (1604), Туруханск (1607). Смутное лихолетье не остановило строительства городов, и в это время поднялись Кузнецк, Енисейск, Ачинск, Ишимск, Якутск, Красноярск...

Дело заселения Сибири было продумано царским правительством до мельчайших деталей. Без всякого насилия, с заботой о крестьянине.

Каждая семья получала подъемных пять рублей при сборе в дорогу, а остальные 15 рублей по прибытии в Соликамск. Здесь местные воеводы расходовали часть «подможных» денег на то, чтобы обеспечить каждого переселенца тягловым и продуктовым скотом²³.

За каждую купленную скотину отчитывались. Чтобы не было злоупотреблений, в деле этом участвовали местные посадские, пользовавшиеся уважением среди своих односельчан. Поселенцам выделялся семенной фонд — рожь, овес, ячмень, на пропитание — мука, толокно, крупа, «смотря по людям и по семьям, как кому можно до нови прокормиться». И Царь указывает: «А на себя велели им хлеб всякий пахать, чем им сытыми быть или бы как нам прибыльнее, а им бы, пашенным людям, потому ж в пашне тягости не было». Переселенцы и строители городов, стрельцы и землепашцы шли по дороге, проложенной Артемием Бабиновым, землепашцем и охотником, от Соликамска до Тобольска. Бабинов не был забыт Царем и властями. Он был освобожден от оброка, ему была дана земля, участок для охоты, и немалый. Он построил еще село, нашел удобную землю для другого села. занимался улучшением дороги.

²³ Сравним организацию освоения новых земель в Московской, боярской Руси, с «великими», но бездарными даже с организационной стороны, стройками Петра, большевистским освоением казахской целины или строительством каналов. Или с «заботой» о русском крестьянине нынешнего, еврейского, правительства.

Обычное дело для Руси Московской... «Охочие люди» ее и создавали.

Влияние лучших торговых людей на финансовую политику правительства можно видеть по следующему случаю. В январе 1681 г. им был дан Указ Царя с боярским приговором выбрать по разным городам России голов к таможенным и кружечным дворам и делам. Гости, все взвесив, ответили, что это дело невозможное: «Они не знают лучших людей, которые одни могут быть выбираемы; да и потому, что посадские люди, обыкновенно, кончают свои выборы к 1 сентября, к Семену дню, и, выбрав, разъезжаются по России, для торговых промыслов, так что, если бы даже гости знали всех лучших людей городов, и тогда бы их выборы были несостоятельны, по возможному отсутствию избранных.

Сверх того, выбранные самими посадскими уже сделали запасы, которых новые головы не примут по настоящей цене» и т. д.

Правительство вполне согласилось с доводами гостей, лучших торговых людей.

Правительство постоянно обращается за помощью к опыту торговых людей в делах финансовых и получает помощь. Скажем. Данила Строганов с гостиной и других сотен торговыми людьми предлагает заменить множество мелких поборов одной рублевою пошлиной, издать для того указ и положить его во всех таможенных избах «бескровно», то есть открыто для каждого. Государь повелел исполнить это предложение²⁴.

Акты смет и окладов, устанавливаемых правительством относились сразу к большим местностям, к уездам и городам. Любопытно, однако, как производилась раскладка податей в подробностях Живого дела.

Где бы ни происходила такая раскладка — в городской слободе или в деревне. — она включала одни и те же элементы. В правительственных актах устанавливалось, чтобы мирские розрубы «совершались уездными людьми самими». В общине, получив общую смету, избирали окладчиков в равном числе от каждой статьи населения: по двое из лучших, средних, молодых людей и из казаков, то есть работников, во исполнение общего правила, чтобы «богатым во льготе, а беднейшим в тягости не быть». Вот эти восемь избранных человек — окладчиков — и должны были разверстать подати подворно по количеству засеваемой земли (обеж) или по промыслам и торговым успехам, но во всяком случае «в Божию правду, другу не дружа и посулов не принимая». В

²⁴ Сегодня эту же проблему, налоговую, и именно в том же смысле, не могут решить парламент и правительство (все как в Европе) уже шесть лет. Промышленность разорена. Но в то время страной управляли «непросвещенные» русские люди, а сегодня представители «избранного» всемирного и самого талантливого племени. Плоды можно сравнить — они наглядны.

городах и посадах было принято, что те, кто не торгуют и производят продукты только для себя, освобождались полностью от податей. Заметим, денег в казне лишних не было, но рвачеством не занимались.

Жители, обложенные таким образом, из своей среды выбранными, уже не могли уклониться от платежа.

Земское начало было обязательным и в судебных делах, вплоть до конца XVIII — первой половины XIX веков, даже в делах уголовных. Обязанность присутствия земщины на суде узаконивалась и Первым Судебником: «Без дворского, без старост и лучших людей, целовальников, суда наместникам и волостелям не судити». По другому указу XVI века «сельским прикащикам творить суд над крестьянами (следует) в присутствии священника и выборных от крестьян 5 или 6 человек». Вот как управлялось государство русской властью под русским началом.

Когда однажды помещик жаловался на скудость поместья и невозможность нести назначенную службу, то правительство указало произвести расследование крестьянам, которые должны были установить, действительно ли причина оскудения не зависит от помещика или она от его небрежности (Соловьев, т. VII). И всё это — исторические факты.

Положение личности в его отношении к государству утверждалось в древнем домовом праве, освященном Уложением 1649 г. (гл. IX, ст. 138-139). По этому домовому праву ответчик, требуемый к суду, мог «почитать свой дом своим царством», куда пристав не имел права проникать и должен был для исполнения своей должности поджидать ответчика на улице. Если ответчик отбил от пристава, то к нему снаряжался пристав вместе с подьячим, и, не доходя до дома ответчика, они должны были взять с собой понятых, и только тогда уже они могли войти, но только во двор, не далее, и отсюда объявить ответчику, что он «не гораздо сделал отбившись силою» и т.д.

В. Лешков делает такой вывод: «Невероятно, чтобы произвол и случайность могли породить столько добра и выказать столько ясного понимания дела».

Известно, что деспотизм очень дорого стоит и всегда означает войну власти с собственным народом. А народ русский воевал едва ли не беспрестанно на внешних рубежах. Историки подсчитали, что в среднем с XI по XVII вв. каждые два года на третий шла война²⁵, горели села и города, десятки и сотни тысяч были уведены в полон. Одна засечная линия с юга, от татарских хищников, отвлекала сотни тысяч крестьян и воинов: рыли рвы, устраивали завалы,

²⁵ Подсчитаны, следуя истории С. Соловьева, следующие цифры: с 800 по 1237 гг. каждые 4 года происходило военное нападение на Русь, в период с 1240 г. по 1462 г. было 200 нашествий. От 1368 г. до 1893 г., т.е. в течение 525 лет, было 329 лет войны, т.е. два года войны и один год мира..

строили остроги, держали сторожевую службу. Тяжелые условия войн, да еще к тому же каждые семь лет засухи с голодом, моровые поветрия, — тут не до деспотизма. Государево дело было делом земским, и не случайно русские законы красноречиво молчат о преступлениях политических до самого Уложения 1649 г. Никто не думал и о привилегиях, не до них было. Были в каждом посаде, в каждом городе люди лучшие, богатые, средние и молодые, и все тянули лямку государева тягла. Из лучших выбирался староста, выбирался всеми. Староста — фигура центральная в русской общине.

Работа старосты отнимала у него все время, и он не имел уже возможности вести свои дела по торговле или ремеслу. «Такая работа была особенно тяжела, потому что староста за свою работу не получал ни государева жалованья, ни подмоги со стороны мира», и нередко оскудевал вконец (Богоявленский С. К. Научное наследие М., Наука, 1980, с. 93), так как «рисковал своим имуществом, которое нередко приходилось обращать на покрытие слободских расходов» (с. 100). Таким образом, имущественное положение не создавало привилегированного сословия, но вкладом в общее дело определялось положение человека в обществе: тот был в большем почете, кто нес большее тягло.

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД НА РУССКУЮ ИСТОРИЮ

Только Петр I по смыслу Ревизии 1718-1723 гг. разделил русский народ на тех, кто нес личную службу, и тех, кто должен был лишь содержать несших личную службу, но отстранялся от участия в делах государственных. Но это стало возможным только благодаря тому, что на протяжении всей предшествующей истории вся русская народность от Царя до самого последнего крестьянина работала вместе и сообща. Эта работа и создала Россию, создала такие материальные средства, которые позволили содержать армию чиновников, канцеляристов, либералов-космополитов, гуманистов-вольтерьянцев, не знающих ни слова по-русски, западников всех толков и направлений, бомбометателей и террористов, народников-просветителей XIX века с брошюрами Энгельса и Прудона, пошедшими в «народ» и обнаружившими, что в них там не нуждаются, на что они жутко обиделись. Они им — «Бога нет. Царя не надо», «наука доказала», а мужики их по шее и в полицию. Как не обидиться!

Нерусский взгляд на русскую историю закрыл от либералов смысл сословного строя русского государства, его гармоничность и духовность. По этому взгляду все непонятно в русской истории: людей прикрепляли к земле, а они все не убежали; было непонятно, как это Русь осталась на месте, да еще расширилась во все концы, да еще изукрасила свою землю теремами, избами, храмами, монастырями. Удивительно, но сам ландшафт русской земли есть плод труда русского народа.

Было бы понятнее, если бы он разбежался, как в силу своих принципов разбежалась бы при таких условиях либеральная интеллигенция, усиленно пробивающаяся сегодня в наши умы мысль о законности ехать туда, где лучше, оттуда, где хуже — меньше платят и хуже кормят. Для «творческой интеллигенции» это законно, но для русского человека — позорно. И это факт истории.

Отсюда-то и эти идеалы: кто бежал — герой, кто оставался — пребывал в невежестве и косности, раб по натуре, который не бунтовал в силу отсталости. Строили из-под палки, по этим воззрениям, трусливые и невежественные, а ломали предтечи будущего, храбрые и благородные. Строили плохо, ломали хорошо. Но при всей виртуозности разрушения постройка шла своим ходом и своей чередой, население Руси в условиях свободы труда росло быстро (каждые 100 лет — в три раза) и заселяло землю к великому конфузу певцов эскалации «несвободы» в русском обществе. В XX веке литераторы и публицисты создали для будущего разрушения страны образцы новой титулованной знати — борцов за «светлое будущее». Пугачев, Разин и Булавин, да еще Болотников, были увенчаны короной мучеников за свободу человечества. Сколько человек было замучено ими — историки еще не подсчитали. Из них, к слову сказать, два последних были пособниками врагов внешних: первый — шведов, второй ослабил Русь во время нашествия поляков в Смутное время. Бунт хорош только для историков и романистов.

ЦЕРКОВЬ И ОБЩЕСТВО

Среди различных причин, называемых для объяснения быстрого роста русского государства и численности русского народа называют то одну, то другую, но, бесспорно, самая главная из них — это введение христианства, утверждение Церкви, которая сплотила русский народ в единую нацию, единое целое. Крестьянин и князь имели одну веру, одно представление о смысле жизни, о том, что такое хорошо и что такое плохо. Крестьянин требовал от князя и царя исполнения церковных обрядов и заповедей Божиих, а князь и Царь требовали того же от крестьян, мещан, ремесленников и купцов, и все носили высокое имя православных. Это имя не было пустым звуком, оно накладывало твердые требования к личности. Единая духовная основа в обществе была установлена именно церковью. Она гарантировала высокую ценность человеческой жизни вне зависимости от сословной принадлежности. Она учила, что ни земное богатство, ни бедность не есть самое важное в жизни нашей и что высшее требование к человеку может быть осуществлено им на любом месте и в любом звании. Сами по себе ни богатство — не порок, ни бедность — не наказание.

Создание крепкой семьи — заслуга только Церкви. Семья под ее крылом превращается в союз любви, помощи и согласия. С утверждением Церкви в

русском обществе начинается рост народонаселения. Прекращается практика убийства детей, которая была обычным делом в любом языческом обществе. Высоко поднимается в русском обществе значение женщины, определенное уже самим таинством брака. Штраф за нанесенное бесчестье женщине предусматривается уже Русской Правдой. В дальнейшем он возрастает вчетверо против штрафа за оскорбление мужчин. Женщина — будущая мать, жена, сестра вызывает уважение в обществе, ее честь защищается законом. При таком положении русской женщины влияние матери на воспитание детей было обеспечено, а при сильном влиянии Церкви и веры на самую женщину результат домашнего воспитания в народе не мог быть сомнителен. Тем более, что это домашнее воспитание было поддержано общиной и в быту простого народа, и восходило до бояр и Престола царского.

Христианство внесло новое начало в дело помощи немощным, сиротам, увечным, больным и старым. Известно слишком хорошо, что язычество не знало милосердия, жалости, желания помочь бедным и убогим. Слабые должны умереть, по этому воззрению, которое несла и античная культура со своими Платонами, Сократами и Аристотелями. Так поступали и в языческом быту славян: во время голода убивали стариков и немощных женщин. Язычество смотрело на этот вопрос по-животному просто.

Теперь же помощь ближнему вмещается в обязанность христианина. Это его долг на земле. О нем неустанно твердит ему с амвона каждой церкви священник, столетие за столетием, в каждом приходе.

С установлением христианства помощь убогим, пострадавшим от огня, болезней, пожара, а также увечным, сиротам, бедным вдовам, нищим берет на себя Церковь. Эти нуждающиеся в помощи представляются попечению духовенства и монастырей. Общины с принятием христианства становятся приходами²⁶.

Христианство вызывает к жизни вдохновенные токи творчества. Каждая община возводит храм и стремится к тому, чтобы он был благолепным. Она приглашает художников-иконописцев, она заказывает для литья колокола, приглашает священников, содержит причт, обеспечивает все материальные

²⁶ Интересно, что крещение в Веру православную иноземцев рассматривалось как принятие присяги государству. Быть православным — значило быть русским, значило быть человеком православной Общины — Русского государства. Так православие и русская государственность сливались в одно нерасторжимое целое в сознании русских людей до позднейших времен — XIX века, когда народилась из школ и университетов интеллигенция, исповедующая практический иудаизм. Не говорю об интеллигентах по рождению — евреях, влившихся в русское общество как раз в XIX веке и имевших своих сторонников в русском правительстве со времен Александра I (см. «записки» Г.Р. Державина).

средства к богослужению, включая красивую одежду священника, ризы, всю утварь церковную, приобретает потребные книги. При каждой церкви имеется просфирня, и несколько убогих живут при ней. «Нищие на Руси питаются о Церкви и о приходе», как говорят наши древние акты. Церковь и монастырь — тот камень, на котором созиждется вся Россия, и который отвергли «строители» — франкмасоны.

ЦЕРКОВЬ И ОБРАЗОВАНИЕ

С введением же христианства появляется забота и о религиозном просвещении народа, о введении образования, вкоренении через это духовное образование нравственности и умственного развития. Появляются с первых же шагов введения христианства, со св. Владимира и кн. Ярослава Мудрого, духовные училища и школы. Образование народа было предоставлено священникам и дьяконам и распространялось по общинам. Это образование могло дать летопись преп. Нестора, «Слово о Благодати» первого русского митрополита Илариона, житие преп. Феодосия Печерского.

Монастыри становятся крупнейшими духовными общинами, центрами просвещения, образования и ремесел. Здесь свои строители, художники, металлурги, врачи, агрономы, кузнецы, ювелиры, архитекторы, плотники и столяры.

Сколь верна мысль, что образование играет важную роль в истории народов, столь же верно и то, что образование само творит историю, давая направление ее развитию. Для русского народа образование было делом важным, тем более что сам строй жизни предоставлял мало возможности для бесплодных спекуляций мысли. Русское православие дает ответы на вопросы об истине, добре и зле, смысле жизни в форме, вполне конкретной и переживаемой всем человеческим существом. Следует вполне согласиться с философом Н. О. Лосским, что «конкретное вхождение в царство истины, даваемое христианскою религиею, особенно православным культом, содержит в себе более полный ответ на вопрос, что есть истина, чем философия» (Характер русского народа. Изд. «Посев», 1956, с. 33). Формулы даже западного богословия никогда не имели живого значения для Руси. Именно поэтому, беря проблему и с внешней, и с мистическо-религиозной стороны, русское православие неуязвимо ни для католицизма, ни для философской догматики и критики иудо-протестантизма.

Учение сосредотачивается в руках духовенства. В различного рода «Изборниках» того времени, то есть XI-XVIII вв., мы находим сведения по риторике, диалектике, философии, психологии, географии, истории различных народов, богословию. Обязательным по строю русской жизни было и знание арифметики. Все данные говорят за то, что грамотность была почти всеобщей, и даже в послепетровской России грамотных крестьян было намного больше, чем

неграмотных. Обучение грамоте и счету было доступно решительно всем и вменялось в обязанность священникам и дьяконам по всем приходам. Письма крестьян конца XVIII столетия друг другу, жене, детям, из деревни в деревню, приводимые А. Миненко (Живая старина. Новосибирск, Наука, 1989), свидетельствуют, что грамотность была делом обыденным и в самый расцвет «крепостничества и абсолютизма».

Сошное письмо и разнообразные книги, определяющие права и обязанности крестьян — писцовые книги, окладные, рядные записи, всевозможные выписки из нормативных актов, требуемые старостами, крестьянами для повседневной практики общественных дел, торгов, податей, при спорах, — ведение протоколов мирских сходов и поголовное участие крестьян в делах общины и управления делали грамотность необходимой.

В решении Стоглавого собора книжное просвещение соединялось с православием и верою, и собор принял постановление (1556 г.) о необходимости всеобщего образования. В 1682 г. был подписан проект указа об образовании в Москве Славяно-греко-латинской академии. Академия была открыта для всех лиц, без различия звания, состояния, сана, возраста. Ученики подлежали суду только блюстителя Академии. Академии передавалась царская библиотека, и на ее содержание определялся Царем и Патриархом доход с 7 монастырей и нескольких царских волостей. Разрешались дарения, в том числе вотчинами, что во всех других случаях было запрещено. Академия стала первым высшим учебным заведением в России. Через 72 года здесь же, в Москве, был открыт и первый в России Университет. Его быстрый рост был обеспечен именно благодаря существованию в Москве Славяно-греко-латинской академии, дававшей стране подготовленные кадры для Церкви и государственной службы.

Митрополит Иов позднее пригласил братьев Лихудов в Новгород и открыл там греко-славянские училища. Недостаток в образовании всегда живо чувствовался в русском обществе, и, когда наступали мирные времена, правительство и духовенство обращали на него свое внимание, стремясь повысить образовательный уровень общества. Начального образования хватало, но не хватало высшего. На эту сторону и обратило внимание правительство в конце XVII в., открыв Академию. Известный враг патриарха Никона Лигарид имел, между тем, все основания сказать Царю Алексею: «Если бы меня спросили, какие столпы Церкви и государства, то я отвечал бы: во-первых, училища, во-вторых, училища, и в-третьих училища». (См. «Древняя и Новая Россия», 1875г., № IX, с. 15).

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РОЛЬ ЦЕРКВИ

Для того, чтобы представить себе направление деятельности Церкви в образовании народа, надо указать содержание учения, которое распространяла

Церковь в своих посланиях, наказах, поучениях, а также и на способ усвоения этого учения семьей, общиной и государством в целом. Так, в посланиях митрополита Фотия 1416 г. ставятся и решаются вопросы о: 1) самоубийстве как преступлении против православного общества, преступлении, не согласном с учением Церкви. Запрещается хоронить самоубийц на общем кладбище; 2) лихоимстве, которое рассматривается как преступление против любви христианской, недостаток которой среди духовенства не соответствует духовному сану и должен вести к извержению из духовного сословия; 3-м пунктом обсуждается вопрос, можно ли есть пищу, что привозится из-за границы и рассматривалась в народе как нечистая. Митрополит Фотий рассеивает этот предрассудок.

В поучении, данном священникам в 1499 г., им предписывалось «не принимать в дар церкви ни свечи, ни просфоры от неверных, еретиков, блудников, татей, разбойников, резомцев, клеветников, волхвов, четвероженцев; далее от тех, кто челядь или прислугу свою морят голодом, наготою и ранами безвинно; равно как от волостелей немилосердных» (Лешков. История русского общественного права до XVIII века. М., 1858, с. 437).

В послании Фотия от 1426 г. митрополит требует от посадников суда правого, «от нарочитых людей — правды в торговле» и от всех милосердия к нищим (там же, с. 437).

В окружных посланиях епископов, в посланиях митрополитов и патриархов постоянно обращается внимание, чтобы по воскресеньям никто бы не работал, запрещается ввоз вина в общину. Для правительственных лиц направлены особые акты Церкви, как, например, известный под названием «Мерила праведного», в котором освещались понятия христианские о суде и правлении (ук. соч., с. 438).

Эти обращения, послания, устные проповеди, наставления, акты укореняли в представлениях народа понятия евангельские, церковные и отвечали на все запросы человеческого духа в их применении к частным случаям жизни в семье, общине, государстве; они были обращены ко всем мельчайшим движениям человеческой души.

Правительство, в свою очередь, стояло на страже веры. В наказе Сибирскому воеводе на Верхотурье от 1649 года предписывалось наблюдать за тем, чтобы все ходили в церковь и чтобы не было в народе пьянства, азартных игр и чародейства (ук. соч. с. 442). В 1669 г. в Москве стольника князя Оболенского посылают в тюрьму за то, что у него в воскресенье на дворе работали его слуги и сам он сквернословил. Царское правительство требовало от народа в той же мере соблюдения христианских обязанностей, в какой сам народ требовал от правительства стоять на страже «древнего благочестия». Религиозность и нравственность были делом совести и чувства всего народа,

все боялись прогневить Бога! Воистину, по слову св. Иоанна Златоуста, «корень благих — страх Божий».

В тяжелые дни для всего народа, когда от голода или от мора гибли тысячи людей, тревожный колокольный звон плыл над Русской землей: Церковь объявляла всенародный молебен, покаяние, исповедь и причастие Св. Тайн, крестные ходы.

Высшим выразителем национальной идеи, венцом русского народа в его сознании патриотического долга, подлинным оплотом русской национальности во все года существования Руси был священник, сельский батюшка. Он, как и все селяне, пахал и сеял, но он служил службу и наставлял народ в истинах веры. Он, как никто другой, выражал интересы и саму душу русского народа. Это они, приходские батюшки, проводили в жизнь спасительные идеи мира и добра в русском обществе. Это они стояли на пути разного рода анархических учений. Словом и делом священники поддерживали верность Царю и России среди поселян во всех уголках страны. Это они выступили на борьбу с польским влиянием в западных областях наших, поспешили открыть школы при церквях на свои малые средства. Они же и первые страдали от врагов, они первые легли мученической смертью в первые же годы власти большевиков. «Упокой, Господи, души усопших раб твоих!»

УЧЕНИЕ ЦЕРКВИ В ОТНОШЕНИИ К БЕДНОСТИ, БОГАТСТВУ И СОСЛОВИЮ, ТРУДУ И СЕМЬЕ

И здесь следует сказать о принципиальной разнице в учении революционеров, демагогов, социалистов разного рода от учения Церкви. В учении Церкви никогда не присутствовало представление о равенстве имуществ или состояний и сословий. Церковь всегда признавала неравенство в этой области как естественное следствие неравенства способностей, сил и дарований, данных Богом. Различие и неравенство дано изначально. Как в теле человеческом, так и в теле гражданском существует различие. Богатство и бедность одинаково возводятся в средство душевного спасения (см. «Московский церковный вестник», 1989, №8-10). Дело не в богатстве и бедности, а в отношении к ним. Порок в корысти, а не в сумме денег.

Цель христианского вероучения состоит в том, чтобы научить человека довольствоваться своим положением в настоящей жизни, быть полезным в обществе, честно исполняя свой долг, и стремиться достигнуть своего блаженного предназначения в вечности. Для этого христианин и должен усвоить себе великое благодеяние, изливанное на род человеческий через Иисуса Христа и через утверждение Им для нашего спасения Церкви. Христианское вероучение внушает нам, что Бог есть любовь, что Отец небесный не пощадил и едиnorodного своего Сына, но предал по любви к людям Его на крестную смерть, чтобы всякий верующий в Него не погиб навеки, но спасся. Для

руководства же к блаженной вечности Спаситель и учредил свою Церковь, ниспослав на нее Дух Святой.

Что пользы человеку, если он поработится позорным страстям, хоть и приобретет при этом все золото мира? Не обуздывая своей чувственности, разжигая в себе пламень ненависти к неким врагам, борясь как бы за счастье человечества, готовя ему бомбы, лагеря, смерть и разрушение, куда заведет человечество такой пророк? Но не безразличие к порокам внушается христианину, а борьба с ними. Ревность по Боге — это долг любящего сердца защищать свое православное отечество и чистоту веры, не отдавать святынь на поругание, но положить жизнь свою за них и тем обрести вечную славу на Небесах.

Не будем забывать, что именно христианство провозгласило устами самого Спасителя необходимость труда. Из проклятия в языческом мире, а именно в таковом качестве труд выступает и у Платона, и у Сократа, и у стоиков, и у гностиков, и у манихеев, этих предтеч масонства, труд превратился в необходимость и обязанность каждого христианина. Неважно, кем ты трудишься, важно, что ты трудишься добросовестно. Мытарь или плотник, рыбак или врач, всяк, по слову Апостола, оставайся там и трудись честно.

Религиозно-нравственные начала от семьи, личности восходили до государственного управления и оттуда входили в указы, грамоты и законы. Твердые правила христианской нравственности утверждали семью, способствовали увеличению численности народа, вносили ясные правила в управление страной. Царь православный — батюшка, патриарх-владыка, священник-пастырь, крестьянин-христианин, и все при одном деле.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Историки, воспитанные на западных образцах социальной мысли — Милюков, Чичерин, Пыпин и другие, отмечали с грустью, что Московская Русь не знала административной централизации. Милюков писал, что общество было отдано себе же на поруки, и что между обществом и правительством никакого аппарата управления не было (Очерки русской культуры, тт. 1, 2). Чичерин же, автор «Областных учреждений в России XVII в.» также отмечал, что и поддержание дорог, и устройство почты, и сельское хозяйство, и городское, и торговля, и судопроизводство — все находилось в руках общин, так же как и образование, и промышленность, и дело призрения, и ратное дело.

При таком доверии между обществом и правительством не было и нужды в аппарате чиновников. Чичерин пишет: «Все шло в Руси не по теоретическим началам, а по практическим потребностям; не было одной общей административной системы; напротив, предписывалось воеводам: «Что в прежних наказах добро и прибыльно, того и теперь держаться, а что в прежних

или настоящих, вновь, на их имя данных статьях найдут они на месте не пристойным, то делать, смотря по тамошнему делу или, как их Бог вразумит» (Областные учреждения в России XVII в. М., 1856, с. 88).

Удивительным благоразумием, доверием к своим воеводам дышат эти слова Царя. Обратим внимание и на то, что в подмогу воеводам в управлении жителями выбирались подьячие «из лиц, кто всему городу был люб» (с. 591). Чичерину не нравилось, как и другим западникам, «бессилие» центральной власти, отсутствие классовой борьбы и борьбы боярства за привилегии. Чего не было, того не было в Русской истории. Сила же центральной царской власти покоилась не на противостоянии с народом, а на общем понимании с народом своих задач. Дело государево и дело государственное сливались в одно дело всей Руси, всех сословий. Только XVIII век пролил целительный бальзам на мятушуюся и принципиально подражательную душу русского либерала. Появились привилегии и борьба за власть, интриги и перевороты — все, как «там». Появились и сами либералы, и их комфортные кабинеты, и движение по службе от удачного переписывания бумаг и составления квартальных отчетов и годовых. Путеводная звезда чиновника — карьера — стала подменять живое дело государево. В канцелярском дожде входящих и исходящих бумаг стали теряться перспективы русской народной жизни.

По правде сказать, административное начало и после Петра не было всеобъемлющим. Чиновник бессильно останавливался у границ крестьянской общины. В управлении же областном основное значение имели не чиновники, а дворянство до самой реформы 1861 г. На губернию приходилось не более одного — двух жандармских офицеров и в середине XIX в. В сельской местности полиции почти вовсе не было до самого конца империи. К чести русского правительства, и в период крепостничества, то есть в XVIII в. и первой половине XIX, ни Сенат, ни Царь никогда не настаивали на проведении в жизнь тех своих распоряжений, которые крестьяне отказывались признавать и исполнять. Примеры тому можно найти в упомянутой книге А. Миненко.

ВЗГЛЯД НА РУССКУЮ ИСТОРИЮ СО СТОРОНЫ

Если в прошлом веке и начале нынешнего западники полагали наличие цивилизации в прямом отношении к количеству тюрем и полиции и, не находя их в достаточном количестве на Руси, искренне огорчались, что все у нас «не так», то теперь опять не так, но Руси приписывается избыток тюрем и полиции. Теперь у публицистов Русь стала страной деспотической. Опять не то, что надо. И то, что и полиции не было, и то, что и преступлений политических законодательство Руси не знало до самого Уложения 1649 г., и то, что и при «самом» Николае I жандармов на всю Россию было в разные периоды от 20 до 40 человек, а политических ссыльных на 1856 г. около 115 чел., и то, что цензура на научную литературу вообще отсутствовала и Московский

университет получал любую печатную продукцию свободно, и то, что в стране не было никакой общеобязательной идеологии и само процветание русской литературы — все это не помеха для желающих найти в русской истории то, чего никогда не было — деспотизма. Лосский замечает: «В числе парадоксов русской жизни один из самых замечательных тот, что политически Россия была абсолютной монархией, а в общественной жизни в ней была бытовая демократия, более свободная, чем в Западной Европе» (ук. соч. с. 54). А ведь Лосский знал, что говорил: он прожил при «гнете самодержавия» 47 лет, а после еще почти 40 лет в Западной Европе.

Именно зная историю и будучи вполне русским человеком, он пишет: «Великая Российская империя с абсолютной монархической властью создавалась не только благодаря усилиям правителей (как будто это вообще возможно. — В.О.), но и благодаря поддержке со стороны народа против анархии». (Лосский Н. О. Характер русского народа. Посев, 1957, с. 52) Лосский делает вывод: «Не будь войны 1914 г. и большевистской революции, Россия, благодаря сочетанию бытовой демократии с политической, выработала бы режим правового государства с большею свободой, чем в Западной Европе». Сошлемся еще раз на этого автора: «Не надо, однако, преувеличивать недостатков самодержавной власти. Люди, не знающие русской культуры, обыкновенно воображают, будто русское самодержавие было деспотизмом и государственная жизнь России была варварская. Это грубое заблуждение». Это живое свидетельство, отнюдь не единичное, человека европейски образованного, на своей собственной судьбе, не теоретически узнавшего жизнь Запада и способного сравнить его с царской Россией. Уточним сказанное: пока смысл русского дела был ясен всем — Россия стояла твердо.

Не менее интересно свидетельство и другого лица — графа И.И. Толстого (1858-1916), либерала, отчаянного юдофила, кадета по убеждениям и политической деятельности, заговорщика в пользу государственного переворота во время Мировой Войны, а, следовательно, и масона, на квартире которого последние и собирались для обсуждения своих планов, то есть человека во всех отношениях прогрессивного и благородного. Граф И.И. Толстой короткое время успел даже побывать министром народного просвещения в правительстве другого графа — С.Ю. Витте, тоже либерала, юдофила, демократа и кадета по убеждениям, и, вероятно, и масона. Граф И.И. Толстой ежегодно проводил пару месяцев, как это вообще водится у культурных либералов, юдофилов и демократов, где-нибудь во Франции или Италии с заездом в Швейцарию и проездом через Германию, с посещением интересных уголков последней. Так вот, граф И.И. Толстой записал в своем дневнике за 17 октября 1906 года свои впечатления от цивилизованной Франции, сравнивая ее порядки с русскими: «Целый день бегали по Парижу, благо погода была отличная. Но Боже! Все же какой Содом! И какие контрасты бедности и безумной роскоши! И это в

республике, да еще при существовании у власти социалистического министерства и радикал-президента! Вот где наши теоретики революции могли (бы) воочию убедиться, что не в форме правления и не в личности правителей дело, а только в самом человеке. А у нас в России ожидают на сегодняшний день беспорядков, может быть кровопролития, только на том основании, что ровно год тому назад правительство наше обещало предпринять демократические и либеральные реформы и что по мнению одних, оно обещало слишком мало, по мнению других — слишком много, по мнению третьих — недостаточно быстро и откровенно исполняет обещания; из-за этого находят нужным одни убивать бомбами и револьверами, другие — вешать и расстреливать ... Каждый раз, как бываю в Париже, у меня с первого дня появляется сознание, что из демократической монархии (т.е. России — В.О.) я попал в плутократическую республику, из страны фактического равенства и бедности, где, однако, нет юридического равенства, в страну чудовищного фактического неравенства при существовании равенства юридического ... для меня, русского, есть — что-то в высокой степени противное в бесстыжей роскоши, которую замечаешь здесь на каждом шагу и о которой у нас не имеют понятия.» (Толстой И.И. Дневник 1906-1916 г., М. 1997 г., с.42).

Богатство, роскошь — это, конечно, прекрасно, а бедность противна и унижительна, нищета же и вовсе вещь безобразная и мучительная. Но надо помнить, что в России продукты питания были почти самыми дешевыми в Европе и самой бедной семье не составляло труда прокормить шесть — восемь детей, даже если глава семьи работал мелким конторщиком на железной дороге или на заводе. Поэтому, несмотря на бедность основной массы народа в России, численность русского населения за сто лет утроилась! Сличая с нынешним пониманием бедности мы можем сказать — бедность бедности рознь. К тому же общее благосостояние народа с конца XIX века постоянно росло, а народное хозяйство шло в гору. Этот пример показывает просто, каких результатов могла достичь Россия и в самых трудных политических условиях при наличии войн, забастовок, революционного террора и даже при не очень высокой организации производства, при определенном разгильдяйстве и не высоком образовательном уровне работников, когда у власти находилось русское правительство, хотя бы и с немецким колоритом, которое сумело создать вышколенный чиновничий аппарат и которое не ставит себе целью угробить собственное население и задавить русскую деревню и всю промышленность ценообразованием, отсутствием кредитов и налогами. Когда правительство думает действительно о своем народе, а не о том, как его ограбить во имя то «революции», то «реформ» — смотря по вкусу правителей, творящих тикун (евр.), то есть «исправление» страны и народа, по своим планам.

Не надо также забывать, что достоинств без недостатков в нашей жизни не бывает, и что мало привлекательные некоторые черты русского национального

характера, вроде упомянутого разгильдяйства, делать многое на «авось» есть просто продолжение его таких положительных качеств, как терпение, неприхотливость и талантливость, которые помогли ему стать на уровень мировой нации. С немецкой пунктуальностью, жесткостью или с еврейской изворотливостью и расчетливостью на российских просторах, среди лесов, болот, снегов и пустынных просторов, среди сотен народностей и в трудных климатических условиях государства не создашь. В тем более такого огромного и миролюбивого при этом, какой выросла из небытия некогда Русь, а потом и Российская Империя. Да еще при таких малых материальных силах, малой численности населения сравнительно с территорией. Но это — лишь отступление от темы, что-то вроде дивертисмента. Более интересно замечание графа И.И. Толстого о наличии фактического равенства в Российской Империи. Заметим, что запись в дневнике сделана в год 1906, когда, согласно учебникам по истории в России продолжалась еще первая революция, что еще вовсе гремели выстрелы из-за угла, шли чередом теракты, периодические грабили инкассаторов, заводские кассы и магазины «во имя революции». Революция же шла, то есть гремели выстрелы и шли грабежи, во имя равенства и свободы. Что имелось в виду под словом «свобода», стало ясно сразу после октябрьской революции.

Толстой приводит в своем дневнике рядом с предыдущей записью и мнение знаменитого Дягилева по той же теме: «Дягилев, будучи убежденным врагом старого режима, испытавши на себе французские «республиканские» порядки, ругал их ругательски, причем выражает мнение, что если в России с переменной режима предстоят те же прелести лжи, интриганства и искательства, то, пожалуй, лучше остаться при старом.» (там же, с.44).

Русская жизнь дореволюционной поры была полна тех патриархальных прелестей, которые ругают, когда они есть, и о которых рыдают, когда их больше нет. К России не прививался аристократизм и представления о ценности породы. Не прививался просто потому, что этих представлений нет в христианстве и они глубоко чужды православному вероучению. Это ведь только в язычестве и языческой культуре есть деление людей и народов по сортам. И в этом смысле в России, среди русского народа царствовал демократизм в исконном значении этого слова.

Есть что-то глубоко парадоксальное в оценке Самодержавной России большинством историков как наших, так и зарубежных. Пока в России господствовал идеологический плюрализм, пока в ней каждый человек мог придерживаться любой мировоззренческой философии, пока была, по существу, свобода печати — по крайней мере с 1905 года, и пока в ней была — с того же года многопартийная система — был «деспотизм», а Россия была «тюрьмой народов», в которой почему-то народонаселение, не только русское, быстро росло в числе, поскольку «почему-то» и женщинам хотелось рожать детей, и

семьи были крепкими и надежными. Пока в стране был суд присяжных — с 1864 года, и судьи были независимы — в России был «деспотизм» и «правовой беспредел». Пока Россия быстро шла в хозяйственном отношении в гору и переживала с 80-х годов XIX века промышленный бум — Россия была «страной отсталой» и чуть ли не «колонией Запада». Пока в России было местное самоуправление — земство до уездного уровня, а затем и Государственная Дума с мощной оппозицией, воистину непримиримой — «в России не было демократии». Пока жители России не знали самого значения слов «очередь», «талоны на продукты» и «достать» и всё могли купить в магазине — «в России была нищета». И так далее. Как только была введена единая куца, чисто иудейская и обязательная для всех идеология, и началось тотальное уничтожение русского провинциального мира, крестьян и тех, кто был рядом, — «началась эра свободы и процветания». Как только миллионы людей были обречены кремлевской новой властью бронштейнов и апфельбаумов из еврейских местечек на голод и вымирание — «началась эра свободы и счастья».

Как только исчезло всякое понятие о свободных выборах в местные органы власти — появилась «демократия». Причина такого отношения к царской России и, в сущности, к истории русского народа, а, следовательно, и к нему самому кажется очевидной. Русская история пишется не с позиций интересов русского народа и не глазами русского человека видится. И не понятиями живой реальности она, эта история, описывается. Ее задача, по самой ее методике — «классовой» и «объективной» во-первых, доказать и проиллюстрировать догмат «прогресса» и превосходство «всемирной культуры» и единой цивилизации над любой самобытностью, как разрушающей концепцию иудаизма о движении мира и Вселенной к Всеединству. А во-вторых, доказать, «интеллигентно» и часто по-хамски, что русский народ сам ничего толкового и умного создать не мог. Заметим сразу, что при этом всячески обходится вопрос о богатстве и неповторимости русского языка, который никакой «прогрессивный народ» и никакая «Всемирная культура» породить из себя не могли. Нужно было доказать, что без талантливого еврейского народа ничего хорошего в России произойти не может, ибо он есть локомотив «прогресса». Для конца XIX века и начала XX эта идея стала актуальной, а для «страны победившего пролетариата» только такая концепция истории, в которой оплевывается — «культурно», конечно, словами наукообразными — все исторически русское: от бояр, царей и князей до самой нашей святой Православной Церкви и ее святых — все это стало просто главным содержанием нового, иудейского по сущности, вероучения. Методом идейного террора.

Любопытно в этом смысле прочитать страницы дневника знаменитого русского историка Ивана Забелина, человека, вообще говоря, либеральных взглядов, но который, глядя на «революционные» еврейские безобразия 1905 г.,

вдруг как-то поправел. В июне 1905 года он записывает в своем дневнике: «Июнь 1905 года. Россия на смертном одре! В каждом номере газет всяких направлений, особенно в газетах жидовского направления, в одних читают уже отходную, а, других поспешно служат панихиды по умершей, и читатель, перевертывая страницы с множеством подтасованных телеграмм о забастовках, убийствах, пожарах и т.д. с приложением животрепещущих повестушек и подходящих анекдотов о жизненных безобразиях умирающей, о карикатурном ничтожестве ее существования, читатель, повторяю, терпеливо просматривая эти ужасы и всякого рода издевательства над умирающей (Россией — В.О.), невольно приходит в полнейшее отчаяние, как это засвидетельствовал читатель «Русских Ведомостей»...

Так создавалась обстановка морального террора в отношении чувства русского национального достоинства. Не без самого активного участия русских оборотов и духовных пролетариев, у которых нет даже собственной головы. Это не какой-то надуманный и для определенных целей созданный «антисемитизм», то есть для целей торжества самого семитизма. Культурно-идеологическое пленение давно в нашем мире предшествует пленению политическому и хозяйственному. И с Россией именно так и произошло.

И И.Е. Забелин продолжает записывать в своем дневнике: «Россия на смертном одре! Громко раздастся во всем газетном мире за долами и горами, за морями и океанами, во всех больших и малых городах.

Не надо обладать собачьим чутьем, чтобы достоверно узнать, почувствовать, увидеть, что весь этот всемирный гвалт воспроизведен и ежеминутно воспроизводится жидовским всемирным кагалом, всемирным жидовским заговором против России, в котором усердствуют и русские пошляки всякого роданастанет суд истории, которая прямо скажет свое правдивое слово. *Вечный жид* (курсив Забелина) будет обличен в своих бесчеловечных интригах.

Русская история помнит не одно нашествие на Русскую землю иноплеменных теперь революционное видим нашествие евреев, хотящих подобно татарам поработить себе всю землю, владычествовать над нею из конца в конец, с какою целью они и выставляют русский народ как самый негодный из негодных, представляют Европе и всему миру во всех видах эту негодность, а себя выдвигают как единственное культурное племя, способное осчастливить землю своею интеллигентною силою.

Уже теперь Святая Русь уподобилась больному Льву из Крыловской басни, которого без боязни ругают все и всякие Ослы ... Каждый номер жидовских и жидовствующих газет с горячим старанием сочиняет картинки народного быта, унижающие русского человека, представляемого в скотообразном виде. Или под именем бюрократии чернят всякими черными красками существующую жизнь.

Идет несчастливая тягостная война (русско-японская 1904-1905 — В.О.), и ниоткуда в газетах ни слова одобрения, помощи. Напротив. все в запуски трактуют общие беспорядки в армии, во флоте и повсюду наводят уныние, страх и отчаяние, в соответствии и сравнении излагают торжество Японии во всех подробностях.» (Забелин И.Е. Заботами царской семьи. (Дневник)) — «Слово», 1997 г., № 7-8, ст. 28-29).

Собственно говоря, историк Забелин — человек безусловно добрый и огорченный очевидным попранием принципа «интернационализма» говорит нам о том, как делалась революция: методом морального террора и умственного подлога, как внушалась и зачем мысль о неспособности русских самим решать свои национальные и исторические задачи без. помочей гениальных еврейских политиков, идеологов и финансистов. И вот почему, строго говоря, сегодня нам приходится объяснять друг другу, что та Россия прекрасно обходилась русскими средствами, без «прогресса», без «марксизма» и без «демократии» и что жизнь в той России была тихая, привольная и добродушная. Понятно, были и пьянство, и обманы, и бунты. Рая не было. Но сравнительно с последующим кремлевско-еврейским периодом нашей истории — там была едва ли не райская жизнь. Да и потом, — Россия ведь не с неба упала. еще ведь надо было создать то, что потом, при большевиках и демократах, будет разрушаться и разворачиваться на глазах у цивилизованного мира и к его великой радости как раз «избранным племенем».

Мы много забыли, а что помним, боимся иной раз трогать в печати по понятным причинам. Но в добавление к сказанному Забелиным и, чтобы пояснить тему, отчего нам вообще приходится доказывать, что днем светлее, чем ночью, если, конечно, не горят очень ярко фонари, и вы не находитесь в подвале, надо вспомнить, как уже в семидесятых — начале восьмидесятых годов, т.е. каких-то 10-15 лет назад, вдруг в воздухе что называется зашелестело от знакомых и незнакомых евреев, что русские по тупости своей испортили такую замечательную идею, как коммунизм. И все беды от того, что евреев нет в руководстве страны. Конечно, это чистой воды сказка — о руководстве-то, но дело не в этом. Вдруг заговорили, что если бы такое талантливое и даже гениальное племя стало бы у руководства страны, то жизнь бы стала едва ли не райской. И только и слышалось, что о тупых русских и о сверхгениальных евреях. Свято уверовавшие в дружбу народов мы как-то сами записали себя в младшие братья. И вот уже от своего знакомого русского слышишь: «старик, ну чего там говорить, люди — то они, не чета нам, с большим умом.» И с этим можно искренно согласиться — не чета. Таких доверчивых и добродушных, как русские, можно найти только разве еще среди хантов, манси и чукчей. Но в нашем мире эти качества ценятся только в том же смысле, как ценятся шкурки соболей и морских котиков: от них польза окружающим. Сегодня стихли эти разговоры на улицах и в частных беседах. Отчего бы? Причина проста:

невыгодно демонстрировать гениальность на примере разворовываемой и нищающей страны. Еврейские лидеры, политики и финансисты, сегодня у власти, причем в самом чистом демонстративном виде. По плоду познается дерево, гениальность и талантливость тоже. Никто не оспаривает талантливость еврейского народа, но хотелось бы получить от неё пользу. Однако больших хозяйственных успехов почему-то нет. Культурных успехов тоже. И мы снова возвращаемся к строкам из дневника историка Забелина и видим, что перед нами все та же политическая парадигма, как принято нынче говорить, та же метода морального и идейного террора. Мы даже можем узнать, читая об отношении газет того времени к русской армии во время русско-японской войны, отношение телевидения и газет «демократического направления» к русской же армии во время нынешней войны в Чечне.

Между тем, реальность такова, что приходится снова возвращаться к страницам русской истории и приводить свидетельства современников о жизни в Самодержавной России и разбирать по строкам то, что было о ней написано и почему именно так, а не иначе.

У нелюбимого дитя, по народной пословице, всякая строка — в лыко. Историки «победившего пролетариата» не любят России национальной и самобытной. Самодержавной и Православной. Она их раздражает и злит. В течение десятков лет, в окружении концлагерей, они сообщали нам о расцвете свободы и благоденствия, принесенного «Великим Октябрем». Среди уничтоженных русских деревень, доведенных большевистскими оккупантами до полного вымирания, среди грязи и нищеты коммуналок они годами рыдали о тяжелой судьбе русского крестьянина и страшной доле рабочего человека при «царизме». При свете костров от сжигаемых книг они стонали, описывая злключения единственной книги Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Обливая грязью русскую историю, они твердят нам о каком-то научном подходе, об интернационализме, не забывая выпачкать грязью русских Вождей, иерархов Русской Церкви, аскетов и святых, верных слуг Отечества и Престола. Что же здесь удивительного, если учесть, что все профессиональные историки нашей страны вскормлены на основах, враждебных русскому национальному началу, русской истории и истории вообще. Марксизм столь же противоречит самому понятию истории, как «учение» Лысенко основам биологии. История человеческого духа, борьбы добра и зла, явленная в делах человеческих, заменена на бухгалтерские счета и жаргонный талмудизм. Бандиты, уголовники, параноики превращены в героев человечества. Глубокая ненависть к русской истории и православной церкви «советских историков» заставляет их применять готовые клише, растаскивая по разным углам деяния русских людей. Им как бы неведомо, что именно при Царях Россия только и была государством национальным, что именно Цари пеклись о процветании искусств. что благодаря Императору Николаю I мы имели «золотой век»

русской литературы. Что он материально поддерживал всех русских литераторов, давал им пенсии (Гоголю, Крылову и другим), платил долги Пушкина и проч., и проч. Зачем же бесконечно лгать на тех, кому мировая культура обязана поставить памятники в крупных городах: от Екатерины II до Императора Николая II. Тем более, что в России, как они утверждают, все делалось по произволу царей. Следовательно, расцвет литературы и прочих искусств — тоже.

Живые свидетельства очевидцев той поры доносят до нас образ совсем другой России — благодушной, пронизанной тонким чувством красоты и одухотворенности музыкального народа, гордого и трудолюбивого. Желание спроецировать туда свойственное большевизму человеконенавистническое чувство злобы, зависти, презрения к честному труженику, крестьянину и помещику. Царю и священнику, купцу и извозчику, казаку и стрельцу, городовому и генералу стать же понятно, сколь и противно любому человеческому чувству, и прежде всего исторической достоверности.

Приведем свидетельства англичанки Марты Вильмот, написанные ею в 1804 г., о России и русских: «В России нет религиозной вражды и дух терпимости таков, что даже неграмотные крестьяне как бы по наитию понимают, что у людей других национальностей имеются свои, не схожие с их собственными религиозные обычаи» (Письма сестер М. И. Вильмот из России. М., 1987, с. 253). И о самих русских крестьянах периода расцвета крепостничества, пика эскалации «несвободы», «выжимания последних соков» из крестьян: «...На небольшом лугу против моего окна около 150 мужчин и женщин косят траву. Все мужчины в белых льняных рубахах и штанах..., а рубахи подпоясаны цветным поясом и вышиты по подолу ярко-красной нитью. Вид у них очень живописный; лгут те иностранцы, кои изображают русских крестьян погруженными в праздность, живущими в нищете. Дай Бог нашим Пэджи... наполовину так хорошо одеваться и питаться круглый год, как русские крестьяне. Конечно, противоречия имеются в каждом государстве, но если, сравнивая два народа, посчитать основными вопросами те, что относятся к условиям жизни (достаточно ли еды, есть ли жилище, топливо и постель), то русские, вне всякого сомнения, окажутся впереди... в интересах самих господ хорошо обращаться со своими крепостными, которые составляют их же богатство; те помещики, которые пренебрегают благосостоянием своих подданных и притесняют их, либо становятся жертвами мести, либо разоряются» (с. 277).

М. Вильмот провела в России несколько лет и знала, что она пишет. Просветительская литература, введшая в оборот идею разделения народа на два лагеря — тиранов и народ в рабском состоянии, который должен быть освобожден «избранным» меньшинством, — заставляла видеть либералов то, чего не было. Эти образованные на нелепых книжонках и нелепых идеях

интеллигенты, «гуманисты», приученные с детства смотреть на себя, как на призванных быть орудиями самой судьбы, видели поначалу в студентах предтечу будущего, потом в крестьянах и, наконец, в рабочих.

Им нужен был забитый мужик, и они его видели. Иногда, правда, сбрасывали с себя эту сонную одурь лжи предвзятых идей, и тогда действительность являлась им так же непосредственно, как Марте Вильмот.

Вспомним любопытный эпизод, происшедший с А. С. Пушкиным. Он ехал в дилижансе из Москвы в Петербург и в беседе с англичанином «обратился к нему с вопросом, что может быть несчастнее русского крестьянина». Англичанин ответил: «Английский крестьянин». «Как! — удивился Пушкин, — свободный англичанин, по вашему мнению, несчастнее русского раба?.. Неужто вы русского раба почитаете свободным?» Англичанин ответил: «Взгляните на него: что может быть свободнее его обращения с вами? Есть ли тень рабского унижения в его поступки и речи?»

Через некоторое время Пушкин вдруг уже от себя пишет: «Взгляните на русского крестьянина: есть ли тень рабского унижения в его поступки и речи? О его смелости и смелости и говорить нечего. Переимчивость его известна; проворство и ловкость удивительны» (Пушкин А. С. Мысли на дороге. Собр. соч. под ред. Морозова, 1903 г., с. 365-368).

Что же, изменилось так резко положение крестьян? Отнюдь. Изменился взгляд. Пушкин увидел действительность не глазами Радищева и «освободительной» литературы, а трезвым и непредубежденным взглядом.

Таким образом, формула Русской Правды — это христианские, самоуправляемые общины под скипетром самодержавного Царя, лично ответственного перед Богом за вверенную ему страну.

МАСОНСТВО — ПОДГОТОВКА И РИТУАЛ

Истоки либеральных идей нас сегодня особенно должны заинтересовать. Эти идеи полностью враждебны традиционным началам русской жизни. И вот интересно, не увидим ли мы в них самих себя, свои заблуждения, свое рабство, подчинение лжи. Развезать ложь — это значит увидеть, кто в ней был заинтересован, какими интересами она создавалась, кто ее вскармливал и отправлял в путь по страницам русской литературы и журналистики. Идеология — могучая и всеобъемлющая ложь, имеющая видимость правды за счет привлечения всевозможных обрывков идей философии, научных терминов, особенно же за счет своего языка, состоящего из аллегорий, иносказаний, свернутой лексики, недомолвок. В ней — все работает ради одной единственной идеи — придать вид законности незаконной власти меньшинства над большинством, власти мертвой догмы и ее жрецов, призванных разорять и убивать. Но в том-то и дело, что меньшинство служит богоборческим силам

сатаны под видом гуманитарного безбожия... Поэтому такая власть неизбежно будет выступать в идеологии как «самая народная», как «исторически обусловленная», «несущая и зовущая», иногда отступающая, но неуклонно и только она ведущая...

Увы, куца ведет человека безбожие и неприятие Церкви, хорошо известно: «там будет плач и скрежет зубовный», по Слову Спасителя.

Прежде чем эта догма со своими иерофантами сформировалась в новое время, она жила в нелегальных обществах средних веков, затем ставших почти легальными, постепенно пропитывая правительственный аппарат и легализуясь в XVIII в. В борьбе с христианской культурой и с самим Словом Божиим она окончательно сформировалась, приобрела законченную структуру, лексику, понятия, отработала наиболее динамичные лозунги, выработала свой язык и формы борьбы за власть. Говоря о 30-х и 40-х годах XIX в. П. Н. Полевой пишет: «Все политические и общественные партии (имеются в виду «западники» и «славянофилы» — В.О.) воспитавшиеся в период сильнейшего развития философских систем и теорий, перенесенных с Запада на русскую почву, стремились применить их, так или иначе, к вопросам русской жизни. Но русская жизнь влеклась такою неприглядною колеёй, рамки ее были и так тесны, и узки, что всем приходилось утешать себя только мечтами о будущем и в нем строить и воздвигать свои идеалы, в нем искать осуществления своих надежд, основанных на последнем выводе западной науки и новейших философских систем. Ни одна из существующих партий не была довольна настоящим; каждая из них относилась к нему с порицанием (иногда чересчур строгим и совершенно несправедливым) и отрицала даже все то, что последующие поколения русских людей оценили по достоинству. Вообще — отрицание и сомнения носились в воздухе» (Полевой П.Н. Век нынешний и век минувший. «Исторический вестник», 1887, т. XXVIII. с. 176).

Век, прозванный философским, век XVIII перешел в XIX век, сменив кумиров, но не изменив своей сущности. По этому воззрению «философскому» все народы суть одно. Все они должны проделать один путь развития. Есть одна столбовая дорога, по которой следует идти всем. Впереди стройными колоннами идут «просвещенные» народы, за ними, нехотя и упираясь, остальные. В принципе допускаются фланговые заходы, блуждания по дебрям невежества, «национализма», но в конце концов и они будут обязаны выйти на столбовую дорогу цивилизации. Об истоках этих унифицирующих идей будет сказано ниже.

На этой столбовой дороге не будет никаких церквей и никаких наций. никаких сословий и ничего самобытного, кроме пары лаптей в музее и сарафанов для праздников. Все, кто противится вступить на эту дорогу, будут уничтожены «историей». Эта «история» властно призвала к себе жрецом

философов, воспитала их в «нужном» духе, сделала их «сознательными» и бросила на «передовые рубежи» цивилизации. Горе тем, кто не хочет последовать за жрецами. На примере такого «жреца» Ткачева (см. ниже) можно видеть воплощение этих идей в программу революционной практики.

Вспомним: поколения либеральной интеллигенции строили свои идеалы устройства человеческого общества на «последнем выводе западной науки и новейших философских идей». Они были настолько догматизированы, эти либералы, что им в голову не приходило, что: во-первых, у науки нет и не может быть последнего вывода: во-вторых, то, что они принимали за науку, было на самом деле идеологической метафизикой: подлинная наука не несет никакого мировоззрения, ни химия, ни физика, ни биология, ни математика, ни генетика, никакая. На ее основе нельзя построить никакого общества, «научно обоснованного». В-третьих, жизнь человеческого общества нельзя строить по какой бы то ни было философии, как созданию искусственному и упрощенному человеческого разума.

Эти самообольщения либеральной интеллигенции несомненно сродни алхимическим занятиям московских розенкрейцеров: создать искусственную жизнь в пробирке, стать самим Демиургом, заместить самого Бога, самым по своим талмудо-каббалистическим меркам сотворить космос человеческого общества. Отсюда эта распространенная масонская символика: пирамида (человеческое общество) со снятой вершиной — Богом. Его место занимает каббалист-алхимик или революционер-коммунист, смотря по обстоятельствам времени и страны²⁷.

Отсюда эта мелочная опека правительственными чиновниками решительно всех сторон жизни утопийцев, жителей обетованного рая средневековых мечтателей-проектистов и их преемников — членов масонских лож нового времени; все рассчитать, за всем надзирать и все регулировать: рождение, брак, любовь, распределение по рабочим местам, форму одежды, количество положенного на одного человека-работника белья — в год, материал посуды для еды, время обеда, завтрака и ужина, отдых, сон и пр. Все города — государства счастливого будущего строятся по каббалистическим законам: беспрерывно круглые, имеющие в центре правительственное здание, откуда легко обозревать весь город; число улиц, кварталов и прочие атрибуты такого города символизированы и подведены под геометрические фигуры, числа и конфигурации, имеют соотношение с астрологическими реалиями (см.

²⁷ На примере московских розенкрейцеров-алхимиков мы увидим, что они проектировали захват государственной власти и создали социалистические утопии, а еврейское правительство большевиков эти утопии сделало былью, а их наследники-демократы «углубили» эту быль и привели Россию к разорению. Такова логическая цепочка; от масонского просветительства к еврейской власти в России.

«История философии». М., 1941, т. II. с. 59: «Примесь каббалистической мистики и астролого-магической фантастики настолько велика в натурфилософских произведениях Кампанеллы...» и т. д.) Сам символ солнца, как известно из каббалистики, — глубоко символическая фигура, заменяющая собой Иегову и огонь-Люцифера, и для непосвященных обозначаемый как Митра или символ золота, число 365, круг года. Вселенная. Стать самим богами — это люциферианская блажь овладевала человеком до последних клеточек его организма. Он, едва видный на земле, страдающий от малейшего ветерка, вдруг начинал ощущать себя властелином. Ему внушалось, что мир очень прост, что он неправильно устроен и не будет ничего особенного, если навести в этом неправильном мире порядок. Все очень просто: захватить власть — для этого не надо изучать бездну наук.

Есть умные головы, они все рассчитали, и, оказалось, что идеал — это муравейник с его геометрическим порядком. Эти туда снуют, эти оттуда, и каждый приставлен к своему делу. (Ср. соответствующие слова Фалька из «Разговора для масонов» Лессинга (1778).)

Такие глобальные замыслы нуждались и будут нуждаться всегда в сакрализации. Будучи сами внушены недоброй силой, они обращаются к падшей стороне человеческой природы. Такие обращения не для всех. Одни становятся академиками, другие привратниками при академиях. Каждому своё. Осуществляется главная идея каббалы — спасение через «прогресс».

Используя теорию, следовало перейти к магии, с помощью которой можно получить власть над силами природы и воссоздать по своим меркам жизнь общества. Для этого надо подготовить кадры самих магов-просветителей. Маг — это одна из наиболее высоких степеней в Каббалистическом Ордено Розенкрейцеров, в том числе и в московском его ответвлении. В Уставе Магов имеются и такие слова: «Мы обладаем двумя главными свойствами Иеговы: брожением и разрушением всех естественных вещей. Мы можем, как Моисей, превращать воду в кровь; мы можем, как Иисус Навин, обращать в прах целые города звуком инструментов» (Финдель И. Г. История Франк-Масонства. М., 1872, т. 1, с. 239). Эта же степень имела во вполне революционном по своим задачам Ордено Иллюминатов Вейсгаупта.

Построить жизнь целого народа по своим меркам, нисколько не сомневаясь, что это кому-то нужно. Более того, такой вопрос и не вставал. Не для кого-то, а для «истории», ну, может, еще для какой-то мифической, выдуманной «Родины». Главным же образом, для идеи преобразования человечества по плану раввинистической Торы. Мы знаем, в нашей стране эта идея 70 лет была важнее экономики, политики и жизни всех населяющих страну народов. И сегодня главенствует догма и догматика, «реформаторы»!..

Идея Торы... Этот страшный истукан требовал от своих жрецов

безусловного подчинения. Слепое орудие в руках демона этого истукана, жрец храма Соломона осуществлял Идею. Ее излагали масону тысячи раз. Мастер Хирам, строитель храма Справедливости, храма Соломона, убитый завистливыми рабочими, невежественными и злыми, каждый раз, в каждой степени Ордена предстал перед каменщиками в новом обличье. В этой легенде можно было узреть и все уравнилельные теории, и все авторитарные. Больше того. Каждая степень была посвящена какому-то особенному пониманию легенды убитого Мастера, и масоны на своих заседаниях вновь повторяли все события, связанные с Мастером. Разыгрывались мистерии убийства Мастера злобными рабочими, а затем нахождение убийц и мщение... Год за годом, десятками лет каждый масон повторял эти обряды. Так и выпекались в ложах интеллигенты.

Переживание убийства, положение в гроб и вдруг ощущение, что ты жив и рядом с близкими, сумрачный свет из глазниц черепа и унылая музыка, идущая откуда-то издалека. И все это под сводчатыми потолками, с задрапированными черным стенами, кинжалы, скелеты, окровавленные одежды, мерцающая звезда Давида, еврейские письма на стенах, плач по прекрасному Мастеру, правнуку Каина, в чьих жилах бежит кровь мудрого сатаны Люцифера, — могло ли это не формировать личность, ее мировоззрение, жизненные установки? Вот вам и готов «просветитель» очередной, светоч культуры и демократии²⁸, «обрезанный» по правилам иудейским.

Призывы к мщению, и так год за годом. Любовь к Хираму, за которого надлежало мстить, превращалось в чувство ненависти, могущее быть обращенным на любого, неугодного Ордену. Тысячи людей — либералов, профессоров университета, благородного пансиона и прочих заведений Москвы и других городов — проходили через эти подобию древних кровавых мистерий.

Ф. Вигель пишет «Признаюсь в невежестве своем: когда в 1844 г. воротился я из-за границы, то в Москве из уст твоих (М. Н. Загоскина. — В.О.) услышал я слово коммунизм, а он, подкравшись вслед за сен-симонизмом, фурьеризмом и всеми немецкими бессмысленными и богоотступными сектами, стоял уже выше всех этих стенобитных орудий, готовых сокрушить общественное здание».

Этот коммунизм присутствовал уже в легенде, по которой вся Вселенная должна принадлежать Ордену. С одной стороны — работники, с другой — Мастера, все знающие и призванные вести строительство вперед по намеченному плану. В России же по последнему слову западных умников будут строить «новое общество». Но чтобы в нем не было мещанства, придется все

²⁸ Не лишено любопытства одно свидетельство масонского ритуала из немецкого масонского архива, — из него можно сделать определенный вывод: масон в ложе проходит обряд обрезания по иудейскому обычаю: «дикий камень... должен быть буквально обрезан по восточному обряду» (ЦХИДК, Ф.1412 оп. 1, дело 815, лл. 15-37).

время бороться с частнособственническими инстинктами. Фурье, Сен-Симон, Морелли и прочие проектисты чиновно-бюрократического строя с XVIII-XIX вв. вошли в принципиально подражательные головы либералов всех оттенков, западников и славянофилов, и обусловили в значительной степени наш сегодняшний день.

ГЕРМЕТИЗМ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПРОГРЕСС

Мысли этих французских «братьев»²⁹ ничем существенным не отличались от идей трехсотлетней давности, но в России они были приняты либеральной интеллигенцией за последнее слово европейской «науки». Все то же, что и у Мора, и у Кампанеллы, и десятков других проектистов: общие обеды, отсутствие семьи, свободные половые отношения, принудительный труд, скрашенный байками о потребности в труде, «сознательность», фаланстеры и проч.

Эти идеи по самой логике отрыва интеллигенции от Церкви неминуемо должны были привести к демоническим замыслам интеллигенту стать Демиургом. Первыми ницшеанцами на Руси можно смело считать московских «братьев» Розового Креста из новиновской когорты преобразователей Вселенной. В XIX веке Шеллинг и Гегель, сами из числа масонов, вполне заменили поучения московских братьев по части герметики в масонских ложах. В бурлящем котле стихий одного и в мечтательном развертывании некоего Духа у другого легко можно угадать и идеи Альберта Великого, и Флюдда, и тевтонского сапожника Бёме, главного идеолога московских розенкрейцеров. Все эти каббалисты давали ту метапарадигму, ту первичную схему мышления, которая определяла мирозерцание человека. Мир превращался в геометрическую фигуру, в которой не было места живому человеку и даже камню, все становилось символом и числом, подлежащим разгадке. Фигуры легко переставляются и легко меняют очертания под легким нажимом карандаша — мгновение, и весь мир на бумаге, мир линий, кубов, шаров, треугольников — изменяется. Власть в таком мире упоительна и вовсе не обременительна для совести. Последняя просто не нужна и легко укладывается в мусорный контейнер с этикеткой «для предрассудков». Живой мир, мир красок и запахов, чувств и теплых переживаний отрицается. Признаются только чувства, общие у человека с животными. Да и сам человек со времен просвещения по сути стал двуногим животным. С отрицанием Троиного Бога

²⁹ Сен-Симон был связан с бабувистами, с иллюминатами. Бабувисты после захвата власти должны были строить Францию на основе «Кодекса Природы» Морелли, на основе уничтожения семьи, частной собственности, с полным подчинением личности коллективу, руководимому несменяемым начальством из числа «сознательных» работников Храма Справедливости. Религия христианская безусловно уничтожалась. Вместо нее вводилось «морально-политическое воспитание» с 5-летнего возраста.

под «сокращение» попало и Его творение. Это творение определили в хлев, снабдив его напоследок учебником по дарвинизму в доказательство, что «братья» были научно правы и прозорливы: еще в XVIII веке они, передовые, знали, что человек — от обезьяны. Удивительное совпадение: дед Дарвина — Эразм (1731 — 1802) — еще в середине XVIII века «открыл» эволюцию животных под воздействием внешней среды. Для такой теории ему не понадобилось никуда ездить и рыться в земле в надежде найти какую-нибудь костяшку от прародителя-обезьяны. Свое гениальное открытие он передал внуку, и тот уже оформил его «открытие» «как надо», по «науке».

Влияние оккультно-каббалистических идей на современную научную теорию давно рассматривается в западной историографии науки. Здесь в идее эволюции несомненно влияние основополагающей доктрины каббалы: Вселенная состоит из четырех миров, последний из которых наш мир, материальный. Все миры созданы эманацией, истечением сил из неопределимого центра — Бога, Эн-Софа. Свет, идущий отсюда, путем постепенной деградации создал видимый мир. Но существует и обратное течение света, от простого к сложному. Каждая низшая ступень нисхождения Эн-Софа причастна породившей ее более высокой ступени. Мир самоограничен стремлением снизу вверх. Каждая тварь хочет «эволюционировать» в сторону «высшего плана», она томится, и страдает, и рвется вверх. Таким образом, происходит двойное течение силы Эн-Софа: от центра к периферии (ацилус) и от периферии к центру (зимзум). Слово «эволюция» повторялось бесконечно во всех герметических каббалистических трактатах, и задача выявить более совершенное в каждом качестве и превратить его в более высокое, освободившись от предыдущей формы бытия (евр. клипот — скорлупа), составляет кредо любой каббалистической доктрины и лежит в основе всех алхимических дерзаний и терзаний.

Таким образом, «эволюция» была задана задолго до появления естествознания. Историк науки по этому поводу пишет: «Например, какое причинное объяснение можно предложить для одного из важных эпизодов в истории биологии — перехода от теории креационизма (одномоментного творения Богом всех видов животных. — В.О.) Кювье к теории изменения видов Дарвина?

...Было бы привычным сказать, что этот переход произошел в результате открытия новых фактов. Ведь считается, что именно новые факты — решающий аргумент против старой теории. В действительности работа Дарвина никаких принципиально новых фактов не привела» (Кузнецов Н. И. Наука в ее истории. М.: Наука, 1982 г., с. 6). И далее автор пишет: «По мнению С. Р. Микулинского, важную роль в этом переходе сыграла мировоззренческая установка... «строй» мышления, который определяется в целом общей культурной обстановкой».

Идея восхождения простого к сложному, корнящаяся в каббалистической доктрине «двойного течения», представление о причастности нижней ступени к верхней (идея неоплатонизма — Прокл, Плотин и другие, — принятая каббалой) и о том, что все, что внизу, подобно тому, что вверху, в небесной сфере («Изумрудная книга» Гермеса, III в.), утверждает мысль, что дух каждой вещи, «искра» Божия не связана причинно с материей, телом, формой. Последняя при восхождении эволюции уничтожается, ибо она есть скорлупа (по-еврейски — кели-пот) для «искры». Живущая в каждой вещи «искра», даже в камне, булыжнике, постепенно совершенствуется и хочет перейти, в более высокий «план бытия». Результатом такого перехода может стать и рождение души человека-венца эволюции.

При социальном применении этой метапарадигмы приходят к представлению об «исторической эволюции», «о закономерности исторического процесса», который ведет к неуклонному «прогрессу». Сам прогресс мыслится по примеру процесса освобождения духа от плоти вследствие все большего осознания самого себя в недрах материи, скорлупы. Человечество по этой доктрине все больше и больше осознает себя, свои цели и задачи, становится «сознательным». Не все сразу, но через 13 своих «сознательных работников», «интеллигенцию», передовой отряд прогресса, процесс освобождения духа от рабства плоти, физического труда и других форм угнетения идет неуклонно в сторону Всеединства.

В начале исторического пути человечество уже имело «золотой век»-коммунизм, но дух был поработен неосознанностью, был растворен в материи внешних условий. Через страдания плоти дух осознал себя, свое отличие от формы внешних условий своего пребывания на земле и теперь идет, эволюционирует к осознанному «светлому будущему», освобожденный от исторических, религиозных, национальных отличий, ибо все отличия суть лишь форма, плоть, тюрьма духа, предрассудки. В основе всего сущего лежит безвидный, лишенный всякой индивидуальности дух, громадное Ничто. К нему и направлен в конечном счете весь «прогресс» и вся «эволюция».

Иудаизм, и особенно каббала, как известно, являются краеугольным камнем масонства, и именно в этих учениях мы находим полное выражение вышеупомянутых доктрин. Учитель в иудаизме — цадик (тот, кто непосредственно общается с самим небом) — есть полная аналогия Великого Мастера масонской ложи. Если в одном из наиболее мистических течений иудаизма — хасидизме, «цадикизм доводится до настоящего культа» (Критика иудейской религии. М.: Изд.-во АН СССР, 1962 г., с.374), то точно так же и в масонстве культивируется авторитет Мастера. «Цадики желают управлять миром, — говорил один из руководителей хасидизма XVIII в. Бер, — поэтому Господь и создал мир для того, чтобы цадики имели удовольствие управления им» (Там же, с. 374).

Точно так же и масоны, как уже говорилось, мечтали о мировом господстве. И в каббале и, соответственно, всей порожденной ею мистической литературе мир есть символ, иероглиф. Масоны и занимались разгадыванием этого символа. Изучение масонской науки и есть изучение бесконечного ряда символов, уподоблений, знаков, которые в идеале должны открыть смысл главного Символа, главного Слова, которым Бог сотворил Вселенную, «если обладать познанием основного символа, который все бы раскрывал в мире и человеке — это значит получить необъятную власть над людьми и вселенной».

В теории освобождения «искры» из клипота открываются для нас удивительные выводы с далеко идущими последствиями³⁰.

Бог создал мир из ничего, «цадик же извлекает «искры» из грубых материальных тел и возносит их к источнику, то есть из всего делает ничто» (Гедикман Т. Б. О каббале и хасидизме в кн. «Критика иудейской религии». С. 374). Получается следующая картина: эволюция, прогресс основаны на полном неприятии самобытности и самооценности существующих форм бытия, их телесной качественности. Для дела эволюции необходимо разрушать формы и освобождать «искры» духа. Но эта «искра», будучи освобождена, не несет также самобытности, индивидуальности и должна в конце концов исчезнуть в чистом ничто Мирового духа. Бессмыслица всей «эволюции», всего «прогресса» налицо: Бог создал из ничего — все, масоны-каббалисты из всего хотят сделать ничто.

Представления о первородном грехе, о свободе воли, и, соответственно, морали улетучиваются как дым, рушится основа любого человеческого общества.

КРАТКОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ ОТ ТЕМЫ

Дух отрицания вошел в плоть и кровь русского интеллигента-либерала, испечённого в масонской ложе и на университетской кухне. И чем быстрее шло экономическое развитие страны, чем больших успехов добивалась русская администрация в делах промышленных, чем быстрее росло благосостояние народа, тем лихорадочнее шла работа разрушения русской национальной жизни. Во всех концах Русского государства на всем протяжении XVIII столетия и XIX шла громадная работа по освоению новых земель, новых рубежей в промышленности. Текстильная промышленность одна из первых определила мировой уровень ко второй половине XIX века. По ситцу — к 20-м

³⁰ Автор книги «Кабала» М. Лайтман (она была издана в Иерусалиме в 1984 г., на русском языке — в Новосибирске в 1993 г.) объясняет: под словом клипот (скорлупа, шелуха) имеется в виду — грязь, пороки, невежество и проч. Согласно каббале, «евреи относятся к внутренней, а гои (т.е. неевреи — Л. О.) — к наружной частям» мира, к клипот, шелухе, скорлупе (с.83).

годам XIX века, а затем настала очередь и тяжелой промышленности. Рубль стал самой прочной денежной единицей в мире к концу XIX века. Уже по тому, какими темпами росла протяженность железных дорог в России, можно сказать, как развивалась ее экономика. А строили железных дорог даже в абсолютных цифрах больше, чем сегодня, через сто лет. Но ось русской жизни проходит не через экономику...

Суд присяжных, самый короткий рабочий день, бесплатное медицинское обеспечение рабочих и проч., и проч., не говоря уж о введении многопартийной системы с 1905 года, не могло, однако, остановить наших саврасок. Наоборот, они, как заведенные куклы, повторяли одно: «Карфаген должен быть разрушен». Россия для них с пеленок была землей чужой — Карфагеном. Не положение крестьян их волновало, не положение рабочих, нет. Для них уже готовились коммунальные общежития с общими кухнями и туалетами на несколько семей, продовольственными карточками и зверской системой эксплуатации, выжимания всех соков. Для крестьян — тотальное уничтожение. Свобода мысли должна была отойти в принадлежность враждебного «деспотического» строя. Все черты такого государства мы видим уже в проектах Кампанеллы, Морелли и Бабефа... Но эту савраску готовил университет.

Мысль подвести человечество под законы геометрии, под меру, вес и число владела Орденом и цепко держала его адептов в своих когтях. Эта мысль питалась Талмудом и его эзотерическим отделом-каббалой. А, согласно иудаизму, человечество обязано «выполнять законы Торы — для развития в необходимом направлении личности и общества... Законы Торы суть законы управления природой непосредственно...» (Лайтман, указ. соч. ч.1, с.40).

МИР Б. СПИНОЗЫ В ЕГО ОТНОШЕНИИ К ТОТАЛИТАРНОМУ ГОСУДАРСТВУ

Тот, кто хотел бы узнать дух каббалы, тот должен познакомиться с Барухом Спинозой. Подводя весь мир, и всю Вселенную, и все, что есть в них, под линию, квадрат, точку и закрасив все это серой краской, Спиноза начисто убрал все из этого мира, что может напоминать о совести, морали и любви. Необходимость, вложенная в природу, с неумолимостью подчинения треугольника правилу Пифагора и равенства его углов двум прямым, заставляет слабых быть жертвой сильных, и это справедливо.

Если кто-то думает, что Бога нет и религия создана для обмана, тот пусть знает — он просто повторяет слова Баруха, опытного талмудиста. Если кто-то ищет истоки фашизма, то пусть не копает далеко: «...естественное право всей природы и, следовательно, каждого индивидуума простирается дотолы, доколе простирается их мощь, и, следовательно, что каждый человек совершает по законам своей природы, то он совершает по высшему праву природы и имеет в

отношении природы столько права, какой мощью обладает». «Например, рыбы, — поясняет Спиноза, — определены природою к плаванию, большие к пожиранию меньших; стало быть, рыбы по высшему естественному праву владеют водой, и притом большие пожирают меньших» (История философии. Т. 2. М., 1941. с. 191-192). «Мы не признаем никакого различия, — говорит Спиноза, — между людьми и остальными индивидуумами природы» (с. 192). Итак, закон природы и общества: сильный пожирает слабого, и причем столько, сколько ему нужно для своего насыщения. Небезынтересно замечание известного историка философии Куно Фишера относительно философии Спинозы: «У философии Спинозы нет сердца для людей, не потому что она враждебна к людям, а потому, что она бесчувственна, что этому геометрическому уму, рассматривавшему человеческие действия как линии, поверхности и тела, любовь к единичному должна была казаться помрачением духа» (Куно Фишер, II, 344). Но в то же время, «*кабала не более как расширенный спинозизм*», согласно Соломону Маймону (Мюре, с. 77).

Это мироощущение геометрическое, нечувствительное к единичному и самобытному, живому и неповторимому очень характерно для всей системы утопизма. Не случайно, что среди главнейших предметов масонских наук, которые преподавались в ложах, на почетном месте стояла именно геометрия. Масонские рукописи, ученические тетради полны геометрическими фигурами, теоремами и математическими знаками. Многообразие мира обесцвечивалось в треугольниках, тетра — и октаэдрах, шарах и точках. Мысль масона-строителя нового мира работала в одном направлении — все свести к математически выверенной формуле. В этом заформализованном, символизированном мире нет места человеку — этой мелкой, по выражению горьковского Луки, блошке. Здесь есть только «высшие» интересы инженеров будущего, есть «высшая» политика бесплодных утопистов. В этом мире Спинозы уже видны социализм и тоталитаризм, где каждый — ничто, а сила — все. Здесь, в этом мире геометрических фигур, шахматных комбинаций, на арене человеческой истории нет и не может быть места совести и морали. Здесь есть польза и удовольствие, удача и неудача. Вместо часто провозглашаемой морали на самом деле есть лишь правила поведения, подобно тому, как существуют правила дорожного движения.

В «естественном» праве нет частной собственности, также нет и не может быть преступления (в «естественном состоянии не существует преступления, или тот, кто совершает преступления, грешит не против другого, а против себя»). Человек у Спинозы находится в полном подчинении у верховной государственной власти, так как, по мысли Баруха, эта власть определяется также мощью, а мощь ее намного превосходит силу одного человека.

Не мешает теперь вспомнить, что Плеханов называл марксизм модифицированным спинозизмом. Но если и кабала — спинозизм, то что же

тогда марксизм, как не модификация той же каббалы!

Любопытно, что идеи социализма у всех проективистов Западной Европы не предусматривали, во-первых, существования крестьян; во-вторых, свободу мысли и исповедания религии; в-третьих, свободу личности и ее неприкосновенность. И еще любопытно, что все эти проективисты преподносятся нам как гуманисты, борцы за свободу, прогрессивные деятели, страждущие за народ.

Прочно вошла в головы либералов в нашем Отечестве мысль о «неправильности» представления, будто эволюция общества приведет естественным путем к улучшению жизни народа. Только через классовую борьбу, через кровавую бойню гражданской войны. Впрочем, и в будущем улучшения жизни вообще не предусматривалось. Наоборот, предусматривалось в будущем обществе полуголодное, нищее существование. Предусматривался низкий уровень потребления и установление для всех одинаковой одежды, жилья, принудительный труд, разрушение семьи, жизни в бараках и под присмотром надзирателей. Эти идеи отчетливо сформулировал Ж.Ж. Руссо, и они стали близки в равной мере как московским розенкрейцерам, так и баварским иллюминатам. Все социалистические проекты единодушны в отношении применения самых суровых карательных мер к непослушным: вечное рабство у Т. Мора, «великого гуманиста», и вечное тюремное заключение и тоже рабство у Морелли, и смертная казнь у Бабефа за малейшую провинность, даже за ношение украшения женщиной.

СВОБОДА ОТ ЖИЗНИ

Теоретической основой применения понятия свободы к такому обществу служит гностико-каббалистическое представление о плоти, материи как тюрьме, в которую заключен поработенный телом дух. Отсюда символика тела-цепи. Утеснение плоти, ее подавление должно освободить дух. Страдания приводят дух к осознанию себя как отличного от тела и тем освобождают дух от примеси телесного. Этому процессу соответствует символ: горящий факел на фоне разорванных цепей.

Таким образом, оккультно-каббалистические доктрины продуцировали социальные идеи, в которых смысл слов и лозунгов нарочито оставался туманным и мог быть истолкован в «нужном» для данного момента смысле.

О том, что масоны трактовали понятие свободы именно так, говорит граф Виельгорский, ученик крупного масона О. А. Поздеева: «Простолюдины, в особенности дворовые люди, не имея никакого понятия о существе нашего Ордена, весьма его любят, предполагая по названию свободных каменщиков, что наше братство старается их сделать вольными, в чем они весьма ошибаются, ибо мы стараемся свергнуть с себя оковы не мнимые, но истинно

тяжкие, а именно оковы греха, смерти и ада... Человек, освобожденный от их оков, везде велик... везде счастлив, даже под самым деспотическим правлением. Но сие благо будет постепенно и на них разливаться» (Семевский В. И. Идеи декабристов, с. 337). Это масонский стоицизм.

Для уже «сознательных», сбросивших с себя груз «предрасудков» религии, народных традиций и заветов, сводимых к представлению о телесности — тюрьме, допускалось, наоборот, не утеснение плоти, а разгул похотей и страстей.

Это второй этап социалистического рая: от лагеря пуританизма не без примеси самого гнусного разврата к откровенной порнографии, к канкану.

Главным признаком этого общественного рая, построенного на основах оккультно-каббалистических, является последовательная враждебность к Церкви Христовой на всех стадиях строительства «рая»-западного (сытого) или восточного (голодного).

ЗАГОВОР МЕНЬШИНСТВА

Общей мыслью всех проектистов, в том числе и их русских последователей, была главная догма всех кружков и академий интеллектуалов средних веков и нового времени: «Народ-дети», он нуждается в поводе. Эту мысль проводили равно и московские, и французские масоны, и Г. Уэллс в своем не переведенном на русский язык трактате «Явный заговор» (1928 г.). Говоря о скором создании всемирной республики, Г. Уэллс писал в этом сочинении, что нации, отдельные государства должны исчезнуть. Будет установлена власть интеллектуального меньшинства. Так же, как масоны XVIII века, он рассматривает существующие правительства только как временные. «Явный заговор» не враждебен тем конституциям, правительствам, парламентам и королям, которые согласны рассматривать себя как учреждения временные, готовые в любой момент отдать власть господам Мировой республики: «Если конституция, парламенты и короли могут быть приняты — как учреждения временные, как опекуны, действующие до совершеннолетия республики, и пока эти конституции направляются в указанном мною духе, — «Явный заговор» не нападает на них». Заметим — именно благодаря таким опекунам — союзникам, Франции и Англии, на вершине власти царская ³¹ Россия пришла к революции.

Относительно религии идеи Г. Уэллса не расходятся с идеями его московских современников — большевиков, к которым он выражает свои симпатии: «Чем более кажутся нам прекрасными и привлекательными ложные

ложизмы, ложные идеи чести, ложные отношения, установленные религиями, тем более должны мы стремиться к освобождению от них нашего ума и ума нас окружающих и к безвозвратному их отбрасыванию». Точно так же, впрочем, считали и московские розенкрейцеры XVIII века, и народники, такие, как Ткачев, в XIX веке. А в XX веке само понятие «патриотизм» было отнесено большевиками (до 30-х годов) в представление о политическом преступлении и было приравнено к антисемитизму.

Во всемирной республике, о которой мечтали масоны с первых шагов своей легальной деятельности, то есть с начала XVIII века, видимо, должны царить равенство и братство? Ничуть не бывало.

«Индия, Китай, Россия, Африка представляют смесь прикладных социальных систем, одни из них оставлены, другие будут доведены до их крайних выводов: финансы, машинизм и политическое вторжение цивилизаций атлантических, балтийских и средиземноморских разрушают их, овладевают ими, эксплуатируют и более или менее порабащают». Но для некоторых представителей отсталых народов есть выход: «Умам более тонким и самым энергичным среди этих народов, еще темных и более или менее далеких от превосходства в материальном прогрессе, которому обязаны своим подъемом Европа и Америка, «Явный заговор» может дать беспредельные обещания. Одним скачком они могут оставить гибнущий корабль их устарелой системы и через головы их теперешних завоевателей (здесь и далее курсив мой — Лем.) войти полным ходом в братство господ мира». Итак, «господа мира» существуют реально и названы завоевателями, (см. ниже «Орден Орла» в России).

И относительно СССР: «Многие считают это правительство (СССР) чрезвычайно интересной новинкой. Так как оно есть сообщество пропаганды, превращенное в республику, оно является вдохновителем и предшественником «Явного заговора». Г. Уэллс оправдывает преступления большевиков: «Чудесно облеченное громадной властью, оно вынуждено чрезвычайно ограничивать свою интеллектуальную уступчивость — ради необходимости установления, для нужд борьбы, интеллектуального единодушия среди своих подданных — вплоть до удушения всякой критики». Ради единодушия — удушение. Впрочем, и Морелли, и Бабеф настаивали на том же. Но ведь Уэллс не экстремист, а демократ, писатель-гуманист...

И последняя цитата: «Россия есть страна, где десятки миллионов крестьян подчинены авторитету малой группы «интеллигенции», члены которой насчитываются только десятками тысяч. Только этим одним доступны идеи всемирной перестройки; и чтобы заставить русскую систему принять действительное участие во всемирной конспирации, можно рассчитывать только на это малое меньшинство и на отражение его влияния на мириады им

³¹ Замечание Г. Уэллса, социалиста-масона, гуманиста и писателя, очень ценно. Оно подтверждает мнение тех, кто считал, что Романовы и их окружение и были, в сущности, опекунами революционного дела в России. Эти взгляды выражались в той или иной мере А.С. Пушкиным, М.Н. Катковым, А.А. Киреевым, А.И. Герценом и многими другими.

управляемых личностей. По мере движения на восток, начиная от европейской России, пропорция разумности, достаточно прочной и подготовленной, чтобы мы могли ее понудить понять нас и помочь нам, приводит к пугающему выводу. *Уничтожьте эту малую фракцию, и вы очутитесь перед лицом хаотического варварства, не способного к какой-либо социальной или политической организации, превышающей уровень военного авантюриста или капитана разбойников.* Сама Россия ни в какой степени не является гарантией против подобного вырождения». Далее Уэллс пишет, что и Китай не сможет спастись собственными силами «без иностранного руководства и без вмешательства силы». Спастись — в смысле выйти на дорогу к всемирной республике. Итак, большевики и интеллигенция лишь инструмент управления Россией, как колонией.

Но это уже 1928 год. Это не истоки, а расцвет идей, пришедших в Россию еще в XVIII веке и нашедших своих адептов в кружке московских «братьев» розенкрейцеров. Каким образом «наука» и «образование» стали в России ассоциироваться с безбожием и нечестием? Как случилось, что материнское молоко, вскормившее интеллигенцию, было отравлено презрением к русскому Отечеству?

Как же наступила «пора ночного колдовства», когда «скрипят гроба и дышит ад заразой»? «В такую пору, — говорит Гамлет, — я мог бы пить живую кровь, и на дела способен, от которых отпряну днем». XVII век родил Гамлета, XVIII — Фауста, XIX — Нечаева и нечаевщину, но то, что породил век XX — это живой прообраз ада на Земле.

НАЧАЛО НАЦИОНАЛЬНОГО ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Ушедший из Церкви русский дворянин погружался в житейские утехи. Он тешил самым скотским образом свою плоть и жаждал теперь насытить и свой разум. Ему, то есть разуму, отводилась роль адвоката телесных усад. Теперь в нем, вольтерьянце, проснулась «порода» — он не просто так, а «передовой», он бросил предрассудки, как старую ветошь. Теперь он — сверхчеловек. Ему все можно. Он, этот вольтерьянец, ищет себе же подобных, кто его понял бы и утешил. Первые логи в России, как известно, были иностранные, но к 50-м годам XVIII века было достаточно уже и своих алчущих, и появилась потребность в создании литературы, которая бы принесла к нам на русскую землю свет, идущий из храма Соломона. Со времен Петра I правительственный аппарат, еще только создаваемый, уже принял в качестве своей вероисповедной формулы деизм, скрывающий полное неверие и зовущий своих адептов, еще находящихся в стихии православия, погрузиться в мистику каббалы, воплотившей все достижения антихристианской мысли. Эти достижения, как писал оракул европейского Просвещения Мозес Мендельсон (XVIII в.), выразились в формуле иудаизма — «естественный разум» и «естественная

религия». Именно иудаизм, с его вниманием к чувственному, «естественному», символическому и эротическому, и лег в основу этого Просвещения.

Все, что в мире, может быть выражено в формулах формальной логики, а остальное — бред и глупость. Естественно есть бог, и бог есть естество, «Бог есть Природа», — сказал Б. Спиноза, четко сформулировав основу каббалы — деизм и пантеизм. Человек-животное и вещь среди вещей. Все, что отличает человека от человека, есть досадная случайность, акциденция. Следует отбросить все, что отличает человека от человека, и в остатке будет Всечеловек. Но за этой аллегорией стоит мистика.

Этот Всечеловек уже существует в качестве прообраза и в Талмуде носит название Адама-Кадмона. Воссоединение с ним, сначала мистическое, а затем и социальное, политическое, — вот цель истории и борьбы «просвещенных» с темной и невежественной массой людей. Разъединяют людей религии, национальность, сословия, традиции, которые покоятся на морали, а также узкий «патриотизм», получивший в отношении к русским название шовинизма, а также государства и границы между ними. Все это — акциденции, случайности. Чтобы выполнить идеи объединения всех на началах «разумной морали» и «естественной религии», чтобы придать борьбе за воплощение этих идей в жизнь характер политический, культурный и, главным образом, антихристианский, была реформирована в конце XVII столетия система тайных, идущих от средневековья, академий, обществ, кружков гуманистов. Идеи каббалы все шире овладевали интеллектуалами еще с XII века, особенно же расцвет этих идей иудаизма произошел в эпоху, названную Возрождением. Неудивительно поэтому, что в это время начинается и возрождение магии с человеческими жертвоприношениями, разврат, поклонение Сатане. Родился (XVI в.) в искусстве маньеризм — концентрированное выражение духа масонства в искусстве. Каббала, вобравшая в себя неоплатонизм, пифагорейство, снабдив их всеми атрибутами чувственности, стала тем великим искусом либеральной мысли, который невозможно было миновать любому, кто вступал на путь борьбы с Церковью и хотел попасть в число интеллектуальных вождей народа. И кто хотел сделать карьеру — тоже.

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР ПРОПАГАНДЫ

К 80-м годам XVIII столетия относится расцвет деятельности кружка просветителей в Москве, выбравших в качестве своей базы Московский университет. В утверждении каббала-герметических и либеральных идей Москва явно первенствует. Этот кружок масонов высшего разряда создал Типографическую Компанию, Дружеское общество, Педагогическую семинарию. Переводческую семинарию, Собрание университетских питомцев, охватив непосредственно своей деятельностью не менее 50 студентов (см.: Лонгинов. Новиков и московские мартинисты. М., 1867 г.), и все это за каких-

нибудь четыре года. Одновременно Типографическая Компания печатает и распространяет по всей России сочинения западных деистов, атеистов, республиканцев всех оттенков — Вольтера, Руссо, Монтескье, Мармонтеля, Франклина и проч. Идеи Эпикура, Бентама, Гоббса, Декарта, Баруха Спинозы проповедуются журналами этого сообщества, как и идеи оккультные, чисто каббалистические. Кружок проповедует идеи «разумного» эгоизма, уравниения имуществ и права на революцию с этой целью, вселяет ненависть и, во всяком случае, неприязнь к Царю и вообще самодержавию, ставя вопрос о правомочности его как такового. И проводит мысль о необходимости справедливого правления государством людьми, для этого подготовленными, «добродетельными». Мораль должна заменить религию Откровенную, как утверждали просветители и как настаивал на этом и Устав английских масонов 1723 года, и все масонские документы: катехизисы, акты, воззвания, в частности, подготовленное кружком московских розенкрейцеров «Воззвание к владыкам» (пер. с нем. И. П. Тургенева), в котором намечался план всемирного устройства человеческого общества «просвещенными».

Конечной целью человека провозглашается счастье и блаженство на земле. Не потому следует быть добродетельным, что «Бог так сие повелел. Нет, сие представление ложно... Научайте их (детей) паче, что добродетель одна делает людей счастливыми... что Бог ничего нам не запрещает, кроме злого и вредного». В конце концов «благочестие и невинная радость не противоборствуют друг другу» («Прибавления к Московским ведомостям» 1783-1784 гг. Цит по кн.: «Новиков и его современники». М., 1961г., с. 295-296). О том, что тесен путь, ведущий в Царство небесное, и что оно трудом нудится, и что не блаженства земные нужны человеку, а о спасении души следует заботиться, всего этого кружок московских «братьев» не знал и не хотел знать. Земные радости и земные утехы (точь-в-точь как в иудаизме) — вот цель на земле, и другой нет.

В записной книжке масона С. С. Ланского записано «поучение Великого Мастера», видимо, О.А. Поздеева: «Отношение к врагам:... любовь ко врагам совсем для человека неестественна, ибо как можем любить врагов, когда мы не умеем еще любить и друзей, и как советовал (Великий Мастер) научиться сперва надо любить друзей и ненавидеть врагов...» (ОР ГБЛ, ф. 147, № 2, л. 7). Итак, око за око.

Это и была «разумная» мораль масонов и просветителей: мораль Ветхого завета «око за око». Ненавидели врагов и Новиков, и Поздеев. Весь орденский арсенал идей воспитывал ненависть к врагам. «Крик мщенья» в ложах усиливался по мере движения к высшим градусам. Журналы, издававшиеся московскими розенкрейцерами, полны обличениями богатых и знатных. Они утверждают идеи всемирного братства и единения всех людей. Именно для такого единения в «братский» союз и создан масонский союз. «Он есть самое

широкое соединение в пределах человечества... самая высшая и самая чистая форма союзной человеческой жизни, в том смысле, что, кроме него, действительно не существует другого нравственно-религиозного соединения, которое, подобно ему, опиралось бы на чистую искренность первичного стремления и имело бы своей основой только то, что обще всем людям»³².

Обще всем людям, как известно, наша животная сторона, естество, но в этом естестве нет индивидуальности, нет имени, фамилии, отчества, всего того, что отличает одного человека от другого. Внехристианская культура не знает сверхъестества, как не различает и противоестества; для масонства, как и иудаизма, и атеизма — все, что есть, естественно, чисто, и греха нет. Но это глубокое заблуждение. Судьба Содомы и Гоморры — тому пример.

Было бы ошибкой думать, что, критикуя богатых и знатных, члены Ордена исходили из искреннего сочувствия к бедным. Орден не делил на самом деле людей на богатых и знатных, на бедных и несчастных. Книга Сен — Мартена «О заблуждениях и истине» (1775 г.), ставшая настольной книгой просветителей, издателей, зодчих новой культуры — московских розенкрейцеров, как и родственных им немецких «Азиатских братьев», уже в самом названии отвечает на вопрос этот однозначно: Орден призван взять власть в свои руки от находящихся в заблуждении «темных» людей. Пропаганда Ордена была направлена на ниспровержение природных властей и традиционного образа жизни. Орден, как и все европейское просвещение, поделил человечество на тиранов — тех, кто «узурпировал власть», по природе принадлежавшую орденским начальникам, — и на рабов, которых только Орден может опекать, как малых детей, самовластно распоряжаться их судьбой. Не только их, но каждого в отдельности.

На этом и настаивал Сен-Мартен, на этом настаивал и кружок московских мартинистов в «Воззвании к Владыкам». На этом же, как мы видели, настаивал и Г. Уэллс. Эти же идеи проводятся неуклонно и в «Разговоре для масонов» (1778 г.) Лессингом. Все обобщить, все объединить и все сделать похожим друг на друга, лишить имени и фамилии, упростить сам язык, придав ему «машинный» характер, — все эти идеи ничуть не скрывались и не скрываются ни в одном документе Ордена и в целом являются идеями вполне легальными, проповедуемыми в печатных изданиях. Идеинные корни такого монизма, такой удручающей унификации были нами уже рассмотрены выше.

Отношение к народу уже потому не могло быть хорошим со стороны масонов, что не было уважительным. «Народ-дети» — общая идея «просвещения». Даже если не знать слов Вольтера о крестьянах, о том, что «их беда в том, что они «глупы», что они должны только пахать, рожать и кормить

³² Из масонского катехизиса.

просвещенных, то и так известно: если сверху тираны, то внизу рабы. В таком виде пред нами и предстает русский крестьянин, так он выглядит во всей просветительской литературе. Таким он был нужен орденом братьям, рвущимся к власти. Они, «братья», в ложах бесконечно проигрывали мотив мести, уничтожения врага. «Масонство — это большая и непрерывная система мщения, более или менее ясно выраженная множеством степеней, ведется с незапамятных времен», — пишет известный руководитель Ордена Мартинистов начала XX века Папюс. Тема мести врагам Ордена звучала все более отчетливо по мере повышения в степень. Шотландская ложа горела красными тканями, посредине зала возвышалась черная виселица, а шотландскому Мастеру вручался кинжал. В степени «кадош» (евр. «святой») в ритуалы входило убийство короля, для чего выставлялся муляж, который протыкали кинжалами. Полную параллель этому ритуалу мщения врагам мы находим и сегодня в обрядах иудаизма («Критика иудейской религии», М., 1962). В этом вечном источнике вечной революции (Биккерман).

В качестве образчиков дискуссии со своими идейными противниками приведем деление людей, предложенное самим Новиковым: «...чернь, подлый народ суть не низкого состояния человеки, но подло мыслящие и порочные люди, знатны ли они или нищи» (Новиков и его современники. с. 305). Подло мыслящими должны быть по этой логике те, кто признавал сословное деление, имущественное различие как данное от Бога и обращал внимание не на эти различия, но на христианский долг, зовущий следовать евангельским заветам спасения души через молитву, добросовестный труд и помощь ближнему, но никак не ненависть. Никакую — ни классовую, ни бесклассовую. Не зарься на чужое, но наживай трудом праведным свое — учила, учит и будет учить Церковь.

А журналы Новикова и его соратников по Ордену несли разрушение Русской державе, подтачивали основы ее духа. Они проповедовали «естественную религию» и «естественную мораль и право». Изучение этих «естественных наук» привело Радищева и его сотоварищей по учебе к признанию необходимости мщения за нанесенную обиду, к признанию «древнего закона око за око; закон, ощущаемый человеком всечасно...» (Радищев. «Житие Ф. В. Ушакова»).

... Когда Новиков был арестован по его связи с наследником престола Павлом Петровичем, то главой Ордена стал О.А. Поздеев. К нему, как настоящему оракулу, на поклонение ездили виднейшие масоны, даже когда он после 1812 года поселился в своем вологодском имении. Что же говорить о том времени, когда он жил под Москвой или в самой Москве? Он родился на два года раньше Новикова — в 1742 году, а умер спустя два года после смерти Новикова — в 1820 году. Он входил вместе с Новиковым и Шварцем в руководство Ордена розенкрейцеров. В 1789 году он состоял

обрядона начальником Теоретического градуса Соломоновых наук, одной из степеней Ордена.

После ареста Новикова (1792) он стал высшим арбитром в Ордене; к нему обращаются начальники лож по самым различным вопросам. Его ответы вносятся в записные книжки «братьев», переписываются и заучиваются. «Московские масоны высшего круга смотрели на него как на святого. У него происходило посвящение в магистра лож» (Русский биографический словарь. Спб., 1905). Он был наставником С. С. Ланского, М. Ю. Виельгорского, мастера стула «трех добродетелей», в которой оформился революционный союз декабристов, Алексея Кирилловича Разумовского, министра просвещения в начале XIX века, и многих других, как, скажем, Г.Р. Державина, первого министра юстиции и поэта.

В рукописном отделе Российской Гос. Библиотеки сохранились его письма, около 200, лишь частично изданные в 1872 году в «Русском Архиве». «Письма эти, — пишет автор статьи о Поздееве в «Русском биографическом словаре» от 1905 года, — по рассеянным в них заметкам о русском масонстве составляют для его истории драгоценный материал». Они составляют драгоценный материал и для понимания психологического и идейного климата, в котором вызревали идеи свободы от русской национальной традиции: общинного самоуправления, основанного на христианских основах взаимной любви и помощи, милосердия к ближним своим, сохранения в чистоте веры православной, самодержавия как единственного гаранта сохранения самобытности русской жизни и крепости основ народовластия на русской земле.

Письма Поздеева открывают нам интимные глубины сознания тех либералов, которые, придерживаясь эзотерических доктрин каббалы, в своей светской повседневной деятельности выражали эти доктрины иносказательно, как это свойственно вообще идеологии, в терминах и понятиях, общепринятых для времени XVIII века, в духе просветительской философии и на языке искусства. В целом это направление культуры от духовного, горного в сторону чувственного и ницшеанского, в сторону наслаждения и власти, в сторону разделения и ненависти, в сторону Люцифера — Прометея, революционного, все пожирающего огня. Языческий тип культуры с неизбежной для пустой души потребностью в «великих» и «гениальных», «талантливых» и «значительных» богах культуры и «спасителях» народа, нации, человечества. По тому же принципу, по которому психология античного человека творила кумиров в виде общих и местнотимых героев и богов, по тому же принципу творит и психология атеистического человека «великих» и «значительных» в культуре и политике и где угодно. Все черты этой психологии можно обнаружить и в пределах той организации, которая стала рупором антихристианских идей и представлений, взяла на себя организацию

«просветительского» процесса на идейных основах иудаизма и принялась за ломку всего государственного и религиозного строя жизни Русского государства.

Документы, касающиеся внутренней жизни масонского ордена, как, скажем, письма Поздеева, так и обрядники, речи, поучения своим подопечным масонских начальников помогают нам воссоздать ту реальную атмосферу русского общества, которая рассеивает многие заблуждения наши относительно формирования политики и культуры сегодняшнего дня и, главное, нашего собственного сознания.

Итак, в исторических книгах и рукописях есть масса материалов о том, какую роль играло масонство в жизни русского «образованного» общества конца XVIII и первой четверти XIX века, то есть того общества, которое составили интеллигенция, чиновничество, знатное барство, которое формировало управленческие кадры России и определяло черты лица городской культуры. Из этой среды через печать распространялись идеи земных ценностей и утех по всей стране. Это «образованное» общество образовывалось в круге идей либеральных, мечтательных, сентиментальных с эротическими радостями. Главным пафосом образованности стало непрерывное противостояние со всем христианским, церковным, евангельским, то есть с тем, что составляло саму душу Русского народа. Явный приоритет в деле просвещения либеральными идеями иудаизма-антропоцентризма сыграл московский кружок розенкрейцеров при университете во главе с профессором И. Г. Шварцем (1751-1784) и Н. И. Новиковым (1744-1818). Г. Вернадский замечает: «Шварц сразу широко развернул рамки просветительной деятельности кружка. К практическим опытам низшей школы он добавил идеи планомерной подготовки круга лиц, способных руководить всем просвещением страны». При этом «должно заметить, что лекции Шварца (студентам — В.О.) служили истинной школой масонства или мартинизма» (Лонгинов М. Н. «Новиков и Московские мартинисты», с. 193).

На беспрерывном отрицании всего евангельского, церковного, русского и традиционного вырастали целые поколения русской молодежи, которая затем отстаивала свои взгляды уже в чинах государственных-университетских инспекторов, попечителей учебных округов, столоначальников, жандармов, цензоров и министров.

Мощным стимулом к овладению правительственного аппарата масонами стал карьеризм. Чтобы продвинуться по службе в России того времени, необходимо было состоять в масонской ложе. Титулярный советник Н. И. Горсткий, привлеченный к следствию по делу декабристов, на допросе показывал по поводу мотивов вступления в тайное общество:

«Желание иметь связи, как тогда уверяли, что без связей ничего не добьемся

по службе и что большею частию либо масонством, либо другим каким мистическим обществом; люди, помогая друг другу на пути каждого пособиями, рекомендацией и прочее, взаимно поддерживали себя и достигали известных степеней в государстве преимущественно пред прочими» («Восстание декабристов». М., 1984, т. XVIII, с. 200-201). Тут же сей масон высказывается и по поводу пропаганды идей разрушительных и предвзятости: «Я принадлежал, — продолжает Горсткий, — к отрасли Правосудия, которая предписывала мне разыскивать злоупотребления разного рода, стараясь выставлять их на вид начальства, дурных, пустых людей всячески унижать, пускать их в огласку при всяком случае, хороших же превозносить, дабы через то сколько можно способствовать к установлению общего мнения в России». «Главные надежды общества состояли в том, что со временем многие из членов оного займут известные места в государстве, народ образуется к тому времени, общее мнение родится, и тогда нечувствительно вещи примут лучший, будто, оборот». Здесь мы видим следование правилам баварских иллюминатов.

Нетрудно заметить, как далек дух и методы конспиративных действий общества, в котором состоял Горсткий, от христианского. Главное здесь — возможность управлять общественным мнением.

Все эти правила можно найти и в уставах баварских иллюминатов, революционную практику которых так хвалил Карл Маркс (см. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 132). Вообще нельзя не отметить связь масонской магии и коммунистической идеи. По мнению основоположников «научного коммунизма», именно масонско-иллюминатский «Социальный кружок», созданный в Париже в 1790 году магом Н. Бонвилем, дал начало революционному движению в целях осуществления коммунистической идеи. «Эта идея, при последовательной ее разработке, есть идея нового мирового порядка» (К. Маркс, там же).

Так что же давал орден человеку, что обещал, что из него формировал, чего от него требовал и чему учил? Не забудем, что в ложах «работали» тысячи людей: военные, артисты, писатели, врачи, студенты, ученые, художники (к примеру, Ф. П. Толстой, Д. Г. Левицкий, архитекторы К. А. Тон, А. Л. Витберг), видные и мелкие чиновники, торговцы, банкиры, ремесленники. Только в одном союзе Великой ложи «Астрей» в 1821 году в Петербурге состояло 797 человек и примерно столько же членов в других городах. Следовательно, около 1500 человек в одном этом союзе. Сколько всего — неизвестно. Но дело не в абсолютных цифрах. Важно кто состоял.

Но то было далеко не единственное объединение. Вернадский указывал, что только по сохранившимся архивам масонских лож не менее трети всех чиновников империи значилось в масонстве уже при Екатерине II. Это только по сохранившимся материалам. Большинство же архивов погибло или

недоступно исследователям. Как мы уже видели, в Московском университете членами лож были все «сколько их там есть» и плюс студенты. В тайной ложе Нептуна в Москве, которая была скрыта за явной ложей Гарпократа, в 1803 году мы видим графа М.А. Дмитриева-Мамонова, А.И. Дмитриева-Мамонова, сенатора, куратора Московского университета, мастера стула П. И. Голенищева-Кутузова, знаменитого врача М.Я. Мудрова, профессора университета, П.А. Болотова (1771-1850), сына знаменитого автора «Записок», некоторых духовных лиц.

В ложе Феникса (в Москве) состояли: Московский почт-директор, ученик новиковского кружка мартинистов Ф. П. Ключарев, замешанный в 1812 году в распространении наполеоновских листовок в Москве, С.С. Ланской, А.О. и Н.О. Поздеевы, сыновья О.А. Поздеева, С. П. Фонвизин... (ОР РГБ, ф. 14, № 372). Это были все лица влиятельные в обществе и обладающие значительными денежными средствами. Были и ложи для писателей, и для врачей.

При вступлении в орден какого-нибудь Горсткина, жаждущего чинов и орденов Великий мастер говорил вступающему: «Государь мой! Ваше честное имя и добрая о вас молва, известная ваша добродетель и мужественное поведение ваше, основанные на хорошем о нас мнении, покорность ваша в том, что уже произошло и что еще происходить будет... согласны ли вы совершенно нам предаться и быть принятым в свободные каменщики по тем законам, коим мы обещаны повиноваться» (из «Обрядника»).

После всех «испытаний» в ложе к вновь принятому обращался чиновник ложи — ритор: «...вы подведены к жертвеннику и должны с нами вступить в такое обязательство, коих истинный каменщик нарушить не может. А дабы мы по предписаниям высокопочтенного Ордена нашего были с вашей стороны обеспечены, то должны вы теперь торжественно дать клятву пред престолом молчаливости, пред стопами правосудия и пред Великим Строителем Вселенной ненарушимо сохранять в вашем сердце тайнства Свободного Каменничества и совершенно себя подчинить Законам нашего Ордена. Готовы ли к сему?... повторяйте явственно клятву...»

И принятый отвечал: «Клянусь перед Всемогушим Строителем Вселенной и пред сим высокопочтенным собранием... сохранять себя в непоколебимой верности... высокопочтеннейшему братству... Обещаюсь повиноваться начальникам моим во всем том, что мне поведено будет для блага и преуспевания Ордена, которому я обязан во всю жизнь сохранять верность. Обещаюсь быть осторожным и скрытным, умалчивать обо всем том, что мне вверено будет, и ничего такого не делать и не предпринимать, что может открыть оное...» («Обрядник», ОР РГБ, ф. 14, №2.) Повышаемый в мастера клялся в верности Иегове.

Великий мастер грозил: «Но знайте притом, что если вы нарушите клятву и

молчаливость, то сии шпаги (которые «братья» держали острием у груди принятого. — В.О.) извлекутся мстительною рукою. Знайте, что мы и наши по всей земле рассеянные братья ныне ваши искреннейшие друзья, будут тогда вашими жесточайшими гонителями, врагами и исполнителями ужаснейшего мщения». Это клятва повиновения Ордену 1-й, низжайшей, степени.

Теперь, какие бы тайны ни были открыты, как бы ни был адепт не согласен со взглядами Орденского начальства, он не мог отступить. Он мог быть нерадивым и, в конце концов, прекратить посещать ложу. Но карьера его в таком случае рушилась, как государственная, так и литературная. Начальники строго смотрели за тем, чтобы отбирать братьев для высокого посвящения, а от нерадивых вовремя отстраняться.

Мог ли масон выйти из Ордена? В принципе мог, вернее, мог прекратить «работы». Все зависело от степени посвящения. Так, Никита Муравьев в 1818 году, будучи оратором (витией) ложи «Трех добродетелей», приступая к непосредственной подготовке государственного переворота и являясь одним из лидеров «Союза благоденствия», извещал официалов ложи, что он «покрывает свои работы», но не отрекается от преданности Ордену: «Сердце и уши мои всегда будут внимательны к ударам нравственного молота» (Дружинин Н. М. Ук. соч., с. 76). Т. Соколовская пишет, что братья Розового посвящения были принимаемы навеки. Из этой стадии посвящения выйти можно было только на тот свет, вперед ногами. Заметим, всё это — не деспотизм, а пример реальной «свободы».

«Работа» в ложе требовала интенсивной интеллектуальной деятельности. Активно изучалась общеполитическая литература, по существу, создаваемая «братьями» же. Одни философские системы приходили, а другие уходили. В. Н. Тукалевский пишет, что *«масонство было идентично тогда (в XVIII в.) с понятием интеллигенции в настоящее время»* и что *«масонские искания, это те зачатки светской философии, которые проявились среди интеллигентов XVIII века»*. Эти искания заключались в изучении каббалистов: Якоба Беме, Василия Валентина, Парацельса, Пордеча и др. Следует также учесть, что этих же авторов изучали и Шеллинг, и Гегель, а первая половина XIX века отмечена увлечением московской интеллигенции именно этими двумя немецкими философами, системы учений которых являются модификациями вышеуказанных каббалистов — мистиков (см. хотя бы «Философский энциклопедический словарь». М., 1989).

Кружок розенкрейцеров в Москве сыграл огромную роль в жизни России и определил всю культурную направленность сознания российской интеллигенции в веке девятнадцатом. По существу, Новиков и его соратники по Ордену братьев сомоновых мудрецов создали академию языческо-иудейской премудрости, легшей в основу либерализма в России. Именно здесь кадеты и

большевики века двадцатого начали свою историю.

Если верно положение, что Орден иллюминатов Вейсгаупта был создан «для реализации возвышенных идеалов просвещения» (Ланда С.С. «Дух революционных преобразований...». М., 1975), то также верно и то, что Орден Розенкрейцеров в Москве был создан для пропаганды тех же идей, ибо «просвещение» и было «светом», источаемым алтарем масонских лож. Литература Ордена, издаваемая его детищем — Типографской Кампанией (осн. в 1784 г.), была лучами этого просвещения. Идеи Ордена с годами легализовались, входили в дома мещан и дворян, купцов и священников, помещиков и чиновников. Произведения, наполненные туманным «христианством», приучающим думать, что все религии есть одно и то же, а по существу, есть лишь обман для малолетних, входили в сознание новых поколений русских людей, вызывая холод к своей вере и своей истории. Общая картина этой истории все более и более совпадала со взглядами, проповедуемыми в ложах, — темный народ, блуждающий в потемках «предрасудков» и нуждающийся в «освобождении» под руководством просвещенных братьев. Такая «история» вызывала презрение. Ее не стоило и изучать, ее нужно было низвергнуть и начать все заново. Вскипала ненависть на тех, кто ее делал, на своих собственных родителей, мирящихся с «крепостничеством» и «самодержавием». Московский университет стал подлинной фабрикой революции. Здесь не знали ничего о евангельских истинах, но хорошо знали марсельезу и «свободную любовь».

Идеи Сен-Мартена развивались на протяжении всего XIX века. Они вошли в век XX. Вольтер дал, говоря упрощенно, нравственный эпикуреизм, Руссо — обоснование тоталитаризма, Спиноза увенчал это здание пафосом государственности и аморализма, Беме, Штиллинг, Арндт ввели интеллигенцию в гавань чувствительного и неопределенного гуманизма, пресекая изначально всякие попытки осознать себя тем, что ты есть: немцем или русским, французом или англичанином...

СООБЩЕСТВО СТРОИТЕЛЕЙ СОЦИАЛИЗМА

В XVIII веке, к концу его, был у «братьев» в моде Локк. Очень импонировало его учение, что человек не имеет никаких врожденных идей, что все люди рождаются как чистые листы бумаги, абсолютно одинаковые, неотличимые друг от друга. Только внешняя среда, воспитание делают людей отличными друг от друга. Эта теория была близка и московским масонам, и всем социалистически устремленным проектистам. Она подвела «умственную» базу под их проекты все и всех уравнивать, у всех все отнять и вернуть в первобытное состояние одинаковости. Руссо, как и все другие социальные преобразователи человечества, бросился с радостью на изучение Локка, которого переводил в России князь М. М. Щербатов, известный масон и

историк, написавший первый отечественный роман-утопию-проект с социалистическими мечтаниями. В этом же романе князь нарисовал радужные картинки военных поселений. Когда Александр I начал претворять эти мечты в жизнь, на него набросились все либералы, но никто из них никогда не высказывал возмущения ни идеями Щербатова, ни вообще идеями коммунистического будущего, идеями Кампанеллы, Т. Мора, Ф. Бэкона с властью «дома Соломона» в будущем раю — «Новой Атлантиде». Как до сих пор не хотят видеть схожести концлагерей, колхозов и всеобщего рабства, на котором был основан весь строй нашей жизни, с идеями гуманистов, прогрессистов, либералов всех мастей с Новиковым, Радищевым и Троцким в придачу. Зато нападок на Аракчеева — хоть пруд пруди. И это при том, что доподлинно известно — другие проектисты, конституционалисты, либералы развивали тему военных поселений еще в конце 60-х годов XVIII в. «Начиная с 1769 года между Павлом и Паниным возникла усиленная переписка, в которой обсуждаются основные очертания желательного государства, прежде всего военного строя» (Вернадский. Ук. соч., с.224).

Виднейшие руководители Ордена в России: масоны П. И. и Н. И. Панины, Н. В. Репнин, Г. П. Гагарин — обсуждают проекты военно-чиновничьего будущего России с наследником престола. «В этих проектах, бесспорно, развивались те же идеи военного социализма, которые намечены были Щербатовым в его «Путешествии», — пишет Вернадский. Хотелось бы еще напомнить, что идеи военно-чиновничьего государства с его математически выверенным устройством городов, улиц, домов, с его каббалистической символикой и мелочной опекой чиновниками жизни граждан коренится в гностико-каббалистических доктринах масонства, которые активно постигались по мере продвижения вверх по градусам Ордена. Сам Орден и есть, в сущности, военно-чиновничья теократическая организация.

О том, насколько идеи социализма³³ овладели умами интеллигенции еще во времена Екатерины II, может служить примером и проект знаменитого архитектора Баженова по сносу Кремля в Москве и строительству на его месте чудовищного монстра-дворца, который должен был встать на месте кремлевской стены и быть такой величины, что все здания в Кремле были бы включены внутрь двора этого монстра, как безделки в шкатулку. Устрашающие размеры, непрерывный ряд колонн, совершенно однообразных по всему фасаду, должны были создавать впечатление о власти мистической, недоступной маленькому человеку. Здание представляло собой некую

³³ Любопытно, что в одном докладе в немецкой Гроссландес ложе (20-е годы XX века) говорится, что «идеалом масонов XX века является социал-коммунизм...» (ЦХИДК, ф.1412, оп. 1, дело 815, л.38). Следует заметить, что именно социализм господствует в западном мире и сегодня. Мы же имели частный случай такового.

фаланстеру будущего коммунистического общества, в котором человек — ничто, нуль, черточка в бумагах чиновника, легко стираемая едва заметным нажимом ластика на письменном столе начальника. В. И. Баженов был не последним человеком в Ордене Розенкрейцеров, одним из его руководителей, наряду с Новиковым, М. М. Херасковым, кн. Ю. Н. и Н. Н. Трубецкими. Кроме того, вероятно, Баженов находился под идейным руководством Ф. В. Каржавина. Баженов «выдвинул, — пишет исследователь жизни и творчества Каржавина, — рациональные и величественные ордерные формы архитектуры классицизма» (Рабинович В. И. «Вслед Радищеву». М., 1986, с. 155), и там же: «Русский классицизм, приняв эстафету идей французского Просвещения, хотя бы отчасти явился выразителем идей не только Дидро, но и Радищева и радищевцев». Весьма ценная мысль.

Екатерина II, объятая пламенем идей, на которых были вскормлены и Радищев, и Новиков, и Каржавин, горела тем же желанием «преобразовать» и самый вид городов русских, в чем она много преуспела, именно по ее инициативе и была создана Экспедиция Кремлевского строения. Баженов приступил к уничтожению Кремля, но в этом деле не преуспел: москвичи его избили на улице, Москва была готова к бунту. Екатерина II отступила. Народ ещё не «образовался» в нужном духе и к безликости не был готов.

Проект Дворца — это видимая цитадель невидимой власти. Невидимой потому, что она анонимна. Замысел постройки отражал представление масонов о будущем устройстве государства. Во дворце есть все, чтобы эта власть выступала от имени некоего «народа». Громадный амфитеатр должен был вместить тысячи депутатов. Масса народа — депутаты Народного собрания — должна была визировать решение невидимой власти, но не могла, понятно, реально управлять страной. Выше уже говорилось о проектах масонов организовать военно-социалистический режим с властью «сознательного» меньшинства. «Народ — дети, нуждающиеся в пастыре» — этот мотив звучит как основа для всех реформаторов, навязывающих свои представления большинству. Если сегодня продолжают объяснять те или иные факты нашей истории «не революционностью» крестьян, которые «в силу своей отсталости и патриархальности не пошли за революционерами и не понимали реакционной сущности царизма», то это значит, что вы слышите все тот же голос вольтерьянца, приглашенный под следующий хорошо оплачиваемый «изм». Практика показала, однако, что крестьяне были более дальновидны, чем это некоторым кажется. Они предвидели будущее, что их ждет, если «передовые» и «сознательные» безбожники придут к власти. Их худшие опасения, как известно, сбылись. Идеология иудаизма победила в умах русских недорослей.

В 1862 году в Берлине была напечатана карикатура на Герцена (см. «Летопись жизни Герцена 1859-1864 гг.»): на пьедестале Герцен, в одной руке у него топор, в другой дымящаяся головня. На пьедестале надпись: «Герцену от

разоренного народа». Это пример точного предвидения будущего...

Рабинович пишет о проекте Баженова: «Да, это республиканская утопия, может быть... и социалистическая» (ук. соч., с. 158). В 1817 году Н. М. Карамзин, ознакомившись с вышедшими в это время на русском языке изданиями «Утопии» Мора и хорошо знавший модель Кремлевского дворца, сделал заключение, что планы этого дворца «уподобились Республике Платоновой или Утопии Томаса Моруса» (цит. по кн. Рабиновича, с. 159). Другим проявлением в архитектуре идей того же круга могут служить дома, построенные Новиковым в своей деревне Авдотьино: каменные дома на несколько крестьянских семей. Эти прообразы коммуналок нашего времени стоят и сейчас и почему-то восхищают отечественных наших историков. Но на то они и «наши», советско-иудейские.

Повсюду, куда бы ни протянулась рука просветителя, его свет светит мрачным огнем каких-то фаланстеров, коммуналок, всеилием власти, где человеку нет места, как и в кабалистическом мире Баруха Спинозы. Повсюду двусмысленные лозунги, имеющие, как правило, два противоположных смысла: «Власть — народу», — имеется в виду «избранному», «Свобода» — от Родины, религии, «Равенство» — среди рабов, то есть равенство нищеты. И так далее...

Идеи авторитаризма, принципа иерархичности во всем, как любили подчеркивать масонские пропагандисты, есть принцип Ордена. Эти мысли выразил и Сен-Мартен. Он утверждал необходимость власти «святого» добродетельного царя, озаренного светом масонской науки. Сам Орден являл собой прообраз будущего государства и должен был весь, со всеми своими подразделениями и структурой управлять миром. Авторитет начальника, великого Мастера постоянно подчеркивался. Сам Бог, великий Демиург, именуется Великим Мастером. Постоянно отмечалось, что «невидимые наши начальники» хранят все божественные знания, данные некогда Богом Адаму, а затем и Моисею, они видят каждого масона с помощью специального раствора Урим, и они готовят «общественную эволюцию».

Во всем этом комплексе идей уже заложено уничтожение частной собственности, благодаря чему весь народ сразу оказывается в полной зависимости от «просвещенного» меньшинства. Масонские идеалы по-разному преломлялись в сознании членов и учеников Ордена. Для ясного понимания надо осознать: частной собственности давно нет и на Западе. Нельзя путать частную собственность с правом пользования.

Когда Павел I пришел к власти, то начались чудачества, о которых написана гора литературы. Но редко кто проводит логическую связь между его поступками и тем фактом, что он был воспитан масонами. Они, можно сказать, «сделали» его. С детства его матушка императрица Екатерина II отдала его в руки «братьев», в первую очередь Н. И. Панину. На цесаревиче масоны должны

были продемонстрировать свое педагогическое искусство. Никто им не мешал. Они и слепили его по своим образцам, чтобы через пять лет убить императора. Между тем, Вернадский правильно отмечает, что вся деятельность Павла I по характеру якобинца, есть прямое продолжение масонских утопий, но только без... масонов. Павел принял за чистую монету идею о добродетельном царе, который есть опекун своих подданных, отец родной. Он в соответствии с формалистикой, принятой в Ордене, с их фразеологией о рыцарской чести, принялся опекать и заботиться о подданных. Он решил одеть всех подданных, включая женщин, в мундиры. Эта мера никого не обрадовала и лишь доказывала, что с императором не все в порядке. До сих пор жива идея о ненормальности Павла, ведь привычные условия жизни были нарушены в его царствование. Это несомненно. Была формалистика, была шагистика, были мундиры и попытки ввести униформу для женщин, запрещение носить круглые шляпы, принятые к ношению в масонских ложах. Между тем, все эти идеи были усвоены Павлом из практики масонских лож с их невероятной увлеченностью обрядами, званиями, орденами, нарядами; церемониалами и прочей формалистикой: актами, инструкциями, уставами и проч.

С другой стороны, ни одно из обвинений, прикладываемых к Павлу I, не применяется по отношению к масонам, занимавшимся широко поставленным распространением идей самой безудержной тирании. И. Шнор издал радищевское «Путешествие» и благополучно пошел по стезе просвещения и далее. Наконец, он издает и ноты «Марсельезы», и «Утопию» Т. Мора — с казармой, угнетением всякой мысли, жизнью в бараках, скотским совокуплением по требованию начальства — для породы, проповедью обмана, делением людей на цивилизованных и дикарей... И что же? Издают, и читают, и восхищаются: Т. Мор — гуманист, И. Шнор — прогрессист... А Павел I — тиран!.. Как-то нелогично всё это.

Эта гуманность слишком знакома нам, людям XX века, в стране, где «Утопия» стала былью. Жаль только что осуществления этих проектов не застал ни Радищев, ни Мор, ни прочие. Жаль, что их миновала чаша жизни в коммунальных фаланстерах, по карточкам, чаша, которую они приготовили для других.

Что касается отношения Павла к одежде, то, например, излюбленная московскими розенкрейцерами книга «Истина Религии» (1784) требовала обуздать роскошь в одежде ради осуществления принципов равенства и братства. Для торжества справедливости. Не все ведь могут одеваться прилично, а тем более роскошно. Уравнять людей поможет введение мундира для всех состояния и даже для женщин: «Должно неотменно уже в некоторых местах начатое учреждение одежды сделать таким образом, чтобы каждое обоего пола состояние имело особенный свой пристойный мундир... по примеру военных людей... и чтобы оное, несмотря на лице, строго наблюдаемо было (...).

Ежели б правило сие было всеобщее, коликих бы избавилось бы тогда человечество забот, зависти и презрения... В сем христианский патриот не угодит только одному прекрасному полу». В результате введения мундиров поголовно для всех исчезнут зависть и прочие пороки. Более того, по мнению новиковского кружка, с которым был близок через Баженова великий князь Павел, из-за введения этой меры начнут процветать науки и художества, торговля и мореходство. «Паче же всего усилилось бы земледелие и скотоводство..., когда бы такое множество лишних в городах людей (так как всякого рода промышленные предприятия, работающие на роскошь, украшения разорились бы. — В.О.), не имея там пропитания, к земледелию обратилось».

Пытаясь все объять своим умом и все спланировать, всю жизнь народа, всего государства, планировали то, что хотелось, а за внешней логичностью геометрической мысли не видели возникающего по их воле абсурда, ибо сердце их, масонов, молчало. Они следовали за логикой алхимиков — построить жизнь по своим канонам, заменить Бога. В этом стремлении сошлись все проектисты, прогрессисты, революционеры и либералы. Именно такой смысл имеет знаменитый символ каббалистов — пирамида, у которой снята вершина. Вершина-Бог, его место занял каббалист, вооруженный знанием, «очищенный» науками. Его душа была убита убожеством его идеологии. Невольно вспоминаешь пословицу: кого Бог хочет наказать, у того отнимает разум.

Павел I не пришелся братьям ко двору, так как слишком уж буквально принял слова о «святом» отце отечества, не принял масонской лжи, не принял игры и не захотел жизнь делать сценой для зрителей. Царь так царь. Орден же и представлял себя таким «царем», «святым», но Павел не согласился признать лгунов и клеветников святыми. Сообщения из революционной Франции уже ясно говорили, какую судьбу готовят братья «свободы, равенства и братства» русскому народу и его Самодержцу, хоть и мальтийцу.

ЛИБЕРАЛЬНАЯ КРИТИКА И ЕЕ СМЫСЛ

И страстные разоблачения масонами знатности и богатства есть только первая часть фразы, как и непрерывное обличение правительства и помещиков в деспотизме. В сущности, все нечистоплотные политики всегда так: первую часть фразы для других, и она полна обещаний, другая для себя, и если бы знать ее всем, то коликих бед могло бы избавиться человечество... Если бы знать... Но это только так говорится — знать. Не умовое знание определяет вхождение человека в суть истины.

Пораженный прелестями духовными, желая быть «как боги», которым все позволено, имея в душе каббалистическую заразу — Всечеловека, который важнее самого Бога и который сам дает жизнь созданию Его, который легко подчиняет Его себе своей магией «знания», может управлять демонами природных стихий и, тем более, человеческим обществом, такой человек идет

по дороге, «усеянной розами, стремясь к удовольствиям, избегая страданий, во всем руководствуясь благими законами учения Эпикура» (масонское «стихотворение-программа» XVIII в., цит. по кн.: Оссовская О.М. «Рыцарь и буржуа», пер. с польского. М., 1987, с". 421). Он идет по тропинке, «усеянной цветами», туда, где «плач и скрежет зубовой», ибо идет от живительной Истины, от Церкви, коя есть «Столп и утверждение Истины», коя есть вечное благоухание благодати, утешение скорбящих, обидимых пристанище, болезных исцеление...

Значительную, если не сказать решающую, роль играла психологическая установка, вырабатываемая всем учением Ордена «высокой церковью» и «высоким государством» — по терминологии масонов. Масонство изначально претендует на власть — и политическую, и духовную, и учит своих адептов рассматривать все земные, наследственные, национальные власти как временные, узурпировавшие власть, которая непременно будет отнята у них Орденом, ибо только он является законным претендентом на обладание миром. Отсюда эта устойчивая раздраженность нашей интеллигенции прошлого по поводу царского престола и Церкви, помещичьего землевладения. Результат известен: деспотизм (свободы) сменился свободой (деспотизма).

На утверждение доктрины о законности «подлинных» владельцев людского рода, «законных», способных вести к исторически закономерному «счастливому» концу всей человеческой истории, и были брошены все силы антихристианские, антинародные, космополитические. И это понятно. Индивидуальность, самобытность, неповторимость формируются только на основе Духа, открывающего человеку и человечеству мистические глубины его религиозного сознания. Подлинная самобытность каждой вещи в этом мире открывается и утверждается только в живительных токах благодатного учения Церкви. Она учит нас беречь, сохранять и улучшать все созданное Богом, но и понимать, что мы лишь приставлены к Миру Божьему, что он создан не нами и не нам распоряжаться чужими жизнями. Существенная черта: масон, иудей, демократ, коммунист «исправляют» несовершенный мир, а христианин исправляет себя с помощью Церкви, как её часть.

«Разоблачая» роскошь богатых, рыдая над бедными и угнетенными, ярко живописуя их несчастную участь, беспощадно критикуя самодержцев, помещиков и особенно монахов и священников, нападая на само учение Церкви, объявляя ее формальной, «наружной», славословя о нравственности, «добродетелях», масоны имели в виду отнюдь не улучшение жизни трудового народа — наивно было бы так думать, зная, что даже в их обрядниках помощь предназначалась только лишь «братьям», да и то только в том размере, чтобы не пострададо благосостояние помогающего «брата». Уже в Английском Уставе «Предписания для вольных каменщиков» от 1723 года читаем, что «брат» не обязан помогать другому «брату» «сверх сил» (Финдель, т. 1, Приложение).

Николай Иванович Новиков, первый среди розенкрейцеров и идейный вдохновитель просветительства, главный бич всех « пороков общества», не затруднился продать своего крепостного, пошедшего вместе с ним добровольно в крепость в заключение и отбывшего с ним там все четыре года. На удивленный вопрос соседей он отвечал: «Деньги нужны были». Уже после заключения у себя в Авдотьино он приблизил к себе другого крепостного, молодого человека, дал ему образование, и его часто видели с Новиковым за столом вместе обедающими. Он был одет по-господски и вел себя вполне свободно, как секретарь Новикова. Но однажды и он пропал. На удивленный вопрос соседей по имени Новиков ответил, что сдал его в солдаты из-за его развязности. Если даже думать, что в то время «нравы были такими», как иногда скромно замечали по этому поводу либеральные и советские историки, то ведь Новиков-то как раз и бичевал эти нравы. Но нравы здесь ни при чем. Соседи ведь с удивлением спрашивали об этих случаях, и они запечатлелись в памяти потомков. П. А. Вяземский, сообщая об этом случае со слов Д. Л. Бутурлина, бывшего соседом по имени Новикова, замечает:

«Вот вам и либерал, мартинист, передовой человек!.. Поступок Новикова покажется чудовищным... Он и в самом деле неблаговиден и бросает некоторую тень на личность Новикова» («Выдержки из старой записной книжки, начатой в 1813 г.» — «Русский Архив», 1873, кн. 2., с. 2148).

Орден прямо указывал на необходимость лжи в интересах Ордена и воспитывал в своих членах чувство ненависти. «Крик мщения» практиковался в работах всех лож вольных каменщиков, усиливаясь по мере продвижения наверх по градусам Ордена. Чего стоят только постоянно повторяемые в обрядах разыгрывания сцен убийства муляжа короля или другого какого-либо врага Ордена: отрубание головы или протыкание кинжалом, бесконечные угрозы расправы в случае измены Ордену. Эти ритуалы убийств с отрезанием головы и пролитием крови детально описаны в книге немецкого масона К. Ф. Кеппена (1734 — 1797) «Крата Репоя». Российские масоны издали ее в московской университетской типографии в 1784 году. В начале нынешнего века она была переиздана, как раз перед революцией!

Т.О. Соколовская по поводу правил московских розенкрейцеров замечает, что целью «священного ордена Златорозового Креста», так же как братьев в Иоанновских и Шотландских степенях, признавали соединение всех наций и племен в одну «великую всемирную семью», и ввиду важности цели они оправдывали все средства для ее достижения» (Соколовская Т. О. «Братья Златорозового Креста», «Русский Архив», 1906, № 9, с. 89).

Но слово «добродетели» не сходило с уст масонов. И хотя эти добродетели понимались в смысле стойков — как определенное качество предмета, соответствующее его назначению — скажем, крепость и высота есть

добродетель забора, быстрота бега — добродетель лошади и т. д., — до сих пор исследователи, затрагивая вопрос об ордене, без тени смущения пишут, что там упражнялись в моральном совершенствовании.

Ордену нужна была власть полная и беспредельная. Как начало безусловно отрицательное, получающее свои вдохновения от Управителя храма Соломона, Люцифера-Каина-Хирама, масонство не имело никакой творческой силы и потому с полной властью справиться бы не смогло. Возможно, что в дальнейшем исторический опыт, мистический во всяком случае, доказал «братьям» это, возможно, что они и тогда уже понимали это, но такова сила обольщения, что они мечтали о всем мире сразу и без слов.

МАСОНСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ УТОПИЯ

Краеугольный камень идеологии просвещения и масонства «естественный закон» вел «философов» к построениям будущего, вполне напоминающего концлагеря с рабами, заключенными и надзирателями.

«Естественный закон», которым должны управляться люди, составляя сообщества, на самом деле имел мало естественного, зато легко смыкался с теософскими умозрениями на власть, человеческую природу и, в конце концов, имел в своей основе теократический взгляд на общество: сверху «святые цари», а внизу падшие под грузом своих страстей неразумные рабы. Как было выше сказано, «естественный закон» — это учение Торы, каббалы.

Показательны слова Виельгорского о масонских воззрениях на рабство (см. выше), как подчинение «искры» божией в человеке плоти, обуреваемой страстями, которые и следует смирять всяческими внешними утеснительными средствами, в том числе, при наличии у власти каббалистов-масонов, и средствами государственными, полицейскими. В этом вопросе доктрина каббала-гностики об «искре», плоти-тюрьме, наличии среди людей не падших, «святых» цадиков-мастеров, которые и обязаны вести людей через их угнетение к «свободе» от страстей, традиций, религии, семьи и всего, что «наружно» и «телесно», вошла в самое тесное соприкосновение с социальной жизнью народов, породив четко выраженные политические и социальные проекты преобразований всего человеческого общества, ересь страшную по своим последствиям для человечества — ересь утопизма, выражение демонизма.

Эта доктрина легла в основу деятельности Ордена вольных каменщиков; возбуждая совершенно определенную психологическую установку неприятия всего строя жизни, основанного на правилах традиционных и, кстати же, действительно естественных, а не выдуманных по указке цадиков иудаизма, «учителей» каббалы, которым подлинное естество мира и человека было закрыто напрочь самим их учением дьявольских миражей.

Наиболее полно и ощутительно учение о будущем государстве масонов

нашло свое выражение в уже упоминавшемся сочинении князя Щербатова «Путешествие в землю Офирскую г-на С., швецкого дворянина», над которым он работал в то же время (1783-1784 гг.), когда писал и свое знаменитое сочинение «О повреждении нравов».

Два слова о самом М. М. Щербатове (1733-1790). Он принадлежал по рождению к старинному дворянскому княжескому роду. Родился в Москве и здесь же получил первоначальное образование. Он знал французский, немецкий, итальянский языки, имел представление о политике, экономике, философии, естествознании и даже медицине, собрал самую большую частную библиотеку в России. Как и полагается дворянину, он служил в гвардии, в Семеновском полку, куда был зачислен в 1756 году, а в 1762 году по объявлении манифеста Петра III «О вольности дворянской» в чине капитана вышел в отставку и занялся исключительно литературной и общественной деятельностью, а затем и чиновничьей.

Масонская карьера князя Михаила Михайловича Щербатова началась если не с пеленок, то, по крайней мере, с ранней молодости. Уже в 1756 году его имя называется в числе «гранметров», то есть Великих мастеров, а ему было тогда лишь 23 года. В 1768 году он входил в число руководителей системы «Строгого наблюдения» — в капитул Феникса в Петербурге. В 1770-х годах он посещает ложу «Урания», в числе членов которой были многие видные деятели литературы и театра. Эту ложу посещал и Радищев.

В 1775 году он живет в Москве, пишет свою «Российскую историю» и посещает ложу «Равенства». В конце 70-х князь участвует в работах ложи «Озириса» и «Латоны» в Москве, где, видимо, встречается и с Н. И. Новиковым.

Он прославился как лучший оратор в «Уложенной комиссии», собранной Екатериной II специальным Указом 1766 года для выработки новых узаконений на основе просветительской философии «естественного права» и всеобщего Разума, в коем, по уверению «философов» и Уставов масонов, английских и шведских, все люди согласны. Кн. Щербатов, дворянин московского уезда, стал лично известен императрице, ученице Локка и Гольбаха, и она, радея вполне искренне о литературных и прочих просветительских успехах вверенной ей державы и ориентируясь на своих западных друзей — Дидро, Вольтера, Гримма и прочих, поощряла князя на написание «Истории Российской». Но еще в 1759 году в июльском номере «Ежемесячных Сочинений» (полное название этого журнала было в то время: «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие») была напечатана его статья без подписи: «О надобности и пользе градских законов». В этой статье можно видеть весь комплекс идей о власти, который развивали масоны на протяжении всего столетия и которые были, можно сказать, вневременными по своей сути, масонской метапарадигмой, порождающей массу теорий во все эпохи и во всех странах, где они

осуществляли свою деятельность.

«Человек по собственной своей природе есть волен и подвержен единому лишь естественному закону; но страсти, — пишет Щербатов, — совлекая его с истинного пути, чинят необходимую нужду, чтобы он имел власть над собою, которая бы бдела о исполнении его самого закона (т.е. закона его естества, который нарушается действием стихии страстей. — В. О.), для отвращения им же приключаемого вреда от нехранения онаго».

То же самое писал и Сен-Мартен в 1775 году в своем сочинении: о «развратности воли», мешающей человеку исполнить закон его естества.

Щербатов был за «равенство и братство», но, поскольку существует слабость человеческой природы, борьбу с ней, борьбу с «развращенностью нравов» — все это должна взять на себя верховная власть, правительство. Но какое, из кого оно должно состоять? Так или иначе, но уже в этой статье от 1759 года, статье, «ставшей результатом чтения тогдашней «модной» просветительной литературы» (см. «Русский биографический словарь». Спб., 1912), Щербатов вплотную подошел к своему идеалу полицейского государства.

Эта идея проводится всей масонской литературой, и ярким подтверждением тому является настольная книга московских розенкрейцеров. как, впрочем, и немецких их начальников, — «О заблуждении и истине» Сен-Мартена. Она вышла в 1775 году, в России появилась не позднее 1777 года и была переиздана масонским издательством Новикова в Москве в 1785 году в переводе П. И. Страхова, будущего профессора Московского университета.

В V главе своего труда Сен-Мартен излагает ту же теорию, что и князь Щербатов. Интересны выводы, к которым приходит Сен-Мартен на основе необходимости утеснения неразумных людей.

Человек от рождения, пишет он, попадает в зависимость от целого ряда обстоятельств. Да и сама «жизнь его не есть ли цепь непрерывных зависимостей... В младенчестве он зависит от родителей, затем от учителей, которые «вооружают его противу заблуждений и приуготовляют ко брани». Долг взрослых, разумных «есть делать над разумным существом его то, что делали они над телом его, когда ощущал он болезни, не будучи в силах ни сослать, ниже избавить себя от них».

Но человек и далее не становится в массе своей самостоятельным, он «осужден пресмыкаться... одни попускают себя в порабощение и падают при бесчисленных камнях преткновения, которыми усеяна сия тина стихийная, другие мужественно и счастливо избегают оных» (Сен-Мартен. «О заблуждениях и истине». М., 1785, с. 259 и далее).

Те, кто избежал пленения своей природы стихией страстей неразумных, «имеет пред ними все эти преимущества, должен быть выше их и управлять

ими».

«Тот, кто предохранил себя (и от затемнения, и от развратности), становится владыкою не только по самому делу и необходимости, но и по долгу. Он должен овладеть (павшим человеком) и не давать ему ни малой свободы в его деяниях как для удовлетворения закона началам его, так и для безопасности и примера общества: он должен употреблять над ним все права рабства и подданничества; права столь же праведные и существенные в сем случае, сколько непонятные и ничтожные во всяком ином обстоятельстве.

Владычество сие не токмо нельзя почитать угнетением и притеснением естественного общества, но должно почитать его твердейшею онаго подпорою, и самым несомнительным средством к подкреплению его как противу злодейств членов своих, так к противу нападений всех его врагов.

Одеянный сим достоинством, поелику не может быть блажен иначе, как придерживаясь крепко тех качеств, которыми приобрел он владычество, старается для собственной пользы устроить блаженство подданных своих...» (ус. соч., 275...)

Правитель должен знать все «основания законов и правосудия, уставы воинского порядка, права частных людей и свои, равно как и то множество пружин, которыми движется государственное управление».

Этот правитель означен как «истинный царь», опирающийся в своей власти на таких же «истинных просвещенных»; он должен «иметь возможность и устремлять взор свой и власть свою простирать и на те части государственного управления, которые ныне во многих державах не поставляются главною целью, но которые в том правлении, о котором мы говорим, должны быть крепчайшим узлом, то есть религия и излечение от болезней... и в художествах, к увеселению ли, к пользе служащих, не может он не наставить на путь и не показать истинного вкуса».

Таким образом, перед нами классический образец самого крайнего тоталитарного государства с правом вмешательства власть имущих чиновников-жрецов во все уголки его жизни. Граждане лишаются права на частную жизнь. Искусство, литература, наука, медицина, то есть здоровье людей, — все ставится под неусыпный контроль «просвещенных» и «сознательных» начальников и их главы — «истинного царя». Этот манифест угнетения человечества никогда не вызывал гневных отповедей со стороны либералов прошлого, о нем никогда, кстати же, не упоминал борец за «свободу человечества» — Герцен. Этот манифест угнетения, принятый за вероисповедную формулу жизни русскими масонами-либералами, был принят и последующим веком. XIX, как руководство, и теоретическое и практическое, к преобразованию мира. Новиков, Шварц, профессора университета изучали книгу Сен-Мартена как своего рода «Коммунистический манифест» или «Майн

камф». Но у Сен-Мартена политика сливается с мистикой власти.

Само свое название московские масоны-розенкрейцеры получили от имени автора «Заблуждения и истины» и стали называться мартинистами.

Но, как мы видели, все эти идеи уже имелись и в статье князя Щербатова. В счастливом государстве — земле Офирской нет никакой религии в подлинном значении этого слова. Но есть нечто, ее напоминающее. Это «естественная религия» иудаизма — поклонение живому существу Натуры. Ведь для масона видимая природа оживляется центральным огнем, мировым Разумом, двуполым по своей природе, великим Гермафродитом.

Общественная молитва офирами производится в храме, обстановка в котором воспроизводит масонскую ложу. Сам храм построен из «дикого камня». Посредине имеется символ солнца, которому и совершается поклонение офирами. Символ солнца — это непрменный атрибут масонской символики³⁴. Он знаменует собой и огонь, и разум, и Иегову, который, обернувшись, с другой стороны, оказывается и Люцифером. Каббалистическое число солнца — 666, и это с несомненностью открывает того, кто скрыт за этим символом. Число Зверя, Сатаны, одновременно указывает и на Иегову, в верности которому клялись масоны-розенкрейцеры в Теоретическом градусе Соломоновых наук «Я, Н.Н., обещаюсь свободно и по добром размышлении Вечному Всемогущему Иегове во всю жизнь в духе и истине поклоняться... Тебе, Единому, да будет честь, о Иегова! Ты начало, середина и конец, ты живой от вечности до вечности. Аминь!» (ОР РГБ, ф. 147, № 102, л. 42 об.) То, что солнце знаменует собой и Иегову, видно из следующего факта. Масон в степени мастера Шотландского Ритуала носил на груди, кроме «блистающей шестиугольной звезды», и изображение солнца, «в котором выгравирован или вычеканен четвероугольник, в оном находится слово Иегова, написанное на еврейском языке» (там же. № 69, л. 30 об.).

Масон поклонялся Единому двуполу огненному Разуму, животворящему природу. Его он звал на помощь, с ним вступал в магические отношения. Этот мировой Разум. Интеллегию, изображался масонами чаще всего в виде пентаграммы, пятиконечной звезды. Это «пламенеющая звезда» масонских лож, утренняя звезда — Денница, Люцифер. Магический свет этой звезды сообщает силу для внутреннего преобразования человека. Что это за преобразование — можно только догадываться, внимательно глядя в происходящее.

Этот ряд сопоставлений и соотнесений, открывающий внутренний смысл

³⁴ Вспомним: «солнцу» поклонялись и граждане СССР — оно освещало, восходящее (или заходящее?) Земной шар на государственном гербе — точное воспроизведение масонской символики, включая «пылающую» звезду масонских лож. Не следует забывать, что СССР был теократическим государством: коммунист-жрец-воспитатель-вождь...

масонской символики, открывает одновременно и инфернальный смысл социалистических устройств на демократической подкладке. Окультизм эзотерика со своим символическим фасадом хотя и вполне очевидно присутствует в нашей повседневной жизни, даже просто бросается в глаза, но по удивительной нашей способности к слепоте решительно не замечается и не осмысливается. Печать антихриста легла на наш ум и сердце.

Но продолжим наблюдения. Священник в офирском храме одет в масонский передник, запон, на котором изображено восходящее солнце. Отсюда, кстати, и названия масонских журналов Н. И. Новикова — «Утренний свет», как, впрочем, и «Вечерняя заря», — ведь опускаться солнцу или подниматься — решают начальники Ордена. Офиры стоят в храме молча, на коленях, а «священник» про себя читает молитву. Не более двух минут продолжается эта молитва-медитация. Она, таким образом, необременительна, но смысл ее огромен. С точки зрения магии — коленопреклонение перед идолом, тем более изображением самого Сатаны означает покорность ему, принесение дани. Первые христиане шли на смерть, на мучения, чтобы только не принести даже формальную жертву идолам. Жертва, самая незначительная, есть признание идола, злой силы, и выражение покорности ему. В этом — мистический и демонический смысл, в частности, партийных взносов в СССР.

Вся эта церемония полностью воспроизводит в то же время молитву Верховному Строителю, Демиургу, Архи-Магу в ученической ложе иоанновского масонства.

По выходе из храма путешественник в землю Офирскую узнает, что священник является офицером полиции, так как эти должности имеют одну цель: исправление нравов офиран. Никаких таинств, вероисповедных истин религия офиран не знает. Все сводится к поддержанию здорового образа телесной жизни и состояния нравов. Идеологическая сфера тоталитарного государства офиран вобрала в себя жрецов идеологии, полицию и правосудие и слила их в одно целое. «Священник», полицейский и судья — эти должности исполняет у них одно лицо, как в СССР всё это сливалось в коммунисте, «исправляющем» общество.

Все процветание земли офирской основано на тщательном контроле за каждым шагом жителей. Полиция обязана знать о каждом дыхании граждан. «Каждый разврат нравов, яко явное непочтение родителям своим, сварливость, жестокие поступки с подданными своими, мотовство, излишняя роскошь» — унижается «благочинными», то есть полицейскими.

Бесконечный и беспощадный контроль за каждым жителем с точки зрения соблюдения «нужных нравов» ставился во главу угла и в других излюбленных сочинениях московских масонов, например, в переведенном с немецкого «Новом Начертании Истинных Теологий» (1784 г.). «Земля Офирская» —

праобраз современных нам государств, в т.ч. США.

Масоны — это «истинно верующие», посредники между Богом и людьми, очищенные уже от страстей. Вспомним, что первые же степени масонства посвящены именно усвоению масонских добродетелей. Скорость усвоения их занимала не более года. Далее шло более глубокое усвоение мистических истин и магии. В «Новом начертании» говорилось от лица Владык всего мира: «Призываю я всех истинно верующих, дабы присоединиться к тому и быть готовыми, ибо я ясно вижу, что сие есть воля Божия и что подлежащее исправление нравов не может иначе совершиться, как через соединенных верующих всякого состояния, которые рассеянными находятся во всех церквях». Если учесть, что рассеянные в церквях — это все те же масоны, члены «вселенской высокой церкви», то смысл будет ясен.

В этой книге находилось и обращение к Владыкам мира, которое так напугало следователя по делу Новикова князя Прозоровского³⁵. Он совершенно правильно уловил мысль московских масонов — основать теократическое государство. Во главе — начальник Ордена, он же и «святой царь», рядом те, «кои суть священники», как говорил, обращаясь к «братьям», З.Я. Карнеев, — «вы суть священники и цари», которые «над собою и над всею натурою владывают неограниченно» (Вернадский, с. 179). Так же правильно он определил и поиски кандидатуры на роль «истинного царя» — Павла Петровича, наследника престола, которого и воспитывали для этой роли те же масоны. Он был нужен и как законный наследник, ибо мистически он соединял в своем лице власть помазанника Божия и имел от Бога право быть царем, и власть по Ордену, то есть от самого верховного владыки Князя Мира сего — Люцифера. Таким образом, в его лице должна была произойти подмена престола Божия на престол Сатаны.

В программных документах масонов московского кружка, какими могут считаться «Новое Начертание» и «Истина Религии», захват власти мыслился постепенным процессом, в ходе которого Владыки мира, «истинно верующие», будут проникать во все сферы управления государством; «сии верующие соединятся для того, чтобы работать во всеобщем исправлении нравов». Это общество уже подразделено на степени: «святые — главные надзиратели, облагодетельствованные — помощники святых, кающиеся — в распоряжении тех и других».

³⁵ Кн. А.Прозоровский замечает по поводу захваченной при обыске Новикова книги «Новое начертание истинной теологии»: «с тех пор как образовалась секта Розенкрейцеров, мартинисты стали мешаться в дела государственные; из книги «Новое начертание истинной теологии» видно, что по заведении новой церкви было намерение подчинить оной и все государственные правительства и соединить все народы и законы вообще, а наконец стараться завести республику». (Барсков Я.Л., ч.2, с.257).

Одним из главных орудий преобразования общества в нужном направлении должно было стать создание в каждой стране «Патриотического Общества».

Подчеркивается, что «общество верующих» никакой религии не имеет. Его религия есть чисто практическое «исполнение всех христианских добродетелей и должностей», то есть это «общество верующих», или еще «Народа Божия», или еще «Народа Израиля» должно исполнять требования «естественной религии», каббалы — поклонение идолу Человекобожия в теософской интерпретации, как у Сен-Мартена и князя Щербатова. Перед нами оккультный и социальный идеал Талмуда. Очевидно, что человек, как бог — это мираж, созданный для прельщения человека недоброй силой. Этой силе на самом деле он, купленный тщеславной мечтой, и будет служить.

Для большего уяснения смысла сказанного необходимо обратиться к некоторым основным положениям иудаизма. Для этого обратимся к книге известного раввина Адина Штайнзальца (см. ниже в списке литературы): «Определение иудаизмом еврейской избранности состоит в том, что Израиль был признан стать народом священнослужителей, и весь сценарий его жизни... установлен для достижения этой цели».

«...С принятием Торы в качестве плана своей жизни они взвалили себе на плечи обязанности священнослужения, не ограничиваясь определенным местом или временем, но выполняемого всегда и повсюду» (с. 127). Нелишне заметить, что человек и становится масоном, когда строит свою жизнь по законам иудаизма.

Как известно. Великий мастер масонских лож имеет чертежную доску, на которой он рисует план переустройства всего мира согласно законам Торы. Следуя этому плану, масоны всего мира, интеллигенты, производят «работы» по «совершенствованию и исправлению мироздания». Этот план может быть назван мартинизмом, или марксизмом, или просто «демократией», но в сущности своей он один и тот же:

«Пути к исправлению мира предначертаны Торой... Ибо Тора (в расширительном смысле Тора — это и Танах, и Талмуд, и каббала. — В.О.) — ...практическое руководство к действию, объясняющее человеку, как именно осуществлять задачу по исправлению мира» (Штайнзальц, с. 85). Вот перед нами классическое положение Утопизма всех наименований и времен:

«При этом Тора — более ясное и совершенное проявление Всевышнего, чем мир... Тора служит первоначальным планом мира. Тора и мир неотделимы друг от друга» (там же, с. 116). Конечная цель: гаолам габа, коммунизм.

В иудаизме приобщенный к Торе «должен продолжать работу по завершению и исправлению первоначального творения...» (там же, с. 201), он совершает тикун — «усовершенствование мироздания», он строит мир Коммунизма. В этом слове все: и «рынок», и «демократия», и «прогресс»...

Механический взгляд на человека, мир и Вселенную, отрицание личного Бога как источника нравственной правды влекут за собой и отрицание нравственных и моральных устоев личности и общества, как незыблемых начал всей нашей жизни.

ОБЛИК ЛИБЕРАЛА В РОССИИ

Наиболее ярко и ощутимо облик будущих проектистов всеобщего счастья с «разумной моралью», построенной на талмудических законах «око за око и зуб за зуб», которые проповедовал уже Радищев, наш первый социал-демократ, передают нам воспоминания Н. И. Пирогова о первых своих шагах на поприще студенчества в Московском университете. Итак, на сцене общежития для студентов, комната № 10. Сентябрь 1824 года. Где-то Евгений Онегин посещает балы, выслушивает признание в любви Татьяны Лариной и ведет возвышенные беседы с Ленским..., правда, уже знакомым с молоточком и циркулем.

А в это время в комнате № 10 дым поднимается столбом от нещадно курящих студентов, «слышна брань неприличными словами». Один из студентов с испитым лицом вместо постижения медицины читает исключительно Овидия и Горация с их шаловливыми сценками. «Я редко видел его, — замечает Пирогов, — за медицинскими книгами». Разговор идет скачками. Александр I — ничто, а вот Наполеон — все, он гений так гений!

Двенадцать лет перед тем этот дутый гений масонской пропаганды, молот по исправлению мира в руках Великого Мастера Соломоновых наук, испоганил Москву, осквернил со своим революционным воинством Божьи храмы первопрестольной, предваряя «подвиги» последующих революционеров и демократов, бежал из нее, как мелкий уголовник, успев пограбить, бросил свою армию в снега, как перед этим в Египте, и... стал героем мелкого пошлого мещанства либеральной и революционной интеллигенции, то есть безытной и безликой. Но зато сокрушил феодализм, церковные устои.

Но это так, к слову о патриотизме в либеральном понимании. Согласно догмату иудаизма, гений — канал связи между высшим миром и нашим, и через него «божественная энергия» истекает на наш грешный мир, озаряя и нас. Какие тут могут быть моральные оценки? Они просто неуместны для просвещенного Торой. Гений, цадик, и есть «проекционный канал». Но вернемся в комнату № 10.

...Ода «Вольность» (1817 г.) — Пушкина ничего, но не очень: революция — так по-французски, с гильотиной. Разговор коснулся брака. Либерал образца 1824 года, будущий народник-террорист, а затем и чекист, кричит: «Да что там толковать о женитьбе! Что за брак! На что его вам? Кто вам сказал, что нельзя попросту спать с любой женщиной?.. Ведь это всё ваши проклятые предрассудки: натолковали вам с детства ваши маменьки, да бабушки, да

нянюшки, а вы и верите. Стыдно, господа, право, стыдно!»

Как известно, социал-демократизм в принципе отрицает необходимость брака, семьи. Ведь это лишь «историческая форма трудового сотрудничества», не более. Маркс и Энгельс, Герцен и Огарев, Луначарский и Бухарин, Бебель, Каутский и Коллонтай в этом вопросе единодушны. «Коммунистический манифест» лишь отразил взгляд на этот вопрос масонства. Нынешняя власть, еврейско-демократическая, брак не жалуется особенно.

«Оправдание плоти», экономизм и «прогресс» делают ненужным брак, как ненужным и само христианство, и- его духовные и моральные ценности. Интересы процветания Вида, Коллектива требуют слияния всех в одно тело с одним сознанием и волей. Какая тут семья и какая тут личность? Ей просто нет места в этом мире Талмуда и религии Вида во главе с Кнесет Израель (см. Штайнзальц, с. 126).

Один из студентов комнаты № 10, «закатывая глаза, скрежеща зубами», вопит, обращаясь к Самодержцу:

Тебя, твой род я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
Я с злобной радостью вижу...

В логическое довершение кто-то из студентов кричит, что он масон и что правительство — «ну его к черту»».

Николенька (Пирогов) быстро усвоил уроки практического атеизма. тем более что оно так густо было замешано на передовых идеях свободы половых отношений и на обыкновенной матерщине. Теперь он «глумился над повествованием из Четьи-Минеи», объяснял маменьке, что «религия везде, для всех народов была только уздой, а попы и жрецы помогали затягивать узду». В ответ маменька весьма проницательно спросила: «Уж не хочешь ли сделаться масоном?» Следуя этой мысли маменьки Пирогова атеизм, «просвещение» и есть масонство.

«Бога не нужно было» для этих проектистов, будущих нечаевцев и народовольцев, цареубийц и осквернителей святых истоков народной жизни. Тут одно из двух: или Церковь, или пьянство, похабщина, разврат с их ментальной завесой — «научным» атеизмом и материализмом.

Общая обстановка в это, как до сих пор утверждается, «деспотическое» время «аракчеевщины» была таковой, что «болтать, даже и в самых стенах университета, можно было вдоволь, о чем угодно и вкривь, и вкось. Шпионов и наушников не водилось: университетской полиции не существовало... это было время тайных обществ и недовольства». (Цит. по кн.: «Московский университет в воспоминаниях современников». М., 1989, с. 80-89.)

Эта когорта «недорослей реализма и классицизма да промотавшихся и

проворовавшихся червонных валетов» и стала подлинной наследницей идей пророков иудаизма Сен-Мартена и Новикова, идей практической каббалы, вошедшей своей отравой мертвого символизма и примитивной чувственности в сердца юношей еще в том возрасте, когда знаний в голове меньше, чем молекул в торичеллиевой пустоте.

Проповедь либерализма, отказа от исторических и религиозных ценностей, шедшая из-под печатных станков Типографической Компании братьев-розенкрейцеров, делала свое дело. Сочинения западных мистиков. Вольтера, Руссо, наполненные «обличением» богатых и знатных, прямыми намеками на незаконность власти Самодержца и воспоминанием прелестей «республиканских» свобод, давали обильные плоды в подрастающем поколении учащейся молодежи. Отвержение Церкви, издевательства и кощунства гарантировали будущему России страшный ад большевистского террора. Уже в 20-е годы XIX века сформировался тип нигилиста, как мы видим из описания Пироговым своих однокашников. Другой тип.» более «культурный», можно увидеть из анонимных записок — «Лицейский дух» и «Общество Арзамас», написанных в 1826 году («Русская Старина», 1877, т. 18).

В обществе «Арзамас», как известно, участвовали деятели культуры, представители бюрократии, высшего света Петербурга. Общество, как известно, было побочной управой масонского Ордена. Известный мемуарист Ф.Ф. Вигель пишет, что именно участие в «Арзамасе» привело его к мысли вступить в масоны. Общество, таким образом, было светским филиалом Ордена, его преддверием, рупором его идей в литературе и политике. Оно распространяло необходимые ему понятия и представления, создавало нужное «братьям» общественное мнение. На масонском поприще в качестве литератора прославился более всех Василий Львович Пушкин, песни которого распевались в ложах «Избранного Михаила», членом которой он был, как и общества «Арзамас». Членом «Арзамаса» был и будущий министр народного просвещения С. С. Уваров, член ложи для избранной бюрократии «Полярная Звезда», руководимой иллюминатом, евреем Фесслером, преподававшим одно время еврейский язык в Петербургской Духовной Академии.

Автор записки «Общество Арзамас» пишет, что «главная характеристичная черта членов Арзамасского общества, по которой можно их отличить между миллионами людей, есть: чрезвычайно надменный тон. резкость в суждениях, самонадеянность. Сергей Семенович Уваров и Николай Тургенев суть два прототипа духа сего общества. Все, что не ими выдуманно, — дрянь; каждый человек, который не пристает безусловно к их мнению, — скотина, каждая мера правительства, в которой они не принимали участия, — мерзкая; каждый человек, осмеливавшийся спорить с ними, — дурак и смешон. Этот несносный тон заразил юношество, которое почитало себя рожденным не в свое время, выше своего века». Автор записки приходит к мнению, что «некоторые члены,

отдельно, готовили порохов, который впоследствии вспыхнул от буйного пламени тайного общества». В другой записке, под названием «Нечто о Царскосельском лицее и о духе оногo» (ок. 1830 г.), мы видим портрет будущего либерала во всех своих характерных подробностях.

«Что значит лицейский дух? — спрашивает автор записки и отвечает: — В свете называется лицейским духом, когда молодой человек не уважает старших, обходится фамильярно с начальниками, высокомерно с равными, презрительно с низшими, исключая случаев, когда для фанфаронады надобно показаться любителем равенства. Молодой вертопрах должен при сем порицать насмешливо все поступки особ, занимающих значительные места, все меры правительства, знать наизусть или самому быть сочинителем эпиграмм, пасквилей и песен предосудительных на русском языке, а на французском — знать все дерзкие и возмутительные места, самые сильные из революционных сочинений. Сверх того, он должен толковать о конституциях, парламентах, казаться неверующим христианским догматам и, более всего, представляться филантропом (синоним масонского общества. как «общества филантропического»; см. у Лессинга в «Разговоре для масонов». — В.О.) и русским патриотом».

Любопытен идейный багаж юных сверхчеловеков, воспитанников лицея, и их последователей, «патриотов»: «К тому принадлежит, — пишет далее автор записки, — также обязанность насмехаться над выправкой и обучением войск, и в сей цели выдуманно ими слово шагистика. Пророчество перемен, хула всех мер и презрительное молчание, когда хвалят что-нибудь, — суть отличительная черта сих господ в обществах. Верноподданный — значит укоризну на их языке; европеец и либерал — почетные названия».

Власть не признается за авторитет, армия подвергается насмешкам, быть верным присяге и долгу — значит быть несовременным, идти не в ногу со временем. Автор записки задается вопросом: «Откуда и как он (дух либерализма) произошел?» И отвечает вполне логично: «Первое начало либерализма и всех вольных идей имеет зародыш в религиозном мистицизме секты мартинистов, которая в конце царствования императрицы Екатерины II существовала в Москве под начальством Новикова и даже имела свои ложи и тайные заседания». Новикову помогали, пишет автор. Тургенев, Лопухин, Муравьев («отец Никиты, осужденного») и другие: они «сильно содействовали Новикову к распространению либеральных идей посредством произвольного толкования Священного писания (по каббалистической системе восприятия Библии, как книги символической . — В.О.), масонства, мистицизма, размножения книг иностранных вредного содержания и издания книг чрезвычайно либеральных на русском языке».

Социология масонства, распространение его в обществе через захват

чиновничьего аппарата, также объяснена автором записки: «Тургенев (правая рука Новикова и Шварца, до 1784 г. возглавлявшего Орден розенкрейцеров в России. — В. О.) был попечителем Московского университета, находился в дружбе с Мих. Никитичем Муравьевым и рекомендовал ему многих молодых людей своего образования, которых сей последний пускал в ход по своим связям. Другие делали то же, и вскоре люди, приготовленные неприметно, большая часть сами не зная того, взяли перевес в свете, и по службе, и по отличному своему положению стоя, так сказать, на первых местах картины, сделались образцами для подражания. Новикова и мартинистов забыли, но дух их пережил и, глубоко укоренившись, производил беспрестанно горькие плоды».

Связь либерально-масонского просвещения с революцией не осталась незамеченной современниками. Автор записки пишет: «Должно заметить, что план Новиковского общества был почти тот же, как и «Союза благоденствия»...» Была связь и личная, преемственность поколений непосредственная, так как «сие (Арзамасское. — В. О.) общество составляли люди, из коих почти все, за исключением двух или трех, были отличного образования, или в свете по блестящему пути, и почти все были или дети членов Новиковской мартинистской секты, или воспитанники ея членов, или товарищи, друзья и родственники сих воспитанников. Дух времени истребил мистику, но либерализм цвел во всей красе».

Правительство всячески поощряло сей «дух времени». И мартинисты заполняли чиновничьи палаты, создавали общественное мнение, навязывали свое понимание событий. «Во всех учебных заведениях подражали лицу». Награды и почести, продвижение по службе зависели от потакания либеральному духу. «Свои люди» занимали высокие места в правительственном аппарате. Россия шла к падению, и влекли ее к ГУЛАГУ господа просветители, либералы и прогрессисты. Оформившись в кадетскую партию, они и произвели февральский переворот 1917 года. Одни иудействующие прокладывали дорогу другим, более последовательным и жестоким. Само собой — масонство в правительственных сферах породило юдофильство.

Любая революция начинается сверху, когда власть имущие постепенно проникаются новым видением мира, новым пониманием причин и следствий, должного и сущего. Любое устройство государства имеет сакральный характер. И вопрос только в том, на каких заветах оно построено — христианских или языческих, поклоняются ли в нем богооткровенным истинам и Святой Троице или же Натуре, ее Огненной Душе — Люциферу, великому Гермафродиту. Третьего не дано.

В конце XVIII века в масонских ложах мы видим иностранных купцов, врачей, аптекарей, и среди них в обилии представлены знатные рода русской

аристократии и высшее чиновничество. Оно и прикрывает сверху, своей административной властью, и обеспечивает деньгами масонские предприятия литературно-пропагандистского характера, создавая в России «новый народ» на началах иудео-языческого миропонимания. Бескрылая житейская мудрость эпикурейства одевается в изящные одежды художественной литературы и глубокомысленных философских систем. Россия оказывается на разломе: православие низов и иудаизм верхов.

Нельзя не привести один яркий пример, показывающий, насколько масонство внедрилось в правительственные сферы России.

Г. Р. Державин в своих «Записках»³⁶ рассказывает об одном любопытном

³⁶ Он пишет о себе в третьем лице. Относительно масонства самого Г.Р. Державина:

1. В письмах О.А. Поздеева своим подопечным по масонской линии имеется его письмо Державину среди прочих адресатов, от 2 сент. 1802 г. (ОР РГБ, ф.14, №320, лл. 141-147).
2. Кроме того, в «тайной переписке масонов» (ОР РГБ, ф.147, №6, л.23) в письме видного деятеля в розенкрейцтерстве кн. Н.Н. Трубецкого от 10 сент. 1783 г. находим: «Державин поехал в П. — он, мне кажется, готов быть в ордене. Испытай его, а ежели он таков, как я думаю, то бы я тебе советовал дать ему четыре степени рука на руку, а потом принять в Теор. Степ., впрочем, передаю его твоему благоразумию и осторожности».

Упомянутая 4-я степень — степень шотландского ученика, а в некоторых случаях — мастера. «Теор. Степ.» — это уже первая степень высокого масонства — розенкрейцтерства. Значит, к моменту написания письма Г.Р. Державин уже прошел большой путь внутреннего развития по пути каменщичества. (Ср. из соч. И.В. Лопухина: «Премудрость Божия... может и вне Ордена открывать свет, преимущественно, Храм его освещающий...: тот самым его стяжанием входит уже в существующий союз истинного Свободного Каменщичества и становится сочленом достойных братьев и сынов премудрости, составляющих истинный Орден...» — «О влиянии истинного каменщичества». Лопухин И.В. Масонские труды. М., 1997 г., с.68).

Как видим, к 1783 г. «премудрость» уже открыла свет «храм освещающий» Державину, (см. илл. на с. 279.)

Далее — все друзья его были видными деятелями масонства, и сам Державин пользовался в их среде большим уважением. Более того, его ода «Бог» стала любимейшим произведением среди масонов: Впрочем, всё творчество Гавриилы Романовича во всё созвучно идеям масонства того времени. (Подробнее в работе Г.П. Макогоненко «Анакреонтика Державина» — Г.П. Макогоненко. Избранные работы. Л., 1987 г.).

И ещё: близкие деловые отношения Державина с Новиковым. Некоторые исследователи предполагают, что в оде «Бог» Державин переложил стихами мысли самого Новикова. (См. подробнее Иванов М.В. «Державин и Новиков», XVIII век, сб. 11. Л., 1976 г.). И именно Новикова просит Державин помочь ему в организации типографии в Тамбове.

эпизоде, случившемся в заседании Сената, где он председательствовал в качестве генерал-прокурора высшего судебного органа страны. Гаврила Романович начинает свой рассказ так: «...сзывается Сенат для выслушания некоторого государственного дела. Почему и велел Державин приготовить канцелярии Сената с возможным уважением и припасти нужное, а между прочим и молоток деревянный Петра Великого, хранящийся в ящике на генерал-прокурорском столе». Когда начиналось слушание важных дел, то Петр I ударял по столу молотком, «давая чрез то знать, чтоб обращено было внимание к выслушанию читаемого». Через час, даваемый на обсуждение вопроса, он снова ударял молотком по столу, «давая тем знать, чтоб перестали спорить, садились бы на места свои». Так было при Петре I.

Во время заседания под председательством Державина «сделался великий шум: сенаторы встали с своих мест и говорили, между собою с горячностью, так что едва ли друг друга понимали, и прошел час... Державин несколько раз показывал часы, просил, чтобы садились на их места и давали свои голоса, но его не внимали. Тогда, сев на свое место за генерал-прокурорский стоя, ударил по оному молотком. Сие как громом поразило сенаторов: побледнели, бросились на свои места, и сделалась чрезвычайная тишина. Не знаю, — пишет Державин, — что было этому причиною... по городу были о сем простом и ничего не значащем случае многие и различные толки...» (Державин Г. Р. Избранная проза. М., 1984, с. 224-225). Так ли уж «не значащем»?

Что же могло так подействовать на господ сенаторов? Они при звуке молотка побледнели, испугались, покорились удару сего предмета... Известно слишком хорошо, что сенаторы А.Н. Голицын, гр. В.П. Кочубей, гр. П.А. Строганов, гр. В.А. Зубов были масонами. Да и не только они, а по смыслу описанного эпизода и все другие.

Разгадку поведения сенаторов находим в артикуле 12 Законов Шотландской Директории для андреевских братьев, хранящихся в Отделе рукописей РГБ (ф. 147, № 69, л. 84) и относящихся примерно к этому времени. Здесь читаем: «Молоток в руках Великого Мастера есть орудие начальства, когда звук онаго слышат все братья, какого бы достоинства и звания в Ордене ни были, должны

Неопровержимым свидетельством членства в ордене Державина служит письмо по масонской линии О.А. Поздеева Державину. Надо заметить, что именно Поздеев возглавлял розенкрейцерство, в т.ч. Теоретический градус, упомянутый за двадцать лет до письма Поздеева Н. Трубецкому.

То, что высокопоставленный государственный чиновник Г.Р. Державин скрывал своё членство в ордене — вполне естественно. Положение обязывало. Так же делал, к примеру, знаменитый генерал А.П. Ермолов, членство которого в масонстве, как и Державина, отрицается. Но случайно обнаруженные документы свидетельствуют о том неопровержимо, (см. ниже, гл. «Позднее масонство»).

молчать. Кто, несмотря на сей знак, не повинуется и начнет говорить, накажется яко возмутитель, а особливо есть ли дерзнет возражать при втором ударе».

Понятно, что эпизод, описанный Державиным, ставит вопрос и о распространенности масонства уже во времена Петра, и о возможности того, что многие отделы государственного управления представляли собой практически масонские ложи.

Что же можно было ожидать от правительства, представлявшего секту иудействующих в православной стране? Чего можно было ждать от людей, подчинивших себя не велениям национального долга и обязанностям христиан. а удару молотка Великого Мастера, усвоивших, что Родина — это масонская ложа величиной со Вселенную, что добро и зло есть понятия чисто человеческие и относительные, что св. Евангелие — выдумка для темных и невежественных, и что подлинная мудрость скрыта в Талмуде?

Вполне понятно, что такая власть могла плодить только революцию постоянную и неуклонную, ибо революция есть материализм в действии. Это прекрасно понимали и Ю. Самарин, и К. Леонтьев. «Одним словом, что может противопоставить революционному материализму весь этот пошлый ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ МАТЕРИАЛИЗМ?» — проницательно спрашивал самого себя Ф. Тютчев, глядя, как механические воззрения секты социал-революционеров, отрицающих в принципе моральные устои, расползаются по России. Тютчев же ввел слово «русофобия» в обращение.

...Когда в 1831 году вспыхнуло польское восстание, Герцен и его юные друзья с радостью ждали сообщений о поражении... русских войск. Но и в 1812 году уже обнаружились первые «патриоты»-космополиты, которые ждали Наполеона с радостью в Москве. Наполеон стал для многих кумиром, апостолом просвещения и «свободы». Гиляров-Платонов пишет по этому поводу «Сличая с настоящим временем, приравниваю тогдашних поклонников Наполеона к теперешним либералам-космополитам. То были тоже либералы и тоже космополиты» («Пережитое», кн. 1, с. 83).

Университеты, школы и печать в XIX веке выпекают на свет новую породу людей — стесняющихся своей исторической родины, своего народа, своей религии и жаждущих ВСЕ разрушить и начать снова. Сочинения воспитанника Московского университета Герцена звали к бунту, причем именно тогда, когда Россия и вступила на путь радикальных реформ. Начались «хождения в народ» недоучек, желавших построить мир на основе худосочных брошюр всевозможных западных социалистов. М. Н. Катков имел все основания писать в то время («Современная летопись», 1862, № 23): «Люди, загубившие свой ум и сердце в фразе, способны на всякие эксперименты... и доказывают, что Россия есть обетованная страна коммунизма, что она терпит все, что оказалось нестерпимым для всех человеческих цивилизаций».

Сформированные за годы «дней александровых» кадры чиновников, севших в кресла цензоров и руководителей народным образованием и печатью, птенцы «гнезда» братьев-розенкрейцеров, выпустили на волю печатное слово, проповедовавшее разрушение. Б. Н. Чичерин назвал русскую периодическую печать «мутным потоком, куда стекаются всякие нечистоты, вместилищем непереваренных мыслей, пошлых страстей, скандалов и клеветы». «В России, — писал он, — периодическая печать в огромном большинстве своих представителей явилась элементом разлагающим; она принесла русскому обществу не свет, а тьму. Она породила Чернышевских, Добролюбовых, Писаревых и многочисленных их последователей... всякий, умеющий читать, видит сквозь либеральную маску всюду прорывающиеся социалистические стремления» (см.: «К.Л. Победоносцев и его корреспонденты, письма и записки». т. 1, полутом 1, М.-Пг., 1923. с. 107).

Религиозное образование подрастающего поколения было поставлено из рук вон плохо. Хорошо известно, с каким бешенством встречала либеральная интеллигенция проекты Александра III о расширении сети церковно-приходских школ. В школах Министерства народного просвещения преподавания религиозного практически не было. О системе высшего образования и говорить не приходится. История русская и в университете преподавалась слабо, как отмечают в один голос современники. Герцен был до конца жизни убежден и убеждал в этом других, в том числе своих западных читателей, что русские до Петра своей письменной культуры не имели, кроме разве «Слова о полку Игореве». Он писал: «До XVIII столетия никакого движения в литературе не было. Несколько летописей, поэма XII века («Поход Игоря»), довольно большое количество сказок и народных песен, по большей части устных, — вот и все, что дали десять веков в области литературы». И делал заключение: «...в рабстве или анархии русский жил всю жизнь, как бродяга, без очага и крова, или был поглощен общиной» («О развитии революционных идей в России». — В кн.: Герцен А. И. «Эстетика, критика, проблемы культуры». М., 1987, с. 215, 217).

Несмотря на свое верхоглядство, Герцен имел огромное влияние на учащуюся молодежь³⁷. Июль 1862 г. А.В. Никитенко: «Не пришлось бы нам удивить мир бессмыслием наших драк, наших пожаров, нашего поклонения беглому апостолу революции Герцену, из Лондона, из безопасного приюта командующего на русских площадях бунтующими мальчиками». («Летопись

³⁷ В донесении жандарма Коптева (1859 г., 27 ноября) говорится, что на Нижегородскую ярмарку «Колокол» «привозить могут только евреи, в значительном числе сюда приезжающие». Между 21 и 25 марта 1861 года Герцен «обещает (знакомому — В.О.) зайти вечером, т.к. спешит к Л. Ротшильду». («Летопись жизни творчества А.И. Герцена», М., 1983, сс. 82, 192).

жизни и творчества Герцена», М., 1983, ее. 82, 192, 329).

Но если таков был уровень у прошедших университетскую подготовку, то каков же он был у остальных, не имевших высшего образования молодых людей? Даже по приведенным строкам из Герцена уже виден исток нигилизма. Нечувствие к русской культуре, истории русского народа дало возможность возрасти плеяде революционных разрушителей. И это характерное презрение к прошлому своей страны исходит из самой доктрины «просветительства», покоящейся на идее «прогресса». Теперь историю России начинали от Петра I. До него — мрак, невежество, грязь и пьянство... По этой же логике, другие будут историю начинать с Ленина и Сталина. До этого — мрак, невежество, грязь и пьянство... В дурной голове всё повторяется. Бессмертна только дурь, неспособная видеть свою безмерную глупость.

Русский либерал, сформированный уже к середине XIX века, существенно отличался от западного. Среди наиболее характерных его качеств следует назвать следующие:

- во-первых, российский либерал был тесно связан с революционным подпольем;
- во-вторых, склонен к социалистическому идеалу. Социализм исповедовали из десяти интеллигентов все десять. Кадетская партия, идейные начала которой были положены во времена земских реформ Александра II, предлагала необходимость полного отчуждения земли от крестьянина. Не случайно эта партия была голосом еврейства. «Капитализм» как таковой себе сторонников не находил нигде, кроме среды убежденных монархистов, имея в виду частную собственность при наличии Царской власти;
- в-третьих, принципиально антирусский настрой, неприятие русского, как чего-то отсталого и подлежащего уничтожению;
- в-четвертых, атеизм российского либерализма, лежащий в русле социалистической доктрины. Богоборческий пафос был едва ли не главной движущей силой отрицания всего культурно-христианского и исторического наследия русского народа, здесь видим сильное влияние еврейства;
- в-пятых, антимонархическое настроение, мечта на месте России увидеть Францию и Англию в одном лице;
- в-шестых, двойная мораль, склонность ко лжи, оценке по двойной шкале всех событий. «Революция» или «прогресс» требовали отмены всех христианских норм чести и нравственности.

Первая Дума и Вторая наглядно обнаружили все эти черты. При сообщениях об убийствах солдат, городских, губернаторов или тех, кто был случайно рядом

и был разорван бомбой террористов, интеллигентная либеральная Дума буквально вопила и скандировала — «Мало, мало!» и тут же требовала амнистии убийцам. Николай Алексеевич Маклаков, министр внутренних дел (1912-1915), в своей записке Царю (1914 г.) совершенно правильно указывал, что в России может быть только социалистическая революция и никакой другой. Министр внутренних дел знал настроение интеллигенции, в том числе и самой либеральной...

Что принес нам социализм — говорить не приходится. Но он пока еще не ушел никуда. Он, этот мечтательный рай, живет в наших оценках и привязанностях, в нашем аморализме. Как результат, Россия стала, в сущности, еврейской страной.

Социализм, по определению его теоретиков, — это когда место духовной веры в личного Бога занимает «сознание бессилия отдельного человека, который для своего усовершенствования нуждается в общественной организации и в силу этого подчинен ей» (Иосиф Дицген). Это когда самым главным становится «постоянный рост чувства связи всего Вида. Чувство это вдет параллельно с чувством коллективного строительства» (А. В. Луначарский). Отрешиться от себя, конкретного, призывал Маркс, чтобы почувствовать себя человеком абстрактным, родовым, т.е. «пролетарием».

КАББАЛИСТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА РЕВОЛЮЦИИ

В основе масонства лежат легенда, ритуал и символ. Учение дается не столько словами, сколько в образах и «иероглифах». Одним из основных тезисов каббалистического оккультизма, легших в основу многих общественных и политических движений и теоретических построений, является представление о темной, пассивной массе, символизированной в ложах «диким камнем», которой противостоит Огонь, пламень мощного преобразующего Разума, символизированного солнцем, пятиконечной звездой, пентаклем Соломона.

Масон сбрасывает с себя «ветхого Адама», то есть предрассудки своей Родины, своего народа, отказывается от исторических заветов своих отцов. Прошлое для него проклято и есть мрак и невежество. Он стал тем, в ком владевает «разум». Символически — он стал кубическим камнем, в котором загорелся свет «центрального, универсального Огня» — пятиконечная звезда. Теперь можно заняться и остальным человечеством:

«Очищая и исправляя наших членов, мы стараемся исправлять и весь человеческий род», — говорится в масонской рукописи. (ОР РГБ, ф. 147, №14, л. 5). Разум внедряется в темную стихию народных масс, чтобы освободить скрытые в ней искры духа из коры, темницы предрассудков. Луч света в темном царстве... Преобразователь, который есть «един с Иеговой», смело берется за

дело, ведь «деятельный исполнитель орденового учения ходит в небе и претворяется еще в жизни сей в небесного обитателя» (там же, № 3, л. 5). Любопытно, что свое просвещение люциферианским светом Разума и очищение он получил частью от начальников, а «частью от Сатаны, коего употребляет Бог для очищения душ» (там же, №2, л. 37).

Как эта доктрина осуществлялась в учении социалистов, можно видеть из следующего отрывка, взятого из газеты «Искра» (М) 1, 1900 г.), органа российских социал-демократов: «Социал-демократия есть единение рабочего движения с социализмом, ее задача... представительство интересов всего движения в целом, указание этому движению его конечной цели», «задача, которую призвана осуществлять русская социал-демократия: внедрить социалистические идеи и политическое самосознание (внедрить самосознание! — век думай, не додумайся. — В.О.) в массу пролетариата и организовать революционную партию, неразрывно связанную с стихийным рабочим движением».

Разум формирует материю и, реализуя себя, совершенствуется. В темной массе загорается огонь самосознания. Масонская эмблема — роза на кресте выражает именно этот смысл основного догмата вольных каменщиков. Не менее интересным представляется и идейная установка программы российских социал-демократов, принятой на II съезде этой партии: «Ставя себе задачу сделать пролетариат способным выполнить свою великую историческую миссию (кем, интересно, на него возложенную? — В. О.), международная социал-демократия организует его в самостоятельную политическую партию, руководит всеми проявлениями его классовой борьбы, разоблачая пред ним непримиримую противоположность интересов эксплуататоров интересам эксплуатируемых и выясняет ему (бессознательному несмышленишу. — А. О.) его историческое значение и необходимые условия предстоящей социальной революции».

«Внедрение самосознания» в тело, массу, плоть с тем, чтобы эту массу выстроить в ряды работников, распределенных по профессиям и способностям на строительстве храма новой общности людей. Строительство ведется по чертежу Великого Мастера Вселенной потомком Люцифера и Каина Хирамом. — Эта масонская легенда, даваемая в различных вариантах, формировала сознание не одного поколения революционеров, «сознательных интеллигентных работников» всего мира. Формирует и сегодня лагерь «демократов»³⁸.

Обратимся еще раз к эмблеме Креста и Розы. Крест в этой символике — это число «четыре», и означает Иегову (в написании — ИХВХ), знак реализации Единого мирового Духа в материальном мире, того самого универсального

³⁸ См. в конце книги, в ч. IV «Орден Орла и современная власть в России».

гермафродитического Огня, о котором уже шла речь.

Рождение масона-революционера в одной масонской рукописи описывается так: «Из образования дикого камня в кубический произойдет квинтэссенция (пятая сущность — огонь Разума, оживотворяющего природу. — В.О.)... или от проклятия освобожденная пятая стихия мудрых». (ОР РГБ, ф. 147, № 114, л. 5 об.) Нельзя не вспомнить слова песни — «вставай, проклятем заклеянный». Это не случайное совпадение, а один строй мысли. Далее следуют рабы...

Надо ли говорить, что все основные понятия в социал-демократических документах имеют двойное толкование: «рабочий», «пролетарий», «сознательный», «освобождение», «равенство», «власть народа» и пр. Их основа в эзотерике.

Мысль о том, что российская социал-демократическая партия как-то соотносится с масонским орденом, приходила в голову не только черносотенцам. В мае 1906 г. «Насьональ ревю» писала, что в России «социал-демократы владеют сплоченною, дружно работающей организацией и подобно иезуитскому ордену и итальянским масонам образуют олигархическое учреждение, управляемое, группой немногих лиц», (см. Архив, мат., 21.)

Содержание учения социалистов-демократов, лексика, символика и весь строй мысли их доктрины позволяют думать о самой тесной связи с упомянутыми организациями. Опубликованные воспоминания и документы говорят об этом прямо и недвусмысленно, (см.: Николаевский Б. Русские масоны и революция. М., 1990).

Не следует забывать при этом, что в масонстве «всякий Ритуал соответствует всегда либо политической, либо философской необходимости» (Папюс. «Развитие масонских символов». СПб., 1911 г., с. 11). Таким «ритуалом» может быть большевизм, демократизм, плюрализм и любой другой «изм», скрывающий за подобранной на злобу дня внешней оболочкой сущность своей безбожной, антихристианской власти, власти меньшинства безродной и безытной организации над коренными, историческими и христианскими началами. Речь идет о власти не просто «малого» народа над «большим» и коренным, что бы ни скрывалось за этими эвфемизмами, иносказаниями, а о власти безытности, безродности, злобности, ненависти ко всему исторически сложившемуся и самобытному.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Революция в России имела три этапа от Петра I до прихода к власти большевиков. Первый этап: оттесняется и вытесняется из государственной и общественной жизни церковь. Она низводится постепенно на роль обряда государственных ритуалов и «моральной школы» для простонародья. Школьная программа строится таким образом, чтобы воспитать атеиста и материалиста, то

есть — социалиста.

Второй этап: низведение дворянства с пьедестала правящего слоя и его неуклонная дискредитация органами печати. Как известно, и книгоиздательство, и периодическая печать с XVIII века находились в руках людей, объединенных в масонские ложи. С середины XIX века она переходит в руки евреев. И это было идеологическим предприятием. Дворянин становится «крепостником», «реакционером», «эксплуататором» и «кровососом» и даже «паразитическим классом», давая едва ли не половину всей сельхозпродукции в стране. Дворянство с реформами Сперанского постепенно вытесняется из сферы управления государством. Реформы 60-х годов XIX века его целенаправленно разоряют. Крестьянство, потеряв опору духовную в церкви и культурно-хозяйственную в дворянине, постепенно, но довольно быстро дичает и становится легкой добычей демагогической пропаганды социалистов всех оттенков. В деревнях к началу XX века нарастает хулиганство, уголовщина становится обыденным явлением.

Третий этап: ограничение Самодержавия сословием чиновничества. Его растворение во власти министерств, подмена Государственной Думой, созданной недоброй волей канцелярского масонства и Николаем II, и Его падение в феврале 1917 г. А вместе с ним, как и предсказывали представители правых монархических организаций, пала и сама Русская государственность и начался непрекращающийся судебный процесс над русским народом и его казнь из года в год: лагерями, пулями, голодом, а главное, развращением. С позиций иудаизма судится русское Православие и Самодержавие, то есть сама суть русской народности.

Большевики обвиняют русский народ в том, что он угнетает другие народы и должен за это ответить в будущем. (См.: Ленин В. И. ПСС, т. 23-24, в т. ч. «Критические заметки по национальному вопросу».) Нынешняя власть сменила вывески, но осталась той же по сущности.

Православие обращено к личности, ибо мир создан личным Богом, источником нравственной правды. Иудаизм и масонство не знают личности, но знают лишь клетку, часть коллектива, вида, класса. Этот взгляд на мир и на все, — что в нем, как на некий механизм — шестеренками, шкивами, «энергией» и «каналами», по которым она истекает на мир благодаря «святому народу Израиля», и стал внедряться в сознание русского общества, и небезуспешно. Исчезли морально-религиозные устои. Следствие — шкурничество, лживость и трусость стали всеобщими. Когда Луначарский писал о К. Марксе: «Он стал на сторону Сатаны. Он отверг справедливость... Он признал рост экономических сил за самое главное, всеоправдывающее, за единственный путь» («Религия и социализм». СПб., 1908, т. 1, с. 188), — то выразил саму суть и иудаизма, и социализма, и масонства.

Путь жизни — это жизнь в церковной ограде. Что такое «ересь утопизма»? Это и есть иудаизм, проводимый масонством в жизнь других народов и стран. Что такое подлинная реальность? Это благоухающее Православие, луг духовный.

1992 год.